

**Всероссийский конкурс
исторических работ
старшеклассников
«Человек в истории.
Россия – XX век»**

Работы из Красноярского края
и Республики Хакасия

ПИК ОАО «Офсет»
Красноярск 2008

УДК 94(47).084.9

ББК (63.3(2)622)

В37

Издание осуществлено при поддержке Фонда Михаила Прохорова
(Благотворительного Фонда Культурных Инициатив)

Подготовка рукописи, вёрстка, редактирование и корректура Алексей
Бабий

Дизайн

В оформлении использованы материалы архива Красноярского общества
«Мемориал»

Всероссийский конкурс исторических работ
старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». Работы
из Красноярского края и Республики Хакасия.
Красноярск: ПИК ОАО «Офсет», 2008. — 352 с.

УДК 94(47).084.9

ББК (63.3(2)622)

ISSBN

© Красноярское общество «Мемориал» 2008

© ПИК ОАО «Офсет» 2008

Не академик, не герой, а просто плотник...

Всероссийский конкурс исторических работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век», который вот уже десять лет организует Международное общество «Мемориал» — необычен. Призеры разных официальных конкурсов, особенно проводящихся под громкие даты, глотают на нём горькую слюну, потому что фанфары и барабанный бой сразу переводят конкурсную работу в низшую категорию. А побеждают серьезные, вдумчивые работы, рассказывающие о самых обычных людях и о том, как они пережили свою жизнь в двадцатом веке. В судьбе самой обыкновенной бабы Мани вдруг, как в капле воды, отражается вся немыслимая российская история последнего века. Вернее было бы сказать «как в капле слезы», потому что век этот выдался на редкость урожайным по части всяческих лишений и испытаний.

Однако, вопреки распространенному заблуждению, тематика конкурса гораздо шире истории политических репрессий. Правильнее было бы обозначить тематику так: «история повседневности». История простых людей — собственных бабушек, дедушек, односельчан — не менее важна, чем деяния великих. Она учит ценить важность жизни каждого человека. Школьник, написавший такую работу, прочувствовавший судьбу своего героя, не будет относиться к человеку как к винтику государственной машины. Это — своеобразная прививка от тоталитаризма.

Конкурс отличает внимание к деталям. Рассказывая о деде-фронтовике, недостаточно перечислить его подвиги. Надо вжиться во фронтовой быт, надо узнать, где и как сушили шинель после того, как по-пластунски ползли в ней по болоту, надо понять, как изменился человек на войне. Рассказывая о судьбе женщины в Гулаге, не стоит произносить дежурные фразы о бесчеловечности сталинского режима, зато стоит выяснить, как женщины в лагере осуществляли хотя бы минимальный уход за волосами, как справлялись с тем, что сейчас деликатно называется «критическими днями», а главное — как они умудрились остаться женщинами после долгих лет жизни в лагере, который выкорчевывает из человека не то, что всё женское, но и всё вообще человеческое.

В конкурсе очень ценится самобытность и самостоятельность. Подробно расписанное генеалогическое древо до седьмого колена — это, конечно, хорошо (многие школьники, увы, и имени своей бабушки не знают), однако историю рода надо еще и осмыслить. Если из работы видно, что автор не только кропотливо собрал материалы, но и понял и прочувствовал их — работа получит высокую оценку.

Читая конкурсные работы, понимаешь, что непрерывный плач о том, что молодежь нынче пошла не та, не соответствует истине.

Проблем хватает, но хватает еще и светлых голов и светлых душ. Особенно в провинции.

Можно было бы сказать, что в этот сборник вошли все лучшие работы из Красноярского края и Республики Хакасия. Но это будет неверно. Некоторые работы уже были опубликованы в журнале “День и ночь”, в Книге памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Многие работы, достойные опубликования, сюда не попали из-за малого размера книги. Мы были вынуждены ограничиться только одной работой от научного руководителя, а ведь многие учителя присылают замечательные работы ежегодно. Да и опубликованные в сборнике работы пришлось подвергнуть сокращению, иногда значительному, чтобы вошло как можно больше работ. Некоторые достойные работы не удалось сократить, и они не вошли в книгу. Убраны приложения, фотографии, в некоторых работах — список литературы.

Впрочем, вы всегда можете прочесть работы в полном объеме на нашем сайте www.memorial.krsk.ru, в разделе “Наша работа”/Всероссийский конкурс исторических работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». Там же находятся и работы, не вошедшие в сборник. Замечу, что многие работы переведены нами на английский и немецкий языки, и опубликованы в соответствующих языковых разделах сайта.

*Алексей Бабий, координатор конкурса по
Красноярскому краю и Республике Хакасия*

«И всё на свете...» (жизненный путь Ильенко Оксаны Григорьевны)

Розалия Лёвина, Оксана Козлова

*Красноярский край, Ирбейский район.
Степановская средняя общеобразовательная
школа*

Руководитель В. Я. Оберман

В один из октябрьских вечеров мы посетили Оксану Григорьевну Ильенко. Это бабушка одной из нас, а именно Оксаны Козловой. По настоянию учителя мы записали рассказ этой женщины – свидетеля одной из трагических страниц в истории государства. И поняли, что судьба бабушки Оксаны неразрывно связана с судьбой страны. Мы попытаемся это доказать.

Корни

Родилась Оксана Григорьевна на Украине 6 февраля 1932г. в Черниговской области в городе Короп. Родители маленькой Оксаны когда-то переехали из Белоруссии, семью называли «беженцы». Убегали от революции к родственникам на Украину. «Туда приехали, не успели доехать, а там уже та же лавочка».

До этого списались с родственниками на Украине, здесь было пока спокойнее, и переехали. Мама устроилась прислугой. Но когда и на Украине началась революция («зачатие революции»), хозяин вышел на крыльцо и сказал своим работникам: «Теперь я вам не пан, а вы мне уже не прислуга. Ищите себе место, где хотите!».

Отец по профессии был сапожником, очень интересовался политикой. К этому времени уже овдовел. Жена отца Марина умерла в 1924 г. У нее болели зубы, врач прописал зубные капли. Их надо было пить строго по норме. Но она выпила больше, чем рекомендовали, и умерла. Другой врач после смерти спросил, что давали, и забрал оставшиеся капли.

Затем отец женился вторично, а в 1932 году родилась бабушка Оксана. «Я уже родилась, и не вскорости, да, конечно, уже от моей матери».

Братья

У отца осталось после первого брака три сына: Михаил, Петр, Иван. Самый старший Михаил был «добродушным», и маленькая

Оксана его побаивалась. Он служил сверхурочную службу на Дальнем Востоке в городе Сучан. Михаил любил делать сестренке подарочки, как заработает денег, так присылает то шапочку, то платье, то ботиночки.... Но все равно страх перед старшим братом оставался, не проходил. «А Петро был самый средний, с его, как с латыша, ничего нет. А я не дам ему проснуться, как проснусь сама, так и его разбуду, и лязию на нем, балуюсь, и всё на свете...»

Младший брат Иван подался в колхоз, поработал немного в колхозе, а потом завербовался на Камчатку. Здесь работал на рыбных промыслах. Работал на плавучей базе, «на таком большом суду, что и ловят, и консервируют, и всё на свете, ага». Когда началась Великая Отечественная война, вышел лозунг: «Все для фронта, все для победы!» Вот Иван и старался сделать свой вклад в оборону страны. К сожалению, младший из братьев попал под бомбежку. Еще живого его доставили во Владивосток, где он скончался от ран. Семья получила похоронку: «Пришло нам известие». Это произошло «ну, примерно – война не кончилась - в 1944г ».

В рассказе бабы Оксаны присутствует упоминание о революции 1917 года. И если ребенок с 4-5 лет помнит яркие события своей жизни, то, как же бабушка Оксана зафиксировала в сознании такое событие как революция, очевидцем которой она не была. А все – просто. Семья хранила в памяти это «крутое» событие и семья передала девочке память о том переломном моменте. Обратим внимание на восприятие ребенка, она говорит «зачатие революции» вместо «начало революции». Возможно, это связано с чисто женской психологией: «зачатие революции» как зачатие ребенка, как начало новой жизни. А почему семейная память хранит это событие? Да потому что оно непосредственно связано с судьбой семьи. Ей пришлось переезжать на новое место, получается, что семья убегала от революции. А почему? Видимо, семья не приняла этой революции. Революция нарушила привычную жизнь, сорвала людей с места, оторвала от родных корней. Может быть, здесь кроется причина дальнейших переселений уже семьи бабушки Оксаны. И наверняка это повлияло на судьбу старших братьев, их тоже судьба раскидала по всей стране. Что же они все искали? Наверно, искали лучшую долю. Значит, революция не совсем благо для простого человека, если имеет такие последствия.

В сегодняшней речи бабушки Оксаны мы часто в конце предложения слышали интересное выражение: «и всё на свете». Что оно означает? Возможно, здесь недостает слова «такое». Тогда будет звучать так: «и всё на свете такое». А это по современному можно интерпретировать как концовку предложения: «и так далее» или «и тому подобное». То есть, таким образом наша собеседница дает понять, что далее следуют еще какие-то действия, события, но перечислять их она не считает нужным. Предполагает, что мы должны сами домыслить, дофантазировать последующие факты.

Сделав такой комментарий, хотим подчеркнуть, что одно яркое событие из истории страны уже непосредственно наложило отпечаток на судьбу нашей героини. Волны революции, так или иначе, накатывались на Оксану Григорьевну и ее семью. И может быть, запрограммировали ее дальнейшую судьбу.

Мы не смогли объяснить выражение «с его, как с латыша ничего нет». Можно предположить, что это означает бедного человека, который ничего не может дать.

Жмых

Кушать в то время вдоволь не приходилось. Большого голода баба Оксана не вспомнила, но привела пример, который раскрывает полуголодное существование. Недалеко от их дома располагался крахмальный завод, что перерабатывал картошку из соседних районов. Крахмал вывозился в Киев для использования в нужных целях «на эти фабрики. Что там из него делали, кто знает, крахмал куда годился». В процессе приготовления крахмала использовалась центрифуга. Продукт оттуда выходил «почти сухой уже». При этом получалось большое количество отходов. Местные жители, в том числе и семья бабушки, использовали отходы. И для подкормки свиней, и для поддержки семьи. Но отходы эти людям свободно не давали. Их накапливали в деревянной ёмкости и отвозили в совхоз. «А когда уже ночью там мужики соберутся, да прорвут защиту эту, что держала, оттуда, как польёт». Тут уже жители не терялись, выносили, кто сколько смог. Дочиста подобрать было нельзя, так как внизу болото. Из этого жмыха (остатков) лепили коржики, прожаривали на сковородке. Приходилось девочке наблюдать, как из этих коржиков «уже черви вылазят». Что очистят, что поджарится. И это приходилось кушать. «Вот такое ели!» А добавить туда нечего было. На наш вопрос про растительное масло баба Оксана воскликнула: «Да что ты туда добавишь! Соль только». Да и то её было мало, а то и вовсе не было. За солью надо было ходить пешком в соседний район и на себе приносить. То есть питание в то время было довольно скудным. А позже во время войны «по щавель ходили, по кислоту. Щавель рвали и парили». На вопрос об использовании крапивы, как это делали в Сибири, бабушка сказала: «Крапива была, как-то она не пользовалась популярностью. Крапива шла свиньям». Голодно жилось людям и после войны.

Можно только удивляться, как при таком питании люди дожили до 70 – 80 лет (некоторые до 90 и более). Бабушке Оксане сегодня 73 года, прадедушке Розы 1 декабря исполнилось 97 лет, а дедушка Розы прожил всего 56 лет. Полуголодную жизнь испытали все старшие поколения. Возможно, это послужило своего рода закалкой организма. Отсутствие большого количества сладостей, жиров, наличие простой, грубой пищи – всё это способствовало сохранению внутренних органов.

Недаром, врачи советуют иногда поголодать, чтобы очистить организм от шлаков. А у них это происходило без рецептов медиков. И вообще, трудности, стремление выжить, преодоление всех невзгод в жизни – всё это мобилизовало внутренние силы человека. Вот и живут наши старики и старушки долго. А многие молодые сегодня умирают в 30 – 40 лет, особенно - мужчины. Вот и возникает вопрос: Почему в прежние годы, несмотря на голод, войны население постоянно росло? А в последние годы, когда нет голода, войн народ вымирает?

Чернильница

Когда девочке исполнилось 7 лет, пошла она в школу. Это было ещё до войны. Школа была хорошая, каменная. В городе были и другие каменные здания. Например, еврейская синагога. Это большое кирпичное здание с рисунками, в основном белого цвета, но некоторые места голубые. Здесь проживало много евреев. После войны здесь находилась редакция газеты: «Радянска Коропщина». Радовали душу школьнице и 7 сохранившихся церквей: Михайловская, Спасская, Троицкая, Пречиста, Воздвиженская, Вознесенская, Ильинская. Все построены на деньги богачей.

Родители справили первокласснице портфель, сшили из полотна, «полотно – это такая крестьянская ткань. О, какая была красота». Из школьных принадлежностей бабушка запомнила чернильницу, которую каждый день надо было носить с собой. Она помещалась в небольшую сумочку, а сверху затягивалась как рюкзак. Бывало, что руки у школьницы пачкались чернилами, потому что как ни старайся, чернила могли пролиться. Однажды на Оксану по пути из школы напала собака. Девочка сильно испугалась, но не растерялась и кинула чернильницу в собаку. Этим отвлекла ее внимание и благополучно добежала до дому. А что же чернильница – главный предмет школьника? От страха Оксана забыла о том, куда подевалась чернильница, думала, что потеряла. «Это я потом вспомнила, что собаку отгоняла. Одно добро было».

Уважительно вспоминает бабушка о букваре, о других учебниках, которые появятся уже после войны. С любовью называет первого учителя. В 1 классе ее учил мужчина, его звали Юрий Алексеевич. «Такой хороший, терпеливый, да, хороший мужчина. На газетах писали. Чернила-то было, напишешь поверх газеты, так видать все равно. Там и никто не требовал красоты. И всё на свете. Лишь бы правильно учился писать». Так начинала учебу Карминская Оксана.

В этой части рассказа нам любопытно было сравнить возраст поступающих в школу в 30-е годы и в наше время. Оказывается, возраст был одинаков, мы тоже поступили в школу в семилетнем возрасте. Мы также с нежностью вспоминаем первые буквари, первые учебники, первые школьные песни. В отличие от условий 30 – 40 г.г. мы пишем на бумаге, у нас прекрасные тетради. А насчёт «красоты» можем сказать одно:

вплоть до старших классов нас заставляют вырабатывать правильный почерк, т. е., добиваются «красоты». И здесь биография бабушки Оксаны неотрывно связана с историей страны. Вся страна училась.

Оккупация

Ещё до войны в городке Коропе начались подготовительные работы. «Ещё войны не было, а наслышка была, что что-то должно состояться». Возле крахмального завода на том самом месте, где была песчаная куча, построили бомбоубежище. В нём были устроены вход и выход. Сверху положили накат из брёвен, «песку, и всё на свете, так, чтоб, если упадёт большое что, так не разобьёт».

Старших братьев Михаила и Петра с началом войны призвали в Армию, их возраст подлежал призыву. Михаил «был уже коммунистом в ту пору». Отец был уже в годах, «уже не подлежал никуда».

Немецкие войска продвигались очень быстро. «В 41 году они самый бросок сделали, потому не подготовленные были наши, они хорошенько продвинулись». По началу с местным населением «не очень грозно поступали». На квартиру Ильенко встали человек пять немцев во главе с офицером. Это было видно, потому что он «командовал хорошо». А ещё накануне войны населению объяснили, что немцы как звери, что они с рогами. Но когда они пришли, и дети увидели их, то оказалось, что на вид они не страшные, а форма на них очень красивая.

Восьмилетней Оксане с приходом немцев пришлось наблюдать всякое. У одного мужчины «такая мода была»: потянуть носом и сплюнуть. И как раз под рукой не оказалось «никакого черепка», куда сплюнуть. «Как увидели они этот плювок: — Как это так, шмыргнул и плюнул! — Так они мордой вытирали. — Нам тут надо спать, а ты такое делаешь!» Спали немцы прямо на полу на соломе, «не очень-то им выстилали». Иногда девочка слышала, как немцы называли русских «швайн», т.е. свиньями. Но долго они не задержались, уходили с фронтом дальше. А на местах оставались староста из наших, да комендант, да наши же полицейские. Последних набирали из тех, кто сбежал с войны или в плен попал. Так началась оккупация.

Как далекий сон вспоминает бабушка Оксана начало войны. И хоть давно это было, но картины прихода немцев в город она помнит до сих пор. В памяти и бомбоубежище, и быстрое продвижение противника, и организация «новой» власти... И всё это реальные факты. Раз построили бомбоубежище, значит, готовились на случай прихода врага. Скорей всего бомбоубежище построили уже тогда, когда стала доставать вражеская авиация. Обратим внимание, что детвора в основном жила в убежище, ведь квартира была занята. А родители иногда посещали квартиру по делам.

При своей высокой культурности новые хозяева позволяли себе пренебрежительное отношение к русскому и украинскому народу. Да, они были господа

и вели себя по-господски, проявляя заносчивость и высокомерие, считая наш народ второсортным. За что и будут наказаны в конце войны.

Еще ребёнком баба Оксана увидела и предательство со стороны некоторых своих земляков. Что их толкало на это? Возможно, ненависть к советской власти, возможно, необходимость просто выжить, а может просто страх и трусость. Все, кто смалодушничал, позже получат свой приговор. А для нас это повод задуматься и укреплять свою волю.

Поросёнок

Однажды в городе началась бомбежка. Осколки от снарядов разлетались по улицам, домам. Дети спрятались в убежище. «Отец пошёл домой. А там поросята у нас были. Поросяте одному попало, значит, в ухо, а другому – в живот. В сарай ж попала бомба или снаряд, кто его знает. Так отец кишки вытащил на месте, там, в мешок порося сунул и униз. А там, если снаряды падали, и всё на свете, а там болотистая местность: ямки с водой от взрывов. Факт то, что ямки были водой наполнены. Отец уже туда и разжёл там, что он насобирали. Ага, чтобы осмолить его. Только зажёл, и задымилось. Эх, как попрут снаряды! Так он за этого порося (какое было) и оттуда. Ага!»

Если дети были в укрытии, то девочка не могла видеть этого приключения. Но, видимо, со слов взрослых она хорошо запомнила его содержание. Отец побежал на защиту животных, а когда увидел раненного поросёнка, решил поступить по-хозяйски: обработать его. Для чего? Да, для питания семьи. И хотя была смертельная опасность, чувства хозяина оказались выше страха. Отец и под бомбёжкой выполняет свою крестьянскую миссию. Издесь действует хозяйский расчёт. Разведённый на болоте костёр демаскировал отца, дым от костра послужил хорошим ориентиром для вражеских лётчиков. Рискованный, мужественный поступок завершился благополучно, поросёнок не пропал даром, его съели. Речь бабушки Оксаны совсем не литературная, предложения строятся больше по эмоциональному признаку. Часто используются ж, там, эх, ага, уже.... «Там» означает, вероятно, окраину города, болото, песок. «Уж» заменяет слово «побежал» или «двинулся». Они не произнесены, но означают действие, предпринятое отцом. «Ага» служит подтверждением того или иного действия. А может, служит для заполнения паузы между мыслями. «Разжег там» что? Костёр. Но автор рассказа не называет «костёр», а то, «что он насобирали», вероятно, хворост. Больше здесь подходят глаголы «поджёл» или «зажёл». И какого рода «порося»? «Какое было». Выходит средний род.

Die Schule

Во время фашистской оккупации в городе Короп было налажено обучение детей. Но теперь уже нашей Оксане пришлось изучать немецкий

язык. Так что в 3 и 4 классах она, поставленная в новые обстоятельства, наверно, против своей воли и желания вынуждена была изучать иностранный язык, причём, язык вражеской страны. Ребёнок продолжал ходить в школу, старательно учился. До сих пор Оксана Григорьевна помнит немецкую азбуку и даже немного этим гордится. Она тут же продемонстрировала свои знания: А, В, С, D... «Я так русскую не расскажу, как эту. А как же». Были и уроки музыки, «всё песенки пели». А учительницу звали Варвара Фёдоровна. Иногда в школу наведывался комендант города и проверял знания и умения учащихся.

Из этого факта следует, что «новая» немецкая власть рассчитывала на долговременное пребывание на нашей территории. Она подготавливала детей для службы «Великой Германии» в будущем. И чувствуется, что знания давались настолько прочные, что баба Оксана до сих пор помнит чужую азбуку и многие слова.

Казнь

В памяти рассказчицы всплыл ещё один факт, связанный с периодом оккупации. Только не помнит точно, когда это было, в каком году. Фашисты устроили в городе показательную расправу над партизаном. На площади была устроена виселица: «вот так столб (показывает руками) и вот так и перекладина (снова показывает)». Полицейские останавливали всех: и детей, и взрослых. «И вот поостановили всех прохожих» и не разрешали никому уйти с места казни. Да ещё следили, чтобы никто не закрывал глаза. Чтобы унижить партизана и нагнать на жителей побольше страха, его заставили самого нести табуретку и «верёвочку». Приговоренный к смертной казни человек, «чтобы это всё быстрее кончилось, на табуретку встал, петлю сделал, на голову одел». Тут же подбежал наш полицейский, ударил носком сапога по табуретке. Она отлетела. Повешенный зевнул, не издал «ни звука, ничего. Только пена пошла со рта и замёрзла». Дело было зимой.

Удручённая увиденным, Оксана возвратилась домой. Мать попросила дочку залезть на печку и открыть трубу. Но она боится, ей «мерещится всё этот вешанный». Она так перепугалась, «что, ой, ой, ой!» Казнь прошла на глазах у детей, немцы своего добились, дети были сильно испуганы. «Лучше бы, чтобы не видеть всё это». Немцы исполняли «чистую работу», а казни и расправы заставляли совершать местных, т.е. полицейских. «Это всё свои голубчики». На рукавах у них был какой-то особый знак, форма была синяя, вооружены были «винтовками». Немецкие пособники за свою преданность и службу получали вознаграждение, имели льготное обслуживание в магазинах. «Помню, пришла я за хлебом или за чем-то в магазин. Мать послала. И девочка вошла в магазин, моя ровесница, дочь полицейского по фамилии Прядун Фёдор Иванович – это по-украински. Вот уже там посмотрели, а у них список, отметили и, что положено, выставили».

На казнь всегда сгоняли народ с целью запугивания. В данном случае согнали и детей. Но может быть, эта жестокость вызовет противоположный эффект. Кто — то испугается, а кто — то ещё сильнее будет бороться с новыми господами, чтобы изгнать врага с родной земли.

Отметим и хрестоматийный факт: немцы пытались уничтожить украинских, русских партизан чужими руками. И такие «голубчики» всегда находились. Почему баба Оксана называет их «голубчиками»? Ведь «голубчики» это что — то ласковое, доброе, нежное? Но, видимо, вкладывает в это слово свой особый смысл: с одной стороны, это наши люди, с другой, они стали предателями. Называя их «голубчиками», она выказывает неуважение к ним, это чувствуется по интонации и оттенку голоса. Даже ребёнок заметил, что оккупанты специально «подкармливали» тех, кто им преданно служил. Они имели привилегии. Но думается, простые люди их презирали и ненавидели. И если бы Оксана была мальчишкой, она бы тоже, возможно, стала помогать партизанам. Дети тоже участвовали в войне.

Яма

Мы уже отмечали, что в городе Короп проживало много еврейских семей. Среди них было очень талантливые, они работали портными, переплётчиками книг, врачами — всё это были мирные профессии. С началом войны некоторые семьи начали разъезжаться. А когда пришли в город фашисты, они собрали молодых и сильных евреев и заставили копать большие ямы, делать песчаные насыпи. Евреи не знали, для чего это производится. Но многие в душе понимали, для чего копаются эти ямы.

В один день евреев собрали на полицейский участок, объяснили, что их повезут на свою родину, к соотечественникам. Посадили на телеги и повезли. Безоружных, доверчивых, надеявшихся на обещание немцев. Но их повезли в лес, к ямам. Один больной на голову еврей, почувствовав неладное, спрыгнул с воза, чтобы убежать. Его тут же застрелили. А тело снова бросили на телегу к ещё живым, но теперь понявшим, куда и зачем их везут: на какую родину? На смерть их везут!

Повезли дальше. Привезли к ямам. И заставили всех проходить по бровке — краю ямы. И повели методичный расстрел уже не партизан, а мирных евреев. Выходишь на бровку, выстрел, падаешь в яму... И так — десятки человек было расстреляно.

А один был наш, украинец, не скрывшийся. Он был только ранен, но всё равно упал в яму. Потом как — то выбрался и вылечился. Позже решил сдаться немцам, рассчитывая, что эта власть будет навсегда. Но его всё равно «застрелили».

По смыслу рассказа об этом эпизоде и описанию его деталей видно, что б. Оксана не была прямым свидетелем этой расправы. Да и кто бы туда подпустил детей и взрослых — лишних свидетелей. Это делалось

тайно, без лишних посторонних глаз. Почему в одном случае при повешении партизана сгоняли людей на площадь, а при массовом расстреле — нет? Наверно потому, что это был именно массовый расстрел. Что каратели боялись широкой огласки таких расправ. Видимо, чувствовали, что в будущем наступит возмездие. Тем более, что поступали очень цинично. Обманули людей обещаниями вернуть их на родину и подло всех расстреляли.

Школьница Оксана Ильенко, скорее всего, узнала о данном эпизоде из рассказов взрослых. Сохранила в своей памяти, донесла до нас. Такое не забывается. Здесь опять видим неразрывную связь истории одного человека с историей страны. И даже больше — с историей мира. Ведь «Холокост» проводился всюду, куда ступала нога фашистов.

Молитва

Что помогло людям выстоять в лихое военное время? Откуда черпали силы? Что их поддерживало в нелёгкие годы оккупации? Можно рассуждать о советской или коммунистической идеологии, о преданности Родине, о ненависти к врагу, о мести, наконец, а что говорит юная свидетельница оккупации Оксана? По её словам все испытания помогла выдержать вера в Бога. Молитва «Отче наш», которую с ней выучил отец. «Вот там, в огороде сидела и выучила на память. И сейчас знаю: «Отче наш, иже еси на небеси! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твоё, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим, и не введи нас во искушение, но и избави нас от лукавого»».

Помнит бабушка и другую молитву: «Верую во единого Бога-отца — вседержителя, творца неба и земли, видимого же всем и невидимого, во единого господа Иисуса Христа, сына Божьего, едиnorodного иже от отца рождённого прежде всех век света от света истинного, Бога истиннорождено, не сотворено, единосущно отцу им же вся биша нас ради человек, нашего ради спасения, сшедшего с небес и воплотившегося от Духа свято, и Марии Девы и вочеловечился и распятого же ни при Понтистии Пилате, и страдавшего, и погребенного, и воскресшего в третий день по Писаниям, и вошедшего на небеса, и сидящ о десною Отца, и паки грядущего со славою судиты и живым и мёртвым. Его царствию не будет конца и у Духа святого, Господа животворящего иже от Отца исходящего, иже с Отцом и Сыном споклоняемаи, славимо глаголившего пророки во единую, святую, соборную, апостольскую церковь, исповедуя единокрещение во оставлении грехов, чаю воскресению мертвых и жизни будущего века. Аминь».

В трудную минуту тысячи людей, а может, и миллионы припадали к молитве, к Богу и получали успокоение и надежду. От чтения молитвы «как-то душевно легче становится. Да, вроде легче становится и спокойнее, и всё на свете...».

Так говорит бабушка Оксана. И сегодня Бог поддер-живает её на старости лет. И сегодня глаза её излучают свет, она не держит в себе никакого зла. Даже вспоминая оккупантов, Оксана Григорьевна не проклинает их. Да, они «злоствовали», но осенённая верой, следуя церковным заветам, она прощает своих (наших) врагов. В ней чувствуется чистая душа. Мы, подруги, в трудную минуту поддерживаем друг друга. В наши проблемы вникают родители, учителя. Но мы тоже уже пришли к своему Богу.

В Германию

Фашистский «новый порядок» на оккупированных землях повсюду насаждался по одному сценарию. «У Германию везли, забирали на работы. Забирали и подростков и пацанов 16-17 лет. И девушек увозили. Что они там делали, какую работу исполняли? Может, какую работу исполняли в хозяев, там же были хозяива. А на хрена стоко забирать, я не знаю? А если же не работать, так зачем брать? Кормили их там плохо. Но представьте себе, так сказать, все вернулись обратно после окончания войны. Все вернулись, не то, что там кого-то убили, задержали или что. Вернулись все, которые были забраты, и всё на свете».

В Германии советские граждане трудились и на военных заводах, и в шахтах, и в сельском хозяйстве. Многих направляли в частные хозяйства, где им приходилось ухаживать за скотом и выполнять привычную нашим людям крестьянскую работу.

Оценить такую депортацию с точки зрения современной цивилизации можно как грубое нарушение прав человека. С точки зрения военной необходимости Германия не могла по иному действовать: ей нужна была рабочая сила. И она её поставляла из всех оккупированных стран.

Радует факт, что все коропские земляки Оксаны Григорьевны после войны возвратились домой, несмотря на лишения и трудности, пережитые ими на чужбине. Наша рассказчица выражает явное удовлетворение таким исходом, с одной стороны. С другой, чувствуется, что угон в Германию она будто не считает трудным испытанием. Возможно, собственные переживания периода оккупации кажутся ей более суровыми и трагическими. Может быть и так: ведь она собственными глазами видела зло, творимое фашистскими палачами. И это оставило в душе кровавый след, и это помнится по сей день. Кто знает, сколько раз за свою жизнь она вспомнила того казненного коропского партизана? Сколько раз вспомнила пережитые бомбёжки? Так, что имеет право чувствовать так, как ей подсказывает сердце.

Изгнание

В оккупации семья Ильенко пробыла два года. Наступил час освобождения. Недалеко от Коропа, «там на поле сражались. Страшное

было дело». Теперь, наоборот, Красная Армия наступала, а немцы отступали. Бой был сильный. Всё грохотало. В итоге в город Короп пришло освобождение. На поле боя враг оставил очень много техники. Или не успели взять с собой, «или уже бросили», т.е. «налегке же убежали».

На поле остались лежать погибшие с той и другой стороны. Настало время потрудиться похоронным командам, чтобы предать всех земле. Тут же появились и мародёры. Одна женщина стала раздевать убитого. Но он оказался раненым, пришёл в себя и попросил у неё воды. Тогда мародёрка ударила раненого бойца сапёрной лопаткой, но насмерть не убила. Впоследствии солдат попал в госпиталь. Эта женщина приносила в госпиталь фрукты. Он узнал будто бы её. Спросил, как её зовут, якобы для того, чтобы объявить благодарность за её заботу. Женщину позже всё же осудили. А мужчина уже после войны приезжал в Короп, вероятно, на места боёв, как ветеран войны.

Так, несколькими штрихами помнится бабушке Оксане освобождение родного города. Отсутствуют подробности, непонятно, где были жители во время боя, какое было у людей настроение? То, что враг побросал много техники – это вполне реальный факт, так было повсюду. Когда Красная Армия отступала, тоже бросала технику. Почему же немцы не бросали? Тоже бросали!

Вызывает некоторое сомнение второй эпизод. Но не в том смысле, что такого могло не быть, явление мародёрства присуще всяким войнам во все эпохи. Просто чувствуется, что этот факт девочкой воспринят от посторонних людей, а возможно – от родителей. А поскольку это событие, наверняка, взбудоражило людей, молва распространилась среди населения, то и малые дети запомнили его.

Как отнестись к мародёрству? Конечно, же, мы можем его осудить, и осуждаем. Но мы не знаем истинных причин, заставивших женщину снимать с убитых вещи. А если она это делала, чтобы продать их, и на вырученные деньги купить детям еды? Тут множество нюансов, но поступать подобным образом всё же безнравственно. И Оксана Григорьевна к этому так и относится – как к безнравственному поступку.

Победа

После изгнания из Коропа захватчиков жизнь оставалась очень трудной. Трудной во всех смыслах: разрушенное и надорванное хозяйство; скудная система жизнеобеспечения; душевный надлом у детей и взрослых; состояние войны, хотя она уже отодвинулась на запад. И всё же, каждый день давал надежду на то, что война всё равно закончится. Что придёт долгожданная Победа. И она пришла весной 1945 года!

Тринадцатилетняя Оксана о дне 9 мая 1945 года ничего выдающегося вспомнить не могла, кроме того, что про Победу сказали по радио.

«Тихо так было, не помнится мне ничего. Потому что я не очень интересовалась – то. Кончилась и кончилась». Думается, что жители Коропа, бабушкины земляки, с радостью восприняли сообщение об окончании войны, «радости было – до плачу». Значит, наступило мирное время. Помнится Оксане Григорьевне один эпизод, Но не вспомнит, относится он к периоду изгнания врага или к моменту окончания войны. А дело было вот в чём: напротив её дома стояла «хата». «Так там столько материи. Зачем-то там красный материал был. Ага. И много, не то, что там метр или 10 метров. И там бабы потом нагрянули, разобрали, поделились, и всё на свете».

В наше время День Победы знают и взрослые, и дети. Почему же Оксана, 13-летний подросток, ничего яркого о таком важном событии не помнит? А, видимо, ничего яркого и не проводилось. Получили известие, хорошо, что по радио, но оно, наверно, не у всех было. А если из газет люди узнавали, то газеты приходили позже 9 мая. Это сегодня мы заранее готовимся к празднику Победы. Как, например, в этом году мы провели и конкурс военных плакатов, и сняли видеофильм о ветеранах, доживших до 60 лет Победы, и оформили альбом, «Степановцы в боях за Родину», и классные часы, и чаепитие с ветеранами и вдовами, и «вечернюю поверку» о 70 жителях поселка – участниках Великой Отечественной Войны, традиционный митинг... А тот день – 9 мая 45 года – мог быть обыкновенным, рядовым днем и не оставить зарубку в памяти. Ведь «было так тихо».

Почему в одной «хате» оказалось много красного материала? Возможно, это был склад или магазин? Красный цвет использовался и в немецких войсках (нарукавные повязки, на знаменах). Если материал был из немецкого склада, то логичным представляется поведение женщин, разобравших его – в хозяйстве пригодится! В то же время красный материал, да еще в большом количестве, мог принадлежать местной власти (и это более правдоподобно). Тогда почему «хату» практически разграбили? Каковы были последствия? Если материал принадлежал оккупационным властям, тогда этот эпизод мог произойти в 1943г. А если – нашей власти, то «захват» мог произойти и в 1945 году (или ранее). Приятно было бы, если бы из этого материала пошили флаги в честь Победы, но воспоминания не дают подтверждения такой идее.

А вот послевоенные праздники ассоциируются у Оксаны Григорьевны с парадами, в которых участвовали все школьники. Мальчики выходили с самодельными винтовками, а девочки – с санитарными сумками. «Идут на парад, так любо глянуть. Это уже стало весело».

Выбор

После окончания семилетней школы девочка встала перед выбором профессии. Как обычно в этом деле есть советчики, и вот по совету брата решила она стать телеграфистом. Повел брат сестру на узел

связи, чтобы показать работу телеграфиста. «Говорит, поняла? Ничего не поняла, и как было, так и, правда, ничего не поняла. Как я могу? Хоть ты 10 раз, если там тире да точки, да там пишет, и всё на свете». Ничего не поняв в премудростях азбуки «Морзе», Оксана не решилась пойти учиться на связиста. Да и мать не отпускала девочку от себя. А решила просто пойти работать, и устроилась на пищекомбинат.

Замужество

40-е годы подходили к концу, начались 50-е. Страна восстановила разрушенное хозяйство, страна развивалась. Оксана Карминская трудилась, но вот еще поворот судьбы. Напротив ее дома поселился «замечательный сосед», «чернявый, красивый». Он поселился здесь вместе с родителями и нарушил покой Оксаны. Ей было уже 20 лет, «уже кобыла была». Его звали Ильенко Николай, молодые поженились.

...А на свадьбу невесте надеть-то было нечего, свадебного платья не было. Но брак был оформлен, как положено в ЗАГСе. В честь этого пошли в городской сад на танцы. Помнит Оксана Григорьевна парня Полтавченко, этот был баянист. Другой парень гармонь несет. А в саду «куча народу». И все танцевали под гармонь и под баян. Часто молодежь собиралась на квартире у подружек, их было три сестры: Галя, Шура, Маня, фамилия Данилецкие. Мать подружек, хотя и была больная, но разрешала молодежи собираться, была со всеми приветливая. Просила, чтобы на нее не обращали внимания, а сама тихонечко лежала в уголочке.

Одежда у всех была очень скромная. Например, Петр, брат Оксаны, который в войну служил на Черном море, свою черную флотскую шинель в мастерской перешил на «москвичку» (теплое полупальто с воротником).

Люди одевались, кто, как мог, «и никто не удивлялся, не завидовал никому». Если у девушки волос был густой, она делала косу. А у Оксаны волос был «жиденский», так она «делала плойку» и завивала «кудряшки».

Мы видим, что в то время замуж выходили скромно, особых нарядов не было. Не упоминаются и обручальные кольца. Все было просто, небольшие танцы под народные инструменты, прогулки по городу, небольшое застолье...

Традиция собираться у кого – либо на квартире по вечерам восходит к средневековой России, когда молодежь собиралась для общения на «вечерки». Здесь знакомились, пели, танцевали, целовались, затем парни провожали девушек. Клубов не было, поэтому такие вечера проходили по квартирам. В нашем поселке отголоски той традиции сохранились и поныне. Хотя у нас есть СДК, но частенько молодежь собирается у кого-нибудь на квартире.

Свекор

Семья свекра была когда-то зажиточной. «У ей были земли, у ей был скот, и потом отобрали все. Заставили вступать в колхоз. А он не пошел. Землю отобрали. До самого порога урезали, только туалет оставили. Забрали всю землю, а он не подчинился, и его на Магадан, на 10 лет. Наверное, он им там что-то сказал, высказался, и всё на свете». Свекор о жизни в лагере «не очень-то рассказывал». Но иногда вспоминал, если «где какая помойка, лазили, чтоб что-нибудь найти» для пропитания. А когда пришло время освобождаться, написал свекровке, «что, Лукерья Васильевна, продавай хату и приезжай сюда». И вся семья уехала в Магадан, в том числе и младший сын Николай, будущий муж Оксаны. Так ему и кличку дали соответствующую – «Магадан», «называли не по имени, не по фамилии, ага». Долго они там жили, но потом все же вернулись назад на Украину. Свекор купил хату как раз напротив дома Оксаны, через дорогу. «Тут кавалер красивый и рослый, и тут я уже». Так свела их судьба.

Непокорных крестьян раскулачивали и отправляли в лагеря. Если после освобождения человек не хотел возвращаться на Родину, значит, ему была нанесена такая обида, что он ещё долго оставался в суровых местах и даже вызвал туда семью. Возможно, боялся повторения репрессий. А почему о жизни в лагере мало рассказывал, да потому что их называли «врагами народа», а это обсуждать было не принято – люди были запуганы. Здесь опять видна связь судьбы одного человека с историей страны.

Целина

Вместо свадебного путешествия молодые отправились на целину в Казахстан. «Сами поехали, а как же! Ехало, много ехало, не только что комсомольцы-добровольцы. Там стояли два здания, такие домики двухэтажные. Квартир много, потому что там и женщины заключенные жили в тех домиках. Там зона была. Мы подавали им через проволоку кастрюльки, они нам брали всегда в столовой борщ, суп. Так они нас, считай, там поддерживали. А рядом – мешалка, и туда песок возят, и все на свете. И там делали траншеи, взрывники работали. Делали фундаменты для домов, строили город. Теперь там уже город областной, ага».

Оксана была уже беременна, поэтому ее определили на легкую работу. Она была учетчиком, записывала номер каждой машины и сколько рейсов выполнит водитель. Один рейс – одна палочка, второй – две палочки и т.д. Муж был хорошим строителем, он был на строительстве. Молодежь строила новый город. Участвовать в общественных делах было некогда, «не вникали ни во что. Стемнеет, ложились спать, ведь утром рано вставать, и опять на работу».

В соседних районах строили целинные совхозы. Но долго на целине не остались, поехали искать лучшую жизнь в другие края.

В этом эпизоде символично то, что опять упоминается «зона», значит, куда бы человек не поехал жить, везде был шанс оказаться возле лагеря. Сколько же их было на российской земле? И на нашей земле тоже с 1938 по 1957 г были лагеря, входившие в Краслаг. Очень порадовал факт, что беременным женщинам давался легкий труд. Это свидетельствует о заботе государства о семье.

Возвращение

Поездив по стране, семья Ильенко решила возвратиться домой. Решили, что хозяйка с детьми будет дома, а муж будет ездить на заработки на сезонные работы, «мужик был молодой». За деньгами не гнались, «сегодня есть, завтра будет, бог даст». В квартире Ильенко временно проживал милиционер. Он себе взял «знаменитую» фамилию Высоцкий, своя фамилия у него была «некрасивая». Звали его Анатолий Семёнович. Брат предупредил его, что возвращается сестра с мужем. Милиционер съехал в соседнюю хату, из которой жильцы тоже уехали на заработки.

Муж бабушки Оксаны, хотя и был крепок телосложением, начал сдавать. «Он, думал, что ему не будет износу, ведь он тяжести за пятерых поднимал, дурной был». По разным причинам случился инфаркт, в первый раз его удалось спасти. А в следующий раз «выхожу погулять вечерком. Иду по воду, тут длинная скамейка такая, и бабы собираются под вечер всегда. Если места нет, табуреточку с собой несут. Набрала воды, а так вечером прохладно, и всё на свете.... А у нас окно открыто. Думаю, что это он? Или жарко ему было? Захожу, так он еле живой.... И тут ему, значит, плохо. Когда довели на утро до больницы, он и скончался». Трагически погибла в автокатастрофе и старшая дочь Галя, это случилось в Белоруссии. «Я сама поехала туда и там была она обезглавленная, и плеча не было». Глянет в окно Оксана Григорьевна, а рядом кладбище, и плачет, плачет, плачет...

Хрущёв

За событиями, происходящими в стране Оксана Григорьевна, можно сказать, не следила. Занята была семейными заботами, «за копейку каждый работал и выживал». За сменой лидеров государства не следила. «Если б я записывала, а так день прошёл, слава Богу, другой начинается. А кто там уже есть (у власти), смотришь, другой заступил». Помнит Хрущёва Никиту Сергеевича, называет его «хороший хозяин».

Помнит полёт Юрия Алексеевича Гагарина. «Он там немного летал, один оборот». Помнит, что летала в космос женщина. Даже частушка была:

Валентине Терешковой
За полёт космический
Подарил Хрущёв Никита
... автоматический.

Как отмечает наша бабушка: «ну, дурное так помнится».

Мы видим, что память Оксаны Григорьевны не обременена запоминаем исторических фактов, фамилиями вождей. И может быть, Хрущёва запомнила только потому, что помнит частушку. Память больше хранит детские годы, годы войны. А также почти всё, что касается собственной семьи. Тем не менее, основные события хоть и не чётко, сохранились в сознании.

Хлеб

Наступили трудные времена. Начались перебои с продуктами, а самое главное – с хлебом. Людям приходилось очень рано вставать, занимать очередь, «хлеба брали на троечку (видимо, на три рубля)». А в очереди было беспокойно, шум, спор. А то, бывало, соберутся человек десять сильных, молодых мужчин, «а потом как попрут взад. И упадут человек двадцать с той очереди. А они вперед, и уже в магазине». А, если хлеба всем не доставалось, то некоторые и без куска домой уходили.

Это характерно уже для 80-х годов. Когда страна вступала в кризис, такое происходило и в Сибири. Очереди подталкивали к безнравственным поступкам, будили низменные чувства, злость, агрессию. И, наверно, обиду на государство. Правда, воспитанная в уважении к нему, она ни разу не осудила государство. Возможно, люди приучены были лишнее не говорить, так до сих пор и соблюдают это правило. Ещё, наверно, Оксане Григорьевне вера в Бога не позволяет никого осуждать, а жить и преодолевать трудности.

Сибирь

Дочь Лена после завершения образования попала в Красноярский край, вышла замуж за сибиряка Сашу. Получили квартиру. Зять Саша «прописал – приезжайте, ведь вы уже пожилая, что здесь легче будет. А мне радость! Давай я хату продавать. А бабы пришли и говорят, если хочешь поехать, так поедь, только хату продавать не надо, и всё на свете...».

Не послушала бабушка Оксана земляков, хату продала, и уехала в Сибирь. И почти 20 лет живёт здесь у дочери. Пенсию получает минимальную, потому что работала в основном сезонно, стажа не заработала. «Там – сезон, тут – сезон. Кирпичный сезон, крахмальный сезон. И ничего такого постоянного». Довелось ещё съездить на Украину, в родной Короп. «И так мне хорошо, так съездила, что до сих пор помню, и головой ударялась, а всё равно помню».

К сибирякам Оксана Григорьевна относится очень уважительно. Она любит всех жителей посёлка, всех соседей. «Для меня все хорошие, я ни с кем не ругалась». И что интересно, уважительно и ласково относится к степановским детям. О том, что она любит людей, видно по её кроткому взгляду.

Таков жизненный путь Ильенко Оксаны Григорьевны. И прошла она его вместе со всей страной. Корни такой судьбы уходят в революцию, коллективизацию, через войну, целину, перестройку, реформы вела её жизнь в XXI век. Она не совершила подвигов, но таких простых людей миллионы. И простые они потому, что любят жизнь, любят окружающих и никого ни в чём не обвиняют.

**Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/7/Levina.htm**

Спецпоселенцы в Туруханском районе Красноярского края

Людмила Котиева

*Красноярский край.
Туруханский районный
ЦДЮТ «Аист»,
коллектив «Северяне»*

Руководитель С. З. Зубова

Введение

В отличие от многих регионов, особенно европейской части России, Красноярский край был не только и даже не столько местом, где людей арестовывали по политическим мотивам, сколько местом, где люди отбывали незаслуженное наказание. А это не менее полумиллиона спецпоселенцев — раскулаченных, депортированных, сосланных¹.

Туруханский район для депортированных был своего рода естественной тюрьмой. Это огромная территория в 214.000 кв.км. с тайгой, бездорожьём, далеко отстоящими друг от друга населёнными пунктами (станками); климат резкоконтинентальный, зимой морозы до 60°, снежные заносы, летом — невыносимый гнус (комары, мошка, слепни). Конечно же, спецпоселенцам очень сложно было выжить в таких условиях, они не могли быть к ним готовыми ни с психологической, ни с бытовой стороны.

Из трёх категорий спецпоселенцев в данной работе мы будем рассматривать категорию депортированных. Депортация — это принудительное выселение (лица, группы лиц или народа) за пределы государства или какого — либо региона, высылка, изгнание. Тема депортации мной выбрана не случайно. В 1943 году моя прабабушка с детьми была депортирована из Ингушетии в Казахстан, т.е. она стала спецпоселенкой.

Для объективности мы должны сопоставить документальные источники и устные рассказы спецпоселенцев. Сравнение необходимо, потому что в рассказах и мемуарах на первый план явно выступают эмоции и политические пристрастия.

Мемуары спецпоселенцев Туруханского района представлены книгами Г.Батца «Твой дом» и «1418 и ещё один день»². Они рассказывают о жизни репрессированных в двух населённых пунктах района. В то же

1 Книга Памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Т. А-Б. Красноярск: Издательские проекты. 2004.— С.101.

2 Батц, Г. 1418 и ещё один день. Абакан: Стрежень, 2003. — С.295

время наши информанты иногда трактуют события, изложенные в этой книге, по-другому. Так, семья Лукиды винит в смерти родственников управляющего, а автор книги «1418 и ещё один день», у которого тоже утонула сестра, даёт взвешенную оценку событиям и отзывается об управляющем как об умелом руководителе, с сочувствием относящемся к спецпоселенцам. Не все факты из книги достоверны, например, Д.К. Гекк прожила долгую жизнь, а автор книги «похоронил» её ещё в первые годы спецпоселения. По-разному в книге и рассказах говорится о составе семей финнов. Подтверждения рассказов спецпоселенцев из деревни Сухая Тунгуска и мемуаров Г. Батца о зимовке каравана судов мы нашли в документальной книге Г. Кублицкого «Уходит река к океану...»¹. Краевые сборники «Полярные горизонты» содержат несколько воспоминаний спецпоселенцев, выехавших за пределы района.

Остальные документальные источники взяты из публикаций в районной и краевой периодической печати за годы перестройки. До этого периода найдена только одна статья 1989 года. Авторы этих статей не ставят целью описание жизни депортированных, упоминают только отдельные факты биографий своих героев. Всё это подтверждает, что тема депортации народов в Советском Союзе была практически закрытой для освещения в печати.

Единственными архивными источниками, сохранившимися в районе являются хозяйственные книги с. Туруханск 50-х годов в районном архиве и «Список иностранцев и лиц без гражданства» 1953-1954 годов РО МГБ, переданные районному краеведческому музею из Туруханского РОВД. Эти документы содержат конкретные фамилии и места ссылки далеко не всех спецпоселенцев. Поэтому установить общее количество сосланных нет возможности. Общая цифра 4000 взята из воспоминаний бывшего секретаря Туруханского РК КПСС А. Убиенных.

Официальные документальные источники иногда расходятся с рассказами информантов. Так, в учебном пособии по краеведению написано: «Перед отправкой в Сибирь многие сдали на приёмные пункты зерно, скот, получив обменные квитанции»². Рассказы информантов, приведённые в нашей работе, свидетельствуют о том, что высылка была спешной, и люди просто вынуждены были бросить своё хозяйство.

Разные документальные источники по-разному объясняют причины случаев сотрудничества с немцами: одни - реакцией на политику государства и личностными качествами (сборник «Заметки писателей о межнациональных отношениях»³), другие - стремлением народов

1 Кублицкий, Г. Уходит река к океану. М.: Советский писатель, 1980. — С.416-419

2 Красноярье: пять веков истории, ч.2. — Красноярск: Платина, 2006. — С.79

3 Вормсбехер, Г. Немцы в СССР// Говоря откровенно. Заметки писателей о межнациональных отношениях. — М.: Художественная литература, 1989. — С.70

к автономии (сборник «Чёрная книга коммунизма»¹). «Коллективное сотрудничество с оккупантами» явилось официальным обоснованием депортации многих народов.

В разных документальных и литературных источниках встречается разная терминология: спецпереселенцы, спецпоселенцы, «специки», «лишенцы», депортированные, спецперемещённые. Сами себя спецпоселенцы в период ссылки называли эвакуированными, а после реабилитации – репрессированными. Мы будем использовать все эти термины, однако наиболее устоявшимся в научной литературе и официальных документах является термин «спецпоселенцы».

В 2006–2008 годах нами записаны воспоминания восемнадцати информантов. Все примеры в работе приведены со ссылками на фамилии информантов. Помимо того, отдельные сведения нам предоставили Кобер Х.Х. и Кобер Л.А. из Келлога, учащиеся Верхне-Имбатской средней школы Плотников Г. и Вальтер Е., жители села Туруханск Дубровская Г.П. и Павин С.П. В тексте сделаны ссылки на их рассказы. Таким образом, в работе использованы воспоминания двадцати информантов.

Порядок выселения

По описанию спецпоселенцев условия их отправки в Сибирь и Казахстан были практически одинаковы. «Нас погрузили в товарные вагоны, по 40–50 человек в каждом. Паровоз тянул 10 вагонов. Решётки на окнах, решётки и двери на замок. Нары в два ряда. Посредине – туалет. Это дыра в полу и ящик сверху. Закинули в вагон хлеб и воду», — вспоминает Лаймон Эмильевич Кулмит, депортированный из Латвии 14 июня 1941 года. «Везли как скот. Я из детдома. Отца отправили в трудармию, а мать от голода умерла в 33 году. Я только получила паспорт и начала работать. Прямо с работы увезли. В полу вагона была дырка для туалета. А кормили какой-то баландой в ведре», — рассказывает Эмма Генриховна Линк.

Большинство из спецпоселенцев по рассказам были высланы первоначально в Казахстан или на юг Красноярского края. Одним дали время на сборы – три дня! Предупредили, что пропитание взять с собой минимум на месяц. Об этом со слов бабушки Екатерины Адамовны Кейль (Зигфрид) вспоминает её внучка Эльза Джамбуловна Будаичик (Сембиева): «В три дня освободили деревню Кано. Резали скотину, крутили котлеты, корову покормили и выгнали в поле. Кошке таз молока оставили. С собой везли сундук, швейную машинку «Зингер» и прялку. Прялку делал брат бабушки – Яков».

Семье Кулмит в четыре часа утра дали один час на сборы, разрешили взять с собой только предметы первой необходимости.

¹ Чёрная книга коммунизма / пер. с франц. – М.: Три века истории, 2001. – С.219

Семье Никкель ничего не разрешили с собой взять, даже тёплую одежду. Но интеллигентная семья привезла с собой альбом семейных фотографий как драгоценную память.

Ольга Яковлевна Штайнбрайс (Браун) рассказывает, что им времени на сборы не дали совсем. Её матери и бабушке было сказано, что их отправляют к мужьям в трудармию («будете все вместе»). Анна Сергеевна Шмидт (Целовальникова) рассказывала своей внучке Татьяне Сергеевне Шмидт, что на сборы дали 48 часов. Она — русская по национальности — последовала в ссылку с мужем Андреем Генриховичем Шмидт — немцем. А семья Лукиди, высланная из станицы Куринской Апшеронского района Краснодарского края в 1942 году, отправлена была сразу, без времени на сборы и без объяснения причин.

Семья Микайнис с хутора Найряй в Литве, стоявшего в 2 км. от латвийской границы, была увезена ночью 19 июня 1941 г. На всю семью было разрешено взять 200 кг вещей. Старшая дочь, Елена Вилюсовна Микайните (1923 г.р.), в эти дни сдавала выпускные экзамены в городе Биржай. Её вместе с семьёй погрузили в товарный вагон. Говорили, что это уже пятый по счёту, начиная с 14 июня, эшелон. Первый раз из вагона выпустили уже за Уралом около какой-то речки и разрешили умыться.

«Не передать каким ужасом была эта самая депортация. Был конец мая, все уже посадили огороды. Отцвели сады. И вот приказ: собираться! Оставили дома со всем имуществом. Нам ещё повезло — удалось продать дом за две пары сапог и шубу. Одни знакомые за дом получили лишь шаль... Так и прибыли в Сибирь — без тёплой одежды, с тем, что на руках несли», — вспоминает Софья Фёдоровна Василиади¹.

Как правило, мужчин помещали в вагоны отдельно от женщин. В пути, видимо, вагоны разъединяли, и мужчин отправляли в трудармию, где многие погибли. Поэтому большинство депортированных мужчин остались в памяти семьи и на фотографиях.

Уже в пути депортированные начали сталкиваться со злоупотреблениями властей, наживающихся на чужой беде. «Во время одной из остановок, где-то в Сибири, в вагон вошёл со своей охраной начальник эшелона: «Кто хочет, чтобы мужчины остались с семьями, давайте деньги». Он взял деньги и от золота тоже не отказался», — рассказал со слов своей тёти Елены Вилюсовны Арзамазовой (Микайните) Роман Ромаальдович Кирейлис.

Ещё в дороге гибли слабые: старики, дети, больные. У Лидии Андреевны Шатц умер муж, в Верхне-Имбатск она приехала с тремя детьми. У Е.А. Кейль (Зигфрид) в пути умер 14-летний брат. «У нас отец в дороге умер, и мы не знаем, где его похоронили. Он на стоянке от поезда отстал и бежал следом. Догнал, лёг в вагоне и умер от разрыва сердца», — рассказывает М.А. Ковалёва (Ульрих).

¹ Алексеевич, Т. Сибирско-греческий вопрос// Красноярский рабочий.—2004.—28 мая.—С.7

Приезжали в ссылку на суровый Север и дети без родителей. Дети семьи Гентер (17, 15, 12 лет) без родителей были отправлены на Север, высажены в числе 20 семей в устье Мельничного ручья, где было всего три дома. К семье Шмидт прибился 11-летний сирота Кленавичус.

Приезд в Туруханский район

Из южных районов Красноярского края спецпоселенцев, отправляемых на Север осенью 1942 г., держали в Красноярске более трёх недель в версте от железнодорожной станции Енисей. Жили в палатках. За это время к ним присоединили финнов и греков. Здесь спецпоселенцы работали; выгружали и грузили вагоны, сбивали в ДОКе ящики под патроны и снаряды, участвовали в строительстве понтонного моста через Енисей. Им выдавали паёк и разовое горячее питание¹.

Дальше – пароход, баржи. «Везли, как скот. Ни сесть ни лечь», — вспоминает Антонина Петровна Милюкова (Никкель). Суда, битком набитые спецпоселенцами, напоминали Ноев ковчег. Вперемешку с русским звучала латышская речь, литовская, финская, немецкая, еврейская, украинская и даже турецкая (на турецком говорили греки, не обучавшиеся в школе.) Куда и зачем их везут — об этом было сказано чётко и недвусмысленно: поскольку они политически неблагонадёжны, необходимо изолировать их ещё надёжнее. Теперь, видно, с помощью вечной мерзлоты.

Некоторые спецпоселенцы первоначально попадали в ссылку в южные районы Красноярского края, а затем были отправлены на Север. Так, семье Михайнис в деревне Трифоново Новосёловского района колхоз дал свободный дом с огородом, со временем удалось купить корову. Казалось, жизнь как-то налаживается. Но 4 июля 1942 г. их отправили в райцентр и погрузили на пароход «Иосиф Сталин». Продать корову не было времени, пришлось привязать её в Новосёлово к столбу и так оставить. Семью Михайнис отправили в Туруханский район и выгрузили на станке Черноостровск, где жило всего несколько местных семей. Депортированных было приблизительно 30 семей: немцев, финнов, латышей. Позднее туда же пригнали греков.

Все семьи, даже многодетные, ехали без главы семьи. Г.Г. Батц пишет, что исключение составляли финны-«блокадники». Мужчины были призывного возраста и семьи без детей. У большинства из них детей эвакуировали по Ладоге раньше, и где они — родители не знали. Но некоторые информанты говорят, что и финны были без глав семей.

Долгий путь в трюмных помещениях, скученность, антисанитария, скудный рацион питания, полиэтничность, разность традиций, привычек, социальные различия усугубляли положение. Не менее тяжким испытанием была оторванность от мира — за десять дней ни газет, ни сообщений по

¹ Батц, Г. Твой дом. — Абакан: издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 1998.— С.26

радио, ни вестей с фронтов. Чудом не случилось эпидемии сыпного тифа. Люди были лишены возможности санитарного ухода за собой и стали жертвами массы насекомых.

В 1942 году в Туруханский район прибыли первые спецпоселенцы. По воспоминаниям секретаря РК КПСС Убиенных А. их было около 4000 человек¹. В ссылку первая партия депортированных приехала в июне, а вторая – в сентябре. Через неделю, 20 сентября 1942 года, выпал снег.

По дороге с парохода в деревнях снимали сначала многодетных, а к концу пути, в основном, одиночек. Некоторых отправили на станки, расположенные на притоках Енисея. Кобер Христиан Генрихович и его жена Лидия Христиановна до посёлка Келлог на Елогуе добирались на лодках бечевой, гребли и тащили сами свои лодки.

Известно, что в 1945 г. в самом Туруханске проживало 654 спецпоселенца, среди них, по данным Туруханского архива, латышей 29, финнов 43, калмыков 215, греков 318, мордвы 13, татар 20, эстонцев 8 и поляков 8.²

По данным Туруханского краеведческого музея³ на 10 мая 1954 года в Селиванихе проживали 263 грека, в Туруханске в посёлках рыбозавода и Спуска проживали 23 калмыка; в районе проживали 49 человек из Латвии, Эстонии, Литвы, а немцев – 218 человек. Эти цифры отражают количество только тех спецпоселенцев и только тех национальностей, упоминания о которых есть в отдельных сохранившихся хозяйственных книгах этого периода. Показательно, что все они названы «лицами без гражданства».

Режим и изоляция

Все переселённые народы были отданы под опеку МВД. Они должны были оставаться на новых местах навечно. Это распространялось и на детей. Достигшие совершеннолетия, они вместо паспорта подвергались спецпоселению и получили такие же справки, как у взрослых: «Спецпоселенец такой- то находится под гласным надзором МВД и имеет право проживать только там – то». У взрослых паспорта отбирали сразу.

Только две категории ссыльных в спецкомендатуре не отмечались, и на них не заводили личных дел: это были ингерманландские финны и понтийские греки (депортации 1942 года).

Первое время после окончания войны высланные надеялись, что власти «разберутся» и разрешат им вернуться на родину. Но в 1948 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного

1 Убиенных, А. Страницы жизни// Маяк Севера.—1992.—13 августа.С.4

2 Хозяйственные книги Туруханского районного архива

3 Список иностранцев и лиц без гражданства Туруханского района. // Рукописная книга РО МГБ 1953-1954 гг. Фонд краеведческого музея Туруханского района Красноярского края.

и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны»¹. Без каких-либо преамбул в указе разъяснялось, что выселенные во время войны на спецпоселение народы остаются в этом статусе навечно, а за побег с места обязательного поселения им полагается 20 лет каторжных работ. Побег в данном случае нельзя понимать буквально. Это могла быть простая самовольная, т.е. незарегистрированная отлучка, например, к другу в ближайший посёлок. Но и до этого указа без разрешения комендатуры нельзя было даже отлучиться в больницу, если на твоём станке нет врача, нужно было писать заявление. Комендант объезжал деревни один раз в месяц.

Только чудом можно назвать то, что самовольно покинувшая деревню Костино Оля Браун не была жестоко наказана. Непокорная девушка дала себе слово, что она никогда не будет работать в колхозе, как на каторге. Ночью, зимой, с узелком вещей она ушла по замёрзшему Енисею за 60 километров в Туруханск, где у неё была подруга. Оля отправилась искать работу в Туруханске и уже в нём была арестована комендантом. Добровольно вернуться она отказалась. Комендант, видя, что уговоры не помогают, пригрозил, что её сейчас разденут и посадят в камеру к заключённым мужчинам. И только заступничество уполномоченного из Костино, оказавшегося в тот момент в комендатуре, спасло ей жизнь: «Оставь её, она такая упрямая, что всё равно будет стоять на своём». Девушку отпустили. Она сумела устроиться на работу в детсад в Туруханске, вышла замуж за немца, как и мечтала, её дальнейшая судьба сложилась счастливо.

Ромуальдас Кирейлис самовольно оставил колхоз в Бакланихе, чтобы заработать грузчиком в Старо-Туруханске. Уполномоченный положил на стол пистолет и пригрозил, что если в течение суток он не вернётся в колхоз, то будет расстрелян. Испуганный Ромас на той же барже, которую он разгрузил, украдкой уехал в Игарку к брату Мангису. Шёл уже 1953-й год.

Депортированные были лишены элементарных прав человека. Они должны были забыть свою национальность и родной язык. «Вину» отцов несли дети. Даже для того, чтобы вступить в брак, они подвергались унижительной процедуре спрашивания санкций у МВД по письменному заявлению обеих сторон. Представители депортированных народов были лишены права быть избранными в органы государственной власти, не могли голосовать, поэтому их называли «лишенцы». Восстановление в избирательных правах после снятия со спецпоселения стало важным событием в жизни спецпоселенцев. Э.Д. Будаичик (Сембиева) рассказывает, что её родители до конца своих дней ходили голосовать в праздничной одежде к шести утра — к открытию избирательного участка.

¹ Россия XX век. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.2. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997.— С.225

Будущего дети спецпоселенцев были лишены. Мария Ульрих до высылки училась в кооперативном техникуме, но работала рыбачкой. 14-летней Марии Фритц заведующий детдомом, когда она стала проситься на учёбу, сказал: «В отношении вас особые указания. Вас мы должны использовать только на работе. Мне дали старые сапоги, такую же одежду и отправили в ближайший колхоз на работу»¹. Ромаса Кирейлиса, которому было 13 лет, бригадир гослова в Черноостровске Георгий Арзамазов вывел из класса за ухо: «Иди работать». «У нас тогда был полный интернационал: немцы, греки, калмыки, эстонцы, литовцы. Парни в школе такие рослые, крепкие были, особенно прибалтийцы. Ведь многие из них – «переростки». Оставались на второй год, пропускали учебу из-за голода, нищеты», — вспоминает М.А. Алексейчик². Двенадцатилетний грек Юра Кайогло (Кайоглы) учился только в 4 классе.

Отношение спецпоселенцев к войне

У незначительной части спецпоселенцев наблюдались прогерманские настроения³. К этому были часто причины экономические. Многие немцы в АССР НП жили зажиточно. Например, 13-летний Генрих Плотников из В-Имбатска записал историю своей семьи: «Моя прабабушка Мель Амалия Фридриховна вышла замуж на Волге в селе Красный Яр за Мель Генриха. У них был дом с хорошим садом, хозяйство. Прабабушка часто вспоминает свой сад, по весне там было всё бело от цветущих деревьев – слив, яблонь и груш... В 1941 году прабабушку с сыном Андреем и прапрабабушкой Лаубах Марией выслали с Волги в Сибирь. Пришлось оставить дом, все вещи, скот, сад, и через два часа их вывезли... Жили они в землянке и работали с утра до ночи. Она не любит вспоминать страшное время войны, постоянный голод и страх за своих близких. Прожитую жизнь моя прабабушка считает несчастливой и всегда плачет, когда её вспоминает».

Причины прогерманских настроений были и политические. Жители прибалтийских государств лишились независимости и в лице Гитлера видели избавления от советской оккупации.

В 1943 г. немцы в В-Имбатске, узнав о том, что очередной город сдан фашистам, «брались за руки и плясали – таких было много, — вспоминает Нина Сидоровна Скворцова. — Немецкий язык в школе вела Боб Мария Адольфовна, она по-русски не говорила; подозревали, что она скрывает знание русского языка из презрения к русским».

Но большинство спецпереселенцев испытывали другие чувства. Некоторые немцы-спецпоселенцы говорили, что испытывали чувство

1 Фритц, М. Ищу сестру и родственников. // Маяк Севера.- 1991.— 22 января. С.3.—

2 Шепилова, М. Уже прошло полвека после школы... // Маяк Севера. — 2005. — 6 августа. С.4

3 С берегов Волги на берега Енисея // Красноярье: пять веков истории. Ч.2.— Красноярск: Платина, 2006.—С.79

стыда за отстранение от борьбы с фашистами. Но «в войне против немцев они оказались пусть и другими, но всё же немцами. Соединились в одном слове разные понятия: национальность и нация¹». Забыты заслуги по защите Советской власти. На фотографиях главы немецких семей в военной форме — форме РККА. К началу Великой Отечественной войны на действительной службе в Красной Армии находились десятки тысяч солдат и офицеров из числа советских немцев.

О.Я. Штайнбрайс говорит: «Да какие мы враги! У нас и язык немецкий-то был свой, мы язык из Германии не понимали». Г.Батц пишет, что это отстранение «глубокой обидой и стыдом били по самолюбию»². Т.С. Шмидт со слов бабушки говорит: «Гитлера проклинали, материли, особенно когда с Волги немцев везли в Сибирь». Э.Г Линк как само собой разумеющееся приводит тот факт, что «немцы вместе с русскими радовались окончанию войны». Эти факты говорят о том, что советские немцы были одним из советских народов, и общего у них было с другими советскими народами больше, чем с немцами в Германии.

При всех бедах, при всей бедности спецпоселенцы активно участвовали в подписке на заём — была такая форма помощи государству. Люди были готовы отдать последнее, чтоб спасти положение страны в те тяжёлые годы.

Отношения с местным населением

Какого отношения к спецпоселенцам - «врагам» можно было ожидать от местного населения, от людей, чьи близкие погибали в войне с фашистами? Особые сложности испытывали советские немцы.

В разных местах к спецпоселенцам относились по-разному. Бывшая жительница Костино Наташа Гентер страшно боялась, что её отправят в детдом в Туруханск. По-русски не говорила вообще, председателю на его уговоры, что окончит там школу (а у неё два класса немецкой школы), говорила, что её в детдоме убьют, потому что она говорит по-немецки. Дети спецпоселенцев терпели унижения от своих русских сверстников, потому что на их семьях было клеймо «врагов народа». Семилетнюю Олю Браун в дни, когда в деревню приходила похоронка, местные дети таскали за длинные косы, называли фашисткой. Ещё в детстве Оля дала себе слово, что никогда не выйдет замуж за русского. Она вспоминает также, что именно в деревне Костине, куда её привезли с мамой и бабушкой, некоторые местные жители настолько плохо относились к спецпоселенцам, что открыто им говорили: «Наша деревня называется Костино, вот от вас и должны одни кости остаться». В этой же деревне некоторые русские изображали из себя господ. Мама Оли Браун после тяжёлого рабочего дня в колхозе ходила к местным

1 Вормсбехер, Г. Немцы в СССР// Говоря откровенно. Заметки писателей о межнациональных отношениях.—М.:Художественная литература, 1989.—С.71

2 Батц, Г. 1418 и ещё один день. —Абакан: Стрежень, 2003.—С.175

мыть полы, делать уборку в доме. Бабушка Оли Браун готовила еду на гулянки, часто случавшиеся в доме бригадира полеводческой бригады В. Чалкиной. Это были заработки для семьи Браун.

В Верещагино «в котлы немцам плевали, печные трубы землянок затыкали снаружи», - рассказывала своей дочери Моор Мине Августовне её мама Штуккерт (Шляйнинг) Лидия Александровна, а отец Август Юлиусович с горечью вспоминает: «Русские над нами издевались. Нам даже запрещали на родном немецком разговаривать». Антонида Петровна Милюкова (Никкель) рассказывала дочери – Людмиле Тихоновне Поповой (Милюковой), что отношение к ним местного населения в Коношели «было ужасным: унижали оттого, что с немцами одной нации».

Встречались и комичные ситуации. Местные страшили тем, что у немцев рога, как на сатирических плакатах. Об этом рассказывал семье Гекк в Селиванихе Кононов Василий, в последствие подружившийся с этой семьёй. Аналогичный пример из Верхне-Имбатска привела Э.Г.Линк.

И всё же доброту местных жителей и участие, оказанное спецпоселенцам, нельзя переоценить. В основном местные относились к депортированным с пониманием и сочувствием. «Местное население в Серкове относилось к немцам хорошо, помогали, чем могли», — говорит Конусова (Цоль) Надежда Ивановна. «Местное население учило, как выжить. Дали поначалу что могли. Правда, в бытовых ссорах называли фашистами», — рассказывала Т.С. Шмидт её бабушка. Э.Г. Линк с благодарностью вспоминает русские семьи Силантьевых и Арефьевых в д. Искупе: «Рыбы как поймают — наварят и накормят». Андрей Андреевич Розе говорит, что в деревне Мельничной жительница из коренного население Севера («националка») учила их рыбачить. В землянке семьи Лукиди в Селиванихе были старинные деревянные кровати, кто-то их отдал многодетной семье. «Родители что-то меняли, например, на мыло, или отработывали. Местное население неплохо к нам относилось, особенно когда познакомились. Мою бабушку Василису Николаевну Лукиди очень уважали, до сих пор мне говорят, какая у меня бабушка была замечательная», — вспоминает Любовь Юрьевна Мехайнеджидис. В Коношели Антип Михайлович Петров очень помогал сосланным, «очень душевный человек» — говорит о нём М.А. Моор со слов родителей. Эмму Линк в В-Имбатске приютила семья Таисии Андреевны Гордеевой: «Меня приласкали». Но позднее её заставили переехать работать в колхоз, а согласие на это получили, продержав 16-летнюю Эмму три дня взаперти в сельсовете. В Старо-Туруханске Анисья Александровна Панькова ежедневно давала старику-калмыку поллитра молока от коровы, дающей два литра молока в день, а в её семье было десять детей.

М.А. Ковалёва (Ульрих), сосланная с родителями в деревню Сухая Тунгуска, вспоминает: «У нас отец в дороге умер, а мама сердечница была, на теплоходе у неё два сердечных приступа было, и совсем чужой

человек, Василий Иванов, нас и ещё две семьи к себе пустил, у них двор закрытый. Все же не под открытым небом».

Приёмщик-заготовитель в Сухой Тунгуске Самойлов Павел вопреки положению кормил учеников-охотников весь сезон вместо трёх месяцев. И это в то время, когда доброта, понимание и помощь спецпоселенцам считались чуть ли не изменой Родине.

Изначально Туруханский край был местом ссылки разных возмутителей спокойствия. Формировался народ, для которого не важны были религиозные, национальные, политические разграничения. Потомки ссыльных принимали новых ссыльных как равных.

В свою очередь спецпоселенцы по-разному относились к местному населению. В Старо-Туруханске греки поселились на бугре за кладбищем и срубили все кресты на могилах на дрова. Особенно прибалты показывали своё неуважение к «русским оккупантам». В Нижне-Имбатске Эльза Карловна Кезе была колхозным пекарем, а прежде она – владелица крупного садоводства под Ригой. Две её внучки «одеты были с иголки, говорили по-латышски и делали книксен, а с другими детьми не общались – не разрешалось».¹ В Верхне-Имбатск комендатурой был прикреплен Шейнмайер Карл Карлович – командир батальона латышского легиона. Н.С.Скворцова рассказала, что он избил свою жену Лидию Эдуардовну, которая вела балетный кружок в школе, за выступление на сцене «перед русскими». Дочери Ире выстриг волосы на голове, чтобы она не ходила в балетный кружок, и та в восьмом классе ходила в школу в платке.

Большинство же спецпоселенцев по достоинству ценили ту помощь и поддержку, которую им оказывало местное население. В подтверждение этому мы приводим много примеров в главе «Как выжили».

Но даже в этот тяжёлый период люди дружили, любили друг друга, воспитывали детей, устраивали свой быт. Л.А. Штуккерт (Шляйнинг) искренне восхищалась северной природой, любила гладить маленькие ёлочки; своё романтическое восприятие она пронесла сквозь всю свою многотрудную жизнь и до сих пор живёт с мужем в тайге на берегу Енисея у Полярного круга.

Молодые люди разных национальностей симпатизировали друг другу, однако межэтнический брак был во многом проблемой. О.Я. Штанбрайс (Браун) вспоминает, что «немец мог жениться на русской, но русский на немке – никогда». Поднимались все его родственники, угрожала власть в лице председателя или уполномоченного. Очень редко всё это кончалось свадьбой. Да и русским девушкам непросто было выйти замуж за спецпоселенца. Например, Н.И. Конусова (Цоль) рассказывает, что её мать Колмагорова Ольга Андреевна – русская, секретарь комсомольской организации, заведовала «красным чумом» (клубом) на станке Серкове – вышла замуж за немца Цоль Ивана

1 Войтоловская, А. Сосланы навечно... // Полярные горизонты. Т.4.— Красноярск: Красноярское книжное издательство – 2000.- С.121-122

Карловича в 1949 г. Ей угрожали исключением из комсомола. Для тех времён это была страшная угроза. Но Ольга Андреевна предпочла расстаться с комсомольским билетом, чем с любимым человеком. Вышла замуж за русского немка Мина, приняв фамилию Самойлова. Долгие годы они прожили счастливо в деревне Селиванихе. Исключили из комсомола Галину Гавриловну Гавриленко, когда она вышла замуж за сосланного в Фарково немца Ивана Ивановича Горн¹. Т.С. Шмидт говорит: «Все немки в Старо–Туруханске вышли за русских и обрусели, а кто не хотел русеть, уехали после реабилитации в Германию». Отсутствие паспортов затрудняло регистрацию брака, об этом рассказала Панькова Галина Афанасьева, которая вышла замуж за калмыка Джальчинова. Но штамп о регистрации стали ставить на оборотной стороне справки о спецпоселении, заменяющей паспорт.

Прочные браки были чаще всего между людьми одной или близкой национальности или из одного региона. В Туруханске много лет проживала семья Кирейлис. Латышка Айна Вилюсовна Михайните и литовец Ромас Йонович поженились, хотя матери в обеих семьях хотели видеть Аину женой другого сына — Альгимантиса. Только смерть разлучила супругов; до последних дней жизни Ромуальдаса Йоновича окружающие отмечали его трогательную заботу о жене.

Сама жизнь, совместная, плечом к плечу, работа сблизил, даже сдружил их, лишенцев, с полноправными гражданами. М.А. Ковалёва дружила с Клавдией Ключевой, дочерью приютившего их В. Иванова, до самой смерти К.В. Ключевой. Немецкая семья Беллер много лет дружила с приютившей их в Бородине русской семьёй Андреевых, об этом рассказала Г.П. Дубровская (Андреева), жительница с.Туруханск. А во второй половине 50-х годов местные вообще уже воспринимали спецпоселенцев как обычных односельчан.

Отношения с властью

Политика местных властей определялась двумя факторами: соответствующее отношение к «врагам народа», а с другой стороны, необходимость в годы войны беречь рабочую силу, хотя и дешёвую.

Многие представители власти в «общении» со спецпоселенцами показывали своё пренебрежительное отношение к ним, употребляли крепкие, обидные, унижающие выражения, а ведь в ссылке, в основном, были женщины, дети, подростки и старики.

10 января 1942 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял Постановление «О порядке использования немцев переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет»². По этому постановлению все немцы мобилизовались на всё время войны в трудармию, т.е. лагеря ГУЛАГа. Связь с ними вскоре прерывалась. Семья Шмидт узнала

¹ Орионова, Н. Есть женщины в русских селеньях...// Маяк Севера.—2005.—7 мая. С.14

² Коваленко, Р. Немецкая зона //30 октября 2005.—№ 59.— С.8

про обстоятельства смерти деда Шмидт Андрея Генриховича через много лет от его товарища, которому удалось выжить в трудармии и разыскать семью друга. А.Г. Шмидт провел в трудармии ровно год, умер от непосильной работы и от голода. В семье Шмидт хранится последняя фотография деда. Уходя в трудармию, он оставил китель сыну. Сын впервые надел его в 20 лет, берёт память об отце.

Многие погибли в этих лагерях. Муж Е.А. Кейль (Зигфрид) работал в д. Сухая Тунгуска на ферме. У него очень болел желудок, и однажды он нацедил 0,5 литра молока и выпил. Кто-то увидел и донёс. Больного отправили в трудармию. В письме родным он сообщил, что голодает, весь опух. Больше известий от него не было. Бесследно исчез в трудармии учитель Миллер Яков – муж Альвины Андреевны Гетц.

Представители местной власти сеяли рознь между местными и депортированными, пытались внести рознь даже между самими переселенцами. Разбили всех по спискам на десятидворки, назначили старших. Им предписывалось в конце каждого месяца сообщать специальным донесением, что никто не сбежал. В случае отлучки кого-либо старший был обязан тут же поставить в известность коменданта.

Бригадирами и звеноводами назначали тоже депортированных, и бывало, что они жестоко обращались со своими же. Умер, ослабевший, возвращаясь со сбора морошки, 15-летний Артур Штуккерт. Женщина – бригадир, немка, запретила бригаде ждать его, когда подросток стал отставать. Э.Г. Линк вспоминает, как украдкой от звеновода бегала в лес поджарить на рожне рыбу и съедала её полусырой. Через много лет заболевшая звеновод просила прощения: «Эмма, прости, что обижала, рыбу не давала кушать».

Но переселенцы помогали друг другу как могли. В семье Диметрияди в Селиванихе случилось несчастье: главу семьи за хлеб посадили (украли в магазине для семьи булку хлеба), а жена его в это время умерла. Остались сиротами две дочери. В 1947 году одну из сестёр, Любу, удочерила семья тоже спецпоселенцев – греков Каланджиди. А.А. Гетц заведовала овощехранилищем в Костине, давала подругам очистки и отходы от картошки. Спасла их от голодной смерти. Сама же, чтобы спасти своих детей от голода, вышла замуж за местного вдовца, у которого было пять детей и который был старше её на двадцать лет. Всего у А.А. Гетц было 13 детей. Бывшей детдомовке Эмме Линк в В-Имбатске на молоканке работающие там немка и финнка наливали кружку молока. В Конощели подруга А.П. Никкель, Безель Инесса Артуровна, работавшая продавцом в магазине, иногда давала сосланным шепотку сахара или крупы.

Отношение власти к депортированным хорошо раскрывает выразительный пример: «Председатель колхоза в Канготове Шляхова В.М. не церемонилась в обращении, неводят спецпоселенцы, не дай бог поймает кого, что рыбу для себя утаил, — бьет плёткой. Югансону Николаю Эрнестовичу голову плёткой рассекла», — рассказывает

Н.С. Скворцова. Жена начальника участка в Селиванихе Кристина Савельева была спецпоселенцев по лицу костерей (рыба из породы осетровых), если они пытались оставить себе во время рыбалки хотя бы одну рыбку. Люди и желали бы заплатить за то, что они брали, но они не имели права есть и брать у государства больше, чем им положено по карточкам. «Рыбы полно, а украдкой жарили рыбу в лесу», — рассказывал сыновьям Р.Й. Кирейлис.

Порой представители власти откровенно издевались над депортированными. Когда у Луизы Германовны Никкель умер сын, председатель сельского совета в Конощели А.А. Самойлов отказался дать инструменты для рытья могилы и доски на гроб. Мать с 17-летней дочерью Антонидой алюминиевыми ложками вырыли в земле углубление и положили в него тело, прикрыв его тряпкой. Могила утрачена.

По воспоминаниям М.А. Ковалёвой (Ульрих), все спецпоселенцы должны были, несмотря на огромные материальные трудности, уплатить военный налог в сумме 600 рублей на семью независимо от количества иждивенцев. Семья Ульрих, в которой из пяти человек четверо работали, налог уплатить сумела, а семья Е. Фритц, где из трёх человек двое были иждивенцами, не смогла, им грозил суд, и колхоз уплатил за них налог.

В то же время, кое-кто из власти сумел поживиться на бедах депортированных: назначал налог на бездетность, хотя большинство семей были многодетными. Так, платила налог Д.К. Ульрих — мать четверых детей. Налог за бездетность ежемесячно высчитывали из трудовой. Э.Г. Линк называет сумму пять рублей.

Тяжёлый труд в колхозе оплачивался мало. Приведём пример из рассказа Р.Р. Кирейлиса. Его отец — Роман Йонович — в 1953 году сбежал из колхоза в Бакланихе в Старо-Туруханск. На разгрузке барж он за день заработал столько, сколько в колхозе за год.

Грозой для спецпоселенцев были уполномоченные. Они были поставлены над бригадами, вершили всю политику. Если бригады проявляли какую-то человечность, то и им доставалось от уполномоченного. «На каждом углу уполномоченные стояли», — говорят все бывшие спецпоселенцы. Когда умер бывший бригадир гослова Георгий Арзамазов, бывшие репрессированные вспоминали, что он «крови попил». А когда умер бывший комендант спецкомендатуры Тихон Лукьянов, бывшие ссыльные, по словам Елены Вилюсовны Арзамазовой (Микайните), сказали: «Собаке — собачья смерть» (когда Т.Лукьянов вышел на пенсию, его убил собственный сын, ударив бутылкой по голове).

Уполномоченных ненавидели и боялись еще долго. «На почте в семидесятых годах человек стоял у кабинки телефона. Отец страшно испугался, говорит, он за мной наблюдает», — упоминает Т.С.Шмидт.

Страх перед властью долго испытывали многие бывшие спецпоселенцы. Наталья Беккер (Гентер) своим детям дала русские имена,

хотя позднее, при получении паспортов, имена можно было сменить. Один только сын Роберт назван в честь родни. После реабилитации многие старались в паспортах детей поменять национальность. В семье Шмидт «брат младший, родной, — русский, а я — немка». В семье Сембиевых (отец — казах, мать - немка) две старшие дочери — немки, средняя — казашка, а младший сын — русский. Меняя имена и национальность на русские, люди пытались уберечь детей от возможных проблем.

Большинство бывших спецпоселенцев никогда не держали зла на власть, хотя самое старшее поколение, те, кто был репрессирован во взрослом возрасте, имея свои семьи, — возможно, и чувствовали ненависть. Их можно понять: по чьей-то злой воле они навсегда лишились малой родины, родного дома, полной семьи, испытали страшные материальные трудности и изменения социального статуса. Русские, вошедшие в семьи спецпоселенцев, говорят об озлобленности старшего поколения по отношению к русским. Об этом, например, рассказывает С.П. Павин, муж дочери спецпоселенцев Е. Розе.

Как выжили

Нет данных о том, сколько спецпоселенцев погибли от голода, холода, болезней. Все депортированные столкнулись с огромными проблемами.

Наиболее болезненным был вопрос питания. Паёк спецпоселенцев составлял 700 граммов хлеба на работающего и 400 граммов на иждивенца (иногда 300 граммов, как получала Доротея Каспаровна — мать детей Ульрих, потому что у неё очень болело сердце, и она не могла работать). Маленьким детям (дошкольникам), по словам А.А.Розе, давали 250 граммов по карточкам. С собой продуктов не было. Ирма Вернер привезла в манжете пальто семена картофеля. Семье Ульрих местные жители подарили ведро картофеля. Из него за несколько лет семья развела огород. Драгоценную картошку сначала не ели, держали только на посадку. Многие вспоминают, что, пока не развели свою картошку, умирали от недоедания. Иногда использовали в пищу крупу из экскрементов собак местных жителей (информант просил не называть его имени). Только в деревне Мельничной каждое утро маленькие дети и старики получали по стакану молока от колхозной коровы, об этом рассказал А.А. Розе. Слова «Armut und Hunger» («нужда и голод») часто звучали в рассказах о своей жизни Анны Иоганновны Гроо (Роледер).

Большие трудности, невзгоды перетерпели женщины, имеющие много детей. Умер с голоду 3-летний Давид Иордан, об этом со слов матери рассказала Елизавета Петровна Печёных (Эйдемиллер). По словам Марии Яковлевны Штибен её мать Доротея даже ходила по помойкам. Один раз она нашла рыбью голову, принесла домой, обмыла

и обжарила, отдала дочери¹. Л.Ю. Мехайнеджидис, дочь спецпереселенцев Анастасии Григорьевны и Юрия Харлампиевича Лукиди, рассказывает: «В гнилую картошку, собранную на огородах, добавляли муку, и бабушка Василиса пекла лепёшки, до сих пор помню их вкус. Ели траву: мокрицу, лебеду, крапиву, добавляли в неё немножко муку, крупу». М.А. Моор (Штуккерт) из рассказов родителей знает, каким деликатесом была замёрзшая гнилая картошка, жаренная прямо на плите без масла. Её отец Август Юлиусович, едва не умер от голода: «Выползал весь опухший из землянки весной, ел брусничный лист из-под снега».

Голодные матери пытались припрятывать для детей рыбу: прятали в шаровары, подвязывали под грудью. Если находили — судили. В Якутах матери четырёх детей дали семь лет, а детей отправили в детдом.

В Конощели сосланная одинокая немка (сын её был в трудармии), сама борясь с голодом, припрятывала «к возвращению сына» крошки хлеба, сахара, складывала их в какой-то сундучок. Однажды обнаружила, что всё заплесневело. Не перенеся потрясения, женщина сошла с ума. Этот случай рассказала дочери А.П. Милюкова (Никкель).

Самые бедные многодетные хозяйки пекли пышки, замешанные на лебедке, опилках, только чуть-чуть добавлялась дроблёнка из зерна. А чтобы эти пышки отделялись от сковороды, её подмазывали техническим солидолом. Толкли овёс и варили из него кашу, ели жмых. Солили листья от капусты, которые местные жители выбрасывали в отходы.

Екатерину Егоровну Кейль и впоследствии её семью спасала от голода мать Е.А. Кейль (Зигфрид). Машинка «Зингер» и прялка давали ей заработок. Внучка Будайчик Э.Д. (Сембиева) вспоминает, что женщины носили юбки из мешковины. Такие юбки шила бабушка. Эта семья спасла от голодной смерти Сембиева Джамбула Джамбуловича, бывшего детдомовца, сосланного в Сухую Тунгуску за пререкания с командиром. Впоследствии он стал мужем Кейль Е.Е.

Многие были спасены от голода, когда в устье Сухой Тунгуски вмёрз караван судов с грузом в Норильск. М.А. Ковалёва (Ульрих) рассказывает, что каравану требовались рабочие для забоя скота, для переборки картофеля, муки и моркови, для строительства, для заготовки дров и других работ. Бойщикам разрешалось брать кровь забитых животных; её жарили, парили, варили и пекли лепёшки, добавив муки. Рабочие дополнительно в караванной столовой получали триста граммов хлеба и обед из двух блюд. Так приезжие переселенцы, не знакомые со спецификой промыслов, всю зиму имели работу, которую привычны были выполнять, и получали дополнительный паёк. Голодать не приходилось.

Необычайно ранний ледоход на малой воде 1 мая 1943г. раздавил все тридцать две баржи, а буксиры выбросил на берег. Чтобы спасти муку

¹ Белоусова, Ж. Вот тогда — то вдовы и седали...// Маяк Севера.—2000.— 9 мая.С2

и масло из вод Енисея, мобилизовали всё взрослое население Костино, Мироедихи, Туруханска, Якутов, Коношели, Ангутихи и Горошихи, но спасти удалось немного. Кое-кто из спецпоселенцев припрятал мешок с мукой, но если об этом узнавали, то следовало суровое наказание. На станках производили повальные обыски. В Сухой Тунгуске двоих судили и дали по пять лет за блинчики из караванной муки. А.А. Розе рассказывает: «Ловили эти мешки. Набрали много, прятали в лесу. В лесу медведь разорил, дома — уполномоченные».

А на соседнем станке Баиха в первую зиму из ста сорока переселенцев пятьдесят один умерли от голода или замёрзли. Половина переселенцев в начале зимы были сняты с довольствия как охотники и рыбаки, хотя три месяца им как ученикам полагался паёк по карточкам. Женщины и девушки не могли ставить ловушек. О какой сдаче пушнины могла идти речь? Оставалось — голодать. Голодные люди не могли принести на себе и дрова из леса для своей печи. Вышел запас муки. Летом председателя колхоза судили, но умерших от голода не вернуть.

На станке Мельничном из 20 семей «за зиму почти все умерли», — говорит А.А. Розе. Смерть легко находила ослабевших от голода людей. По словам А.П. Милюковой (Никкель) даже в мае замёрзли семь человек, перемещавшихся пешком из Коношели в Горошиху.

Вопрос питания спецпоселенцев решался так: сначала давали карточки, затем отменили и ввели отоваривание за сданную рыбу или пушнину. Существовали так называемые рулоны (от слова «талоны») — на хлеб, на сахар, муку, табак. В колхозе начисляли трудодни. Но и ими порой приходилось жертвовать. Э.Г. Линк продала заработанного семимесячного поросёнка, чтобы поехать в больницу в Красноярск; нужно было спасти слепнувшую трёхлетнюю дочь Таню; другая дочь, Эльвира, умерла ранее в возрасте 1 год 10 месяцев.

Легче было тем семьям, в которых было мало иждивенцев и много работающих.

От резкой перемены климата многие болели и умирали. Вполне естественно, что переезд с Волги, Кубани и Прибалтики на Енисей — в район Крайнего Севера — вызвал массовое заболевание цингой. Районная заготконтора заготовила около сотни тонн черемши, и это спасало от цинги.

Другой острой проблемой было жильё. Поскольку действия НКВД были засекречены, местные власти получали предупреждение о прибытии ссыльных в самый последний момент. Никакого специального жилья для них не было предусмотрено, их селили, где придётся. Л.Ю. Мехайнеджидис (Лукиди) со слов матери рассказывает, что сопровождающий высадил их на берег Селиванихи: «Идите куда хотите». Все приехавшие семьи (Кайогло, Палачиди, Иваниди и другие) поселились сначала в каком-то амбаре.

Е.Е. Кейль (мать Э.Д.Будайчик) рассказывала дочери, что их на первое время поселили в сушилку для хомутов, «там сильно пахло

кожей и конским потом, а другие вообще поселились в конном дворе. Всё было занято».

Относительно повезло тем, кого высадили в сёлах вдоль Енисея. Многих же высадили прямо на берег тайги, где было два – три дома. Все рыли землянки, но у тех, кто попал в деревню, был хоть маленький, но шанс выжить при поддержке местных жителей. Кто не успел вырыть землянки, погибли в первую же зиму. А. Убиенных пишет, что пришлось использовать старые хозпостройки, стеклить окна, утеплять двери, перекрывать крыши, конопатить, но это было позднее¹. Все депортированные вспоминают о землянках. Женщины и девочки копали для землянок небольшие траншеи и заготавливали в лесу мох. Мужчины взялись за топоры и пилы, которых было очень мало, чтобы заготовить лес. Скатывать брёвна к воде через валуны на берегу тоже требовало сил и сноровки. Затем спущенные брёвна сплавивали в плот и приплавляли к станку. На лошадях поднимали брёвна через валуны наверх.

Большая семья строила отдельную землянку, семьи поменьше объединялись по две-три для общей землянки. По словам А.П. Милюковой (Никкель) в землянке жили по 18-20 человек. Для нар собирали доски или жерди. Землю рыли, чем придётся. Спали на фуфайках, прикрыв плечи мешком. Освещение – лучины. В землянках жили в разных населённых пунктах разные сроки: где – два года, где – год.

В деревне Сухая Тунгуска некоторые поселились в ледяном холодном бараке. В таком бараке утеплял комнату для семьи муж Е.А. Кейль (Зигфрид).

Трудно представить, как выжили в землянках. В центре стояла «печь», сделанная из железной бочки. Позднее умельцы – печники в некоторых землянках складывали плиты из берегового камня. Т.С. Шмидт из рассказов родителей знает, где в Старо-Туруханске были вырыты землянки: в откосе берега Енисея, рядом одна с другой, крыши были закрыты досками, чтобы не провалились идущие по берегу. Сейчас на месте землянок скотомогильник. Л.Ю. Мехайнеджидис помнит, как выглядели землянки: ступеньки из земли спускались вниз, были маленькие окна, а земляные стены укреплены столбами.

Не было кухонной утвари. Н.С. Скворцова рассказывает про эстонскую семью с девятью детьми: «Привезли с собой в мешках дрова и огромный мотор из жёлтой жести. Глава семьи наделал из него тарелок типа консервной банки».

«Одежды не было, — рассказывала дочери, М.А. Моор, о тех страшных днях Лидия Александровна Штуккерт (Шляйнинг). — Чтобы не замёрзнуть, обматывали ноги тряпками и прямо на них надевали галоши. Землю копали деревянными лопатами. А ещё и учились. Писали птичьими перьями на бересте. Чернил не было, а вместо них использовали кровь из тушки убитого зайца».

¹ Убиенных, А. Страницы жизни // Маяк Севера.— 1992.—15 августа. С.3

Третьей проблемой было трудоустройство, от этого зависела сама жизнь. Рабочих мест на всех не хватало. К тому же депортированные не знали главных местных промыслов (рыбалка и охота). Иногда везло тем, кто имел востребованные профессии. Бабушка Т.С. Шмидт – Целовальникова А.С. — была медсестрой, её взяли на работу сначала в Старо-Туруханскую больницу. «Тиф был во время войны, население вымирало. Бабушка сразу заработала авторитет во время эпидемии, и её пригласили в Туруханск в больницу старшей медсестрой».

А в основном специалисты различных профессий, уровней и сфер выполняли тяжёлую физическую работу: раскорчёвывали целину, рубили лес, пилили, кололи и возили дрова на лошадях для учреждений, а по деревням возили почту и начальство; возили на нартах еду работающим в лесу; заготавливали дрова для госпароходства; строили жильё, склады, конторы. Работали на покосе, добираясь туда на лодках, закладывали в траншеи силос. Ухаживали за скотом. Добывали рыбу. До начала рыбалки часто нужна была предварительная подготовка: специальным неводом из верёвок доставали со дна реки огромные валуны. Рыбалка неводом на озере тоже была не из лёгких: протаскать двадцатиметровый невод в стоячей воде, заросшей травой и водорослями, — труд адский. Выпутывать рыбу из сети голыми руками нелегко и летом, а женские бригады рыбачили и зимой. За пятнадцать километров ходили на проруби, долбили 6-7 штук 50 см х 1м 20см. А из совхоза в Селиванихе в районный центр по лесной дороге за десять километров носили на продажу на коромысле по два ведра молока. Здесь была убита сбежавшими со строительства аэродрома в Туруханске заключёнными Эрн Копп.

Эмма Линк работала в лесу: «Заготавливала дрова для пароходства. Дорогу надо было топтать. Лес валят — девки молодые погибали, давило падающими деревьями. И брёвна на себе таскала».

Мина Андреевна Самойлова вспоминает: «Учились и рыбу ловить, да в таких условиях, что сейчас это даже страшно представить. В октябре отогревали ноги, заходя в калошах и обмотках в холодную воду. О каких-то сапогах даже и не мечтали. Учились охотиться, невзирая на лютые морозы»¹.

А.П. Никкель рассказывала дочери — Л.Т. Поповой, что ноги у неё были часто порезаны льдом, потому что обуви не было. 16-летняя Антонида Никкель была хрупкого телосложения, и однажды во время рыбалки её едва не утянуло в воду сетями, которые она вытаскивала. 80-летняя Антонида Петровна до сих пор не переносит запах рыбы.

М.А. Ковалёва (Ульрих) из всех тягот военной поры особенно помнит рыбалку: «Осенью селёдка идёт, и лёд идёт, а обуви нет. В воду залезешь, а потом, когда рыбу из сетей в лодку выбираешь, и ноги поднимаешь, только чтобы ноги не примёрзли. В первый год 27 октября на осеновку (осенний лов рыбы) поехали, не объехали опечек

1 Савельев, Г. Жизнь, как на ладони// Маяк Севера 2004г.-15 октября,

(песчаный остров посреди Енисея). Местные-то про него знали, а мы нет. Перевернулись. В ватных брюках по грудь в ледяной воде стояли. Когда закрыли колхоз, и нас перевели в Костино, мы рыбу ездили вечером сдавать в Селиваниху за 70 километров. Приедешь, а ноги красные, как флаг. А утром рано снова на рыбалку. А ещё сначала на гребях из Костино нужно было по Енисею вверх подняться на 17 километров». Э.Г. Линк во время рыбалки приходилось лодку бечевой тянуть по берегу: «Темно, страшно, что медведь выскочит. И на льду в калошах рыбачила».

Спецпоселенцы освоили нелёгкий и опасный труд промысловика (охотника) в северных условиях. Освоили подводный лов ондатры, научились «белковать» (добывать белку). Проводили по месяцу в тайге, привезя на нартах скудные припасы, палатки, печку, постель.

Л.Кулмит вспоминает, как его заменили на работе в бондарке: «Не евши не пивши какие силы. Пришлось в колхоз идти. Отправили на ветках (лодках) за ондатрой». Охота и рыбалка стали позднее его страстью.

Тяжёл и непосилен был труд голодных людей зимой, но и летом было не легче. Полчища гнуса висели над каждым живым существом. Люди разводили дымокуры везде, без верхонок было невозможно работать. Шили себе колпаки с прорезями для глаз. Если удавалось получить крохотный кусочек марли, то вшивали в колпак напротив глаз и носа. Э.Г. Линк рассказывает, что для спасения от гнуса использовали частич (кусочек от порванного невода): «мочили в дёгте и надевали на голову, катает, смотришь, чтобы в глаза не попало».

Четвёртая проблема — психологическая адаптация в новых условиях в результате потрясения от экстремальных условий ссылки, потери социального статуса, потери полной семьи. Тяжёлый физический труд с пяти часов утра и до захода солнца в военное время и первобытные бытовые условия часто угнетающе действовали на людей, парализовывали волю к жизни.

Трудолюбивые немцы не ленились, пытались сразу обустроиться «в отличие от греков, которые не хотели работать и не любили по своей натуре, многие из них умерли», — так говорит О.Я. Штайнбрайс. Дело, наверное, не только в личных особенностях. Все были оторваны от своих корней, большинство не знали русский язык, невозможно было привыкнуть к суровому климату, к непривычным условиям. Даже северяне-финны не выдерживали, «умирали семьями, а их целую баржу в Черноостровск привезли», — со слов родителей рассказывает Р.Р. Кирейлис.

Порой депортированные просто не могли приспособиться к новой работе. Например, многие греки были торговцами, а калмыки — это не только рыбаки, но и скотоводы — кочевники. А они были назначены на работу в колхозы или определены на работу, для выполнения которой они не имели подготовки. Поэтому они были слабой рабочей силой,

и под бременем штрафов исчезал их скудный заработок, а значит, и средства на жизнь. Греки в В-Имбатске пытались торговать ягодой и орехами, но собирать их в тайге им было очень трудно.

Греки и калмыки умирали чаще, чем немцы. Об этом говорят все наши информанты, например, Н.С. Скворцова: «Греки сильно умирали. Гаврил Семерджиди съел выданные для рыбалки кожаные бродни, его «покрыл» Миллер, определил его в бригаду охотников». Борис Георгиевич Печёных рассказывает: «калмыки, в основном, были древние старики. Под угор (крутой берег реки) на досточках спускались. Наверх еле поднимались. Не смогли приспособиться. Многие умерли».

Трудности в общении были большие. Смешение кровей, языков, нравов, обычаев, культур составляло своеобразную неразбериху маленьких станков. Кому посчастливилось добраться семьёй, чувствовали поддержку друг друга. Мамы, видимо, правильно ориентировались, приучали к суровой жизни. Даже бедный паёк надо было уметь делить. Те, у кого родители умерли, были наиболее обездоленными. Последние родственные связи порой рвались искусственно. Например, долго искала свою сестру Доротею Мария Гейнриховна Ихваненко (Фритц). Её младшую сестру удочерила русская учительница, сменив ей имя и фамилию¹.

Нельзя было сохранить традиции. «Сначала говорили между собой на немецком языке. Но потом старались изучать русский. Прибалты ли, калмыки ли, встречаясь, всегда общались на родном языке. Немцы же из-за особого к ним отношения старались говорить по-русски, чтобы меньше быть замеченными... Вот до чего дошло. Потому-то дети и не научились родному языку, никаких обычаев, никаких национальных праздников²».

Все дети спецпоселенцев работать начинали рано. Дети местных жителей тоже рано начинали помогать родителям, но это была именно помощь, а не спасение от голода, как это было у депортированных. 13-летняя Наташа Гентер перебирала картофель в овощехранилище. В 12 лет Генрих Гроо, чтобы не умереть от голоду, начал работать зимой на заготовке дров для учреждений Туруханска. Сергей Шмидт в 14 лет пахал поле на быках. Вышел на работу за хлеб 1 января 1943 г. Андрей Розе, которому 25 декабря исполнилось 12 лет, он бросил обучение в 4-м классе, возил на лошадях почту, пассажиров от Мельничного в Мироедиху и Костино, летом рыбачил. Лаймон Кулмит зимой 1943 года зарабатывал деньги на разгрузке вмёрзшей в лёд возле д. Бакланихи плотоматки. Это был очень тяжёлый труд. Объём пиломатериала в плотоматке составляет 3-5 тыс.м.³, длиной плотоматка 150 м. Мокрый пиломатериал, как цементом схватился льдом. Но этот труд в гослове давал ему заработок в 400 рублей (взрослым — по 600). Чтобы одеть его для работы, мать и сестра Лаймона — Дзидра — «распустили одеяло,

1 Фритц, М. Помогите найти сестру.// Маяк Севера 1990.- 5 июня. С.2

2 Между прошлым и будущим/ зап. О. Морквенас. — Красноярский комсомолец.—1989.—11 апреля. С.3

связали из него рукавички, выменяли их на шубку и пимы, и пошёл я разгружать плотоматку».

Межэтнический состав спецпоселенцев не стал преградой для дружбы. До самой смерти дружили между собой калмык Сидоров, немец Адольф Симон и немец Иордан Иоганнес.

Вклад спецпоселенцев в экономику Туруханского района

Спецпоселенцы были направлены на работу в колхозы. Новых колхозов, вероятно, было создано немного, спецпереселенцы вошли в состав уже действующих колхозов. А.М. Ковалёва (Ульрих) вспоминает, что первые спецпоселенцы вошли в Сухой Тунгуске в колхоз «Волна», а сосланные позднее немцы, греки, две семьи финнов вошли в новый колхоз «Восток». «Дали нам в колхоз одну лошадь и одну корову, капканы, верёвки, нитки, куклы для сетей и неводную дель. Так до 44-го и было в одной деревне два колхоза». 51 колхозник нового колхоза были 13-ти национальностей; в т.ч. венгры, литовец, армянка и даже еврей с богатой фамилией Гольдринг – Золотое кольцо.

Мужчины-спецпоселенцы входили в звенья рыбаков и охотников. Других расставили по хозяйственным работам: конюх, доярка, заготовители дров для пекарни, школы, Красного уголка. Заготавливали еловые брёвна для распиловки на лодочный тёс, на поплавки для неводов и сетей. Пожилые женщины и подростки распускали крупноячейную дель на пряжу, а затем из неё вязали мелкоячейную дель для приборов и мотни к неводам на тугунов. Но обеспечить всех внутрихозяйственными работами не могли.

На примере одного только колхоза «1 Мая» в д. Мироедихе уже видно, какую помощь району оказали спецпоселенцы. Осенью 1942 года в Мироедихе поселились немецкие и греческие семьи. Население маленького посёлка приняло у себя 44 человека. Всех их нужно было разместить, некоторых обустроить и одеть, дать каждому взрослому работу и возможность зарабатывать на жизнь. Прибавка в рабочей силе позволила колхозу расширить количество пахотной земли с 3 га до 15, из них 11,5 были заняты под картофель и другие овощные культуры. В хозяйстве было более 40 голов крупно-рогатого скота, 25 лошадей, постоянно выполнялись плановые задания по добыче рыбы и пушнины. Изобилия не было, но и от голода в Мироедихе никто не умер¹.

Среди репрессированных были хорошие специалисты. Например, калмыки были хорошо знакомы с рыбным промыслом. Среди них нашлись и умельцы, которые предложили новую технологию обработки тугуна, особый посол в поллитровых банках. И стала эта продукция деликатесом, впоследствии была организована в правительственный резерв. По-другому стали солить в Янов Стане рыбу момчик из Совречки. Рыбозавод из убыточного перешёл в прибыльное предприятие.

¹ Беспалов, Г. Прошай, Мироедиха, // Маяк Севера 2000. – 7 февраля

В годы войны Туруханский район добывал и поставлял для фронта ежегодно до 14 тысяч центнеров доброкачественной рыбной продукции.

Ссылные немцы хорошо знали сельское хозяйство. В колхозе им. Свердлова в Селиванихе увеличились показатели урожайности. Другой пример. В Старо-Туруханске немец Шульц организовал пригородный совхоз. Он много сил и труда вложил в это крайне нужное хозяйство. И, несмотря на большие трудности, у него хорошо получалось. Шульц заложил капитальный фундамент пригородного совхоза, как говорили, на голом месте. Сельхозугодий было в достатке: и сенокосов, и выпасов, и много земли под зерновые, картофель и овощи. Отличительной чертой в стиле работы первого директора было умелое сочетание строительства жилья с развитием производства, освоение земли. Управляющий трестом пригородных совхозов Гужевский, ознакомившись на месте с ходом развития совхоза, оказал большую помощь совхозу в деньгах на капитальное строительство, техникой, стройматериалами, племенным молодняком крупно - рогатого скота и свиней. Через два-три года совхоз обеспечивал районный центр ранней зеленью, молоком, творогом, из года в год увеличивал поставки мяса, обеспечивал все потребности в картофеле и капусте. В совхоз были приняты специалисты из спецпереселенцев: грек агроном, зоотехник, ветфельдшер.

Ещё пример. Ссылный немец Миллер А.И. – бывший секретарь РК КПСС на Алтае — в пос. Искуп реорганизовал колхоз им. 25-летия Октября. Он получил в госбанке ссуду на строительство жилья, животноводческих помещений и на закуп молодняка крупно рогатого скота. В годы войны на обоих берегах Енисея, особенно на правом, сплошным мостом лежала аварийная древесина. Из этого материала ссылные немцы построили жильё, телятник, коровник, обеспечили всё хозяйство дровами, распахали конными плугами залежи, посеяли ячмень и овёс, а осенью собрали хороший урожай, обеспечились зерном, соломой и сеном. Одновременно со строительством Миллер организовал несколько звеньев по добыче рыбы, сформировал бригаду охотников. Через три года в колхозе началось производство крупного рогатого скота, приступили к развитию свиноводства. Из года в год хозяйство развивалось и укреплялось, в итоге вышло на одно из первых мест в районе. После отъезда А.И. Миллера колхоз возглавил тоже немец: Штро Яков Михайлович – бывший инженер-строитель Ижорского завода.

Но большинству спецпереселенцев пришлось осваивать новые для себя профессии. Рыбный промысел, земледелие, животноводство – отрасли, в которых трудились наравне местные жители и ссылные, трудились самоотверженно. Охотники исхаживали в день до двадцати пяти километров по тайге.

Непосильный труд в суровых условиях подрывал здоровье, уносил жизнь. Генрих Батц семь месяцев провёл в красноярском краевом тубдиспансере. Айна Микайните, возившая на лошадях сено, заболела астмой

от сенной трухи. Цоль Эдуард, работая разнорабочим, надорвал спину и вскоре умер. Мария Ульрих после рыбалок в ледяной воде до сих пор мучается болями в ногах. В Черноостровске в 1943г. умер от язвы желудка Виллос Михайнис, глава семьи, потому что не было ни врача, ни лекарств. Через год сылки заболел туберкулёзом и умер в Конощели 19-летний Гарий Никкель.

Вклад спецпоселенцев в культурную жизнь района

Незнание русского языка вело депортированных к определённой культурной изоляции от местного населения, а связи со своей культурой слабели. Но желание быстрее освоиться в новых условиях вело к некоторому обмену культурными традициями.

В Сухой Тунгуске ссыльная молодёжь поставила спектакль «Дурак» на военную тему, а вечерами в Красном уголке переселенцы учили местных вальсу и фокстроту, а сами осваивали северные лихие переpleсы и старинные хороводные песни.

В В-Имбатске Л.Э. Шейнмайер украшала школу цветами на клумбах. На Енисейском Севере не было принято украшать дворы и улицы, поэтому Лидия Эдуардовна занималась этим одна с учениками. Школа была на месте церкви, было много камней, и ученики в мешках приносили землю. Новым для жителей В-Имбатска был и балетный кружок, который вела Л.Э.Шейнмайер. Среди спецпоселенцев было много грамотных людей. Гринберг – полковник – в колхозе у А.И. Миллера был своего рода адвокатом: если кого-то наказывали лишением трудодней, он его защищал. «Учительница Гильда Матвеевна (в Туруханске) любила играть на пианино. На большой перемене мы ей поставим лампы, чтобы она ноты видела, а сами танцуем. Так здорово было!»¹

Реабилитация

Принудительное выселение во время Великой Отечественной войны целых народов, подозреваемых в диверсиях, шпионаже и сотрудничестве с немецкими оккупантами, до недавнего времени было белым пятном советской истории. Лишь с конца 50-х годов власти признали «бесчинства» и «слишком широкие обобщения», имевшие место при выдвижении столь массовых обвинений. В 60-е годы наконец было восстановлено юридическое существование некоторых автономных республик, стёртых с карты страны из-за «сотрудничества с оккупантами». Только в 1972 году представители депортированных народов фактически получили разрешение свободно выбирать место жительства. До середины 60-х годов вся информация о санкциях в отношении «наказанных народов» держалась в секрете: постановления, предшествующие указам 1964 года, никогда не опублико-

¹ Шепилова, М. Уже прошло полвека после школы...// Маяк Севера.- 2005.-6 августа. С.4

вались. Только в Декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года Советское государство признало, наконец, «преступное беззаконие и варварские акты, совершённые сталинским режимом в отношении принудительно высланных народов».

Первыми из депортированных народов освобождали литовцев (1954-1956 гг.). Греки освобождались в 1956 г., латыши и эстонцы — в 1957-1958 гг., калмыки — в 1958г. С немцев обвинения в предательстве окончательно сняли только в 1964 году. Всем освобождённым чинились препятствия, хотя, по словам Н.С. Скворцовой, в течение недели всех паспортизировали. Многие финны вынуждены были поселиться в Эстонии. Немцам не разрешалось вернуться на Волгу до 1972 года. Вернуться на родину завещала хотя бы одному из четырёх внуков А.С. Шмидт (Целовальникова). А.И. Миллер «увёз за собой целый хвост немцев-специалистов». Только из В-Имбатска уехали в Германию 61 человек.

Те, кто не сломился, и до реабилитации показали себя честными, порядочными людьми, очень трудолюбивыми. Их ценили как организаторов производства. Калмык Горяев Улюмомжи Горяевич — бывший начальник Астраханского треста наркомата рыбной промышленности — возглавлял моторно-рыболовную станцию. Бывший республиканский прокурор Поволжья Вернер Карл Яковлевич был выбран председателем переселенческого колхоза на станке Якуты. И.И. Горн работал в Фарково заместителем председателя колхоза, а в 1960 году решением бюро райкома КПСС был направлен на работу на станок Чулково. Там был избран председателем колхоза имени XVII партсъезда. За свой добросовестный труд Иван Иванович награждён медалью «Ветеран труда» и юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.» Г. Батц стал писателем и художником. Таких примеров можно привести ещё множество.

Никто из спецпереселенцев не спился, не потерял чувство достоинства. У всех большие семьи, дети трудолюбивы, получили образование. В семьях почитают старших. В некоторых семьях дети до сих пор обращаются к родителям на Вы, хотя у самих уже дети и внуки, называющие их на «ТЫ».

Религиозные верования не были переданы. Н.Беккер (Гентер) молилась только, когда была маленькой, при матери. «А что Бог матери дал? В 51 год умерла». У А.Ю. и Л.А. Штуккерт хранятся библии, доставшиеся ещё от родителей, одна — на русском, а другая — на немецком 1908 года издания. Штуккертсы свободно читают по-немецки, дочь владеет только русским языком. М.А. Ковалёва (Ульрих) одна в семье соблюдает религиозные требования лютеран. Греческие семьи с сожалением вспоминают, что утратили традиции. Например, в семейные и календарные праздники водку обычно не пили, а если пили, то маленькими рюмочками. Старшее поколение в 50-е годы пыталось напомнить детям их национальность. Тане Шмидт говорили

на улице бабушки: «Не забывай, что ты наша. Ты почему языка не знаешь?» Тане было стыдно, но потребности в немецком языке она не ощущала.

Из немецких традиций в семьях младшего поколения сохранилось умение готовить блюда национальной кухни: это — куха (пирог с ягодой) и штрудель (капуста, тушённая с галушками и свиными косточками). В голодные годы немцы сохранили в памяти рецепты. И ещё одна традиция: необыкновенно опрятные дворы и домики немцев. Много лет туристы Советского Союза и туруханцы любовались летней печкой во дворе Фриды Давыдовны и Юста Евгеньевича Кейль. Двор Амалии Фритц носил звание «Усадьба образцового порядка».

Не все спецпоселенцы выехали. Одним было некуда ехать, другие не хотели рушить с таким трудом созданный быт, лишать рождённых в Сибири детей родины. Снова по-живому рвались семьи: одни члены семьи выезжали или на родину, или в Германию, в Грецию; другие остались с семьями в Туруханском районе.

Бывшие спецпоселенцы пользуются определёнными льготами. На них распространяется Федеральный закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Закон 122 о монетизации льгот перевёл реабилитированных в категорию региональных льготников. Дети спецпоселенцев иногда статус спецпоселенцев устанавливали через суд, с помощью свидетелей, как это было с Л.Ю. Мехайнеджидис (Лукиди). То же самое происходило с установлением трудового стажа, ведь многие начали работать в 12 лет, а работу в колхозах в стаж долго не засчитывали. У Л.Э. Кулмита трудовой стаж — 52 года, 11 месяцев, 17 дней. Из-за отсутствия справок ему не засчитали ещё три года в гослове.

Массовый отъезд спецпоселенцев нанёс большой удар экономике Туруханского района, поднявшейся в годы войны во многом благодаря притоку депортированных и их подневольному труду. Закрывались колхозы и целые деревни. Ведь до приезда репрессированных деревни были малочисленными. Например, в Черноостровске жили несколько местных семей, а ссыльных немцев, финнов, латышей привезли 30 семей. В Мельничном жили две семьи, а депортированных привезли 20 семей. Так было повсеместно в районе. Только в 70-е годы район снова стал развиваться, так как главным направлением его экономики стало развёртывание геолого-поисковых работ.

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/9/Kotieva/0.htm

Войною не был сломлен дух

(о судьбах бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания)

Ирина Губанова

*Красноярский край, г.Красноярск
школа № 149*

Руководитель М.А. Волкова

Введение

22 июня 1941 года памятно нам как один из самых трагических дней в истории нашей страны. В этот день фашистская Германия напала на СССР. Над нашей страной нависла смертельная опасность. За 1418 дней войны пострадало огромное количество людей. Военнослужащие, мирные жители, и даже дети испытали на себе все ужасы войны.

Дети и война – понятия, казалось бы, несовместимые. Со дня ее окончания прошло уже 55 лет. Но, чествуя ветеранов Великой Отечественной, вспоминая с благодарностью их ратные и трудовые подвиги, мы обязательно вспоминаем и тех, кто все ужасы и тяготы войны познал еще ребенком. Сколько их было в действующей армии, в партизанских отрядах и подпольных организациях в тылу врага?! Родина не забыла их ратные подвиги, их вклад в Великую Победу: многие дети были награждены орденами и медалями, получили высокое звание Героя Советского Союза. Но были и те, для которых ужасы войны усугублялись их полным бесправием, каждодневным унижением и страхом за свою жизнь. Это малолетние узники концлагерей. Этим людям остается все меньше, и нужно спешить помочь им оставить в назидание потомкам урок мужества и стойкости.

Историческими источниками по теме являются документы Центра хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК), в фондах которого имеются воспоминания, фотографии бывших малолетних узников фашизма, проживающих в настоящее время на территории Красноярского края.

Одним из важнейших источников получения информации можно, безусловно, считать воспоминания и материалы из личных архивов бывших малолетних узников - Спирова Владислава Викторовича – первого председателя краевого отделения РСБМУ «Сочувствие», Россовой Татьяны Львовны – ныне действующего председателя, Замаруевой Симы Иосифовны, Осиповой Полины Карповны – председателя отделения по Советскому району г. Красноярска, а также Бергер Бернадаты Соломоновны, Прянишниковой Любви Павловны – бывших узниц, ныне проживающих в Советском районе г. Красноярска. Все эти люди,

несмотря на то, что воспоминания порой мучительны и тяжелы, все-таки согласились рассказать о трудном периоде своего детства, и о дальнейшей их судьбе.

Наиболее полным источником считаю газету «Судьба» — единственное печатное издание на постсоветском пространстве, отстаивающее интересы жертв нацизма, последних свидетелей гитлеровского разбоя в годы Второй мировой войны. Газета публикует воспоминания, дневники, иллюстрации, документы, свидетельские показания о судьбах угнанных в немецкое рабство, замученных и чудом оставшихся в живых детей, брошенных фашистскими извергами в застенки многочисленных тюрем, концлагерей, гетто¹.

Доступных мне монографических исследований по данной теме нет. Существующий круг источников, малоизученность и актуальность темы позволяют обратиться к ее рассмотрению.

Малолетние узники. Кем они были?

В годы второй мировой войны концлагеря, гетто, другие места принудительного содержания, созданные фашистами и их союзниками находились на территориях разных стран:

- Германия: Бухенвальд, Галле, Дрезден, Дюссельдорф, Катбус, Равенсбрюк, Шлибен, Шпремберг, Эссен;
- Австрия: Амштеттен, Маутхаузен;
- Польша: Красник, Майданек, Освенцим, Пшемысль, Радом;
- Франция: Мюлуз, Нанси, Реймс;
- Чехословакия: Глинско, Кунта-гора, Натра;
- Литва: Алитус, Димитравас, Каунас;
- Эстония: Клоога, Пиркуль, Пярну;
- Белоруссия: Барановичи, Минск²
- а также на территории Латвии и Норвегии.

В концлагерях, гетто, других местах принудительного содержания погибло более 13 миллионов советских людей, из них 1 миллион 200 тысяч детей. Всего же жертвами фашистской неволи было более 5 миллионов детей. Дожил до освобождения лишь 1 ребенок из десяти³.

С целью определения положения узников я решила обратиться к Толковому словарю. Термин «узничество» является устаревшим. Обозначает пребывание в заключении, в положении узника⁴. В современном понимании в соответствии с разъяснением от 7 июля 1999 года № 4, утвержденным постановлением Министерства труда и социального

1 Сохраним нашу газету!//Судьба, 1993 г. № 4 (68), июль-август 2000 г. С. 1.

2 Ходатайствую о выделении мне пайка //Судьба, 1993 г., № 4 (68), июль, август 2000 г. С. 3.

3 Алексеевич Т.Г. // Вечерний Красноярск. 15.09.98 г.

4 Ушаков Д. Толковый словарь русского языка. М., 1996 г. Т. 4. С. 911.

развития РФ от 07.07.99 № 20, малолетними узниками считаются «... проживающие на территории РФ бывшие несовершеннолетние граждане, которые в годы второй мировой войны в возрасте до 18 лет содержались или родились в концлагерях, гетто, других местах принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками на территориях Германии и союзных с нею стран, а также на оккупированных ими территориях бывшего СССР и стран Европы»¹.

Дети, угнанные в нацистскую неволю, содержались наравне со взрослыми, причем в условиях тюремного режима, в концентрационных и трудовых лагерях, находились под стражей со всеми характерными признаками ограничения свободы передвижения ².

С целью определения степени тяжести положения узников разведем понятия «концентрационный», «трудовой» лагеря, гетто.

1. В концентрационных лагерях содержались одновременно миллионы людей. Время пребывания в них было достаточно коротким, так как основное назначение их – «фабрики смерти». Самыми ужасными считаются Дахау, Освенцим, Майданек, Бухенвальд, Маутхаузен и Саласпилс.

2. В трудовых лагерях содержалось, в основном, угнанное с оккупированных территорий трудоспособное население – женщины, а также дети с 11 лет. Отсутствовали жестокие телесные наказания. Размер продовольственного пайка был достаточным для поддержания рабочей силы.

3. Гетто — часть города, выделявшаяся в средние века в странах Западной и Центральной Европы для изолированного проживания евреев; во время второй мировой войны еврейские гетто создавались в ряде городов Восточной Европы и превращались в «лагеря уничтожения»³. Они представляли собой часть города с одноэтажными бараками, огороженную колючей проволокой.

Я беседовала с бывшими малолетними узниками, проживающими в настоящее время в г. Красноярске. Из шести человек, откликнувшихся на мою просьбу поделиться воспоминаниями о том страшном времени, самой старшей оказалась Фейзер (в замужестве Бергер) Бернадата Соломоновна, 1930 года рождения. Немцы взяли в плен всю ее семью: родителей и шестерых детей. С августа 1943 года они находились на территории Германии, в лагере г. Эйхенга. Бернадату, 13 лет, и ее старшего брата Соломона, 17 лет, взяли от родителей на работу в хозяйство бауэра (немецкого крестьянина): косить сено, молотить хлеб, ухаживать за животными, словом, выполнять всю тяжелую работу. Они не подвергались физическим наказаниям. Несмотря на то, что

1 Постановление Минтруда и социального развития РФ от 07.07.99 № 20

2 Заявление Украинского союза узников – жертв нацизма (УСУЖИ) // Судьба, 1993 г., № 4(68), июль, август. С.2.

3 Зенович Е.С. Словарь иностранных слов и выражений. М., 1998 г. С. 117.

по национальности Фейзеры были немцами, относились к ним как к людям «второго сорта».

Моими собеседниками были также Спиров Владислав Викторович, 1934 года рождения, Россовская Татьяна Львовна, 1932 года рождения, Осипова Полина Карповна, 1937 года рождения, Прянишникова Любовь Павловна, 1937 года рождения, Замаруева Сима Иосифовна, 1932 года рождения.

Спиров Владислав Викторович был вывезен немцами из г. Пушкина (Царского села) в ноябре 1941 г. в возрасте 7 лет. Последним этапом его военной биографии (1944 г.) была Северная Норвегия. Вокруг места расположения их лагеря не было населенных пунктов, так как рядом находился аэродром, где работали узники, в том числе и мать Славы Анастасия Николаевна. Дети считались взрослыми с 11-летнего возраста и трудились наравне со старшими, расчищая снег на аэродроме. Младшие оставались в лагере.

Россовская Татьяна Львовна находилась в Германии вместе с матерью Марией Ефимовной, 13-летним братом Дмитрием, и 3-летним братом Ромой. Мать и старший брат работали.

Замаруева Сима Иосифовна в 9 лет оказалась в Литовском гетто, которое находилось недалеко от лагеря военнопленных. Условия содержания были ужасные: в небольшой комнатухе находились по 10-20 человек, пища была практически несъедобной, поэтому дети были сильно истощены и все болели. Малолетние узники работали на уборке улиц.

Каждый день ребята боялись за свою жизнь, так как понимали, что в любой момент их могут убить. Сима выжила благодаря своей няне — литовке Монике, которая работала в немецкой офицерской кухне и обманным путем, рискуя понести наказание за нарушения правил, неоднократно приносила что-то поесть. Ей удалось забрать Симу из гетто и перевести в концлагерь, откуда девочка смогла сбежать. После побега Сима нашла Моника. Няня спрятала ее у своих родственников.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что чем старше были ребята, тем больше страданий выпадало на их долю. Шансы уцелеть были выше у тех, кто был размещен в трудовых лагерях.

Судьбы детей, лишенных детства

Мое знакомство с бывшим председателем Краевого общества «Сочувствие» **Спировым Владиславом Викторовичем** состоялось в конце ноября 2000 года. Он охотно рассказывал о времени и о себе.

Владик родился в г. Ленинграде 4 сентября 1934 года. В начале 1941 года в Ленинграде уже трудно было с водой и едой. Спириковы поехали на дачу в г. Пушкин Ленинградской области, чтобы привезти хотя бы картошки. Там утром 17 сентября 1941 года в бомбоубежище они были захвачены немцами.

Людей заперли в товарных вагонах и везли двое суток, не открывая их. После длительных пеших этапов по зимним дорогам, унижительных и изнуряющих мытарств Спиropy оказались на юге Псковщины, на станции Ямм¹. «...мы...были не в одном месте во время войны. Я называю это малым кругосветным путешествием: сначала Ленинградская область, Псковщина, потом Эстония, Финляндия, потом Норвегия...»²

Наиболее продолжительным было пребывание в Северной Норвегии. Вначале Спиropy были в лагере под названием «К-лагерь». Вокруг него отсутствовали населенные пункты, а был аэродром, где работали узники. Их доставляли на место работы по снежным туннелям на грузовых машинах. Недалеко находился лагерь военнопленных. С ними общаться не разрешалось, но иногда удавалось передать собранные за несколько дней по крохам продукты. А военнопленные передавали для детей самодельные деревянные игрушки.

В Мемориале Победы имеется экспозиция, посвященная В.В. Спиropy. В ней выставлены чудом уцелевшие деревянная меленка, фанерная шкатулка с надписью латинскими буквами – «Лиинахамари», (1944 год), книжка сказок Пушкина, кукла «Витенька». Куклу подарил Владику перед самой войной брат отца после рождения сына Витеньки. И дядя, и его сын погибли в декабре 1941 г. в блокадном Ленинграде.

Немцы возили узников по воскресеньям на санобработку в соседний лагерь, в котором находились больные и раненые военнопленные. Владиславу Викторовичу запомнилась дорога между лагерями и кладбище наших военнопленных, тела которых едва прикрывали камнями. Это было западнее норвежского города Киркенеса, совсем недалеко от Родины.

25 октября 1944 года советские войска освободили г. Киркенес, в начале ноября – лагерь, где находились Спиropy. Тыловыми частями Красной Армии было сделано все, чтобы перед дальней зимней дорогой на Родину людей накормить, хоть как-то одеть, обуть, дать возможность почувствовать себя людьми.

«Дальше предстояла долгая дорога Домой, где нас никто не ждал, даже ближайšie родственники в послеблокадном Ленинграде, так как считали нас давно уже погибшими... И наша квартира на ул. Марата, 16 давно была уже занята другими людьми, и война еще полыхала вокруг...», — так охарактеризовал свое возвращение на Родину Владислав Викторович. Таким образом, Слава и его мать были освобождены из плена.

На долю **Россовской Татьяны Львовны** и ее семьи выпало также немало трудностей.

Татьяна родилась в 1932 году в г. Рыбинске Ивановской области. Отец, Лев Александрович Дубровинский, был инженером-технологом, мать, Мария Ефимовна, имела два высших образования, хорошо говорила по-немецки, знала французский. В семье было два сына и дочь.

1 Мураховская М. О сказки Пушкина, и вы попали в плен... // Красноярский рабочий. 6.05.95 г.

2 Спиrop В.В. Воспоминания из фондов ЦХИДНИКК

В начале войны семья жила в Подмоскowie. Отец погиб во время строительства укреплений под Москвой. Мать осталась одна с тремя детьми. В связи с приближением линии фронта они были вынуждены уйти из родного дома. Но эвакуироваться им не удалось. «Так они шли в ночи. В никуда. От беды и за бедой. Сколько так двигались и куда, она не помнит. Казалось шли несколько дней, но дневного света не было. Все была ночь. Страшная ночь. На дороге они впервые и услышали немецкую речь. Их подобрала санитарная машина, и, видимо, откликнувшись на хороший немецкий, а мама знала несколько языков, их подвезли до какой-то деревни»¹.

Добравшись до избы, где было много русских, они остались там на ночь. Спали стоя, так как было очень тесно. Дальше продолжались маятные ночи и дороги. Так добрались до Можайска. Мать хорошо знала немецкий язык, поэтому немцы пустили их жить в школу. Они поселились в чулане. Старший брат ходил за водой, мать штопала носки немецким солдатам. Они давали детям хлеб, иногда конфеты.

И опять дорога. Постоянный голод заставлял подбирать ребра падших лошадей и на немислимых таганках варить похлебку. Неоднократно пытались бежать, но опять оказывались в теплушках. Их гнали и гнали в беду. После очередного побега под Брест-Литовском весной 1942 добрались до Ковеля. Чтобы не умереть с голоду, старшему брату пришлось торговать немецкими газетами. В Ковеле было уже тепло, а на Дубровинских была зимняя одежда, валенки. Какие-то добрые люди сделали Тане деревянные босоножки, которые были ей дороже «хрустальных туфелек», как выразилась сама Татьяна Львовна.

Осенью 1943 года началась облава. Появились грузовики, солдаты с автоматами и собаками. Марию Ефимовну с тремя детьми вывели из «дома» и затолкали в грузовик.

Первый лагерь был на границе Австрии и Пруссии в г. Просткен. Они жили в огромном бараке. Первоначально находились в еврейском отделении, так как Таню и ее младшего брата Рому считали евреями.

Девочка очень сильно заболела и пролежала в тифозном бреду несколько дней. Мать и старший брат работали. Благодаря заботам матери Тане удалось встать на ноги.

На территории лагеря находился крематорий с квадратной черной трубой. Мать, чтобы не пугать детей, говорила, что это баня.

После перелома в ходе войны узников погнали вглубь Германии. Так Таня с семьей оказалась во втором лагере в г. Наугарте. Здесь мать Тани начала вести дневник (он хранится в семье Татьяны Львовны. Мне позволили на несколько минут взять его в руки, но для изучения он недоступен). В лагере было невероятно чисто. Иногда их водили на анализы, измеряли, брали кровь.

В июне 1944 года их привезли в Западную Европу. Вместе с несколькими русскими и хорватскими семьями, а также четырьмя

1 Спиров В.В. Воспоминания из фондов ЦХИДНИКК

десятками русских подростков мать и старший брат Тани работали на спичечной фабрике братьев Дитцель, которая находилась в селении Мекесхайм.

В конце апреля 1945 года их освободили союзники – американцы, в основном, темнокожие. Они щедро раздавали детям кусочки сахара и шоколад.

С первыми эшелонами репатриантов семья Дубровинских вернулась на Родину.

Не менее тяжелое детство было и у **Осиповой (Лавреновой) Полины Карповны**. Она родилась 21 февраля 1937 года в д. Бочары Брянской области.

Отец, Лавренов Карп Петрович, 1910 года рождения. Мать, Савченко (Лавренова) Ольга Андреевна, 1913 года рождения. Полина была третьим ребенком в семье. Старший брат Александр родился в 1931 году, второй брат Феденька умер в младенческом возрасте. Самая младшая сестра Евгения родилась 20 июля 1941 года.

Отец ушел на фронт в 1941 году. Мать в 28 лет осталась с тремя малолетними детьми и с 1941 года по сентябрь 1943 года находилась в оккупации. Отец пропал без вести в 1943 во время сражения на Курской дуге.

Летом 1942 года, находясь в оккупации, мать и десятилетний брат работали на немцев. Вокруг в Брянских лесах были партизаны. За помощь партизанам немцы сожгли д. Нижеровку (100 дворов). В 1942 сожгли и д. Бочары.

К 1943 году семья Лавреновых оказалась в Клетне (Брянская область). Они были размещены под открытым небом за колючей проволокой. Шестилетней Полине взрезался в память расстрел одной семьи. Причиной расстрела было то, что глава семьи отказался подчиниться требованию фашиста.

В д. Жуковке находился перевалочный пункт, куда узников сгоняли на санобработку, сортировку. Далее их путь лежал в Германию, но остановились в Белоруссии в г. Борисове. Взрослых заставляли трудиться.

Момент освобождения в 1944 году запомнился Полине всеобщим ликованием, слезами радости.

Так закончился тяжелый период детства Полины Карповны. Впереди ее ждало еще немало трудностей.

Меньше всего мне удалось узнать от **Бергер (Фейзер) Бернадаты Соломоновны**.

Она родилась в 1930 году в с. Шук Каменского района Саратовской области. Отец, Фейзер Соломон Яковлевич, инвалид I группы. Мать, Фейзер Екатерина (отчество неизвестно), 1905 года рождения. Семья до войны проживала в Белоруссии в селе Шофино Борисовского района Минской области. У них было шестеро детей и еще двое родились в плену.

В апреле 1943 года Фейзеры были вывезены с оккупированной территории в польский город Лицманштадт. В августе их перевели

в лагерь г. Эйхенге в Германию. Там Бернадата и ее брат работали в хозяйстве у бауэра (немецкого крестьянина): косили сено, молотили хлеб, ухаживали за животными.

Семья Фейзеров была освобождена в мае 1945 года. Проверку прошли в ПФЛ (проверочно-фильтрационный лагерь) № 232 г. Франкфурта-на-Одере 4 апреля 1946 года. Оттуда были направлены в пограничный ПФП ВМД (проверочно-фильтрационный пункт) МВД.

Следующим моим собеседником была **Прянишникова (Сорокина) Любовь Павловна**.

Люба родилась 24 августа 1937 года в г. Пушкине Ленинградской области. Прадед – почетный гражданин Санкт-Петербурга. Мать, Сорокина (Таневская) Фаина Кирилловна, 1915 года рождения, потомственная дворянка. В начале войны Любе было четыре года, а сестре Марине – 7 лет.

В конце октября 1941 года они не успели эвакуироваться и мать с двумя маленькими детьми должна была искать спасения самостоятельно. Любу посадили в плетеную коляску, положили рядом с ней куклу и немного еды. Семилетняя Марина взяла мать за руку и они отправились пешком, в числе таких же беженцев, от линии фронта. В небе послышался рев мотора и все увидели самолет-разведчик. Его появление не предвещало ничего хорошего: вскоре началась бомбежка. Немецкие самолеты летели звеньями, по три. Неизвестный мужчина столкнул Любу в кювет и этим спас ей жизнь. В суматохе Фаина Кирилловна потеряла из виду Марину. После бомбежки обнаружили, что сестры нигде нет.

Оставшиеся в живых добрались до станции Ямм, где ночью были захвачены немцами. Людей разместили в бараках с трехэтажными нарами, выдали им полосатую одежду. Кормили узников чечевицей, черным безвкусным жмыхом.

Малолетняя Люба не могла выполнять тяжелую работу, и поэтому ее отправили на кухню, где она научилась исключительно экономно чистить картошку. Очистки ребята прятали в карманы, а вечером жарили и ели. Это было настоящее лакомство. Всю войну Любу оберегала маленькая иконка Николая-Чудотворца.

Повар-немец говорил ей, чтобы при разговоре с солдатами прятала глаза, так как их пронизывающий взгляд мог не понравиться фашистам.

В октябре 1943 года Сорокины были вывезены с оккупированной территории (Онежский район Ленинградской области) в г. Гдыня (Восточная Латвия), где находились с октября 1943 года по 4 ноября 1944 года. Затем с 4 ноября 1944 года по 23 марта 1945 года пребывали в Восточной Пруссии, откуда были освобождены моряками Балтийского флота.

Когда наступил день освобождения, ребята сначала ничего не понимали и были в ужасе. Один моряк дал им шоколадку, а дети спросили, что это такое. «Стали тереть пальцем и облизывать его. Сладко».

Самая тяжелая доля, на мой взгляд, выпала **Замаруевой (Шлибольскайте) Симе Иосифовне**.

Сима родилась в 1932 году в Прибалтике в г. Калне. 15 июня 1941 года родители Симы вместе с младшим братом были сосланы в Сибирь. В это время девочка находилась в пионерском лагере в г. Паланге. Там она сдружилась с няней-литовкой Моникой, которая очень полюбила девочку.

21 июня ребятам, отдохавшим в пионерском лагере, показывали государственную границу. На противоположной стороне уже находились немецкие солдаты.

Рано утром 22 июня начался обстрел. Дети испугались и побежали к вожатым, которые успокаивали их, сказав, что это маневры. Но это началась война.

В соседний домик ударил снаряд и начался пожар. Дети выпрыгивали из окон второго этажа и бежали в сторону моря, где находился корабль, который должен был их эвакуировать.

Рядом с Симой разорвался снаряд, осколок которого попал ей в руку. Это было первое явное соприкосновение с войной. Наскоро перевязав рану пилоткой, она побежала дальше.

Дети присоединились к группе моряков, один из которых перевязал Симе руку ремнем, чтобы она потеряла как можно меньше крови. Дети очень хотели пить и, добежав до колодца, расположенного рядом с рыбацкими хижинами, решили остаться там. Они спрятались в сарае.

Наутро пришли «литовские фашистские молодчики». Они разделили детей: литовцев отпустили, а русских и евреев оставили. В число оставшихся попали и Сима с русской девочкой Майей. У Симы началась гангрена и ее поместили в военный немецкий медпункт. Она очнулась на кушетке. Рядом сидел пожилой врач-немец. Он перевязал ей руку и под бинт спрятал две плитки шоколада, сказав, чтобы она ни с кем не делилась, так как она потеряла много крови и ей необходим шоколад. Но Сима не могла не поделиться со своей единственной подругой.

Дети находились в лагере в Паланге 1,5 месяца. Они сильно голодали и были физически истощены. Их заставляли работать на уборке улиц. В день они получали две вареных картошки и горсть капусты, которую не давали даже на корм скоту.

Затем русских детей отправили в концлагерь в Германию, а еврейских, в том числе и Симу – в гетто в г. Калнас. Там она пробыла более двух месяцев. Потом их перевели в г. Алитус. Ее няня Моника работала на немецкой офицерской кухне. Узнав, что привезли детей гетто, она разыскала Симу. Моника постоянно рисковала, принося Симе и другим детям продукты. Она каким-то образом получила разрешение перевести Симу в концлагерь. Вскоре девочке удалось совершить побег, несмотря на то, что за ней бежал фашист с автоматом.

Целый месяц Сима пряталась в сараях. Она ходила по хуторам и побиралась. Вскоре ей вновь улыбнулась удача. Случай свел ее

с Моникой, которая привезла ее к сестре в деревню. Сима долгое время проживала у родственников няни. Но, чтобы не подвергать их опасности, девочка вынуждена была уйти.

В 1943-1944 гг. она восемь месяцев жила у одного крестьянина, помогала по хозяйству. В 1944 году началось освобождение Литвы. Литовские фашисты, спасаясь от Красной Армии, покидали территорию Литвы, угоняя скот. Сима и хозяин были вынуждены увести домашних животных в лес и прятались там в течение трех дней.

Когда бои стихли, девочка пошла в деревню, чтобы унести молоко жене и дочери хозяина. В лесу она увидела страшную картину: всюду лежали обезображенные тела.

Выйдя из леса, Сима увидела двух всадников. Они двигались ей навстречу. От страха она бросила ведра. «Неужели, пройдя столько испытаний, сейчас я погибну?» Какова же была ее радость, когда она увидела красные звезды на пилотках всадников. Она зарыдала не от страха, как подумали солдаты, а от безмерного счастья.

За 4 года, проведенных в Литве, Сима разучилась говорить по-русски, и поэтому не могла вымолвить ни слова, хотя речь солдат поняла. Она сняла платок с головы, чтобы вытереть слезы, и солдаты увидели, что 12-летняя девочка была совершенно седая.

Симу волновала судьба няни Моника и она стала ее искать. Они встретились в Алитусе. Моника работала экономкой в аграрном училище.

Сима некоторое время жила в Литве, закончила два класса гимназии. Всю войну она думала о том, как найти свою семью. И при первой же возможности она поехала в Сибирь разыскивать родителей и брата.

Таким образом, дети, хлебнувшие немало горя, выдержали все, выпавшие на их долю испытания, благодаря желанию жить, воспитанию, силе духа. Они оказались сильнее тех обстоятельств, в которые попали не по своей вине.

Рассмотрим, что происходило с ними после возвращения на Родину.

Проблема отношения в обществе к малолетним узникам в разные периоды истории нашей страны

Характеристика состояния проблемы в период 1945-1985 гг.

9 мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война. День Победы над фашистской Германией останется в памяти нашего народа как одна из самых знаменательных дат истории. Дожившим до освобождения казалось, что главные страдания позади, но все обернулось не так.

Пройдя ужасы концлагерей, репатрианты, вернувшиеся на Родину, становились людьми «второго сорта» и через всю жизнь им пришлось нести нелегкий груз «отверженных».

Обратимся к судьбе наших земляков.

Анастасия Николаевна и Владислав Викторович Спировы после освобождения из Норвегии плыли на одном из трех кораблей с бывшими узниками в Мурманск. «Мама стояла на палубе и неотрывно смотрела в сторону нашей границы. Корабль сопровождали эсминцы и военные самолеты», — вспоминает Владислав Викторович.

По прибытию в Мурманск репатриантов встречали сотрудники НКВД. У тех, кто сохранил документы за время пребывания в лагерях, они были отобраны.

Зима стояла очень холодная. Бывшие узники были одеты без учета низких температур. Их путь пролегал по железной дороге в Гатчину. В ночь на 28 декабря 1944 года Спировы оказались в Гатчине на той же станции, с которой их увозили в 1941 году немцы. Местные жители сразу же разошлись по своим «домам». «Пушкинцев» осталось человек десять. Так как некуда было идти, они решили переночевать в товарном вагоне. Ночью их обнаружил патруль и выгнал на улицу. Недалеко проходила дорога на Пушкин. Чтобы попутные машины не проехали мимо, все легли на дорогу. Один водитель, рискуя быть наказанным за нарушение правил, остановился и разместил всех в кузове под брезентом. Таким образом, Спировы добрались до Пушкина, но вернуться в Ленинград они не могли, так как были без документов.

Переночевали в какой-то гостинице в чулане. Жили «на птичьих правах», без документов. Были под подозрением в предательстве: «Возвращение из Норвегии было более подозрительным, чем из Германии», — говорит Владислав Викторович.

«В Пушкине мать встретила свою знакомую, которая жила одна в большом полуразрушенном доме и редко ночевала в нем. Она пригласила временно пожить у нее. Комната была без полов и дверей, с забитым огромным окном, но с печкой», — вспоминает Спиров.

Анастасия Николаевна уехала на несколько дней в Ленинград по пропуску для оформления документов и оставила Владика одного в Пушкине, так как взять его с собой не могла. Она напекла ему лепешек на эти дни. Вечером, поужинав, он лег спать, спрятав оставшиеся лепешки под подушку. Рано утром Слава проснулся от какого-то шума и возни. Открыв глаза, он пришел в ужас. Повсюду, даже по его телу, ползали крысы. Они уже съели все его запасы и подбирались к нему. Он отбил от крыс и выбежал на улицу. Днем Владик нашел около гостиного двора кусочек корки от мандарина, вечером возвратился к крысам.

Пройдя кошмар фашистских лагерей, мальчик впервые почувствовал страх за свою жизнь. Это было потому, что всюду до этого момента с ним была его мама и другие люди, а теперь он был совершенно один.

Но жизнь стремительно двигалась вперед и 6 февраля 1945 года Владик пошел во второй класс, так как в 1942-1943 гг. ему удалось в оккупации на Псковщине закончить первый класс в полупартизанской школе.

Анастасия Николаевна устроилась на работу по восстановлению железной дороги, так как там давали паек 1200 граммов хлеба. В марте 1945 года матери дали ордер на ботинки для сына.

1 мая Владик надел новые ботинки, 34 размера. Они были немного велики ему, но мальчик был безмерно рад и этой обуви, так как многие годы ходил в старых немецких сапогах 40-го размера. Он также носил и немецкую фуражку, с которой расстался в результате одного случая. В один из летних дней Владик сидел на железнодорожной станции и наблюдал за приближающимся поездом, в котором ехали в пионерский лагерь дети. Поезд остановился. Дети высунулись из окон вагонов и, заметив мальчика, закричали: «Фашист, фашист!» Владик очень испугался, но вдруг понял, что это из-за его немецкой фуражки. Он тут же сорвал ее с головы и бросился бегом. Мальчику стало очень больно и обидно. Прибежав домой, он сжег ее.

В 1946 году Владислав переехал к отцу в г. Щекино Тульской области.

Только в 1950 году его матери наконец-то удалось оформить новые документы, и то с помощью своего отца. Свидетелей искали несколько лет.

В 1953 году Владислав успешно закончил Щекинскую среднюю школу № 1 и пытался поступить в Ленинградский Институт точной механики и оптики, который тогда находился на той же улице, где Владислав родился и жили его родители, но его не приняли, сказав, что он не добрал один балл. Хотя настоящей причиной было то, что он был в фашистских лагерях и принять его в военизированное высшее учебное заведения не могли.

В 1954 году Владислав поступил в ЛИКИ (Ленинградский институт киноинженерии), который окончил в 1959 году с персональной стипендией. Было много предложений от Государственного оптического института им. С.И. Вавилова и даже от организаций, связанных с космосом, но «пятно» в биографии закрывало дорогу. «В ЛИКИ пришло приглашение из Красноярского института физики СО РАН СССР от Леонида Васильевича Киренского. Мне показалось, что это для меня. Как я потом узнал, Киренский помог многим с искалеченной судьбой...» — вспоминает Владислав Викторович. Работая в институте биофизики, Владислав Викторович поставил кино как метод исследования. В институте биофизики О АН СССР он в течение ряда лет разрабатывал микрофотометрические методы для исследования различных биологических объектов. За годы работы у него появилось большое количество учеников.

Спиров был одним из организаторов и первым председателем краевого отделения «Сочувствие». В настоящее время продолжает трудиться в институте биофизики, в институте медицинских проблем Севера СО РАМН. Его мать, Анастасия Николаевна, прошедшая с сыном все трудности лагерей, проживает в настоящее время вместе с ним. Это очень

интересная женщина, которая, несмотря на свой преклонный возраст, помнит многие имена и фамилии людей, с которыми их свела судьба в то далекое, тяжелое время.

Владислав Викторович – необыкновенно интересный собеседник, отзывчивый, добрый, трудолюбивый человек.

Возвращение на Родину оказалось для **семьи Дубровинских** нерадостным. Вновь колючая проволока, солдаты с автоматами, хоть и свои. После пытливых расспросов их отпустили.

В начале июля 1945 года Дубровинские приехали к родственникам в Орджоникидзе (позже Владикавказ). Мать не хотела их стеснять и семья поселилась в какой-то пристройке, клетушке с промерзающей стеной. Митя пошел учиться в ФЗУ, а Таня в пятый класс. За лето 1947 года она экстерном сдала экзамены за 6 класс и осенью пошла в 7 класс, догнав своих сверстников.

Весной 1946 года старшего брата арестовали и осудили по ст. 58. Он отсидел 6 лет за то, что ради куска хлеба торговал немецкими газетами. Неоднократно мать вызывали на допросы, но ее не арестовали.

После окончания школы Таня поступила в фельдшерско-акушерский техникум, с отличием его закончила и подала документы в медицинский институт. Приняли ее только после вторичного пересмотра документов. На шестом курсе института вышла замуж за геолога и уехала в Среднюю Азию. В 1963 году поступила в Московскую аспирантуру. В 1965 году после окончания аспирантуры ректор КГМИ Петр Георгиевич Подзолков пригласил ее на работу в Красноярск. Работала на кафедре педиатрии. В 1978 году – на кафедре организации здравоохранения.

Татьяна Львовна – доцент по социальной гигиене и организации здравоохранения, кандидат медицинских наук, сейчас на заслуженном отдыхе. Инвалид 2 группы. Уже 6 лет возглавляет краевое отделение бывших малолетних узников концлагерей «Сочувствие», о многих заботится, многим помогает. Татьяна Львовна воспитала двух дочерей, растит внука.

После освобождения в 1944 году **семья Лавреновых** вернулась на пепелище. Пришлось строить землянки, шалаши в 15 км от деревни. Весной стали обживать.

Имеется справка о том, что в 1942 году деревня Бочары была полностью сожжена, и жители погибли.

«Побывали мы с двоюродной сестричкой на нашей многострадальной Брянщине в 1994, 1996 гг. Собираемся поехать в этом году, только бы все было нормально.

Нашей деревни нет, остались две избы. Лес стоит стеной¹».

В 1945 году пошла в первый класс. Было очень тяжело, плохое питание, а зачастую и отсутствие его вообще. Выжили благодаря подножному корму, а также спасали от голода фруктовые деревья (яблони, вишни и т.д.).

1 Воспоминания П.К. Осиповой (из фондов ЦХИДНИКК)

С 5 класса ходили в школу за 10 км от дома. Ели все, что попадалось под руку, даже «сережки» с деревьев.

После смерти деда, Савченко Андрея Алексеевича, Полина нашла документы о том, что в 1937 году он был репрессирован, а в 1954 реабилитирован. Проживал в п. Тура Красноярского края.

Полина Карповна с 1956 года живет в Красноярске. Долгое время не могла разговаривать с людьми. Любила уединяться и каждый выходной уходила в лес. Начала писать стихи, так как не могла выразить свои мысли вслух. Работала на заводе по производству синтетического каучука инженером по технике безопасности. Училась в вечерней школе. Последние 15 лет работала экономистом. В общей сложности проработала на предприятии 40 лет. Вырастила дочь, которая получила два высших образования.

Полина Карповна сейчас помогает воспитывать внушек. Она инвалид 2 группы, но все же не оставляет и общественную работу. В настоящее время Полина Карповна является председателем краевого отделения «Сочувствие» по Советскому району г. Красноярска.

«11 апреля – международный день узников фашизма. Вот уже третий год к этой дате мы приурочиваем встречи. Собираемся в пансионате дневного пребывания, накрываем стол, пьем чай, говорим о своих проблемах. Помогают нам организовать встречу работники соцзащиты. По возможности оказывают материальную помощь, не забывают инвалидов, юбиляров. Концерт, добрые слова, песни под баян. Для нас главное – внимание. Большое спасибо мы говорим тем, кто нас помнит»¹.

В общем-то, добилась в жизни многого, но какой ценой. Считает, что ей помогли выжить внутренние силы, жажда жизни, человеческая доброта. «А ведь я люблю жизнь, люблю людей, не болею завистью, но страдаю глубоко от несправедливости. Люблю природу, ходим на «Столбы», правда все реже. Лучшие годы прожиты. Были и радость, и веселье, и песни, и стихи, и грусть, и боль, и болезнь. В общем жизнь во всех ее проявлениях».

Семья Фейзеров. 16 августа 1946 года по депортации как лица немецкой национальности прибыли в Марийскую АССР. Были поставлены на учет в спецкомендатуре органов НКВД. Подвергались репрессиям и не могли покинуть место своего пребывания. Бернадата и ее братья и сестры работали в леспромхозе на рубке деревьев. Жили в бараках по 15 семей. Кормили плохо, норма хлеба в сутки – 200 гр. Не выдержав тяжелых условий труда, предприняли попытку к бегству, но были задержаны. Их хотели посадить в тюрьму, но так как отец был инвалид 1 группы, не имели права.

Освобождение пришло только спустя 10 лет. 27 января 1956 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1953 года сняты с учета спецпоселения и освобождены под административный надзор органов МВД.

¹ Воспоминания П.К. Осиповой (из фондов ЦХИДНИКК)

С 1956 года Бернадата проживает в Красноярске. Работала 10 лет на базе УРСа упаковщицей, 7 лет — в котельной п. Индустриальном, 10 лет — на бетонном заводе. Бернадата осталась неграмотной, так как не было возможности учиться. В настоящее время имеет семью. Выростила и воспитала двух сыновей и дочь. У нее растет внук.

Фаина Кирилловна и Люба Сорокины в 1945 году после освобождения вернулись в Ленинград. В их квартире проживал Герой Советского Союза. Так как они стали людьми «второго сорта», вернуть свое жилье не смогли. Жили под спецнадзором. Мать работала на Кировском заводе. Подала на розыск старшей дочери. Марину отыскивали в 1949 году. Тогда выяснилось, что во время воздушного налета она бросилась бежать и оказалась вместе с двумя женщинами в деревне Стороп Псковской области. Так как маленькая девочка была обузой, женщины хотели избавиться от нее, но оставить ее одну не могли. И тут вмешался случай: кто-то из жителей деревни указал на бездетную семью. Марина пошла к ним и сказала: «Тетя Шура, возьми меня пожить». Так, тетя Шура и дядя Леша стали ее вторыми родителями. Они окрестили ее Семеновой Марией Алексеевной.

После окончания войны Марина приехала в Ленинград, где в 1949 году воссоединилась с семьей. Закончив школу, она пошла учиться в ремесленное училище, затем уехала в Красноярск.

29 октября 1950 года арестовали Фаину Кирилловну по статье 58 части 3,10 за пособничество врагу. Ее осудили на 25 лет. Сестры матери, жалев Любу, взяли ее к себе жить и скрыли факт ареста Фаины Кирилловны. Правда открылась случайно, когда одна из одноклассниц сказала, что Люба сирота и ее мать арестована. Потрясение было настолько сильным, что девочка бросила школу. Люба связалась с компанией мальчишек и начала воровать. Ее неоднократно задерживали, и все закончилось бы тюремным заключением, если бы старшая сестра насильно не заставила девочку уехать в деревню к «маме Шуре». Таким образом, Люба стала жить у женщины, вырастившей ее сестру, и называть ее мамой. У «мамы Шуры» она прожила до 1955 года. В 1955 году вернулась из тюрьмы Фаина Кирилловна. Она была полностью реабилитирована только в 1994 году.

В Ленинграде Любе не давали работу, говорили, что выше чернорабочей она не продвинется. Ей пришлось уехать к сестре в Красноярск. Там с отличием закончила техникум. Работала на КРАЗе инженером, старшим инженером, начальником технического отдела. В 1992 году Любовь Павловна ушла на пенсию. Но и сейчас эта энергичная и подвижная женщина, не может сидеть без дела, продолжает работать уборщицей в коллективе, где ее все знают и уважают. Выростила троих сыновей, воспитывает внуков.

В 1946 году **Сима Шлибольшкяйте** приехала в п. Новоселово Красноярского края, где находились ее мать с братом.

В 1948 году она получила справку о том, что во время войны находилась в Литве, сбежала из гетто и преследовалась немецкими

оккупационными властями. На спецучете находилась 12 лет – с 1946 по 1958 гг.

Сима Иосифовна закончила Красноярское фармацевтическое училище. Работала рецептором-аналитиком. В настоящее время Сима Иосифовна пенсионерка. Вырастила двоих детей: дочь и сына. Воспитывает внуков.

Благодаря личным качествам: упорству и целеустремленности почти все эти люди получили образования, давшее им путевку в жизнь. Считают свою жизнь состоявшейся, так как сумели самореализоваться. Преодолевая объективные трудности, возникшие в разоренной войной стране: неурожай, голод 1947 года; бытовую неустроенность, подозрительность и недоверие со стороны окружающих, а также бездушные советской бюрократической машины, порой лишавшую их права на учебу и само нормальное существование, эти люди не озлобились, не ушли в себя.

Состояние проблемы в современном обществе

Период 1985-1991 гг. в СССР официально называли перестройкой. После XXVIII съезда КПСС (1986 г.) в обществе началось «потепление» отношения к жертвам сталинских репрессий, которыми нередко становились и бывшие узники фашистских концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, в том числе и малолетние.

В связи с появлением гласности, раскрепощения сознания общества с 1988 года в Москве начинает действовать «Международный союз бывших малолетних узников фашизма» (МСБМУ), который в настоящее время объединяет 9 национальных союзов, 16 региональных ассоциаций, 200 отделений на местах, и насчитывает свыше 500 тыс. человек. Одновременно с Международным союзом создан и действует Российский союз бывших малолетних узников фашизма» (РСБМУ)¹.

Деятельность эти союзов заключается в отстаивание интересов жертв нацизма, их социальной защите, а также оказании моральной поддержки.

В добротворческом движении бывших малолетних узников, начавшемся более 30 лет назад, ныне участвует свыше 550 тыс. человек – граждан России, Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы, Ка-захстана, Узбекистана.

15 октября 1992 года был издан Указ Президента Российской Федерации № 1235 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны», по которому «... бывшим несовершеннолетним узникам фашизма предоставлять аналогичные льготы, установленные для участ-

¹ ... И впредь никаких претензий? // Судьба, 1993 г., № 3(67), май, июнь 2000 г. С. 3.

ников Великой Отечественной войны из числа военнослужащих». Эти льготы были призваны компенсировать ущерб, нанесенный бывшим малолетним узникам в годы войны.

После окончания Великой Отечественной войны советское руководство отказывалось принимать репарации от Германии в полном объеме, мотивируя это могуществом страны, но реально не предпринимало ничего для социальной поддержки жертв фашизма. Лишь в 1993 году лидеры Российской Федерации и Германии подписали соглашение, по которому Германия выделила 735 млн. дойч-марок для проведения компенсационных выплат оставшимся в живых жертвам нацизма. Был создан Федеральный фонд взаимопонимания и примирения, который вошел как структурное подразделение в министерство труда и социального развития РФ. Дата его окончательного формирования - 1994 год.

Единовременные выплаты были начаты в мае 1995 года и завершились 4-5 августа 1998 года. Размер выплат зависел от возраста человека, продолжительности и места пребывания за колючей проволокой, учитывалось также нанесение вреда псевдомедицинскими исследованиями. Сумма колебалась от 200-300 до 2000-3000 дойчмарок, в пересчете на рубли это была довольно небольшая сумма. В связи с этим в 1997 году осуществлялась единовременная доплата в размере 30% от суммы, выплаченной Германией. Далее планировалось, что фонд будет ликвидирован, однако в 1999 году на саммите «большой семерки» в Вашингтоне Германия заявила, что может осуществить дополнительные компенсационные выплаты. В 2000 году была определена их сумма - 835 млн. дойч-марок. Бундестаг Германии принял закон, согласно которому выплаты возможны при следующих условиях, а именно: соответствующий закон должен быть принят Российской Федерацией, на его основе будет подписано соглашение между правительством Германии и России.

11 апреля – Международный день освобождения узников фашистских концлагерей, этот день также является днем бывшего малолетнего узника.

Обратимся к решению данной проблемы в масштабах Красноярского края и конкретно г. Красноярска.

Социальная поддержка бывших несовершеннолетних узников фашизма в Красноярском крае и г. Красноярске

К 1993 году в нашем крае был создан филиал Международного благотворительного фонда – «Сочувствие», который находится по адресу: г. Красноярск, ул. Кирова, 19. Его возглавляет Мажаров Владимир Федорович – председатель фонда, бывший малолетний узник фашистских концлагерей. Владимир Федорович был одним из организаторов и краевого общества «Сочувствие».

Задача фонда заключается в материальной поддержке бывших несовершеннолетних узников и информирование их о компенсационных

выплатах, которые осуществляет Германия. Но уже в течение двух лет фонд не имеет возможности оказывать материальную помощь, так как не получает средств, и для этих целей ищет спонсоров.

С 10 апреля 1995 года в крае действует Красноярское краевое общество «Сочувствие». Оно стало складываться в 1993 году, при созданном к этому времени одноименном фонде. Первым председателем краевого общества был Спиров Владислав Викторович. Ему было очень сложно преодолеть бездушие чиновников разного уровня. Вначале они проявляли полное непонимание, кто такие бывшие малолетние узники фашизма, на каком основании они должны получать какие-то льготы? Благодаря настойчивости сотрудников Владислава Викторовича по институту биофизики, которые буквально требовали, чтобы он оформлял документы по регистрации общества, и сами помогали ему, чем могли, дело сдвинулось с мертвой точки.

В мае 1995 года в обществе насчитывалось более 160 человек по г. Красноярску и 500 человек – по Красноярскому краю. Последние данные по численности узников следующие: по г. Красноярску около 400 человек, по краю – около 800 человек.

В период создания Федерального фонда взаимопонимания и примирения управлением социальной защиты администрации Красноярского края проводилась огромная подготовительная работа, а именно: оформление запросов в военные архивы Германии и бывшего СССР; поиск документов, подтверждающих пребывание в концлагерях. Всего за период с сентября 1994 года до конца 2000 года компенсационные выплаты получили более тысячи человек.

Одним из направлений социальной поддержки бывших узников, оказываемой краевым управлением соцзащиты, является адресная социальная помощь. Ее получает пенсионер, чей прожиточный минимум меньше, чем по Российской Федерации.

Таким образом, отношение в обществе к бывшим малолетним узникам на протяжении 1945-2000 гг. изменялось: от полного игнорирования и преследования до оказания им социальной поддержки, которая началась с 1988 года. Понимание проблем, которые переживают сейчас эти люди, в последнюю очередь пришло к чиновникам разного уровня. Начало этому процессу было положено контролируемой десталинизацией, затем демократизацией общества в 80-х годах. На региональном уровне приносит свои плоды целеустремленная неприметная работа Красноярского краевого отделения РСБМУ «Сочувствие».

Заключение

В результате работы я пришла к следующим выводам:

1. Маленьким узникам фашистских лагерей пришлось многое выстрадать. Выжить им удалось, в основном, благодаря присутствию рядом матерей, которые отдавали детям последние крохи хлеба, всегда готовы были прийти

на помощь и закрыть своим телом. Не обошлось и без помощи добрых людей. Немаловажную роль сыграла и доля случайности.

2. Степень влияния трагического детства на дальнейшую судьбу бывших малолетних узников, конечно же, велика, ведь до сих пор эти люди не могут вспоминать тот период своей жизни без слез. Но, тем не менее, их дух не сломлен, в большей степени благодаря их личным качествам. Большинство из них продолжают жить и трудиться на благо общества. Им нужно совсем немного, всего лишь доля внимания и элементарная человеческая доброта и понимание.

3. Основной причиной «потепления» отношения в обществе к бывшим малолетним узникам я считаю раскрепощение сознания людей в результате политики десталинизации в 50-х гг., а также политики гласности и демократизации общества в 90-х гг., понимание того, что дети не виноваты в том, что с ними произошло, ведь они являлись только жертвами войны, а не врагами и предателями своей Родины.

Одним из уроков второй мировой войны является объединение усилий миротворцев с целью избежания повторения подобной трагедии. Тем не менее, послевоенный период характеризуется многочисленными локальными конфликтами, в которых по-прежнему в большей степени страдают дети, получая не только физические увечья, но и неизгладимые психические потрясения.

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/4/Gubanova.htm

На немецком языке
memorial.krsk.ru/deu/Dokument/Ostal/Gubanova.htm

Колокол памяти стучит в мое сердце

(о деятельности трудового поселения Усть-Можарской отдельной комендатуры ОТП ОГПУ)

Дмитрий Калюга

*Красноярский край,
Курагинская средняя школа №1*

Руководитель А.Е.Калюга

В конце 20-х годов XX века тяжкий стон прошел по деревням России — началось раскулачивание крестьянства и последующее за ним выселение с обжитых мест.

Массовый характер выселение крестьянских семей приняло после принятия Постановления ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районы сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Были определены места выселения. Часть раскулаченных южных районов края направлялась на Саралинские рудники и на Артемовский рудник Курагинского (впоследствии Артемовский) района.

В данной работе исследованы архивные документы трудового поселения Усть-Можарской спецкомендатуры отдела трудовых поселений Сибирских исправительно-трудовых лагерей Полномочного представительства Объединенного Главного Политического Управления (Сиблаг ПП ОГПУ).

Усть-Можарская комендатура и ее трудовое поселение подчинялась районной Ольховской комендатуре, которая находилась на Артемовском руднике в п. Ольховка. Населенного пункта Усть-Можарка как такового до образования спецпоселения не было, нет на карте его и сейчас. Да и кто бы придумал селиться в непроходимой тайге и болотах?!

Документы трудпоселения сохранились в архивном отделе администрации Курагинского района в фонде № Р-40 «Колхоз им.Чкалова». В данных документах находятся и постановления Курагинского и Артемовского райисполкомов по трудколони, которых в архивных фондах этих учреждений почему-то не обнаруживаются. Видимо очень была повышенная «секретность» данных решений. Данные материалы интересны даже тем, что сохранились. Ведь многие документы были уничтожены.

При работе с архивными документами мне оказала помощь моя мама-заведующая архивным отделом Антонина Евгеньевна и специалисты архива.

Период репрессий в СССР в XX веке долгое время замалчивался. До сих пор остаются белые пятна этой трагедии или ее искажение.

Так советские средства массовой информации уверяли, что в районы спецпоселений попадали исключительно «опасные элементы – вредители», тунеядцы, не желающие работать. Там для них создавались самые благоприятные условия для проживания и др. Но это было совсем не так.

Эта работа – попытка рассказать, исследуя архивные документы, дополняя воспоминаниями очевидцев, о том, что было на самом деле.

Образование трудового поселения

Решение об образовании трудового поселения Усть-Можарской спецкомендатуры отдела трудовых поселений Сибирских исправительно-трудовых лагерей Полномочного представительства Объединенного Главного Политического Управления (Сиблаг ПП ОГПУ) было принято коллегиально. В январе 1933 года на объединенном совещании представителя Мингоскомбината Золотопродснаба, райкоменданта, представителя Сиблага ОГПУ и секретаря Артемовского ВКП (б) было принято ряд важных решений:

1. В развитии постановления Правительства о ширпотребе и в целях разгрузки Мингоскомбината от нетрудоспособного и многосемейного контингента из с/переселенцев признать целесообразным организацию из указанного контингента трудколонию с укладным производством кустарно-промысловых изделий для нужд комбината и приискового населения Артемовского рудника.

2. Место организации трудколонию принять по реке Можарке Курагинского района, находящееся в 18-20 км от пос. Кордово при более обеспеченном земельными угодьями, лесным массивом и водоснабжением.

Не случайно трудколонию разместили в устье реки Можарки. Этот «медвежий угол» окружали вековая тайга и болота. Ближайшая железнодорожная станция Абакан находилась не за одну сотню километров. Чтобы до нее добраться надо было переплавиться по пяти рекам, что сводило «на нет» попытки побегов¹.

Мингоскомбинат обязывался оказывать помощь: в приобретении помещения под жильё, бани, столярных мастерских и оказать единовременную помощь в размере 10 000 руб. а также передать колонии 20 лошадей, обеспечить весеннюю посевную кампанию необходимым инвентарём и потребным количеством семян.

Согласно договора Мингоскомбинат на 1933 год обязан был выделить продукты из расчета полагаемого пайка: муки — 41 тн., масла — 1500 кг., масла эксп. — 600 кг., раст. — 650 кг., сахар — 5184 кг., рыбы — 5400 кг., крупы — 5400 кг и производить расчеты с Сиблагом за

¹ Архивный отдел администрации Курагинского района Фонд Р-40, оп.1, д.18, л.5

принимаемую продукцию ширпотреба не позднее 5 дней со дня приема заказа или части его, причем уплачивать 40% продуктами питания (по себестоимости) и промтоварами, и 25% деньгами стоимости заказа.

На основании постановления президиума Курагинского райисполкома от 17.01.1933г. было отведено место под трудколонию по речке Можарке в расположении бараков ЛПХ, которые Сиблаг приобрел у Курагинского леспромхоза за 8 тыс. 740 руб.

Постройки располагались на Можарском и Тюхтятском лесозаготовительных пунктах Курагинского ЛПХ¹.

На Можарском пункте были куплены 6 бараков, 4 избушки, столовая, ларек, дом На Тюхтятском пункте были приобретены: 4 барака, 3 бани, изба, амбар, дом, 2 конных двора, 2 амбара, пекарня². Кроме этого Минлеспромсоюзом трудколонию были переданы дегтярный и смолоскипидарный заводы. Также было отведено земли селения Тюхтыты 350 га и из Казырской лесной дачи – 20 000 га из них только 50 га пахотной земли³.

Надо отметить, что все более удобные земли были заняты колхозами «Тайга», «Тайга за пятилетку» и единоличниками. Поэтому трудколонию досталась земля, изрезанная оврагами, заболоченная, заросшая лесом.

50 га пахотной земли были «отрезаны» в основном у единоличников с тем условием, что после раскорчевки трудпоселения обязано было её вернуть прежним хозяевам.

Подчиненность, структура и управление трудколонию

При образовании в 1933 году трудколонию подчинялась отделу трудовых поселений Сибирских исправительнотрудовых лагерей Полномочного представительства Объединенного Главного Политического Управления (Сиблаг ПП ОГПУ), который находился в г.Новосибирске. С образование Красноярского края (в 1934г.) она с июля 1935г. перешла в подчинение отдела мест заключения и трудовых поселений Управления Народного Комиссариата Внутренних дел по Красноярскому краю (МЗ и ТП УНКВД).

Как отмечалось в акте от 08.07.1933г. комиссии по отведению земель: «Трудколонию представляла собой промыслово-кооперативную артель с уклоном сельского хозяйства с выбранным правлением артели из спецпоселенцев с общим политическим наблюдением Ольховской райкомендатуры Сиблага ОГПУ»⁴.

Распорядительные функции в трудколонию осуществлял комендант и его заместитель. В архивных документах сохранились их фамилии: Руденко, Корнев, Зайцев, Цыплаков. Распорядительные документы из

1 То же (д.22, л.1, 2, 4, 5)

2 То же (д,8, л.9-10)

3 То же (д,8, л.9-10)

4 То же (д.22, л.32-36)

вышестоящих органов направлялись в первую очередь к ним. Отчет о проделанной работе, планы, сметы и даже отчеты по посевной по пятидневкам отправлялись за их подписью. Также все договора трудколониции с другими организациями заверялись подписью коменданта и круглой печатью.

Хозяйственную работу трудколониции возглавлял уполномоченный. В 1935 году ими были Базанов Яков Константинович и Гульченко.

В трудколониции были два участка: № 1 – центральный в Усть-Можарке и № 2 – в Тюхтятах. На них находились жилые и хозяйственные постройки, приобретенные у леспромхоза, а также строились новые. Центральный участок был распланирован четко: бараки располагались по прямым улицам¹. Постройки также находились в с. Курагино – дом (перевалочная база), в д. Петро-Павловка – баня, 2 кладовые, пекарня, в с. Имисс – интернат².

С 1937г. план по производству сельхозпродукции до трудколониции доводился и Артемовским райисполкомом. В сводках она значилась как неуставная сельхозартель³.

На основании постановления Совета Министров от 07.05.1947г. № 1413-375с спецкомендатуры были упразднены. Неуставная сельхозартель была преобразована в колхоз «им.Чкалова».

Годы лишений

В январе 1933г. было принято решение об образовании трудколониции, а первые поселенцы прибыли уже в феврале⁴. Селились они в промерзших бараках, которые даже по мнению спецкомендата надо было ремонтировать.

Спецпереселенцы различных национальностей прибывали в трудколоницию из Артемовского рудника, Минусинской спецкомендатуры, Саралинской спецкомендатуры и др. «Абхазцев «налицо» — 149 чел, из одиноких — 28 чел, семейных — 119 чел.», — отмечалось в донесениях.

Согласно сводке на 18.06.1933г. количество семей трудпоселенцев составляло 147 семей (523 чел.). Из них:

Население	Муж	Жен	Подростков от 12-16 лет		Дети до 12 лет		Школьн. 8-16 лет	
			Мал	Дев	Мал	Дев	Мал	Дев
ВСЕГО	150	144	26	32	73	98	50	67
Из них раб.	131	56	24	23				

20.07.1933г. из Саралинской комендатуры прибыло еще 536 спецпереселенцев. Из них многие умирали в пути, другие – пытались бежать. Из «саралинской партии» бежали в пути 36 чел.

1 То же (д.23, л.1, 114-115)

2 То же (д.17, л.52-68)

3 То же (д.22, л. 124)

4 То же (д.22,л.32)

В сведениях об убывших трудпоселенцах трудколонии на 01.09.1933г. из 24 человек: 14 — умерли, 9 — убежали, 1 — отправлен на излечение. В самой колонии были организованы группы по борьбе с побегами¹.

Трудпоселенцы должны были обеспечивать себя продуктами питания: хлебом, мясом, молоком. Для трудколонии отделом трудовых поселений доводился план на производство сельхозпродукции и предметов ширпотреба, который нужно было выполнить в обязательном порядке.

План доводился не только на произведенную продукцию, но и на количество нетрудоспособных спецпоселенцев, количество которых выше плановой цифры быть не могло или таковых не должно было быть совсем. Из письма начальника ОСП ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Анастасенко от 27.06.1934г. следовало: «Руководствуясь основным положением втянуть в производственный процесс весь нетрудоспособный контингент спецпереселенцев, могущий быть использованным на облегченных работах — широко разверните куспром, работу среди данного контингента»².

Сведения о трудовом использовании трудпоселенцев (инвалидов) могущих работать и фактически работающих в августе 1933 года на 01.09.33 года были следующими³:

Показатели	На 01.09.1933г.	На 01.10.1933г.
Количество семей	352	361
Количество в них чел., в том числе:	1163	1221
- мужчин	350, в том числе: - могущих работать - 275, - работало - 240	360, в том числе: - могущих работать - 285, - работало - 250
- женщин	307, в том числе: - могущих работать-215, - работало - 200	317, в том числе: - могущих работать- 225, - работало - 210
- подростков	124, в том числе: - могущих работать-110, - работало - 110	141, в том числе: - могущих работать- 120, - работало - 120
- детей	382	403

Из этой таблицы можно сделать вывод, что на трудпоселении находилось большинство детей. И если труд мужчин и женщин использовался в силу возможности, то труд подростков использовался на все 100 %. Основными трудпоселенцами были дети.

Непроходимая тайга и болота окружали трудпоселение. Для посадки зерновых надо было вести раскорчевку. Из объяснительной записки

1 То же (д.4, л.83, 104,129)

2 То же (д.9, л.51)

3 То же (д.4, л.185)

коменданта следовало «Посевная площадь требует большую раскорчевку. На раскорчевку пней требуется на 1 га не менее 200 человеко-дней полноценной рабочей силы, каковой у нас в колонии почти нет. И придется прибегнуть к механизированной силе, а для этого необходим один гусеничный трактор¹».

В 1933 году трудпоселенцами по сути «голыми руками» было раскорчевано 75 га, в 1934 году – 100 га и 750 га поднято целины, но недостаток земли остро ощущался, поэтому в 1934 году было отведено 800 га земли из земель совхоза «Золотопродснаб»².

С большим трудом, но все же трудпоселенцам удалось произвести посадку и уборку в 1934 году. В ПП ОГПУ г.Новосибирска комендант сообщал: «Уборка урожая 1934 года была закончена 14 января 1935г.³». Как только можно было вести уборку в Сибири в ноябре, декабре и в январе в таежной зоне — одному богу только известно. Ведь в это время стоят сибирские морозы и снег более 1 м. Из-за выпавшего снега и заморозков не удалось убрать коноплю, 1 га картофеля и 4 га просо⁴.

Было посажено и убрано:

- пшеницы – 150 га – 930 цт,
- овса – 30 га – 264 цт,
- проса – 32 га – 140 цт,
- льна – 10 га – 81 цт,
- картофеля – 16 га – 324 цт,
- капусты – 1,25га – 67, 58 кг,

Эта урожайность была низкая, так как сказывалось расположение трудпоселения – таежная зона, отсутствие техники.

Продуктов все равно не хватало, так как прибывали новые спецпоселенцы. В архивных документах имеются «Заявки на потребное количество товаро-продуктов для Можарской трудколони на 1934год», где включено 257 наименований, в том числе продукты. По данной заявке можно сделать вывод, что спецпереселенцы поступали «с пустыми руками»: без вещей, продуктов, предметов первой необходимости.

С трудом, но все же шло строительство. Работал лесоучасток. На лесозаготовках работала основная рабочая сила трудколони. Лес заготавливали и для своих нужд, но в основном для Артемовского рудника и системы Сиблага. Отправляли плоты и пиломатериал в г.Красноярск. Не было никаких приспособлений и механизмов, все делали «вручную»: ручными пилами валили деревья, обрубали сучки, сами грузили на конские поводы.

На январь 1934г. была построена школа (число учащихся насчитывало 340 чел.), мельница, конный двор, фельдшерский пункт.

1 То же (д.18, л.4)

2 То же (д.22, л. 35, 48)

3 То же (д.24, л.25)

4 То же (д.4, л.279)

Строились бараки, которых должно было быть 92 шт. общей площадью 44 м² каждый.

Труд каждого строго учитывался. Распоряжение отдела трудовых поселений управления по Красноярскому краю НКВД СССР г.Новосибирска от 20.10.1934г. гласило «Неполноценную рабочую силу на кустарных промыслах Вам надлежит расставить с таким учетом, чтобы обеспечить 100% -ую нормальную выработку. Зарплата запроектирована на трудодень в 3 рубля, а высококвалифицированным рабочим – до 6 руб. ОТП считает, что к IV-му кварталу артели нетрудоспособных настолько окрепли, что должны калькулировать свою продукцию с целью общепринятых необходимых накладных расходов»¹.

Более менее «окрепших» спецпоселенцев опять отправляли на Артемовский рудник².

Надо сказать, что отсутствие достаточного жилья, недостаток питания, теплой одежды, медикаментов самым тяжелым образом сказывался на переселенцах. К тому же на трудпоселение направлялись в основном больные, инвалиды.

В объяснительной записке к производственному плану трудколонии за 1934г. указывалось: «230 чел. временно не работали за отсутствием обуви и обмундирования и разных заболеваний»³.

Нередки в трудпоселении были и эпидемии брюшного и сыпного тифа. Большое количество поселенцев болело дифтерией, малярией. Заболевшие обращались в амбулаторию, штат которой состоял из фельдшера и 5-ти сиделок. В неделю посещало амбулаторию до 480 человек. В подкрепление мед.персоналу амбулатории был направлен второй фельдшер из с.Имисс. Донесения по мед. состоянию трудпоселенцев направлялись подекадно.

Из донесения помощника поселкового коменданта в Сиблаг г.Новосибирска от 15.11.33 г. «В виду усиливающейся эпидемии сыпного тифа в трудколонии и дер.Тюхтятах, принять из Саралы партию труд. поселенцев в 150 чел. совершенно невозможно, т.к. за недостаточностью помещений разместить их негде. Больных в колонии 47 чел., а в дер. Тюхтятах – 13 чел. Для больных оборудован карантин-изолятор, вся их одежда пропущена через специально оборудованную баню-вошебойку»⁴. Также для целей дезинфекции была оборудована газовая камера⁵.

В феврале 1935 года Усть-Можарская трудовая колония была реорганизована в Усть-Можарскую неуставную сельхозартель отдела трудовых поселений⁶.

На то время в ней насчитывалось: 227 семей с 860 едоками, 160 лошадей, 100 голов крупно-рогатого скота, 60 овец, 227 коров в индиви-

1 То же (д.9, л.46-49, 53)

2 То же (д.4, л.291)

3 То же (д.9, л.45)

4 То же (д.9, л.45)

5 То же (д.4, л.188, 241)

6 То же (д.8, л.14)

дуальных хозяйствах. Закреплено: 1014 га сенокосов, 253, 5 га выпасов, 56, 75 га усадебной земли, 2000 га — пахотной, а всего — 3325 га¹.

Согласно отчета за 1935 год в трудпоселении уже работали: столярная мастерская, кузница и слесарка, смолокурка, сапожная мастерская, кирпичный завод, известковое производство, хлебопекарня, ткацкая, лесопилка, лесозаготовительный участок. Решался вопрос о строительстве бумажной фабрики².

Осуществлялось производство дранки, корзиноплетение, транспортное, бондарное, столярное, кружевное .

Было изготовлено 450 телег, 450 саней, 1200 полозьев, 600 тш. колес и др³.

Имелись постройки:

- на центральном участке № 1: 2 хлебных амбара, конный двор, 2 погреба, овощехранилище, парник, слесарная и колесные мастерские, хомутная, столярная, кирпичный тепляк, кузница, сапожная, амбар известковый, маслобойка, мельница, бондарная, пихтозавод, столовая, пекарня, распределитель, баня, детсад, школа, ветпункт, клуб.

- на участке № 2: 10 амбаров, баня.

На центральном участке находилась комендатура и арестное помещение.

Интерес представляет набор культспортивного инвентаря в клубе: 2 шахматных столика, балалайка, гармония венская 2-х рядная, 2 гитары, радиоустановка, доска для стенгазеты, доска ударника, доска % выработки⁴.

Несмотря на нахождение в ссылке крестьяне, привыкшие добросовестно трудиться, не халтурили. В предварительных калькуляциях был предусмотрен премиальный фонд в размере 1%⁵.

Из техники имелось 3 трактора «Фадзон» 1928 года выпуска, автомобиль, 2 трактора, 2 молотилки, 10 сеялок, 8 жаток, 65 конных плугов и др. Но как отмечалось в сведениях сельхозинвентарь был изношен на 60%, а трактора представляли собой «утиль».

В 1935г. было вспахано 825 га земли. Посеяны: подсолнух, свекла, горох, пшеница, овес, ячмень, лен, просо, морковь, репа, турнепс, гречиха, конопля, огурцы.

Имелось также тепличное хозяйство- выращивали капусту в парниках⁶. На строительстве работали — 380 чел., на лесозаготовках и сплаве — 1404 чел. Была организована даже пожарная дружина.

За 1935 г. доход трудколони составил 247 037 руб., расход 95 535 руб. Из этого можно сделать вывод, что содержать такие трудпоселения государству было выгодно, они приносили прибыль⁷.

1 То же (д.22, л.67)

2 То же (д.22, л.67), (д.2, л.46, л.76)

3 То же (д.22, л.33)

4 То же (д.18, л.7, 9)

5 То же (д.17, л.53-68)

6 То же (д.9, л.26)

7 То же (д.18, л.4), (д.24, л.12, 14)

Страшный каток репрессий и в последующие годы подминал под себя спецпоселенцев находящихся в местах ссылки. В октябре 1933 года был арестован за контрреволюционную деятельность и сослан на 10 лет лагерей в Дальлаг НКВД неграмотный разнорабочий трудколонии Слюсарев К. Г. Арестованы по этой же причине в сентябре-октябре 1937г. и расстреляны 16.11.1937г. в г.Минусинске: Колмаков С.Б., столяр Левицкий М.Я., сапожник Наумов В.С., агроном Стешенко К.К., работавший в Можарской комендатуре Тырковский И.З. Все они реабилитированы в 1950-60 годах Красноярским краевым судом.

Изломанные судьбы

Тысячи семей прошли страшные испытания на спецпоселениях.

Семья Ваулина Еремея Филипповича была направлена в Усть-Можарку в 1939г. из Артемовского рудника, как раскулаченные в селе Имисс.

«В нашей семье было 7 чел, — вспоминает Анна Еремеевна. — Я была самая младшая и родилась в Усть-Можарке. Жили очень тяжело и трудно. Работая не покладая рук, люди получали минимум продуктов. Многие заводили свое хозяйство, полученную продукцию также сдавали в виде налогов. Питались в основном картошкой и овощами. Хлеба почти не давали, жили на драниках и паренках из овощей. Дети часто болели, росли рахитичными¹.

По рассказам первых поселенцев, которых привезли в 1933 году они испытали настоящий ад. Везли всех зимой, теплой одежды и еды не было. Стылых бараков на всех не хватало. Многие взрослые и дети поумирали от холода и голода. Как только мы выжили! Одежды не хватало. Ее шили из мешковины.

Когда ликвидировали спецкомендатуру, то взрослым не объявили, что они свободны. Трудовые книжки не отдавали до 1954 года, чтобы не развалился колхоз.

Я инвалид второй группы, сказалось страшное детство. Кто мне скажет: по каким законам мы должны были страдать? На протяжении всей жизни на мне было клеймо «кулачки». Справку о реабилитации я получила в 2003 году. Но ничего нельзя вернуть. Кто ответит за все это?».

Анна Еремеевна, несмотря на свою болезнь, ежегодно приезжает в День памяти 30 октября, чтобы возложить цветы к Мемориальному знаку репрессированным гражданам в районном парке «им.40-летия Победы». Подолгу молится, а щекам ее текут слезы.

«Моя мечта, продолжает Анна Еремеевна, - поставить часовню, где можно помолиться за невинно убиенных. Колокол памяти стучит в мое сердце».

¹ Фонд Р-72, оп.3,д.20, л.21

Семья Гребенюк Кузьмы Даниловича была раскулачена и выслана на спецпоселение в Усть-Можарку из Алтайского края.

«Перед Великой Отечественной войной отец был избран председателем колхоза, — вспоминают Владимир и Николай Гребенюк родившие в Усть-Можарке в 1937 году. В 1941 году его забрали на фронт, а в 1942 он пропал без вести. Продуктов не хватало. Пайки выдавали только в 1933 году. Мать настряпала лепешек из жабрея. Наелись их и пошли в лес за дровами. В лесу нам сделалось плохо. Хорошо Володя крепче был, побежал за подмогой, а так бы не спасли. Тянет, конечно, в те места, где прошло детство. Лет десять назад ездили на место спецпоселения, но там ничего не осталось, только несколько холмиков, а так вся земля перепахана и засеяна»¹.

Тяжело бывшим спецпоселенцам вспоминать свое прошлое. За что они пострадали? Пусть же это никогда не повторится.

А на месте спецпоселения надо установить памятный знак в память о безвременно ушедших и пострадавших.

Заключение

Исследовав архивные документы, дополняя их воспоминаниями очевидцев можно сделать вывод раскулачивании и выселение это была трагедия каждой отдельно взятой семьи и народа в целом.

Голод, страдания, лишения, которые пришлось пережить миллионам гражданам России, попавшим на спецпоселения и в лагеря ужасает.

По неполным данным около полумиллиона граждан содержалось в лагерях, на спецпоселениях только в Красноярском крае. Система репрессий не щадила никого: ни детей, ни взрослых, ни безграмотных, ни руководителей, ни представителей и самой этой системы.

Тяжкий труд с малолетства на спецпоселениях подорвал здоровье детей, лишил их детства на обжитых местах, возможности получить достойное образование и работу. Напрасные подозрения и недоверие окружающих сопровождали их на всей протяжении жизни.

Государство признало свою вину в отношении репрессированных — в 1991 году был принят закон «О реабилитации жертв политических репрессий». Стали оформляться справки о реабилитации, выплачиваться компенсации за пребывание в лагерях и за незаконно изъятое имущество.

В каждом районе образованы комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, которые помогают пострадавшим восстановить их честное имя.

Также образуются и действуют общественные организации, которые помогают пострадавшим. Самая значимая из них «Мемориал», которая

¹ То же (д.3, л.149)

первая в нашем Красноярском крае стала составлять банк данных о пострадавших. На основе системы, разработанной обществом, составлена Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Первый том Книги памяти жертв политических репрессий вышел в свет в 2004 году, в 2005 году — изданы второй и третий тома.

В средствах массовой информации стали появляться статьи, публиковаться воспоминания очевидцев о периоде репрессий.

Моя исследовательская работа, это вклад в восстановление справедливости и напоминание людям о страшных и трагических днях истории, а также дань памяти невинно пострадавших.

**Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/7/Kaliuga.htm**

С чего начинается Родина

Жанна Богдашина

*Красноярский край,
г. Красноярск, школа № 91.*

*Руководители:
М.Я. Довиденко
С.Б. Богдашин*

Погружение в тему

Когда нам в школе объявили о конкурсе с очень «расплывчатым» названием «Человек в истории» - мне это показалось не очень актуальным. Для меня, во всяком случае. И даже, когда уточнили, что речь должна идти о войне, Великой Отечественной войне, показалось все это очень-очень далеким. Мое поколение не всегда смотрит фильмы о войне, читает книги с таким же вниманием, как взрослые. Тем более, что мои родители и их родственники не воевали. Поэтому настоящим откровением для меня стало то, что, при одном упоминании о теме конкурса папа несколько часов возился в бумагах, искал что-то, звонил бабушке... А потом он начал рассказывать то, что сам слышал от своих родных (многих я так никогда и не увидела). И оказалось, что моя семья, как и большинство семей России, никак не отделима от той войны.

Учитель истории дала нам задание: собрать всевозможные данные об участии членов семьи в войне. Причем упор делался на чисто бытовые, «житейские», подробности. Возникла идея проследить довоенную биографию Богдашина И.С. на основании семейного архива и по архивным документам. Я получила даже отношение в Государственный архив Красноярского края (в сопровождении учителя, разумеется). Но в архиве мне не то чтобы отказали, а объяснили, что мне еще не могут доверить работу с некоторыми документами. Папа сказал, что для того, чтобы писать биографию моего прадеда, нужно проводить многомесячное, специальное исследование. Нужно просмотреть большое количество источников и литературы и, самое главное, в процессе изучения конкретных боевых операций, потеряется, отойдет на второй план судьба конкретного человека, бойца Красной Армии Богдашина Ивана Сергеевича.

Я согласилась с доводами старших. Тем более, что целью моей работы был не просто мой далекий предок, а ВОЙНА. Точнее, человек на войне. И само соприкосновение с этой темой, без претензий на

научность и новизну, для меня важно, как первое соприкосновение с историей. Историей моей семьи и моей страны.

Работа захватила меня. Я впервые не только читала отдельные отрывки из воспоминаний военачальников, но и работала с «живыми» свидетельствами: документами, письмами. От одного прикосновения к ним чувствуется непередаваемый колорит, «запах» того далекого времени. Мне кажется, что та «лента времени» или «связь времен», о которой нам говорили на уроках, предстала более зримо через судьбу моего прадедушки.

Судьба человека

Семья, дом

Жил обыкновенный советский человек. Обыкновенный в том смысле, что его жизнь, биография представляет собой нечто «среднее», обыденное для 20-30-х гг. XX века. Типичная «рабоче-крестьянская» жизнь. Точнее — рабочая.

Мой прадедушка родился в 1896 г., работал слесарем на ПВРЗ. В то время паровозовагоноремонтный завод был в Красноярске, как бы сейчас сказали, градообразующим предприятием. Именно там происходили знаменитые для Красноярска события 1905 г., так называемая «Красноярская республика». На уроках истории нам не раз разъясняли разницу между малоквалифицированными и высококвалифицированными рабочими. Могу предположить, что «слесарь» относился ко второй категории. Тетя отца по материнской линии, Коробкова Надежда Григорьевна, самая старшая из всех моих родственников (родилась 7 ноября 1917 г.!), очень часто вспоминала, что никогда так «сытно» не жили простые люди, как в 20-е годы, при НЭПе. Наверное, не все.

В общем, Богдашин Иван Сергеевич был профессиональный рабочий, с четко выраженным «классовым сознанием». Поэтому он и был депутатом горсовета нашего города. Другими словами, семья была вполне благополучная.

Старшая сестра Ивана Сергеевича — Мария (1887-1975), до 1917 г. «была в прислугах» у местного купца. Потом это стало «нехорошим» фактом в ее биографии, не зря она получала самую маленькую пенсию в последние годы жизни — 28 рублей. У нее не было «трудового стажа». Но при НЭПе, ее работа приносила определенный достаток.

Большинство фотографий того времени, которые хранятся в нашем семейном архиве, остались именно от нее. И, когда я решила заняться «поисками» исторических свидетельств о прадедушке, выяснилось, что единственная вещь, которая сохранилась с 20-х годов, тоже от «бабы Маши» (так называл и продолжает называть ее мой папа). Эта вещь — серебряная чайная ложечка, на которой выбита буква «ф», Фомина. По семейному преданию (рассказу отца), по поводу больших праздников

богатые люди дореволюционного и «нэповского» Красноярска, дарили прислуге вот такие подарки по праздникам.

Фомина Мария Сергеевна (1887-1975), о муже которой моему папе совершенно ничего не известно, потеряла на войне единственного сына. Она с начала войны и до самой смерти жила в семье моего дедушки, помогая воспитывать детей брата – Надежду и Бориса, а потом и их детей – Юрия, Сергея (моего папу) и Ольгу (младшая сестра моего отца). По рассказам моего папы и бабушки, его мамы, она практически до самой смерти называла моего деда «Костя». Её сын, 1923 г. рождения «пропал без вести»...

Я понимаю, что из-за недостатка живых свидетельств историк должен что-то домысливать. Мой папа мне много рассказывал о доме, где жил он сам, и где жила семья моего прадеда. Дом, улица, то есть то, что представляло собой микромир того времени. Два дома в одном дворе, в самом центре города – угол ул. Робеспьера и проспекта Сталина. На фотографии 50-х годов прошлого века у входа в подъезд изображен мужчина с ребенком на руках – мой дедушка, Богдашин Борис Иванович (1929-1986), с моим папой. Дома двухэтажные, деревянные, естественно. В каждом по шесть квартир. Все всё о всех знают. Примерно так, как показано в фильме «Покровские ворота». Правда, за одним немаловажным исключением: квартиры не коммунальные, а отдельные. Каждая семья жила, как и сегодня, отдельно. Относительно отдельно!

Как мне рассказала учитель истории (она, кстати, знает о коммуналке не понаслышке), так называемыми «местами общего пользования» были не только туалет, но и кухня – центр коммунальной жизни. Семья моего прадедушки имела свою кухню, центром которой была печь. А вот другие «удобства» были общие на 12 семей, во дворе. От отца я узнала и первоначальное значение слова «помойка» (место, куда по утрам выносили «нечистоты»). «Может, лучше просто написать «мусор»? – спросила я папу. – Нет, это не совсем то, что ты думаешь – и рассказал мне. – Брр...». Узнала я и что такое: «стайка», «ставни», «колонка». И что такое «огород» - под окнами квартиры - тоже. Это то место, где можно не только разводить цветы, как сейчас на балконе, но и лук, морковь, чеснок... прямо под окнами, потому что, если не посадишь, то нигде это потом не возьмешь. Сейчас для меня это смотрится ДИКО! Но так жили!!! И жили дружно! Ссорились, скандалили соседи, не без этого, но и в праздниках, и в буднях не могли обходиться друг без друга.

Моя прабабушка, Богдашина Ефросинья Владимировна (1904-1977) всю жизнь работала в разных конторах счетоводом, бухгалтером. Красивая женщина (по воспоминаниям старших), выйдя в 1926 г. замуж за И.С.Богдашина, она родила ему двух детей: Надежду (1927-1987) и Бориса, моего дедушку (1929 – 1986). Я ненароком упрекнула отца, почему, пока они были живы, он не расспросил их толком о

том времени. Тем более, что он учился на историческом факультете. И он признался, что никто из его родственников по отцовской линии никогда не говорили ему о том времени... Не говорили того, что его наиболее интересовало.

Крутой поворот: 1937 – 1941 гг.

«Фрося тобой я очень доволен. Словами передать невозможно». Это, написанные карандашом, в спешке, слова признания в любви. Но не только. Сохранилась фотография, присланная И.С.Богдашиным с курорта: вряд ли он там мог быть, если бы не работал в горсовете. Дата – 1935 год. А далее был год 1937. Из этого следует, что он кем-то действительно был. Иначе бы — по крайней мере, в 1937 г. — не тронули бы. Освобожден в 1940 г. Правда, согласно этой справке, в заключении он был с октября 1938 г., но семейное предание упорно «настаивает» на 1937 г. Моему папе известно лишь, что сидел он в Пермской (тогда Молотовской) области. И сохранившаяся «почтовая карточка» со штампом г. Свердловска, немножко проясняет ситуацию. На фотографии 1937г. мы видим мужественное, волевое лицо ответственного работника (судя по френчу и «прическе») низшего или среднего «звена». Видимо, перевели его туда на работу, а там... «Я сдаров», «живу хорошо», «к работе пока не приступил»... «Сколько жить буду не знаю!» По воспоминаниям прабабушки, Богдашиной Ефросиньи Владимировны, это произошло после ее писем Сталину (как она рассказывала моему папе, она написала ему 44 письма !!!), который «разобрался» и «ошибка была исправлена». (Источник: воспоминания отца). Видимо, это был тот момент, когда Берия «исправлял» т.н. «ежовщину». Мой папа рассказывал, что все его попытки расспросить своего отца и бабушку закончились безрезультатно. Хоть это и было в 60-70-е годы, но об этом с ним категорически не хотели говорить. «Табу»!

Следующий, и последний излом в судьбе прадедушки наступил в страшном 1941-м году.

Война

Путь на главное направление

«Как едем ты сама видела как нас нагрузили...». «Поезд мерзло хрустнул, сжался, взвизгнул и, как бы изнемогиши в долгом непрерывном беге, скрипя, постреливая, начал распускаться всем тяжелым железом. Под колесами шелкала мерзлая галька, на рельсы оседала белая пыль, на всем железе и на вагонах, до самых окон, налип серый, зябкий бус, и весь поезд, словно бы из запредельных далей прибывший, съежился от усталости и стужи.... Вокруг поезда, спереди и сзади. Тоже зябко. Недвижным туманом окутано было пространство, в котором остановился поезд...».¹ К, сожалению, прочесть книгу моего земляка Виктора Петровича Астафьева мне не разрешили родители. Может, и правильно.

¹ Астафьев В.П. Прокляты и убиты.— М.: ЭКСМО, 2004, с. 11.

Папа сказал, что там «слишком много правды». Я не верю, что правду можно измерять в таких категориях, как «мало» и «много», но... Из письма, первого и предпоследнего, моего прадедушки: «В которых («продуктах», так угадывается по смыслу – Б.Ж.) большая нужда в дороге кормят очень ограничено, запасы все вышли. Сейчас **скучна** ожидать кусок хлеба. Все время мороз» (Выделено нами – Б.Ж.).

Когда я впервые прочитала это письмо (первый раз без комментариев родителей) меня поразили эти два предложения. Письмо написано на листке из школьной тетради, простым карандашом. Бабушка (мама моего отца, Богдашина Нина Григорьевна, 1933 года рождения), мне рассказывала, что обычным, распространенным в «походных условиях», предметом для письма был «химический» карандаш. Что это такое мне, пусть и с большим трудом, разъяснили. Условия, судя по всему, были более чем, как бы сейчас сказали, экстремальные. Я долго ломала голову, какая связь между «голодом» и «скукой»? Но это слово по-другому не прочтешь. Видимо, желание поесть было столь велико, что у бойцов «правильные» слова просто не подбирались.

«Все время мороз». Удивительно и неожиданно было прочесть это в письме коренного сибиряка, привыкшего, казалось бы, к любым морозам. В ответ на мою реакцию родители напомнили мне мое раннее детство – 1992-1995 гг., когда мы жили в г. Лесосибирске (300 км. вниз по Енисею от Красноярска), в холодной квартире на первом этаже, с подвалом постоянно полузатопленным водой. Тогда в зимние дни и ночи столбик термометра в квартире держался на уровне + 11- +13 градусов. И только переехав в Красноярск, попав в нормальные условия (+20 - +30 зимой), мы стали ходить по дому без отдельных атрибутов верхней одежды: валенки, теплые штаны с начесом, вязанные носки, меховая безрукавка.. А солдат тогда везли в теплушках, а об их питании говорить не приходилось: в стране был голод! Как разъяснили мне родители: на сытый желудок мороз не страшен.

Согласно семейному преданию, И.С.Богдашин воевал и погиб в штрафном батальоне. Эта версия вытекала из его двух лагерных лет. Однако, это не так: штрафбаты появились позже, летом 1942- го. Судя по двум сохранившимся письмам – мой прадед был призван осенью 1941г. Иначе бы он вступил в свой первый – и последний! – бой не в марте 1942-го. Он не был в составе тех частей (78-я добровольческая бригада, например), которые формировались на территории края. Это был обычный призыв, обычного порядка, как и для большинства советских граждан. Это была заурядная судьба обычного, простого человека. Человека, попавшего в пекло боев. И не под Москву, а в самую, что ни на есть, «незнаменитую» операцию.

«Ехали мы по разговорам до города Омск где должны стоять 10-15 дней. Оказалось нетак. Сейчас предполагаем прямо на фронт. Направление Москва.». Это было главное направление того времени, там шла битва за Москву. «По разговорам». Это то, что называлось во все времена

«сарафанным радио». Именно на московском направлении в то время решалась судьба войны.

Из воспоминаний маршала Г.К.Жукова о весеннем наступлении 1942 г.: «Вероятно трудно поверить, что нам приходилось устанавливать норму расхода ... боеприпасов — 1-2 выстрела на орудие в сутки. И это, заметьте, в период наступления!». «Переутомленным и ослабленным войскам становилось все труднее преодолевать сопротивление врага. Наши неоднократные доклады и предложения о необходимости остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах отклонялись Ставкой. Наоборот, директивой от 20 марта 1942 года Верховный потребовал энергичнее продолжать выполнение ранее поставленной задачи»¹. Это написано о наступлении Западного фронта на московском — главном тогда — направлении! Именно туда, судя по всему, планировалось направить очередной эшелон с маршевыми ротами из Сибирского военного округа. Главные лагеря подготовки пополнения, призванного в округе, находились тогда рядом с Новосибирском, под небольшим городком Бердском. По иронии судьбы мой папа служил там же, не зная, что когда-то его дедушка там готовился к войне. В романе В.Астафьева это место названо «чертовой ямой». Те, кто подобно моему прадеду и В.П.Астафьеву там побывали, «мечтали» скорей отправиться на фронт, так как условия жизни там были очень и очень тяжелыми².

«Контрнаступление зимой 1941-1942 года проходило в сложных условиях и, что самое главное, как я уже говорил, без численного превосходства над противником. К тому же мы не имели в распоряжении фронтов полноценных танковых и механизированных соединений, а без них, как показала практика войны, проводить наступательные операции с решительными целями и большим размахом нельзя»³.

«Бои местного значения»

Маршевые роты из Сибирского военного округа в феврале 1942 г. были переориентированы на новое направление. «12 декабря 1941 г., — читаем в мемуарах К.А.Мерецкова, — ... Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение образовать Волховский фронт. Главные задачи фронта состояли в том, чтобы в первое время содействовать срыву наступления противника на Ленинград, а затем совместно с Ленинградским фронтом разгромить действовавшую здесь группировку немцев и освободить Ленинград от блокады»⁴. «Накопление боеприпасов и материально-технических средств проходило крайне медленно. К началу января войска имели, помнится, не более одной четверти боекомплекта и совершенно незначительные запасы продовольствия и фуража. Снабжение войск фронта оставалось неудовлетворительным еще продолжительное время. Причин

1 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2.- М.: АПН, 1975, с. 57

2 Астафьев В.П. Указ. соч., с. 9-312.

3 Жуков Г.К. Указ. соч., с. 58.

4 Мерецков К.А. На службе народу. — М.: Высшая школа, 1984, с. 247

тому было три: нарушение графика подачи снабженческих эшелонов, слишком большая растяжка путей подвоза и почти полное отсутствие автотранспорта»¹. Это в масштабах всей войны.

А вот строчки из письма И.С.Богдашина: «...нужда в дороге кормят очень ограничено, запасы все вышли. Сейчас скучно ожидать кусок хлеба!» . С «колокольни» крупного военачальника, а я не могу не верить ему, ситуация смотрелась несколько иначе. «В то тяжелое для нашей Родины время все мы стремились к тому, чтобы быстрее добиться перелома в борьбе с врагом и, как ни тяжело признаваться в этом, допускали ошибки, некоторые же, в том числе и автор этих строк, в те дни не проявляли достаточной настойчивости, чтобы убедить вышестоящее начальство в необходимости принятия тех или иных мер. Но мы верили в нашу победу, в торжество великого и правого дела Страны Советов. Вера в победу помогала нам действовать и бороться, вливала свежие силы, звала на подвиг. За победу над врагом человечества – фашизмом мужественно сражались и умирали советские люди. Вечная же слава тем, кто ценой своей жизни проложил дорогу грядущим поколениям!»²

Здесь необходимо привести цитату из воспоминаний маршала Василевского, практически всю войну проработавшего в Генштабе Красной Армии. «Наши войска уступали врагу в техническом отношении вообще. Немецкие соединения и части по сравнению с нашими имели больше автоматического оружия, автомобилей, средств механизации строительства оборонительных сооружений и дорог, лучше были обеспечены средствами связи и сигнализации. Все армии фронта являлись у нас чисто пехотными. Войска передвигались исключительно в пешем строю. Артиллерия была на конной тяге. В обозе преимущественно использовались лошади. В силу этого подвижность войск была крайне медленно...Наша пехота из-за отсутствия танковой и авиационной поддержки вынуждена была ломать оборону противника штыком и гранатой, неся при этом большие потери»³. Читая эти строки, я мысленно представляю, как это все выглядело в глазах (и мыслях) моего прадедушки. «Мужественно сражались и умирали советские люди». Это правда, но, правда не вся. Правда, что умирали, может быть и сражались (говорят, люди бывалые, с которыми мой папа вел нескончаемые разговоры о войне, что очень-очень многие так ни разу одного немца и не увидели, и, тем более, в него не выстрелили, не успели, если было из чего. «Однако, правильно оценивая к началу 1942 года фронтовую обстановку как благоприятную для продолжения наступления, Верховное Главнокомандование недостаточно полно учло реальные возможности Красной Армии. В результате имевшиеся в распоряжении Ставки девять армий резерва были почти равномерно распределены между всеми стратегическими направлениями. В ходе общего наступления... советские войска истратили все с таким трудом

1 Там же, с. 254.

2 Мерецков К.А. Указ. соч., с. 257.

3 Мерецков К.А. Указ. соч., с. 258.

созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить»¹.

Задачи были решены, немцы не смогли перебросить под Москву ни одной дивизии. Если везде на них наступают, то везде приходится обороняться. Наверное, поэтому вместо московского направления мой прадедущка попал под Ленинград. Сам того не зная и не ведая. И кто тогда кому что объяснял? И, наверное, это было правильно.

«Лес рубят – щепки летят» - сказал Вождь. Во время войны это было чаще всего оправданно. Неудобно говорить о пушечном мясе, но... как иначе выиграть войну?!

«Война окопная» и ее восприятие

От войны в архиве нашей семьи сохранилось лишь пять документов. Их больно читать, а тем более анализировать. Но это нужно сделать. И не только в память о прадедущке. Мы живем в XXI веке, страшная – и великая! – страница в нашей истории отодвигается от нас все дальше и дальше... Забыть ее? По-моему – это будет предательством!!! И по отношению к моей семье, и по отношению к Родине. Я смотрела фильмы о войне, читала книги, нам много о ней рассказывали на уроках истории. Поэтому первое, что удивило, это то, что большая часть содержания писем составляет то, что к войне как таковой вроде бы не относится!

Что я ждала от этих писем? Мы с классом ежегодно ходим в Парк гвардейской славы, у нас регулярно проводятся классные часы, встречи с ветеранами войны... В воспоминаниях сквозит гордость за страну, народ, за себя... По телевизору показывают знаменитые сражения... А в письмах моего прадеда - приветы и пожелания всем родственникам, наставления детям... Ничего героического!? При этом не забыт никто из родных, и по имени-отчеству. Это, конечно, можно объяснить традицией. В то время подавляющее большинство населения страны считало своим долгом никого не забыть в письме. Но здесь есть и нечто другое: мой прадедущка, перечисляя по именам всех близких, наверное, лишний раз (последний?) как бы общался с ними. Он предполагал, догадывался, знал, что больше их никогда не увидит. И никогда не узнает сколько у него будет внуков, буду ли Я...

«Надя прошу тебя. Слушайся мамку, учись пока есть возможности. Надя наверно придется скоро идти работать. Постарайся овладеть какой либо специальностью. Надя помоги Боре. Боря сына прошу тебя быть таким каким был. Это будет хорошо».

Я так и не узнала своего дедушки. Его портрет висел в нашем доме, все, что я знала о нем – «деда Боря». А вот по воспоминаньям отца, очень неохотным, кстати, это был необычайно «технически» подкованный

1 Василевский А.М. Дело всей жизни.- М.: ИПЛ, 1975, с. 200-201.

человек. Стыдно сказать, но у моего папы была некоторая «аллергия» на технические науки, поскольку его папа очень на это «напирал».

«Боря слушайся Надю. Надя скоро будет работать, тебе будет помогать. Живите все дружно. Жить будете одни». «Надя прошу тебя. Слушайся мамку, учись пока есть возможности. Надя наверно придется скоро идти работать. Постарайся овладеть какой либо специальностью. Надя помоги Боре. Боря сына прошу тебя быть таким каким был. Это будет хорошо». «Будь таким каким ты был»: мой папа честно признался, что он не похож (по склонностям) на своего отца, но он часто вспоминает, что, если бы можно было вернуться назад.

А второе, что поразило меня, поразило очень, очень сильно – чувство безысходности. Он прощается! Неужели он не верил, что бой может закончиться победой? Что сам он останется жив? Скорее всего, что он просто очень сильно боялся. И боялся не самой даже смерти («на миру и смерть красна»), а того, что он может не успеть попрощаться со своими родными. В этом плане стало понятным письмо, написанное не его рукой, с ошибками, странно, на первый взгляд, необъяснимыми.

Это письмо вначале очень удивило. Почему мой прадедущка (письмо написано от первого лица) имя своей дочери вместо «Надя» пишет (несколько раз) «Надия». Только потом до меня дошло, что писал другой человек, и писал механически, возможно даже не зная, как это пишется. Просто мой прадедущка надеялся, что из 5-10 человек, которые по его просьбе пишут письмо, кто-нибудь да останется ЖИВ. И сумеет сообщить о его смерти!

Как он погиб? Вряд ли я когда-нибудь узнаю об этом. Может быть и так, как это описано у В.П.Астафьева: «Без криков «ура», без понуканий, подстегивая себя и ближнего товарища лишь визгливой матерщиной, сперва вроде и бы слаженно, кучно, но постепенно отсоединяясь ото всего на свете. Оставшись наедине со смертью, издавая совершенно никому, и самому атакующему тоже, неведомый, во чреве раньше него самого зародившийся крик, орали, выливали. Себя не слыша и не понимая, куда идут, и чего орут, и сколько им еще идти – до края этой земли или до какого-то другого конца, - ведь всему на свете должен быть конец... Они запинались, падали, хотели и не могли за чем-либо спрятаться, свернуться в маняще разъявленной темной пастью воронке»¹.

Как уже было сказано выше, я не читала полностью последнюю работу В.П.Астафьева. Но знаю, с каким остервенением – вплоть до неприличия - обрушилась наша местная партийная организация (КПРФ) на писателя. Родители рассказывали мне, что примерно так же в годы «застоя» партийная печать нападала на т. н. «прозу лейтенантов» о войне. А Астафьев показал войну, как говорится, «из окопа». И после прочтения писем с фронта моего прадедущки я отнесла бы «его войну» именно к войне простых, рядовых бойцов – защитников Родины.

¹ Астафьев В.П. Указ. соч., с. 488.

Заключение: война была Отечественная

Сегодня очень часто приходится слышать, что, мол, я не хочу идти в армию, потому что она «плохая», такая сякая и т.п. И, конечно, тогда никто никого не спрашивал: хочу или не хочу. Шла война. И не просто война, а война ОТЕЧЕСТВЕННАЯ. Но в этих письмах, а их осталось всего-то ДВА, даже мысли нет о том, что «почему я должен». Я мужчина, я Русский, я живу в «этой», т.е. своей РОДНОЙ стране. Поэтому «завтра меня убьют...» Завтра меня убьют... Безумные, совершенно неправильные слова... А вдруг... И будет победный бой? Видимо, то, что война это бойня Иван Сергеевич Богдашин понял сразу, приехав на фронт.

Когда я спросила папу, почему на т.н. «похоронке» написано копия, и почему моя (незнакомая мне) прабабушка не сохранила подлинник — он не смог сразу ответить. Потом мы вместе с ним разобрались. Он не смог ответить, потому что он не жил в то время, когда подобный документ являлся «основанием... для предъявления в соответствующие государственные органы для получения соответствующих документов. Имеются в виду карточки, талоны, справки для получения пособий и т.п.

Если честно, то вначале моего «расследования» судьбы прадедушки мне стало немножко обидно. По истории нам говорят о великих, значимых сражениях Великой Отечественной войны: битва под Москвой, Сталинградская битва, Курская дуга и т.д. А мой прадед погиб в марте 1942 г., 10 числа, «... в лесу близ шоссе на дороге дер. Кондудя Ленинградской области». И я не смогла найти в истории войны какой-то значимости того самого боя, когда его убили. Как мне объяснил папа, это был бой «местного значения»...

Выходит, что бой, где погиб И.С.Богдашин, ничего не решал? Нет, конечно! Я поняла, что война — это не только победы, успехи, чувство гордости победителя, а это обычная, повседневная, неудобно говорить — обыденная жизнь. Труд. Долг. Обязанность. Ответственность! И огромное чувство любви к тем, кому он писал свои письма. А мне он не писал, и не мог, и не знал, что я есть сегодня. Но я ему очень благодарна, признательна.

По рассказам отца, во время и после войны на дверях квартир, куда пришли «похоронки», прибывали красные звездочки. Позднее, в больших многоквартирных домах это делали (в 60-70-е годы) уже по «просьбе» военкоматов, которые пересылали списки погибших в школы. Моя мама, тогда пионерка, сама ходила по определенным адресам. Сейчас вспоминают об этом все реже...

Конечно, сегодня нас больше волнуют другие проблемы. Другой век, другое, страшно сказать, тысячелетие. Терроризм, Чечня... Но почему-то папа всегда плачет 9 мая, хотя он не воевал, и вообще вроде бы не имеет к той войне отношения... Теперь я поняла, почему он плачет.

И еще я поняла: так с чего же начинается Родина? В письмах прадедушки нет пафоса, героических слов. В последние свои часы он вспоминает прежде всего о семье, доме... О том, что в первую очередь ассоциировалось у него со словом «Родина». Основа Отчизны, Родины – семья, дом, город (или деревня), могилы родных, воздух, аромат и «ощущение» родного, за которое надо идти и безропотно принять то, что тебе на роду написано.

**Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/6/Bogdashina/Bogdashina.htm**

Взгляд из прошлого в будущее

(некоторый анализ рукописи общественного деятеля

М.П.Миндаровского)

Дмитрий Кардаш

*Красноярский край, г.Енисейск, средняя
общеобразовательная школа № 1
им. И.П.Кытманова*

Руководитель М.В. Холина

Я еще с детства начал интересоваться историей и свою последующую жизнь мне хотелось бы связать с этой наукой. Мне очень нравится открывать тайны истории, пытаться связать настоящее с прошлым ее невидимыми нитями.

Недавно я был в Енисейском Краеведческом музее, пытаюсь выяснить, когда и как в нашем городе появилась первая фотография. Мои исследования увенчались успехом — я узнал имя человека, способствовавшего появлению первых фотографических снимков в городе. Его звали Михаил Прокопьевич Миндаровский. В поисках информации о нем я обнаружил в подшивке газеты «Енисейская правда», которая часто публикует интересные материалы по краеведению, статью Т.В.Титовской (научного сотрудника Енисейского Краеведческого музея) под названием «М.П.Миндаровский — общественный деятель, гражданин и патриот».

Уникальная рукопись «Записки и воспоминания 1919-1935 г.» принадлежит М.П.Миндаровскому и пришла почтой из Санкт-Петербурга в Краеведческий музей. Эту рукопись прислала внучка М.П.Миндаровского, она посчитала нужным передать нашему музею эти записки только сейчас, считая, что «крамольные» мысли Михаила Прокопьевича будут сегодня представлять большой интерес для краеведов.

Итак, ко мне в руки совершенно случайно попали записки и воспоминания человека, который жил в моем городе в первой половине прошлого столетия и являлся свидетелем тех событий, которые представляют для меня большой интерес. Мое внимание буквально сразу привлекло обращение автора, сделанное на первом листе рукописи, адресованное потенциальному читателю:

«Моя убедительная просьба к тем моим друзьям и знакомым, в руках которых после моей смерти окажется тетрадь моих записок и воспоминаний, всячески постараться сохранить их, как исторический материал для будущего, когда наступит время для изучения той нашей эпохи, современником которой я был при жизни, и чем дальше это время наступит, тем ценнее эти записки окажутся для их обнародования.

Автор»

Записки охватывают период с 1919 до 1935 года, но я ни в коем случае не могу ограничить все, что написано автором сроком в 16 лет, поскольку он нередко сравнивает свое настоящее с прошлым и даже пытается предвидеть будущее, беря на себя роль пророка истории.

Хотелось бы отдельно рассказать вам об авторе этой рукописи. М.П.Миндаровский родился в 1862 году в Енисейске. До 1917 года верой и правдой служа родному городу, был гласным Городской Думы и секретарем городской управы, публицистом и общественным деятелем. Михаил Прокопьевич не был ученым, не получил университетского образования. В 1883 г. он закончил Енисейское уездное училище и 36 лет состоял на службе в казначействе, городском самоуправлении, земстве. Его интересовало и волновало буквально все, что было связано с его родным городом Енисейском, в котором он прожил всю жизнь. В свободное от работы время он писал статьи, доклады, выступления на самые различные темы: хозяйство, финансовое положение города, народное продовольствие, строительство железных дорог и т.д. Он хорошо понимал назначение человека-гражданина, чувствовал личную ответственность за все происходящее в городе и считал своим гражданским долгом делиться с земляками. На протяжении многих лет он был постоянным корреспондентом сибирских журналов и газет. Чаще всего его статьи печатались в «Вестнике Красноярского городского общественного самоуправления», журнале «Сибирские вопросы», в газетах «Сибирская неделя» и «Сибирская жизнь» под псевдонимом «Абориген». Его работа сильно усложнилась с приходом советской власти. Он пишет:

«Расхищение и можно сказать полное уничтожение в 1920 году архивов городских учреждений, натолкнуло меня на мысль заняться составлением своих записок и воспоминаний с целью сохранения для будущих поколений».

И вот теперь, пожалуй, главный письменный труд его жизни читаю я, спустя 80 лет. К сожалению или к счастью для меня, другие поколения не смогли воспользоваться этими записками. В своих записках автор рассказывает историю повседневности своего города в период становления советской власти. Он показывает нам какие происходили перемены в жизни, связанные с историческим процессом на данном промежутке времени. Нередко автор комментирует события, высказывает свою оценку, личное мнение, открывая перед нами свой внутренний мир, о чем и говорит в начале своей рукописи:

«Говорят, современники не могут с надлежащею беспристрастностью судить о делах и людях, которые прошли пред их глазами, о лицах, с которыми быть может, имели личные отношения. У меня лично, положим, нет на личной почве никаких столкновений с людьми и их творениями, летописцем которых я хочу быть, но пусть будет так и спорить с этим я не буду. Однако есть факты, записывая которые к сведению для будущих историков и краеведов, трудно бывает воздержаться, чтобы тот или иной факт не

осветить пояснениями и выводами самого современника-летописца, пред глазами которого происходили описываемые им события».

Но что же все-таки заставило его заняться написанием этих записок? Зачем человек решил доверить свои самые сокровенные мысли бумаге? Хотел оставить свой след в истории? Или его рукопись — внутренний протест советскому строю? Мне дана уникальная возможность, опираясь на эту рукопись, создать подлинный образ того времени. В своих мемуарах автор сообщает мне достаточно много информации о том далеком времени, затрагивая все стороны жизни енисейского обывателя, поэтому для меня эта рукопись — ценный источник информации. Его делает еще более ценным то обстоятельство, что в Краеведческом музее практически нет материалов и свидетельств о событиях 20-30-х годов, т.к., во-первых, все архивные документы того времени были уничтожены приспешниками советской власти, во-вторых, вся сохранившаяся информация о том периоде имеет нестойкое основание, поскольку документы, ее содержащие, писались под контролем советской власти в лице ЧК и ОГПУ.

В музее сохранилось достаточное количество статей М.П.Миндаровского, напечатанных в период написания его записок, однако они, по-моему, не отражают его настоящего мнения, т.к. эти статьи он писал в рамках жесточайшей цензуры и за каждое лишнее слово, сказанное в сторону власти, автор мог быть расстрелян. Поэтому я считаю, что эти статьи не могут быть приняты за основу моей работы. Опорой в написании работы я могу считать книги современных историков, мнение которых мне кажется наиболее объективным по сравнению с мнением большинства советских историков.

Итак, передо мной рукопись одного человека, а ведь как известно: сколько людей — столько мнений, поэтому М.П.Миндаровский не может быть до конца объективен в своих суждениях, значит, при работе с рукописью моей целью прежде всего будет то, что необходимо определить степень объективности автора при описании времени, людей и событий, т.е. из обилия интересной информации необходимо выбрать то главное, действительное, подкрепленное фактами, а не держащееся на субъективном мнении автора.

Буквально с начала своей рукописи М.П.Миндаровский затрагивает тему революции, он рассказывает как к власти пришли большевики на примере сибирского города Енисейска. По его словам:

«Революция», где одни таскали, а другие стояли с винтовками на часах и охраняли творимое разграбление национальных богатств несчастной страны...

Тема революции у него плавно переходит в события гражданской войны, очевидно, потому что для него, как и для народа, не важны лозунги, а важны реальные действия власти, позитивно сказывающиеся на уровне жизни и благополучия людей. Миндаровский очень подробно описывает процесс прихода к власти большевиков:

Наступают декабрьские дни 1919 года. Дни, полные тревог за будущее среди мирного и ничем не причастного к кровавой борьбе населения города, и дни ликования и радостного ожидания у тех лиц, или вернее той части населения, для которых возможность снова погреть руки у пылающего костра стала возжеленной мечтой. Городское и Земское самоуправления, являвшиеся тогда верховными органами управления в Уезде, озабочены были исключительно тем, чтобы предстоящий момент перехода власти в руки партизанских отрядов был насколько возможно тих и спокоен для мирного населения, начинавшего свыкаться или вернее мириться с создавшимся положением вещей. Соединенные заседания думы и земства, поручившие своим исполнительным органам ведение предварительных переговоров с партизанскими отрядами, возглавляемыми маклаковским крестьянином, год тому назад служившим в солдатах местной команды, Филиппом Бабкиным, который постепенно и осторожно подвигался по тракту и находился близ села Каргино, вступив в которое обосновал там свой штаб, — были наивно убеждены, что раз по предварительному между сторонами соглашению будет установлено, чтобы при выходе в город не открывать огня и вообще не причинять опустошения городу в лице его населения, то поменьше порядок в городе наладится сам собою. Все пренаивно рассуждали, что теперь восстанавливается не бунтовщическая междоусобная озлобленная рать взявшая силу, а идут люди, представляющие в своем лице новую власть, два года просуществовавшую за Уральским хребтом. В таком представлении себе о новой власти начали свои переговоры и представители всенародных органов в Енисейске — думы и земства с названным Бабкиным. В ночь на 19 декабря представители думы и земства Ю.С.Щеглов (председатель земской управы), Ф.Т.Малич и О.Я.Петухова (члены управы), П.А.Александров и М.И.Миндаровский (гласные), после долгого и всестороннего обсуждения программы переговоров и условий занятия города и сдачи власти, выделили из своей среды П.А.Александрова, как представителя рабочих северных приисков и в компанию ему дали делегата от местного гарнизона солдата Савицкого Сергея и рабочего Щетникова. Все трое выехали под утро в село Каргино для личных переговоров, о чем одновременно сообщено было по телефону начальнику штаба Бабкину. На вторые сутки вернувшиеся делегаты привезли заключенный ими со штабом договор, обуславливающий, чтобы во избежание возможности единоличных, с оружием в руках выступлений со стороны города, управою были подвергнуты временному домашнему аресту начальник гарнизона Платонов, офицер Муравьев, комиссар уезда Лыткин, начальник милиции Чащихин, начальник тюрьмы Фукс и несколько лиц из граждан города, как например А.К.Тауснев, активно выступавшие до этого против советской власти. Вступавшие в город партизаны, как новая «законная» власть, со своей стороны принимали на себя обязательство — никаких кровавых эксцессов при входе и занятии города не учинять. Вот основные и главные условия подписанного сторонами договора, к сожалению, затерянного с делами земства, забранными образовавшимся потом ревкомом.

Со стороны ухודивших со сцены органов власти в Енисейске договор был выполнен в точности: гарнизон был убежден никаких военных выступлений в момент входа в город отрядов не делать. Всем перечисленным в договоре лицам предложено арестоваться в одном помещении и разоружиться, где и находиться до сконструирования штаба новой власти и вступления ею в управление городом.

Так ли поступили новые представители «законной» власти, подписывавшие договор на мирное и бескровное занятие города? Прежде всего помощник Бабкина, его однопоревенец партизан Степан Накладов еще до вступления в пределы городских земель просил дать ему город на сколько-то часов времени, чтобы расправиться кой с кем из находившихся там контрреволюционеров — явных врагов советской власти. Однако начальник штаба Ф.Бабкин оказался не столь кровожадным зверем и совершиться «Варфоломеевой ночи» не допустил. Но зато все подвергнутые домашнему аресту лица вместо освобождения «по миновании надобности», как обусловлено было договором, были заключены в тюрьму, продержаны там с неделю, а затем под команду того же Накладова посажены в сани и отвезены по тракту, якобы, в Красноярск, но под Маклаковой на известной Бурмакинской горе расстреляны самым варварским образом (снимали предварительно всю одежду и обувь, заставляли бежать по снегу и вслед пускали пулю). Всего погибло, как было слышно из уст крестьян, которым приказано было закапывать трупы, более 15 человек, считая в том числе и других лиц, арестованных за неделю штабом Бабкина.

Этим кровавым актом новые правители раз и навсегда дали понять мирному населению, что значат в их глазах подписываемые договоры и сколь высоко понятие в их делах законности и порядка. В оправдание свое они всегда выставляют контрреволюцию, готовую, якобы, во всякое время поглотить их и в этих ежеминутно мерещащихся им тенях, смотрящих на них людей, видя опасность в прочности своего положения, творят свой суд и расправу. Такова природа всякой власти, опирающейся не на волю народа, а на силу штыка и винтовки. В этом направлении пошли и дела хозяйственного и административного свойства во всей стране.

Я вижу то, что в отличие от других районов Красноярского края в Енисейске был возможен переход власти «бескровно», но этого не случилось. Большевиками были допущены бессмысленные жертвы, что продолжалось и после. С образованием ЧК и ОГПУ власти развернули огромную кампанию, направленную на удаление «людей иначе мыслящих, посмевающих свое суждение иметь».

Миндаровский сообщает: «За лето 1920 года погибло более сотни человеческих жизней». И приводит нам официальный документ: список некоторых расстрелянных граждан города Енисейска, который сама ЧК сочла для чего-то нужным опубликовать печатно по городу:

1. Чепалов Василий Васильевич, мещанин и торговец г.Енисейска, участник подавления восстания в г.Енисейске в 1919 г. в феврале

месяце, участвовавший в поимке, истязаниях и расстрелах красных повстанцев.

2. Кытманов Николай Петрович, потомственный гражданин, бывший офицер, житель г.Енисейска, который при колчаковской власти был начальником контрразведывательного пункта (охранки) и усердно поддерживавшего реакцию бывшей власти Колчака.

3. Востротин Петр Степанович, гражданин города Енисейска, содержатель конспиративной квартиры и судебный пристав во время реакции Колчака.

4. Дураков Дмитрий Игоревич, гражданин города Енисейска, который служил агентом в контрразведке (охранке) при колчаковщине и все возложенные на него обязанности исполнял аккуратно, и бывший жандарм при монархии.

5. Максимовская Дарья Андреевна, гражданка г.Енисейска, участница подавления восстания в г.Енисейске в 1919 г. в феврале месяце, которая разъезжала по улицам г.Енисейска в дни кровавой расправы над красными повстанцами с бывшими палачами колчаковской реакции, с офицерами и казаками, указывая квартиры повстанцев, требуя, чтобы тут же на месте при ее глазах расстреливали таковых, а иначе она будет и вообще ночь не спать и беспокоиться, что какой-то повстанец останется живой, что для нее было не желательно.

6. Суздалев Иван Корнилович, гражданин г.Енисейска, служивший в контрразведке и при падении власти Колчака уничтожил все документы и дела контрразведывательного пункта, желая хоть этим прикрыть всю грязь работы контрразведки.

7. Алхимин Михаил Васильевич, гражданин г.Енисейска, участвовавший в обезоруживании красноармейцев и способствовавший белым при свержении Советской власти в 1918 г., участник подавления восстания в феврале месяце 1919 г. и выдававший повстанцев и советских работников казакам.

8. Смирнов Павел Алексеевич, гражданин села Вельского, который служил милиционером при колчаковской власти, участвовал в карательном отряде в поимках, истязаниях и расстрелах красноармейцев.

9. Раменский Ефим Егорович, гражданин села Пировского, который добровольно поступил в контрразведку, дабы принести пользу и укрепить реакцию колчаковщины.

10. Власьев Пимон Прокопьевич, гражданин г.Енисейска, казак, участник подавления восстания в 1919 г. в феврале месяце, активно проявивший свою деятельность в столь несчастные дни для красных повстанцев.

11. Надымов Иван Иванович, мещанин г.Енисейска, бывший стражник при монархии, служивший в контрразведке, принимавший активное участие в поисках и предательстве советских работников и красноармейцев.

12. Седаков Николай Венедиктович, бывший милиционер, участник карательного отряда, принимал активное участие в расстрелах и истязаниях красноармейцев и советских работников.

13. Филиппов Николай Аверкиевич, гражданин г. Енисейска, служил в контрразведывательном пункте, всячески содействовавший в подавлении революции, считавшийся незаменимым работником (охранки).

Я думаю, что этот список не требует комментариев, т.к. это не совсем люди «охранки», это самые уважаемые и влиятельные в нашем городе люди в начале XX века, это вся элита и научная интеллигенция Енисейска. Теперь я вижу, каким способом советская власть убирала своих соперников, не идя на компромиссы и не считаясь с мнениями других людей, способных оппонировать им.

Итак, кто же оказался во главе нашего города в начале 20-х годов? Филипп Бабкин — крестьянин из села Маклаково (в честь которого до сих пор названа одна из главных улиц нашего города и парк). Степан Накладов — его однодеревенец, вор, самогонщик и убийца.

Выдвинулись те, кто был у руля восстания. К тому времени еще ничего не было сформировано, ни аппарата местной власти, ни вообще ее структуры. И на данном этапе я могу объяснить беспорядки, которые творились в городе тем, что всем заправляли созданные на скорую руку органы ОГПУ и ЧК.

За истекшие 12 лет кое-что все-таки отшлифовалось, и все-таки кого же мы видим сейчас у власти в своем Енисейске?

1. Видим невежественного, грубого и кровожадного Степана Накладова — одного из сыновей крестьянина деревни Маклаковой, с молодых лет ездившего на облучке в роли ящика и всего менее работавшего с отцом на пашне.

2. Якова Козьмина, тоже бывшего крестьянина из деревни Сотниковой, еще до революции выгнанного отцом, как лентяя в хозяйстве.

3. Братья Томиловы из деревни Каргиной, в молодости также сидевшие на отцовской шее, а когда он отказался содержать их в 1926 г., они убили его.

4. Известный изувер Пронюшкин, старый эксплуататор Анцифоровских мужиков и проч. в этом духе. Люди попрличнее устроились кто в Краевые заправила, а то и в самой Москве.

Если мы остановим наше внимание на тех «трудностях» роста, о которых говорится в советской печати и сопоставим их с умственным кругозором и работоспособностью хотя бы последних четырех лиц, то невольно приходится об этом призадуматься. Ведь обязанность администратора, на какой бы служебной лестнице он ни находился, каким бы поводырем над ним ни была партия, требует от него все же некоторого мышления и известной доли инициативы, иначе партия не стала бы предъявлять к каждому хозяйственнику своих особых требований. А какой же размах, какую опытность в деловых вопросах, да еще в настоящее время, когда жизнь ставит таких хозяйственников на положение «кулика в болоте», могут показать эти люди, ранее не только никогда не работавшие серьезно, но и не мечтавшие себе, что они сделаются своего рода «Гарун-альрашидами».

Этими словами Миндаровский вступает в полемику с В.И. Лениным по поводу его высказывания: «даже кухарка сможет править государством». Насчет государства не знаю, но уж захолустным сибирским городком кухарка не смогла бы управлять точно. Это истина, доказанная уроками истории 20-30-х годов XX века.

В данное время, когда я пишу эти записки, отделом образования и политического просвещения заведует столяр. Во главе музея поставлен бывший красноармеец - предшественник столяра, который при разговоре вместо слова «может» произносит «может» (этот молодой человек, во время заведования политпросветом, разрешил мне печатание брошюры о железной дороге, предпослал ей свою рецензию, которая в подлиннике присем прилагается).

В Красноярске партия сняла одного молодого человека с обязанности судового механика и назначила его окружным нотариусом. Как ни отклонял паренек от себя это назначение, прося оставить его на деле, которое он любит и хочет на нем совершенствоваться, партия была непреклонна и пригрозила ему увольнением из среды ее членов, в случае дальнейшего уклонения.

Что же заставляло партию делать такие, я бы сказал, противоестественные назначения? Мне кажется, здесь имел место не столько недостаток людей на вакантную должность, сколько слова Ленина, что «кухарка должна уметь править государством», и партия обратила это в закон, которым все время и руководствовалась.

Здесь будет уместно привести слова Соловьева, которые М.П. Миндаровский упоминает в своей рукописи:

«Нет ужаснее тирана, как раб, сделавшийся господином!»

Что же помешало советской власти за 12 лет создать эффективный аппарат власти? Даже если взять пример современной России, за последние 10 лет произошли коренные изменения в структуре власти и образовалась четкая система государственных органов, а также произошло разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную ее ветви. А советская власть за 12 описанных лет не только не становилась лучше, но и в силу своей вседозволенности и безнаказанности деградировала.

Но кто же выбирал эту власть и как это делалось? На этот вопрос автор записок дает исчерпывающий ответ, помогая создать мне картину выборной кампании, происходившей 70 лет назад, и у меня есть все основания считать эту информацию действительно верной, поскольку М.П. Миндаровский был часто секретарем выборов и к органам власти имел непосредственное отношение. Вот как он описывает процедуру таких выборов:

Расскажу Вам, как происходит самая махинация этих выборов. Незадолго до начала выборов вывешивается список лишенцев, т.е. тех групп населения, которые по 65 статье советской конституции не могут быть участниками выборов, как явно контрреволюционный элемент, хотя с общечеловеческой

точки зрения — людей заслуженных и порядочных. Затем назначаются участковые собрания, уже отсеянных членов профсоюза и незначительной группы пенсионеров и богаделенных. На этих собраниях председательствующим коммунистом зачитывается заранее составленный в своей тесной компании список кандидатов в члены уездных и районных советов и предлагается голосование, из любезности предварительно спросив, целым ли списком желает собрание голосовать или поименно, хотя каждый из коммунистов давно уже знает, что все выскажутся за целый список, т.к. внутренне понимает, что каждый из так называемых избирателей в душе думает, скорей бы только кончилась эта комедия. Решив, разумеется, единогласно голосовать всем списком председатель собрания вопрошает кто за, кто против и кто воздержался. В этот торжественный момент расставленные по разным углам помещения партийцы зорко наблюдают не поднимет ли кто-нибудь руку (выборы по конституции должны проводиться только открытые — поднятием руки, иначе при закрытом избирании записками или шарами вся эта советия не продержалась бы и трех лет) против предложенного списка, чтобы тут же взять этого храбреца на заметку, если он служащий или рабочий, при первом же удобном случае выставить его со службы. А так как служба или постоянная работа служат единственным занятием, дающим человеку кусок хлеба для существования с семьей, то чтобы не умереть с голоду весьма естественно все поднимают руки за избрание, в душе посылая к черту как самое собрание, так и устроителей этого маскарада. В более позднее время в целях привлечения на собрания большего числа избирателей стали вручаться последним именные приглашения, которые при явке на собрание должны быть передаваемы регистратору для записи фамилии явившегося. При такой системе не трудно потом выявить не пришедших избирателей и взять их под подозрение, как протестантов, бойкотирующих выборы. Тогда все те, коим по совести кажется противной устраиваемая комедия, явившись на собрание, передавали свои повестки регистратору, а сами незаметно в толпе исчезали из помещения. Фактически выборы происходили при наличии половины из зарегистрировавшихся, а в протоколе отмечалось при таком-то числе зарегистрировавшихся, т.е. явившихся на собрание избирателей, а в общем по всем городским участникам **при подавляющем процентном числе всех лиц, имеющих право голоса на выборах.**

Из всего этого я могу сделать заключение о том, что советская власть выбирала сама себя и такой выбор нельзя назвать всенародным. Однако, для понимания того, какой была советская власть, грубо говоря хорошей или плохой, мало знать о тех, кто ее представлял и того кем она выбиралась. Для народа, людей, которыми управляет эта власть истинно важной является деятельность этой власти, дающая отрицательный или положительный результат в своей работе.

У пришедших к власти большевиков на первом месте стояла идеология. Ее предводители считали, что их сила, прежде всего, состоит в полном контроле за умами и мыслями людей, которыми она управляла. При

такой позиции эта власть непременно должна была столкнуться с русской православной церковью, а уж коль в нашем городе Енисейске влияние церкви всегда было огромно (об этом говорит один только факт, что в г.Енисейске до 1917 г. существовало 11 действующих церквей). М.П.Миндаровский описывает в своих записках несколько случаев, показывающих отношения религии и идеологии большевиков 20-30 годов XX века. Вот некоторые из них:

Да, великие государственные умы, как помотришь, управляют нами! Во время моего проживания в Красноярске «товарищи» по части строительства в Енисейске сделали такие два дела для строительства страны, за которые обыкновенно бывало место в тюрьме. Здесь же все обошлось благополучно. Первое из этих дел: взорвали динамитом закрытую в 1932 г. Рождественскую церковь, построенную в 1755 году.

А вот случившаяся недавно на наших глазах история на почве религиозной общественности не поддается объяснению ни материалисту, ни церковнику. Дело в следующем: в местной Троицкой церкви вакантное место священника занял один из бывших ссыльных иереев, вооруживший свою собратию против себя тем, что во время священнослужения не упоминал имена патриархального кандидата митрополита Сергия и архиерея Павла. Вдруг священника этого арестовывают и немедленно высылают в село Каргино. Тем же потом угрожают и его заместителю, также пропускавшему в своих молениях эти имена. После этого при выборе следующего кандидата в церковные настоятели церковный совет счел нужным предварительно испросить согласия ОГПУ и горсовета и уже по получении такового решил пригласить намеченное лицо.

Это один из примеров, когда власть внедряет своих людей в церковь, пытается подчинить себе духовенство, установить свои порядки в духовной сфере.

Стремление наших заправил из горсовета к разрушению города не ограничивается только церковными зданиями, но идет далее по пути разрушения кладбищ, надгробных памятников и крестов и даже отдельных могил, лиц, чем-либо заметных в истории города. В этом случае характерен этот следующий факт. При ликвидации, как принято теперь выражаться, Абалаковской церкви и кладбища разгрому подверглись не только каменные и мраморные надгробия, но даже была разрыта могила похороненного в ней в 1911 г. врача Ю.Н.Васильева, пользовавшегося в городе симпатиями всего населения, как врача бесребреника и как отзывчивого человека. Стоявший над могилой мавзолей, сделанный из мрамора, сооруженный городом на подписные средства, разворочен и спущен в разрытую могилу. Подверглись разгрому и другое погребение, занесенное в летописи Енисейска, гражданина М.О.Маркса (географа и натуралиста-исследователя), чугунная ограда на могиле которого снята была еще год тому назад, а ныне сброшен и мраморный памятник, стоявший на могиле покойного.

После прочтения этих строк невольно задаешь себе вопрос: кому и зачем необходимо все это делать? Ведь это не объяснить простым хулиганством и вандализмом (тем, которое творится в настоящее время на наших кладбищах охотниками за куском цветного металла, который можно поменять на кусок хлеба, и наверняка он встанет поперек горла у тех, кто это сделал). Разграбление могил, происходившее в 20-х годах XX века — это хорошо спланированная акция, проходящая при непосредственной поддержке власти.

Советская власть имеет стремление узаконить свои отношения с церковью, для чего издает некоторые законы, о которых сообщает М.П.Миндаровский:

«Не лучше и в других делах нашей христианской церкви при существовании в государстве закона об отделении церкви от государства, статья 4 которого говорит:

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства, а школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

«Церковь отделяется от государства». Написано, кажется, ясно и всем понятно и до сих пор никем не изменено, а вот пойдите и полюбозытствуйте, что творится на практике.

Из предыдущих описанных М.П.Миндаровским случаев я вижу, что эти законы никем не соблюдаются, это дает понять мне практика жестокой действительности. Все эти стремления советской власти остались на бумаге. Лично я не уважаю тех людей, у которых слова расходятся с делом.

Наибольший объем информации об отношениях церкви и идеологии большевиков на данный момент содержит книга «Енисейск православный», написанная протоиереем Енисейского Успенского Собора Геннадием Фастом. Этот человек несколько лет собирал материал для своей книги. Однако в его книге нет некоторых фактов, о которых рассказал М.П.Миндаровский в своих записках, поэтому эта рукопись, прежде всего, является ценным источником для воссоздания истории города Енисейска 20-30-х годов XX века.

О результатах гонений на церковь за время существования советского строя я могу судить даже сейчас - из 11 церквей, действовавших в начале XX века, к началу XXI осталось только две, вот итог господства советской идеологии.

Мой город относительно небольшой, его всегда можно было с большой натяжкой назвать городом, т.к. крестьянство составляло большой процент населения и, как всегда, имело массу проблем. Особенно это касается начала XX века, когда крестьянин уже должен был переходить к более совершенным методам ведения хозяйства, а он нередко пахал землю вручную, поскольку лошадь себе могли позволить лишь зажиточные крестьяне. Теперь посмотрим, какими же методами

советская власть собиралась решить проблемы крестьянина. Люди, стоящие у власти, вели политику в отношении крестьянина по двум основным направлениям: раскулачивание и коллективизация.

У М.П.Миндаровского, как человека болеющего судьбой города, горожан, немалая часть записок посвящена крестьянству и земельному вопросу. Вот как он описывает кулаков:

Но самое существенное из мероприятий правительства, продельваемых на местах, это картины раскулачивания крестьянства.

Уже в то время, как я ехал по тракту в Красноярск в марте 1930 года, дорогой попадались навстречу громадные партии ссыльных и раскулаченных крестьян. Жутко и больно было видеть, как тащились пешком или на санях полунагие и полубосые русские люди со своими семьями и детьми, закутанные в лохмотья, потом и кровью кормившие когда-то великую Русь. Обращение с ними в пути сопровождавшего их конвоя было самое варварское. Очевидцы рассказывали, что были случаи, когда при раскате саней в ухабе из кибитки выпал ребенок, но обоз не остановился поднять его, а следовал далее. Стон и вопли слышали мы в пути при встрече с этими несчастными людьми.

Именно эти люди должны были стать опорой и основой государства по мнению П.А.Столыпина. Теперь их арестовали, изъяли все имущество в пользу государства, большая часть этого имущества осела в карманах тех людей, которые арестовывали «бывших хозяев жизни», теперь смешанных с грязью в прямом смысле этого слова.

Другой стороной политики советской власти в отношении крестьянина была коллективизация, имеющая своей целью уравнивание средних и бедных крестьян. Вот один из примеров работы этой системы, описанный Миндаровским:

Коллективизация деревень, начатая «на основе уничтожения кулачества, как класса», а проще говоря, на основе грабежа зажиточных хозяйств и ссылки самих работников, судя по тем «успехам», какие приходилось наблюдать в Красноярске и здесь, отрадного ничего не предвещают. Нужны, видимо, долгие годы ожидания, чтобы мелкособственническая натура деревенского хлебороба могла переработать себя и, претерпев все невзгоды, начать с энтузиазмом работать на благо новой общины. В ожидании этого, скорее всего, СССР превратится в живой труп. В момент, когда я пишу эти строки, идет отобрание у крестьян скота — крупного и мелкого. Собраны табуны по несколько тысяч голов и, благодаря такому своеобразному хозяйству, несчастные животные ежедневно умирают десятками, а мелкие барашки и сотнями голов в день. Чрезмерные засеваы полей в колхозах остаются на зиму неубранными по недостатку в них рабочих рук, а самая постановка труда в колхозах во многом напоминает существовавшие когда-то Аракчеевские военные поселения или прежнюю крепостническую барщину, возглавляемую взамен помещика целую бригадою партийцев и комсомольцев. Да и в самих управителях начинает замечаться какая-то упадочность и как бы разочарование в своей работе по перестройке России на социалистический лад.

Чего же хотели добиться этим большевики? Что они хотели получить в результате проведения коллективизации? Ответ на эти вопросы дал «великий» Сталин. Об этом ответе в своих записках М.П.Миндаровский написал:

Любопытное изречение современного мудреца Сталина, произведенного теперь товарищами уже в гении, сделанное им на последнем съезде советов, что ближайшая цель его политики: «Сделать колхозников зажиточными».

Это еще лишний раз подтверждает тот факт, что индивидуальные особенности человека, данные ему природой, служат тем зародышем общественного неравенства, на почве которого и возрос капитализм. Значит, Сталин противоречит сам себе. Значит «зажиточность» и у колхозников будет не у всех одинакова, и, в конце концов, приведет к тому, что кого-нибудь из них снова придется раскулачивать. Зачем было раскулачивать, если в конечном итоге ты хочешь добиться появления тех же кулаков, но не по отдельности, а целым селом? Наверное, для того, чтобы их потом удобнее было раскулачивать. С другой стороны, как колхозники могли стать зажиточными? Ведь они были экономически замкнуты, т.е. колхозники отдавали все произведенное ими государству, потом получали талоны и шли с этими талонами на продпункт и меняли их на недавно произведенную ими продукцию. Автор записок приводит несколько примеров такой экономической замкнутости:

27 февраля президиум РИК распорядился с 10 марта сего года открыть ярмарку в городе Енисейске. Вот желанный день наступил, «флаг поднят, ярмарка открыта, народом площадь вся покрыта», а что же далее?! Раздосадованный мой знакомый, обойдя весь строй, с досадой бросая корзину, говорит: «Черт знает что такое, обошел весь квартал и не нашел фунта сливочного масла. Редька, лук, чеснок, картошка и больше хоть и не спрашивай. Вот так ярмарка!»

Еще осенью прошлого года, когда везде прокричали о разрешении свободной торговли хлебом и об открытии колхозных базаров, в Енисейске этот день был особенно отмечен. Так, например, к этому дню горкомхоз устроил длинный навес с прилавками и особые ларьки, и прилавки по ширине базарной площади. На высоком столбе временно поставлен был громкоговоритель, который кричал на всю площадь в день открытия. Около двух возов муки, откуда-то доставленных на площадь (только не от колхоза), поместился председатель горсовета Журомский, приветствовавший этот знаменательный день своей речью, а местная газета «За большевистские темпы» или «Зуботычина», как расшифровывают некоторые ее сокращенное название из трех букв ЗБТ, разразилась наглой статьей; наглой я называю, потому что в ней без стыда и совести приведено было описание дня базара из 40 возов хлеба, творогу и молока, и несколько туш мяса и т.п. вранья, как бы в полное игнорирование свидетелей-очевидцев этого дня.

Вот наглядный пример того, как информирует своих читателей советская пресса. В этих двух случаях я нахожу некоторые подвижки в

действиях власти, все-таки объявление о свободной торговле, разрешение колхозникам торговать - это уже что-то. Однако притом, что торговать колхозникам было нечем, эти действия абсолютно бесполезны.

В своей работе я считаю нужным отметить еще одну сторону жизни советского человека - общежитие, которое существует и поныне. Существование человека в бараке или в коммунальной квартире часто лишало его даже маленького кусочка скрытой личной жизни, к которой он так тянется. Даже самые потаенные стороны быта каждого человека знали жители всей квартиры. К 80-м годам XX века в советской России существовала четкая железная система общежитий и коммунальных квартир. Но как же она создавалась? Вполне вразумительный ответ на этот вопрос дает М.П. Миндаровский в своих записках. Он рассказывает о попытках власти проводить жилищную кооперацию, как единственного выхода из создавшейся жилищной проблемы. Вот как это было:

Второй год я работаю в арендно-жилищной кооперации при горсовете, сущность которой состоит в том, что почти весь жилой муниципализированный фонд передается в пользование этой кооперации, а кооперацией она называется, потому что каждый ее жилец, делаясь ее членом-пайщиком и платя в ее кассу квартирную плату, относится к своему углу так же заботливо и бережливо, как относился собственник к своему дому. Поэтому на общих собраниях всей организации (жакт) жильцы сами разрешают все хозяйственные, культурные потребности своего быта: ремонт, топливо и т.п. В целях наибольшей заинтересованности в этом молодого поколения директивами центра рекомендуется вовлекать на обязанности членов председателей жактов комсомольцев и лиц партийного актива. Такова основная база будущего социального общежития, и что же?

Лично для меня удивительно, как человек, живший 80 лет назад, смог угадать одну из главных особенностей общественной жизни советского строя. Я могу утверждать, что М.П. Миндаровский сыграл роль пророка в истории, попробовав взглянуть из прошлого в будущее.

Немаловажную роль в экономике любой страны всегда играло мелкотоварное и среднее производство. В начале XX века мелкотоварное производство (особенно для таких малых населенных пунктов, как Енисейск) играло решающую роль. Советская власть кричала на каждом углу о поддержке кустарей. Но вот что было на практике со слов автора исследуемых мною записок:

Был здесь старик Зорембо — единственный в городе мастер по чернению шуб и выделке зверовых шкурок, кормившийся этим ремеслом со своей старухой, и что же? Райфо, преследуя его налогом, говорит: «Составляй артель или иди работать в кусткомбинат». Т.к. Зорембо найти себе в товарищи других специалистов не смог, а работать на кусткомбинате не захотел, то в результате, как безработный, лишенный хлебного пайка, умер голодной смертью. Факт, который подтвердят все в городе в 1935 году. Другой, подобный ему, единственный в городе колбасный мастер, имевший свою мастерскую и гастрономическую торговлю, которые были

у него национализированы вместе с домом, а владелец переведен в разряд лишенцев, которым он числится и поныне. Ему, как одиночке, также воспрещено работать по своей специальности, кроме как в артели или на кусткомбинате, куда он имел оплошность поступить, и что же? Ввиду того, что кусткомбинат этот, подобно другим организациям сводит свои отчетные балансы с убытком, то Макарову, как лишенцу, преподнесен счет на 1000 рублей в погашение убытка, вместо того, чтобы заплатить ему за проработанное время. Теперь на приведенных двух примерах заключайте, насколько облегчилось бремя мелких производителей.

Советская власть и в кустарное производство пыталось ввести идею коллективизации, объединяя кустарей различной профессиональной ориентации под одной крышей. Чего пытались этим добиться большевики? Наверное, им легче было контролировать и управлять целой группой кустарей, чем поддерживать власть над каждым из них в отдельности.

Я усматриваю много нелогичного, неправильного в методах советской власти и считаю ее работу не только не эффективной, порой абсурдной и бесполезной. Прежде всего, эта неэффективность отражается **на жизненном уровне населения**, о чем свидетельствует голод, эпидемии, наконец, состояние быта простого человека, плохо жившего раньше, а благодаря «социалистическому раю» его жизненный уровень вовсе сошел на нет. М.П.Миндаровский, болеющий за судьбы граждан, счел нужным передать ужасные обстоятельства, в которые был поставлен человек во время становления советской власти. Автор приводит уйму примеров, подтверждающих это. В свои записки он вложил официальный документ — объявление о рекомендациях власти народу по поводу того, как люди должны рационально использовать нищенский паек.

М.П.Миндаровский в своих записках приводит размеры пайка, который получал он сам, крупный чиновник и представитель власти:

Вот она за месяц:

Муки 20 фунтов

Мяса 8 фунтов

Жиров 1/2 фунта

Соли 2 фунта

Картофеля 20 фунтов

Кофе или чаю 1/4 фунта

Сахару 1 1/1 фунта

Спичек 2 коробка

Но это было в лучшие времена, а в декабре 1932 года он жил так:

Вот уже более полугода мы живем здесь на голодном пайке, получая в месячную норму от 8 до 14 кг муки в месяц на работника, несколько грамм сахару, иногда кусочек мыла, и это все. Удивительно то, что как только сократится продовольственная норма, так сейчас же появляется на сцену текучесть в рабочей силе на предприятиях и учреждениях, начинаются беспорядки и вредительство во всех текущих делах и на производстве. То

лопнет машинная часть в локомотиве, то затонет или сядет на мель пароход, и все в этом роде. Значит, вполне справедливы слова древнего мудреца Аристотеля в передаче Бакуна: «Человек, чтобы мыслить и быть способным вести дело, должен быть свободен от забот о куске хлеба».

Здесь М.П.Миндаровский приводит цитату древнего философа Аристотеля, как нельзя лучше подходящую для его теперешнего положения. Я уважаю М.П.Миндаровского за то, что он, не свободный от забот о куске хлеба, может мыслить и быть способным вести общественно важное дело в жесточайших условиях, тем самым опровергая вечные слова Аристотеля.

Советская власть с помощью системы пайков контролировала людей. Все мысли простых людей были заняты заботой о куске хлеба и поэтому человек не мог думать о другом. Я могу судить о том, что система пайков была создана для тотального контроля за умом народа. Человек, сказавший хотя бы слово против, лишался пайка, и эта его боязнь лишиться нищенского подспорья полностью отдавала его судьбу в руки власти.

Нередко из-за плохого питания и отсутствия элементарной гигиены в городе происходили страшные эпидемии, об опасности которых и необходимости предотвращения их, власть кричала во все стороны: «Опасайтесь сыпного тифа». Этими же словами была озаглавлена статья в местной газете «За большевистские темпы», которую Михаил Прокопьевич прокомментировал так:

Какой прекрасный, добрый совет дает нам молодой доктор советской обработки! Еженедельно ходить в баню. Это в Енисейске, где частных и домашних бань нет совершенно или на весь город разве найдется десяток. Коммунальная баня одна с пропускной способностью не более 200 человек в сутки. Это значит, что 6000-ное население города может помыться в бане только раз в месяц. Менять белье, которого у большинства нет даже на одну смену и купить негде. Кооператив же отпускает не более трех метров на человека в год, а мыло не отпускается в норму уже 4 месяца. Чесать голову хорошим гребнем, которых уже год как нет в продаже ни в одном из магазинов города.

По-моему, по этому поводу мои комментарии излишни. Автор все ясно и четко прокомментировал.

Часто в такой системе жизни человек не выдерживал. Самые смелые открыто выступали, а другие шли на некоторые попытки поправить свое положение, нередко переступая закон только ради того, чтобы прокормить себя и семью. Поэтому, чтобы завершить составление образа того времени необходимо разобраться в отношениях человека с законом. Мне это сделать не трудно, поскольку автор исследуемых мною записок приводит более чем достаточно примеров конфликтов в этих отношениях, подкрепленных действительными свидетельствами и фактами, раскрывая эту тему через факты советского судопроизводства:

Переживаемые в данное время острые недостатки всего необходимого для человеческого организма, породили особый вид преступлений, в прежние времена никогда неслыхиваемых. Стали обнаруживаться хищения хлеба из кладей и полей, масса случаев сбора из огородов картофеля, кража ношебных вещей и т.п. случаи. Казалось бы, уже это одно показывает создавшееся положение настолько серьезным, что должно бы побудить правящую власть искать выход из этого.

М.П.Миндаровский выводит понятие «особого вида» преступлений — мелкие хищения, а также «особого вида» наказания — расстрел, как меру предотвращения этих преступлений, что свидетельствует о бескомпромиссности власти. Автор в качестве примера такой особой системы приводит приговор, опубликованный в ранее упомянутой газете «За большевистские темпы».

Человек взял без спроса начальства сноп сена, ему кроме этого обвинения предъявляют ряд других. По совокупности предъявленных обвинений человек (Галкин Ф.П.) объявляется врагом народа и приговаривается к расстрелу. Чтобы показать отличие советской системы судопроизводства от критикуемой большевиками самодержавной системы суда, М.П.Миндаровский вспоминает о суде, который состоялся в 1899 году в Енисейске:

Когда по введению в Сибири Судебной реформы военно-полевой суд приговорил в 1899 г. двух преступников за зверский грабеж на приисковой дороге к смертной казни через повешение, этот первый после основания Енисейска приговор, вызвал в переполненном публичной зале суда крики, вопли и истерику среди нервных людей, то теперь о каждом расстреле довольно спокойно читаем мы, развалившись в кресле со стаканом чая в руках.

Из двух вышеописанных случаев я могу сделать вывод о том, что смертная казнь, вызывавшая бурю негодования в обществе, управляемом консервативным царским правительством, в годы советской власти стала нормой. Это свидетельствует об изменении психологии людей, произошел надлом в сознании. То, что вызывало естественное негодование, вслух выражать было нельзя, это могло стоить жизни. Страшно...

Другой пример М.П.Миндаровского вызывает у меня ассоциации с сегодняшним днем. Автор приводит статью из газеты «За большевистские темпы». В ней описывается случай, когда 5 сотрудников районного финансового отдела за крупное хищение государственного имущества приговорены судом к лишению свободы на 2 года с запрещением занимать ответственные должности в системе финансовых органов. С подобной ситуацией мы сталкиваемся порой и в современной России, когда за мелкие преступления человек лишается свободы, а те, кто ворует в больших размерах, безнаказанны, их свобода ничем не ограничена. Тема судопроизводства и законности достаточно полно раскрыта в рукописи. По моему мнению, эта информация достаточно объективна, поскольку Михаил Прокопьевич вклеил в свои записи газетные вырезки, в которых описываются случаи судопроизводства

в Енисейском районе. Поэтому у меня не возникает и тени сомнения в подлинности всего того, что он пишет по этому поводу.

Итак, М.П.Миндаровский помог мне воссоздать подлинный образ советской власти, которая основывалась на попрании естественных прав человека, а также контроле за его деятельностью. Автор объективно оценил действие представителей этой власти с точки зрения действительности, основываясь на реальных жизненных примерах и уроках. Он показал и раскрыл мне суть политики советской власти — говорить, но не делать.

Хотелось бы, чтобы эти записки были опубликованы, потому что они наводят на определенные размышления. М.П.Миндаровский дает следующим поколениям уникальную возможность учиться на крупных исторических ошибках (какой я считаю существование советского строя) и оставить без внимания его труд мы просто не вправе. В принципе, для меня главная идея М.П.Миндаровского о несостоятельности методов советской власти не нова, поскольку я живу в современной России и все учебники истории (по данному периоду), книги российских и зарубежных историков теперь открыто говорят об этом. Но меня удивляет, как через историю повседневности Миндаровский сумел дать объективную оценку событий сложнейшего в социальном отношении исторического периода, тем самым опередив современных мне историков на 70 лет. Ведь он не напрасно писал свои записки, он знал, что когда-нибудь они будут востребованы и интересны обществу, он чувствовал и видел это своим острым взглядом из прошлого в будущее. М.П.Миндаровский твердо знал, что время сотрет с титульного листа его записок пометку «СЕКРЕТНО», написанную карандашом. Закончить свою работу я хотел бы цитатой современного историка Н.Верта, которая, как нельзя лучше передаст вам мои ощущения после исследования рукописи М.П.Миндаровского:

«На моих глазах рушилась официальная историография, открывались архивы, стирались самые белые пятна истории, — короче, восстанавливалась память народа. Появилась надежда, что искривления между подлинной историей для частного пользования и официальной историей для общего пользования будут уничтожены».

**Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/3/Kardash/1.htm**

От составителя. Эта работа была в числе победителей конкурса “Человек в истории. Россия - XX век” в 2002 году, была опубликована в сборнике работ победителей и на сайте Красноярского общества “Мемориал”. Однако в 2006 году она появилась в журнале “Посев” № 7-2006 (http://www.posev.ru/les/articles/2006/ne_607/ne_6077.htm) с незначительными изменениями и сокращениями под фамилией Ольги Подборской. Мы хотели бы восстановить справедливость: именно Дмитрий Кардаш из г. Енисейска является настоящим автором этой работы.

Солдат неведомого фронта: герой или жертва?

Евгения Косолапова

*Красноярский край. Шушенский р-н.
Казанцевская средняя общеобразовательная
школа*

Руководитель: Л.Г. Кускашева

Вступление

С восьмого класса я занимаюсь краеведческой работой под руководством моей учительницы истории Кускашевой Людмилы Григорьевны. Она же является и руководителем нашего школьного музея «История села», который стал центром поисково-исследовательской работы. Работой я очень увлечена. Людмила Григорьевна предложила мне заняться исследованием жизненного пути бывшего председателя Казанцевского сельского совета Ракевича Николая Васильевича, который был участником Тощих военных учений с применением атомной бомбы.

В сентябре 2004 года этому событию исполняется 50 лет, но, на наш взгляд, ему уделяется мало внимания. Сейчас вся страна охвачена подготовкой празднования Нам показалось, что «атомные солдаты» не меньше достойны внимания потомков, чем герои Великой Отечественной войны.

Нас поразило, что участником страшного и судьбоносного события 1954 года был наш односельчанин и современник. Было очень интересно проанализировать значение события для личной судьбы Николай Васильевича, страны и общества.

Мечтаю офицером быть...

Родился Николай Васильевич в 1927 году в деревне Каменка, Ачинского района, Красноярского края. По рассказам дочери, Бибко Галины Николаевны, он рос живым и даже озорным ребёнком, любил петь, обладал хорошими вокальными данными. Судя по свидетельству об окончании Заварской неполной средней школы Ачинского района, Николай Васильевич учился хорошо, кроме математики, по которой у него были посредственные отметки, зато по гуманитарным предметам он занимался только на отлично¹. Сначала он решил, что его призвание - ветеринария, и поступил в Ачинский сельскохозяйственный техникум на отделение ветеринарии. Затем три года работал в Туве заведующим ветеринарного участка с/х управления. Год окончания техникума - 1945. Но это и год

¹ Свидетельство об окончании Заварской неполной средней школы.

окончания Великой Отечественной войны, которая в его судьбе, на наш взгляд, сыграла роковую роль, хоть он и не был её участником. Дело в том, что с войны возвращались герои-солдаты, герои-офицеры. На молодого человека повеяло военной романтикой. Галина Николаевна рассказывала, что он хотел стать лётчиком и даже поехал поступать на лётные курсы в г. Красноярск, но бортовая машина, в кузове которой он ехал, перевернулась, и он сломал руку. Путь в лётчики был закрыт. Тогда Николай Васильевич по распределению поехал в Туву. Там он проработал два года, но попал в две такие страшные жизненные ситуации, что казалось уже тогда стало ясно, что ему предначертан судьбой особый путь страданий. Один раз его чуть не затравили волки в степи, когда он вёз избирательные урны на старательские стоянки, а другой раз он попал уже в авиакатастрофу, когда летел на похороны отца. Николай Васильевич чудом остался цел и невредим, а вот раненого пилота самолёта У-2, упавшего на деревья, он тащил на себе по тайге до дороги несколько километров.

Он понимал, что лётчиком теперь ему не стать, но в армию продолжал быть влюблённым. В 1950 году он круто изменяет свой жизненный путь и поступает в Томское военно-пехотное училище. По его окончании попадает в Белорусский военный округ на должность командира взвода 68-го механизированного полка. И там снова получает удар в бок от судьбы, которая как будто ждала момента, чтобы ещё раз покуситься на его жизнь. В одном из военных учений на реке Неман БМП, в которой он находился, упала с моста в воду и начала тонуть. Весь экипаж едва выбрался через нижний люк, и все добирались до берега вплавь¹.

Сложно представить, как могло столько опасных жизненных ситуаций случиться с одним и тем же человеком за такой короткий промежуток времени. На первый взгляд может даже показаться это не правдоподобным, но от судьбы не уйдёшь. Жизнь ставила ловушки на каждом шагу в стремлении осуществить свою мечту, как будто хотела сказать: «Тебе никогда не стать военным».

Николай Васильевич, ещё работая в Туве, женился и уже к окончанию училища имел двух детей: дочь Галину и сына Александра. Галина унаследовала от отца изумительный голос. Сегодня она работает преподавателем музыки в Шушенской средней школе №1, является постоянным участником и непременным победителем всех районных и краевых музыкальных конкурсов. Но это дела будущего, а пока дети уехали вместе с родителями в Белоруссию, предполагая, что начинается их долгая «военная» жизнь.

Я рассматривала фотографии того периода их жизни, и видела, какие они были все красивые, счастливые и здоровые. Николай Васильевич был рад и счастлив своему положению, друзьям и семье. Конечно, он мечтал о военной карьере, о своих будущих успехах на благо Родины, о крепкой военной мужской дружбе, о чести и долге.

А между тем, беда была совсем рядом. Судьба готовилась нанести главный удар его жизни и здоровью. Хотя судьба ли? Не часто ли мы

1 Интервью, взятое у Г.Н.Бибко, дочери героя исследования.

всегда всё списываем на судьбу? По моему глубокому убеждению, в роли судьбы здесь выступило государство, которое спланировало страшное испытание, заранее зная, чем всё закончится для людей. И сколько сегодня не говорят участники этого испытания, что это было необходимо для Родины, что это был их долг, выбора им никто не предоставил. А между тем, их долг оказался равен смерти и ужасам жизни. Даже людей, которых хотят сделать разведчиками, спрашивают: смогут ли они это выдержать, хватит ли у них сил и нервов. А здесь – наоборот, в завесе страшной секретности отобрали 45 тысяч самых здоровых и сильных молодых офицеров и солдат, бросили в пучину ядерного взрыва, да ещё и приказали 25 лет молчать¹. Что же они должны были думать и чувствовать?

Ядерный молох

17 Сентября 1954 года газета «Правда» сообщала: «В соответствии с планом научно-исследовательских работ в Советском Союзе проведено испытание одного из видов атомного оружия. Получены ценные результаты, которые могут успешно решать задачи по защите от атомного нападения»². Можем ли мы согласиться с такой постановкой вопроса? Ведь каждый, кто такое прочтёт, представит себе советских учёных, их успехи и Советский Союз как государство, имеющее авторитет на международной арене. Так ли это было на самом деле? Посмотрим, что говорят сами участники этих «научно-исследовательских» испытаний.

«14.09.54 года в 9 часов 33 минуты по московскому времени с высоты 8 тысяч метров самолёт-носитель «ТУ-4» сбросил атомную бомбу в районе Оренбургской области на Тоцком армейском полигоне, которая взорвалась через 45 секунд на расстоянии 350 метров от земли»³.

Генерал-полковник В.В. Коробушкин, начальник бывшего управления Генерального штаба ВС СССР, описывает дальнейшие события так: «Через 5 минут после атомного взрыва началась артподготовка, затем авиационная бомбардировка «противника». «Восточные» располагались в пяти километрах от эпицентра, «западные» - в 10 – 12 километрах. В 10 часов 10 минут «восточные» атаковали позиции условного противника и двинулись в сторону эпицентра»⁴.

Кто же был противником? Его дружно обозначают известные нам из публикаций участники событий: Н.В. Даниленко, В.М. Алёшин, В.Я. Бенцианов, Ю.Д. Сорокин, Ф.П. Ватинский, в том числе, и наш герой Ракевич Н.В. Это сотни животных разных пород от крупнорогатого скота до мелких. Их привязали за день до взрыва в выложенном квадрате общей

1 «Жаркое лето 1954года» Н.В.Ракевич «Ленинская искра» 3.06.1998 г.

2 «Атомные солдаты» И. Мосин «Правда» 24.10.1991г.

3 «Преступление, названное подвигом» Т.Смольякова «Российская газета» 14.09.1994г.

4 «Преступление, названное подвигом» Т.Смольякова «Российская газета» 14.09.1994г.

площадью в 1 000 кв.м., а также вблизи расположенных населённых пунктов. «Бомба должна была разорваться в лесистой, пересечённой местности. По разные стороны от неё стояли две деревни с домами из дерева и самана. Жителей эвакуировали. Эпицентр обозначили большим белым крестом. На полянах вокруг него стояли танки, самолёты, орудия разных калибров, другая военная техника. Здесь же – на земле, в траншеях, в танках находились привязанные лошади, телята, овцы, собаки, кролики, кошки»¹.

Н.В. Ракевич писал о яркой вспышке и огромной силе ядерного взрыва, который прогремел в назначенное время и о том, какое впечатление осталось у него в памяти.

«Старые солдаты, бравшие Берлин говорят, что гром в Берлине был цветочком. Сила этого взрыва была такая, что прошло 44 года, а я его никогда не забуду. Грохот был неимоверный, лопалась голова от удара. А когда прошла воздушная волна, мы были дураками. Горело всё: танки, земля, бедные животные»². Таких цитат из рассказов участников этих страшных учений можно приводить бесконечно много и каждая из них мне кажется важнее другой. Соль же состоит в следующем: людей и животных, по сути, сделали подопытными в страшном ядерном эксперименте. Сначала следовал ядерный удар по предполагаемому противнику, а фактически, по животным и технике. А затем, через десять минут туда высылалась якобы разведка. И следом отправляли бойцов и офицеров завоёвывать эпицентр и окрестности, кого через час, кого через два, кого через три (зависело от поставленной военной задачи).

А уже через две недели туда отправляли на экскурсию детей, педагогов и докторов.

У меня складывается такое впечатление, что ими жертвовали во имя наблюдений за тем, как будет развиваться состояние их здоровья после фактически их прямого облучения. Непонятно только, во имя кого были эти жертвы.

В Древнем Карфагене человеческие жертвы приносились богу Молоху, который изображался карфагенянами в виде огромного человека-печи, в топку которой забрасывались человеческие жертвы, в том числе, и младенцы. Карфагеняне думали, что задабривая таким образом Бога, они отводят от себя беду. Ядерный взрыв забрал тысячи жизней и покусился ещё на тысячи будущих, пока не рождённых. Только во имя чего эти жертвы?

Хотели посмотреть, как развивается лучевая болезнь? Так ведь были уже, страдающие девять лет от неё после Хиросимы и Нагасаки, японцы. Или показалось, что бомба была недостаточной мощности (20килотонн), надо было устроить испытания в три раза помощнее (60 килотонн)³. 14 сентября 2004 года по каналу РТР поздно вечером шла программа под названием «Репетиция Апокалипсиса. Тоцкий

1 Ядерные заложники» А. Касаткин «Советский спорт» 5.12.1990 г

2 «Жаркое лето 1954года» Н.В.Ракевич «Ленинская искра» 3.06.1998 г.

3 «Жаркое лето 1954года» Н.В.Ракевич «Ленинская искра» 3.06.1998 г.

полигон». В ней сообщили, что бомба была мощностью в 38 килотонн. Таким образом, мощность была выше в 2 раза.

Я твёрдо знаю, что каждая человеческая жизнь бесценна. Кто и во сколько оценит эти человеческие жертвы? 14 сентября 2004 года исполняется 50 лет «Ядерному молоху», а должной оценки этому событию по сей день нет.

Николай Васильевич умер в 1998 году, но он как будто мне передал эстафету памяти о том ядерном взрыве. Теперь я, прочитав столько воспоминаний об этом, каждый вечер засыпая, ясно вижу перед собой эти страшные картины, как будто я там была и видела весь этот ужас своими глазами. В моей голове не укладывается мысль: как можно было столько молодых, сильных мужчин подвергнуть смертельной опасности, а вместе с ними и животных, бессловесных тварей божьих, служащих человеку и преданных им.

Когда-то Маленький Принц со сказочной планеты говорил: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Кто же ответственен за это содеянное? Никто не хочет на себя брать эту ответственность. В моей душе рождается страшная боль и стыд. И я чувствую, как эта ответственность переходит на меня. Мне хочется попросить у них у всех прощения.

Эхо Тоцкого эксперимента

В судьбе многих людей случаются такие жизненные ситуации, которые либо определяют, либо каким-то особым светом освещают всю дальнейшую жизнь. Они её как бы делят на жизнь до и после.

Слушая рассказы о Николае Васильевиче, много читая про него, мы пришли к выводу, что таким судьбоносным явлением в его жизни стала армия и Тоцкие учения.

Глядя в послужной список, замечаешь, что военный период краток. Из всей 70-летней жизни Николая Васильевича на его долю приходится 5 лет. А между тем, наш герой сначала стремился к военной вершине, а затем она освещала весь его путь.

Николай Васильевич после учений стал чувствовать себя неважно. У него на третий год стали выпадать волосы, зубы, не говоря уже о внутренних болезнях¹. Страшно представить себе, что чувствовал он, догадываясь о причинах ухудшения своего здоровья. Именно после Тоцких учений в семье Николая Васильевича рождается третий ребёнок - Тамара. Мы спрашивали у Галины Николаевны, как же её родители решились на это. Она сказала, что это вышло случайно и поправить ничего было нельзя. Из троих детей все болезни выпали именно на её долю. Как и Галина Николаевна, Тамара унаследовала от отца стопроцентный музыкальный слух, великолепный голос. Научилась играть на аккордеоне. Но в отличие от Галины Николаевны, она унаследовала от отца ещё и последствия его пребывания в эпицентре ядерного

1 «Жаркое лето 1954 года» Н.В.Ракевич «Ленинская искра» 3.06.1998 г.

взрыва, и имеет заболевание костного мозга¹. Конечно, здоровье третьей дочери было большим ударом для родителей, но болезни и Николая Васильевича, и Тамары не обозначались докторами, как исходные от лучевой. Сам Николай Васильевич страдал от того, что ему нельзя было сказать об этом, даже просто упомянуть в разговоре. А ему очень хотелось рассказать односельчанам, школьникам о том, что он имеет прямое отношение к подвигу. Для него не было дилеммы в оценке событий: подвиг это или преступление, как в статье Т. Смольяковой «Преступление, названное подвигом»². Он однозначно себя считал участником подвига, человеком, до конца выполнившим свой долг гражданина. Николай Васильевич, будучи председателем сельсовета, часто бывал в нашей школе вместе с ветеранами — героями Великой Отечественной войны. Но выступал не он, а они, Николай Васильевич их только сопровождал. А в душе его всё кричало о том, что он тоже герой, только говорить пока не может. Даже по истечению 25 лет, когда перестала действовать подписка о неразглашении государственной тайны, публично выступать «атомным солдатам» не рекомендовалось. И только после перестройки и укрепления гласности в нашей стране, он такую возможность получил.

Людмиле Григорьевне, моему учителю истории, довелось присутствовать на первой встрече Николая Васильевича с десятиклассниками в 1994 году. Она вспоминает, что выступление его было таким эмоциональным, живым и глубоким, что все были просто ошарашены и полученной информацией, и тем, что их односельчанин оказался участником судьбоносного явления. Николай Васильевич говорил о том, какую лепту внёс, в том числе, и он в создание ядерного оружия — оборонительного щита нашего государства от врагов.

Он спешил сказать как можно больше. Было очевидным, что Николай Васильевич боялся ограничения времени выступления. Иногда слова опережали его мысли, эмоции были ключом. Ему задано было школьниками столько вопросов, сколько не получал ни один односельчанин — герой войны. Он протирал свою лысину носовым платком и отвечал, отвечал, отвечал. Вместо положенных сорока минут встреча длилась два часа. Авторитет Николая Васильевича взлетел так высоко, что он был просто счастлив тем, что оказался в то время и в том месте. Но самое страшное, что под воздействием эмоций выступающего тоже самое чувствовали и все участники встречи. Есть такое расхожее выражение: «Поздно, но награда нашла своего героя». Школьникам хотелось чем-то наградить Николая Васильевича за его подвиг, а ему наградой были внимание и понимание. Осознание же ужаса случившегося и к Николаю Васильевичу, и ко всем нам, пришло позже. Но всё равно, Николай Васильевич после начавшихся встреч со школьниками и односельчанами, стал чувствовать себя лучше.

1 Медицинское заключение о состоянии здоровья дочери Тамары из Германии

2 «Преступление, названное подвигом» Т.Смольякова «Российская газета» 14.09.1994г.

Он был горд мыслью, что его жизнь оказалась востребованной и тоже почитаемой, как и жизнь героев войны.

В самом конце 80-х годов в стране начинается движение в защиту людей, пострадавших от атомного воздействия. 10 мая 1990 года был создан Комитет ветеранов подразделений особого риска. Он объединил бывших военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота, войск МВД и КГБ. Комитет стал вести большую работу на уровне администрации президента и правительства по созданию нормативных документов, определяющих льготы для бывших военных атомщиков.

Николай Васильевич, узнав о существовании такого Комитета, установил с ним связь, выслал, запрашиваемую Комитетом, анкету. Его удовлетворило то, что теперь он не только общепризнанный участник событий, но и имеет право на государственные льготы. Сначала ему было выдано временное удостоверение, а затем постоянное удостоверение Ветерана подразделений особого риска. Он был даже приглашён в г. Ленинград на Всесоюзную конференцию ветеранов подразделений особого риска, которая проходила с 8 по 10 мая 1991 года. Николай Васильевич на этой конференции побывал и приехал с большими впечатлениями. А в следующем году его пригласили на заседание Комитета по реабилитации «атомных солдат».

В 1992 году ему была обозначена вторая группа инвалидности, в основе которой лежали заболевания общего характера.

В 1996 году он обратился в МСЭК г. Санкт-Петербурга и в региональный межведомственный совет для уточнения причины инвалидности. Обе организации, рассмотрев все собранные медицинские заключения, отказались признать наличие признаков лучевой болезни у Николая Васильевича. Главным аргументом было выдвинуто то, что заболевание лёгких, сердца, сахарным диабетом можно получить и без облучения.

Мы посмотрели в «Справочнике врача» признаки лучевой болезни. Она подразделяется на острую и хроническую. В острой стадии симптомами является рвота, сильная головная боль, а в хронической стадии – подавленный иммунитет, так как подавляется белый росток в крови, и снижаются защитные функции организма. Человек, перенёсший лучевую болезнь, часто подвергается инфекционным заболеваниям, которые могут привести к лёгочным абсцессам. У него выпадают волосы, появляются язвы на теле, может измениться формула крови. Эпикриз стационара, где на излечении был Николай Васильевич в 1993 году, говорит о том, что иммунитет нашего героя был очень слабым, а болезней у него более, чем достаточно.

Но медики и нашего региона, и Санкт-Петербургского дружно сказали Николаю Васильевичу, что его инвалидность — результат общего заболевания, а не лучевой болезни, так как все его болезни можно получить и без облучения. Рассуждая по этому поводу, мы пришли к выводу, что это — предположения. Достойного же медицинского обследования после испытаний никто из военных не получил.

А между тем, Николай Васильевич писал и о головных болях, и о выпадающих волосах, и о внутренних болезнях, начавшихся у него после учений¹. А ведь на эти учения отбирали абсолютно здоровых людей. Об этом писали все участники событий. Почему же медики предполагают только в одну сторону, которая ведёт к экономии государственных средств? Если речь вести о предположениях, то обычно их бывает несколько. Мы рассуждаем по-другому. Одним из главных признаков лучевой болезни является ослабление иммунитета. Разве такое обилие заболеваний, какое стал иметь Николай Васильевич после учений, невозможно обозначить, как результат ослабленного иммунитета, именно по причине лучевой болезни. Ведь логично представить себе человека, побывавшего сразу после ядерного взрыва в его эпицентре без особых средств защиты, не считая противогаза, облучённым. По крайней мере, на уроках по ОБЖ, где есть разделы по гражданской обороне, нам говорили, что чем ближе к эпицентру взрыва, тем больше исчезает вероятность облучения не получить.

Нам думается, что просто сложилась ситуация, когда государству легче не признать, чем признать свой постыдный поступок. Ведь если признать у этих людей лучевую болезнь, значит подтвердить то, что их сделали подопытными в ядерном эксперименте для обследования этапов лучевой болезни. Конечно, государство вряд ли развитие лучевой болезни ставило во главу угла. Скорее всего, оно испытывало степень разрушающей силы ядерного оружия на всё живое. Что этой живой силой были в том числе люди, государству надо было скрыть, чтобы не выглядеть международным преступником. Поэтому ни у кого из участников эксперимента не было диагноза лучевой болезни, а чтобы общество не касалось этой проблемы, всем было приказано молчать 25 лет. Не получилось. Общество сразу отреагировало на вскрытую проблему и мы солидарны с журналистом Татьяной Смольяковой, которая назвала эксперимент преступлением против людей.

Заключение

Подшло к концу исследование самого значительного отрезка из жизненного пути Николая Васильевича Ракевича. Как в целом на личности Николая Васильевича сказалась такая военная страница его жизни? Разговаривая с его дочерью, мы пришли к выводу, что армия фактически «слепила» его как человека, а время, в которое он жил, наложило отпечаток на черты его характера. Он был сыном своего времени. Его отличительными чертами были точность и пунктуальность. Он никогда не опаздывал, был обязательным в мелочах, не любил лишних разговоров.

В целом, его вспоминают как понимающего человека и опытного руководителя, но он был руководителем авторитарного склада². И ещё

1 «Жаркое лето 1954года» Н.В.Ракевич «Ленинская искра» 3.06.1998 г.

2 Интервью, взятое у В.Г.Давыдовой, секретаря Казанцевского сельсовета в годы работы там Н.В.Ракевича.

с армейских времён считал, что приказ — это безусловное руководство к действию. Он сам не обсуждал приказы более высокого начальства и требовал чёткого исполнения своих приказов от подчинённых ему людей.

Время, в которое Николай Васильевич жил, не позволяло ему, как и его «собратьям по несчастью» выйти за рамки тех ограничений, которые ставило им государство.

Первоначально в своём исследовании мы хотели двигаться в направлении «Личность и общество», но нас непроизвольно склоняло в сторону направления «Человек и власть». В конечном итоге, мы перестали сопротивляться и решили работать в этих двух ракурсах.

Государство как бы ставило преграду между «атомными солдатами» и обществом, закрывая эксперимент завесой обязательного молчания. Наверное, ему было бы легче, если бы все тихо умерли. Но часть «атомных солдат» осталась живой и рвалась к общению с обществом, правда только для рассказа о своём подвиге. Претензии же к государству если и предъявлялись, то в форме признания «атомных солдат» такими же значимыми людьми, какими являются участники Великой Отечественной войны. Соответственно и льготы, денежные и натуральные, должны были быть такими же. Если бы государство пошло навстречу в этих вопросах ветеранам подразделения Особого риска, а не бросало бы их по семи кругам ада во время хлопот по отстаиванию своих прав, то для них вопрос был бы исчерпан. Они были бы счастливы.

Читая про лётчика Чарльза Суини, который сбросил атомную бомбу на японский город Нагасаки в 1945 году, я узнала, что он не сомневался в правильности своего поступка. «Это было моим долгом, я хотел, чтобы война поскорее закончилась. Нам хотелось поскорее вернуться домой к своим любимым». Умирая в возрасте 84-х лет, ни он, ни его второй пилот Фред Оливи, который умер в 82 года, не принесли публичного покаяния за свершённое ими 6 и 9 августа 1945 года в Японии. Как будто любимые есть только у них, а у 80 тысяч жителей Нагасаки и 240 тысяч жителей Хиросимы любимых людей не было. Бог им судья!

А кто покается за содеянное над сорок пятью тысячами наших людей?

Государство об этом даже и не задумывается, а сами ветераны и не догадываются потребовать такого покаяния. Нам не встретилось такой мысли ни в одном публикуемом материале. Все ветераны просят их признать, помочь материально и в вопросах улучшения здоровья. И на этом всё. Лишь только один второй пилот Кокорин (к сожалению, имени его я не запомнила) самолёта, поднявшего и сбросившего атомную бомбу на Тоцком полигоне, ужаснулся содеянному и заявил категорически командованию, что ни при каких обстоятельствах никогда больше не возьмёт на борт самолёта атомного вооружения. Не смотря на то, что он был опытным лётчиком испытателем, после такого заявления

его уволили из вооружённых сил. Мне кажется, что это поступок настоящего человека и мужчины. И я его принимаю за покаяние¹.

Ещё меня очень беспокоит и удивляет одна мысль: страна вышла только что из страшной войны, потеряв 27 миллионов человек, по большей части мужчин. А в 1954 году, в мирное время было фактически запланировано ещё 45 тысяч жертв. А какое же они могли дать потомство, если вообще остались бы живы?

Сегодня СМИ часто обращаются к проблеме рождаемости, здоровья нации и перспектив развития государства через призму этих вопросов, так как важно, кто будет работать на производстве, защищать страну, развивать и укреплять наше общество.

Думается, что такие вопросы должны быть в поле зрения государства в любые периоды его развития. Почему же тогда никто не подумал ни о человеческой, ни о государственной стороне этой проблемы?

Эта работа произвела на меня неизгладимое впечатление. Я поняла, что государство отняло у огромной массы людей здоровье, покушалось на их жизнь и постоянно нарушало их права. Мне страшно от мысли, как много потеряли эти люди, и под каким государственным прессом формировались их личности.

Николай Васильевич мечтал стать офицером, обожал своего зятя – офицера, очень гордился тем, что его дочь Галина вышла замуж за офицера. Он и не догадывался, что государство фактически его обкрадывало в здоровье, в мечтах, в моральном и материальном благополучии, в правах человека и счастье. Не обладая правовой культурой, Николай Васильевич никакого счёта государству и не выдвигал. Люди того времени почти все теряли и по -крупному. Они считали, что это так полагается, в этом состоит жизнь. А может именно эти большие потери, вместе с другими обстоятельствами, не позволили родиться большим идеям в головах этих людей, которые бы двинули российский прогресс дальше и, в конечном итоге, помогли бы нашей стране развиваться быстрее.

Это исследование для меня стало большим жизненным уроком, показавшим, как важно знать свои права и уметь их защищать.

Если бы меня услышал Николай Васильевич, я бы сказала ему, что очень горжусь им, низко кланяюсь за силу духа, проявленную в жизни, что считаю его Героем с большой буквы. И пусть он не имеет высокой награды за военный подвиг, а лишь за доблестный труд на селе, это не умаляет его значимости. Но вместе с тем, я бы сказала, что моё сердце переполняет к нему огромная жалость, потому что его обманном путём сделали большой Жертвой, принеся на жертвенный алтарь не только его жизнь, но и судьбу всей его семьи.

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/6/Kosolapova.htm

¹ РТР, 14.09.2004 «Репетиция Апокалипсиса. Тоцкий полигон.»

Не подвластно времени

Владислав Моисеев

*Красноярский край, г.Енисейск,
школа № 1 им.И.П.Кытманова*

Руководитель: И.Н. Моисеева

Сибирь была издавна местом, куда ссылались инакомыслящие, неугодные «неудобные» властям люди. Так было и в царские, и в советские времена. Ссылные, депортированные, репрессированные время от времени пополняли ряды сибиряков, пуская корни, оставляя след, добрую память о себе.

Селу Ярцево, что находится на территории Енисейского района и чей славный юбилей – 400-летие со времени основания будет отмечаться этим летом, самой судьбой видно было предназначено стать местом пристанища, «исправления», новой вехой отсчета жизни многих достойных людей. Так, воспоминания старожилов, летопись села указывают на факт пребывания в 18 в. в Ярцево шестерых участников пугачевского восстания. Правда, архивные материалы г.Енисейска не подтверждают эту информацию. Да сколько еще всего – сколько тайн, о скольких человеческих трагедиях, ярких судьбах знает и помнит Ярцево, село, в жизни, истории которого большие события большой Родины отразились как в зеркале. И поэтому Ярцево не случайно стало место дислокации двух экспедиций школьников и студентов исторического отделения ЕПУ г.Енисейска, занимающихся фиксацией устной истории (2001 и 2004 гг.). Мне посчастливилось быть участником обеих.

Сколько новых, ярких впечатлений, сколько страниц учебника истории я прочитал живьем! Но чем больше я узнавал, тем большее количество вопросов возникало. На одни из них я обязательно найду ответы, более детально, подробно познакомившись с кино «советского периода», а на другие придется отвечать самому, самому решать. Ведь жизнь не дает готовых ответов. Но порой какие-то факты, которые она как бы случайно подбрасывает тебе, заставляют задуматься и, быть может, в какой-то мере, повлиять на твоим личные взгляды, мировоззрение.

Таким фактом и отправной точкой моего исследования стал один случай, о котором я услышал в моей первой ярцевской экспедиции.

«Поздней осенью, где-то в октябре, хирург Ярцевской районной больницы Михаил Васильевич Румянцев отправился на вызов в д.Фомка, что расположена в тридцати с лишним километрах от Ярцево. У больного оказался аппендицит, и доктор повез его в стационар на операцию. Но, не доезжая нескольких километров до больницы, больному стало

настолько худо, что стало ясно – живым его не довезти. М.В.Румянцев решается на отчаянный шаг. Прямо на дороге, в кошке, без всяких ассистентов он делает операцию. Человек был спасен».

Расспрашивая сельчан об этом докторе, я смог узнать только то, что происходило это в начале 50-х, что доктор был из ссыльных, что очень хороший был доктор и такой же человек.

На другой год в с.Колмогорово, а потом и в п.Кривляк, беседуя с жителями, я стал между делом, на всякий случай, спрашивать у них – не слышали ли они о таком враче – Румянцеве М.В. И в разных местах находились люди, сталкивавшиеся, лечившиеся, слышавшие о нем. Но не только добрые слова об этом враче подтолкнули меня к дальнейшим действиям. Люди говорили о нем так, как будто речь шла об их соседе, только что скрывшемся в переулке. А ведь доктор-то жил здесь 50 лет назад!

Что за жизнь прожил человек, и как ее нужно было прожить, чтобы полвека спустя о тебе говорили как о живом, не напрягая память, не морща лоб от усилий вспомнить. Что не подвластно времени, забвению?

На эти философские вопросы, но очень важные для каждого человека, я попытался ответить, взяв во внимание жизнь одного конкретного человека – М.В.Румянцева. Это и стало, выражаясь научным языком, целью моего исследования.

Как и всякий енисейский школьник, в первую очередь, я обратился в краеведческий музей г.Енисейска, гос. Архив. Но никаких сведений о М.В.Румянцеве и ссылке 50-х годов в Ярцево не оказалось.

Потом вместе с моим руководителем мы обратились за помощью в отдел кадров больницы г.Енисейска, в енисейскую тюрьму. Но нигде не всплыла эта фамилия.

На сайте красноярского «Мемориала» мы нашли информацию: «М.В.Румянцев, 1888 г.р., москвич. В 1911 г. с отличием закончил медфак МГУ. В 1941 г. был призван в армию в должности военврача II ранга. В 1948 г. этапирован в с.Ярцево Енисейского района в ссылку. Проживал до 1953 г. Собирался уехать в Киев».

Как москвич мог оказаться в Красноярском госпитале, за что его после войны этапировали в Ярцево? Вглядываясь в благородное, умное лицо на фотографии, я не раз задавал себе эти вопросы. Куда выпали 30 лет – между 1911 и началом войны? Что происходило в жизни этого человека? Ведь в стране чего только не происходило: и первая мировая, и революция, и строительство социализма, и 37(!) год... Ведь эти события так или иначе повлияли и на его жизнь. Но...

И мы вновь продолжаем вести поиск документальных источников. С этой целью мы обратились в ИЦ ГУВД Красноярского края. И нам повезло. Из материалов личного дела М.В.Румянцева № 1828 начинает кое-что проясняться: «В 1941 г. в районе Западной границы Украины М.В.Румянцев попал в плен, не оказав сопротивления врагу...» Когда

я в первый раз прочитал эти строки, честно признаюсь, мне стало не по себе. Значит сдался; а как же тогда — русские умирают, но не сдаются? Значит ни Матросов, ни Белинский? Но не будем спешить с выводами. Читаем дальше: «В числе других он попадает в лагерь для военнопленных в г.Летичев, где находится в течение месяца. Затем он был отпущен, и по предложению немецкого командования начал работать гл. врачом Дунаевской больницы в д.Малые Дунаевцы Каменец-Подольской области».

Наверное, скорей всего, он лечил всех: и наших, и фашистов. Но ведь доктор, произнося клятву Гиппократу, обещает лечить всех, вне зависимости ни от чего, и даже оттого, кто он: свой или враг, пришедший на твою землю убить тебя и твою семью. Наверное, после слова «больной» любые определения и уточнения не играют роли? Наверное, в этом и заключается какой-то особый, вселенский гуманизм этой профессии? Наверное, — да.

1944 год. Конец оккупации Западной Украины. Что испытывали люди, прожившие «под немцами» 3 года, когда наконец-то пришли наши, родные? Безмерное счастье — безусловно Парадоксально, но для кого-то счастье в одночасье обернулось несчастьем, новой трагедией. До сих пор во время экспедиций мы встречаемся с людьми, пострадавшими безвинно (сейчас, правда, реабилитированными) только за то, что, живя на оккупированной территории, потом не донесли на кого-то или были кому-то дальней родней — седьмой спицей в колесе. И до сих пор по-разному к ним относятся местные, порой в сердцах, в обиду бросают в спину: «Бандеровец». Разные чувства наполняли и до сих пор наполняют их сердца.

Как следует из материалов дела, М.В.Румянцев 29.04.1944 г. был арестован уже представителями советской власти. Через два месяца — 26.06.1944 г. ВГ НКВД Каменец-Подольской области был осужден на 20 лет + 5 лет л/п по статье 54-1б, 54-10 ч.2 УССР (они соответствуют 58-1б и 58-10 ч.2 УК РСФСР, а это измена Родине и антисоветская пропаганда). 22.12.1944 г. срок был изменен вследствие личного прошения М.В.Румянцева на 10 лет лишения свободы + 5 лет поражения в правах. Срок отбывал в Тайшетлаге.

Здесь, в Енисейске, среди наших давнишних знакомых нашлась женщина, лично знавшая и работавшая с М.В.Румянцевым в Ярцево — З.Я.Соколова. С ее слов строчку личного дела Тайшетлага я хочу прокомментировать конкретным случаем, эпизодом из жизни М.В.Румянцева.

«В Тайшетлаге, на лесозаготовках, куда забросила М.В.Румянцева советская власть, в бригаде, где он работал у одного «зека» случился гнойный аппендицит. Смотреть на его мучения было больно. Летальный исход был неизбежен. М.В.Румянцев видя, что больной все равно умрет, решился на операцию. В избушке, в окружении «зеков», таких же как он людей, накалив на огне нож и обработав спиртом нитки, он

провел операцию. А потом еще долго скрывали выздоравливающего, выполняя его норму на лесоповале».

Врачебная клятва или сострадание, действенное и активное толкнуло его на такой шаг? Ведь там он был ни доктором, а обычным заключенным, валившим лес. И если бы стало известно об этом случае, нашлись бы для Михаила Васильевича места, куда подальше расположенные от Тайшетлага, в лучшем случае, а в худшем — ...

Но все обошлось благополучно. А 16.08.45 года наказание было изменено. «С 16.08.45 г. по 1948 г. М.В.Румянцев отбывал ссылку в с.Усть-ордын Иркутской области, - читаем строчки личного дела. И что очень важно, там есть еще одна фраза: «Работал врачом сразу в двух районах. Пользовался большим авторитетом у населения». Что стоит за этими строчками? Еще одна чья-то спасенная жизнь, жизнь, превратившаяся в сплошную работу, или работа, ставшая и условием, и целью дальнейшей жизни?

В начале работы я невольно поставил в один ряд Румянцева, Белинского, Матросова. И сейчас я хочу развить эту мысль. Героизм... Он бывает разный: мгновенный и обыденный, как бы не явный, размытый во времени, не вспышкообразный. В 1941 г. у М.В.Румянцева был выбор, и он его сделал сам, всей последующей жизнью доказав правильность именно его выбора, а не такого вообще. Что было бы лучше: красиво умереть, или, несмотря на лагерь и ссылку, на клеймо «изменник Родины», жить, спасая жизни другим? И разве под силу любой личности пройти лагеря — фашистские, наши — и не озлобиться, не очерстветь душой, не превратиться просто в ремесленника, лишившись простых человеческих радостей (любви, семьи, карьеры), не растерять душевное тепло? Нет, только сильной, героической. Это неверно сравнивать: что лучше, жизнь или смерть. Просто теперь на фразу «сдался, не оказав сопротивления» я смотрю иначе. На все поступки человека нужно смотреть не отрывочно, изолированно, а в связи с другими, с причинами и следствиями. И теперь, нисколько не стесняясь и не кривя душой, я могу поставить в один ряд эти фамилии: Матросов, Белинский, Румянцев.

Вернемся снова к документальным источникам: «13.08.48 г. М.В.Румянцев был этапирован в с.Ярцево в ссылку...» По воспоминаниям З.Я.Соколовой в то время в больнице работало еще несколько ссыльных врачей: регистратор Эмма Андреевна Воробьева-Револайнен (финка), доктор Николай Николаевич Ильин (рентгенолог), доктор Лернер (его имени, отчества она не помнит), доктор Гусейнов из Баку. Зубопротезный кабинет, где работала Зинаида Яковлевна, находился напротив кабинета Румянцева. Михаил Васильевич особой дружбы ни с кем не водил, но часто заходил к ним, где всегда были газеты. Часто листал их, не обсуждая, не вдаваясь ни в какие подробности и разговоры. Лишь однажды как-то рассказал о случае в Тайшетлаге. «Он был удрученным жизнью, годами человеком, — вспоминает З.Я., — а я молодая девчонка.

Но однажды он пришел к нам с каким-то блеском в глазах и сказал: «Зиночка, я вчера по радио слушал симфонию Б... (она не помнит Баха или Бетховена». Вроде бы деталь, но вот она и Москва, и благородство, духовность во взгляде, и тонкие музыкально-хирургические пальцы. И кстати, мне удалось вычислить точно, когда уехал М.В.Румянцев из Ярцево: в 1956 г. у Зинаиды Яковлевны родилась дочка Люба, которая постоянно плакала, и Михаил Васильевич рекомендовал как можно чаще купать ее, а в 1958-м, когда они уезжали из Ярцево, Михаила Васильевича там уже не было. Многие старожилы говорят, что он уехал в Киев, где через год умер от рака.

Что позволило отдельному человеку в истории, песчинке не кануть в небытие? Не потому, что он был ссыльным, не потому что он был врачом, помнят до сих пор о М.В.Румянцеве в Ярцево. Воспоминания, пусть небольшие, отрывочные свежи, потому что наряду с высоким профессионализмом особая человечность во всех ее проявлениях, душевное тепло не ветшают со временем, неподвластны забвению. А если короче и одним словом – это гуманизм. Это то, что позволило России перешагнуть порог XX века и вступить в XXI, это то, что наряду со знанием необходимо человечеству, чтобы двигаться дальше.

Я считаю, что этот человек достоин того, чтобы установить мемориальную доску на здании ярцевской больницы.

От составителя. В 2006 году мемориальная доска на здании ярцевской больницы была установлена. Открыть её, по праву, доверили Славе Моисееву.

Полный текст с приложениями находится по адресу memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/6/Moiseev/Moiseev.htm

История моей семьи в истории моей страны

Екатерина Николаева

Красноярский край, г.Бородино, школа №3

Руководитель О.В.Козина

Для каждого человека семья - это самое ценное, что есть в жизни. Человек должен не только знать родственников, но знать историю своего рода. История семьи - это корни, без которых человек не может существовать.

История страны становится понятней тогда, когда она связывается с судьбами отдельных людей. События, происходившие в СССР в 1930 по 1950 годы, коренным образом изменили судьбы моих родственников.

Я хочу рассказать о моем дедушке Мартюшеве Павле Никитиче. 1917 год. Село Каменка Чугуевского района Приморского края. В молодой семье Никиты Васильевича и Пелагеи Анисимовны Мартюшевых родился первенец Павел. В то время рождение сына было большой радостью. Сын — продолжатель рода, помощник отца, опора семьи. Вскоре у них родились еще два сына и дочь.

Никита вместе со своими братьями: Василием и Иосифом, не покладая рук, трудились на мельнице и маслобойне, которые им достались в наследство, после смерти отца. Они жили очень хорошо, считались кулаками.

Первая беда пришла в 1924 году. Ночью в дом ворвались люди в черных кожаных куртках с пистолетами. Разбудили всю семью, забрали все, что можно было унести, угнали весь скот, мельницу разрушили, маслобойню сожгли. Никиту Васильевича увели с собой. Его обвинили в пособничестве «белым». Пелагея Анисимовна побежала по деревне для того, чтобы собрать доказательства его не виновности, она думала, будет суд как при царе, но его не было. Утром Пелагею вместе с детьми привели на берег реки, там был и их отец и многие другие мужчины села. Дети обрадовались, увидев отца, ждали, когда его отпустят, но они глубоко ошибались. Никиту Васильевича вместе с другими (которых также как его ночью увели из дому) раздели до нижнего белья и расстреляли на глазах у детей. Но на этом ужас не кончился. Солдаты развели костер и сожгли тела. Семьям даже не разрешили собрать прах. У Пелагеи на руках остались четверо детей: Павлу было 7 лет, Федору — 5, Лазарю — 2, Ирине всего один годик. Сердце маленькой девочки не выдержало, она почти сразу умерла.

Позднее стало известно, что Никита стал жертвой доноса. Двоюродный брат Никиты действительно был белогвардейцем, когда его поймали и

привели на допрос он сказал, что это не он, а его двоюродный брат Никита. Ему поверили.

Пелагее Анисимовне не позволили жить в своем доме, родственники взяли к себе, а потом помогли построить новый дом. Но семье не давали спокойно жить, только они обзаведутся каким-нибудь хозяйством, придут неизвестные и все заберут. Павел очень хотел ходить в школу, но его не брали. Учительница боялась, что если она возьмет его в школу, ее накажут. В 1930 году к ним пришли в последний раз, потому что после этого Пелагею Анисимовну вместе с детьми выгнали из села. Мать с детьми шли очень долго. Еду просили у людей, ночевали, где придется. Дошли до родственников, которые жили в селе Михайловском на берегу реки Усури. Там и остались жить. Родственники не дали умереть с голоду, помогли обосноваться в деревне.

Прошло 3 года, Павлу было уже 16 лет. Соседи стали говорить, что им интересуются какие-то люди, задают странные вопросы. Пелагея Анисимовна стала бояться, как бы с сыном не случилось то же, что и с отцом. Однажды утром, когда Пелагея готовила завтрак, она увидела, что к ним идут вооруженные люди. Она сразу же поняла, сейчас арестуют Павла. Мать, не задумываясь, разбудила сына, и он через окно убежал в лес, взяв с собой ружье. После этого Пелагея решила бежать в Китай. Это был 1933 год. Пелагея Анисимовна знала, что им нельзя вести с собой ни одной фотографии, потому что были случаи, когда семьи, бежавшие в Китай, ловили на границе, если у них находили фотографии родственников, то от этого страдали не только беглецы, но и родственники. Поэтому Пелагея сожгла все фотографии. Для того чтобы купить лодку, она продала свое обручальное кольцо, последнюю память о муже. В деревне жила еще одна семья, которую преследовали власти, они умоляли взять их с собой, Пелагея согласилась. Переправлялись через Усури ночью. Этот переход был очень опасным и сложным, так как границу охраняли советские пограничники. Примерно на середине реки они заметили, что с противоположного берега оттолкнулась лодка с пограничниками. Они подплыли к ближайшему острову, лодку затащили в виноградники, перевернули ее, а сами спрятались под лодкой и стали ждать лучшего момента. Когда беглецы вылезли из-под лодки, пограничников уже не было, и они спокойно продолжили свой путь. К противоположному берегу Усури их подтянул багром старый китаец. Он совершенно не удивился, увидев их, а спокойно сказал, что здесь очень много русских и что они все идут в Харбин. Пелагея Анисимовна с детьми благополучно добрались до русских поселений и обосновались в деревушке Силинхе провинция Нингутин.

Местные жители помогли построить дом, выделили землю. Павел с братьями выращивали пшеницу. Еды все ровно не хватало. Первое время Пелагея нанималась белить дома, если могли, люди расплачивались деньгами, но иногда приходилось работать за крынку простокваши, чтобы дети не ложились спать голодными. Русские, живя в Китае, все равно не

забывали Родину, они часто собирались вместе и обсуждали судьбу СССР. Отношения с коренными жителями были очень хорошими.

В 1938 году Павел женился на девушке Кате из соседней деревни. Ее семья таким же образом оказалась в Китае, только они зимой на лыжах перешли границу. Катя родилась в 1922 году. В их семье было пятеро детей: Анисим, Екатерина, Марфа, Иван, Павел и Алексей. Моих прабабушку и прадедушку звали Агафья Феопентовна и Иван Калугины. В 1940 году у Кати и Павла родилась дочь Евдокия. В 1941 году до русских поселений донесли печальные новости — началась Великая Отечественная война. В 1942 году в молодой семье родился сын Павел, а в 1944 году еще один сын Николай. В мае 1945 года вся Советская страна праздновала победу СССР над Германией. Праздновали и русские в Китае. Но очень скоро праздничное настроение сменилось горем.

В это время часть Китая находилась под властью Японии, и Китай просил СССР о помощи. В 1945 году вместе с освободительными отрядами на территорию Китая вступили отряды НКВД, их задача — вернуть беженцев в СССР. Советские войска принесли свободу китайскому народу, но взамен лишили свободы многих русских людей.

Одним вечером в дом Кати и Павла пришел незнакомый человек и попросил главу семьи помочь загнать лошадей в загон. Когда Павел пришел в поле, там были почти все мужчины деревни. Но когда они загнали лошадей, люди, просившие о помощи, закрыли за ними ворота и сказали: «Вы арестованы». Задержанным дали время проститься с семьями, а потом посадили их на повозки и увезли, не сказав семьям куда. Катя осталась с тремя детьми, а четвертым была беременна.

Младшего брата Павла также арестовали, а вот Федор избежал ареста. Но Павел и Лазарь оказались в разных повозках, и после ареста братья не встретились, их направили в разные лагеря. Павла вместе со всеми арестованными привезли во Владивосток, порт Ванино. 30 июля 1946 года Павла осудили по ст.ст. 19-58-6-1, 19-58-6, 58-11 УК РСФСР на 10 лет. Павел попал в группу осужденных, которые должны были отбывать срок на Колыме, поэтому их погрузили на пароход. Путь лежал в Магадан. Заключенных высадили в бухте Эгвикенот. Там дали инструменты, они сами строили себе жилье, еды не хватало, люди умирали на глазах. За суровую зиму из 5000 привезенных выжили только 400. Весной выживших погнали по Колымскому тракту.

В бараках, где содержались заключенные, были нечеловеческие условия. В лагерях царил голод, на человека приходилось 100 грамм хлеба и чашка баланды, сваренной из рыбьих голов. Арестанты ходили в лохмотьях, постоянно вспыхивали эпидемии дизентерии и других болезней, их заедали клопы и вши. Те, кто курил, умирали почти сразу. Павел не курил, он менял свою пайку махорки на кусочек хлеба. Первое время Павел работал в бане, куда свозили всех замерших, он их оттаивал, снимал с них одежду, которую потом отдавали другим

заклученным. У Павла было очень много друзей, многих он знал еще живя на свободе, но у него были друзья и не только среди заключенных. Один из них помог ему устроиться хлеборезом в столовую. Для Павла это было настоящее счастье. Им выдавали рыбий жир, он собирал крошки в столовой, добавлял их в жир и ел. Самым лучшим его другом был врач, который работал в лагере. Этот врач дважды спасал Павла от смерти. Когда он заболел дизентерией, пришел его друг-врач и принес ему мешок соли. Он сказал: «Ешь соль и пей только воду». Павел выздоровел. Через некоторое время этого врача перевели в другое место. Однажды Павел не вышел на работу и в барак, где он жил, пришел врач. Когда он его осмотрел, то, поставив диагноз острая дизентерия, написав в карточке «9 барак». Это был барак смертников, там заключенные ничего не делали, а лежали и ждали смерти, им не оказывалась никакая медицинская помощь. Как раз в это время в их лагерь приехал его друг врач. Он нашел Павла уже при смерти. Врач достал из кармана шприц и сделал Павлу укол, через некоторое время он выздоровел. До конца своих дней дедушка был благодарен этому врачу, который не побоялся за свою жизнь и помог выжить ему.

Скоро Павлу стало известно, что в бараке, который находится недалеко от его барака, есть еще один Мартюшев. Когда Павел пришел в этот барак, у него на глазах навернулись слезы: на нарах лежал его младший брат Лазарь. От него Павел узнал, что с его семьей все в порядке и что у него родилась еще одна дочь — Марья.

На словах СССР считался великим государством, но в нем решались государственные задачи, а человеческая жизнь не являлась ценностью. В 1953 году, через 7 лет заключения Павла, умер Сталин. Единственное слово, которое сказали заключенные, было очень простое: «Отмучились!». И действительно, вскоре после смерти Сталина заключенных стали переводить на вольные поселения. Перевели и Павла. Уже на вольном поселении Павел устроился на работу в угольную шахту. Теперь ему платили деньги, он мог покупать еду в магазине и даже что-то откладывать. Ему сказали, что освободят тогда, когда его семья выедет из Китая.

В конце 1953 года Катя получила первую весточку о том, что Павел жив и что он находится в заключении. В письме также говорилось, что его отпустят, если только она уедет в СССР. Родственники уговаривали ее не возвращаться на Родину, а ехать с ними за границу. У них была такая возможность, потому что ряд зарубежных стран (Канада, США, Боливия, Уругвай, Австралия, Бразилия) предложили всем русским, жившем в Китае, переехать в их страны. Но Катя твердо решила ехать в СССР, ждать мужа. Она вернулась в 1954 году. В Москве в пересыльном пункте Кате назвали место их дальнейшего жительства — Сибирь, хотя она очень просилась в Приморье, на Родину. По приезду в Красноярск ее с детьми направили на Первое отделение под Канск. Там они прожили не долго, их перевели в село Таежное. Пришла зима, до этого момента

они не знали, что такое мороз. У них не было ни одной теплой вещи, но помогли другие ссыльные. На всю семью дали две фуфайки, одни валенки и немного теплых вещей. Продуктами также помогали ссыльные. Вскоре их перевели в Тасеево. Здесь стало жить немного легче, контроль был уже не такой жесткий. Понемногу обжились, сажали небольшой огородик. Но клеймо семьи «врага народа» не давало спокойно жить. Издевки и презрение со стороны властей, коренных жителей, обижали ни в чем не повинных детей.

Павел понял, что его семья выехала тогда, когда его освободили. Это был 1955 год. Павел не знал, где искать свою семью. Хозяин квартиры, у которого он жил, познакомил его с одним военным полковником, который по своим связям нашел место жительство Кати и детей.

Когда Павел приехал в Красноярский край он первым делом направился в Первое отделение, но там он семью не нашел, их уже перевели. Павел не знал, где теперь искать дальше. Он решил отправиться в Канск. Совершенно случайно в Канске Павел встретил двоюродного брата Кати Григория, который сказал ему, что Катю недавно перевели в Тасеево. В то время дороги между поселениями были очень плохими, а до Тасеева и подавно. Павел не мог ждать, пока туда пойдет машина и поэтому решил идти пешком. В Тасеево его встретила жена, дочь Евдокия (ей было 15 лет), сын Павел — 13-ти лет, сын Николай — 11-ти лет и младшая дочь Маша, ей было 10 лет. Для нее 1955 год был самым счастливым годом, потому что она первый раз в жизни увидела папу.

Павел не хотел, чтобы над его детьми издевались, и поэтому в 1957 году он увозит свою семью на берег реки Бирюсы в Тасеевском районе. Павел первым поставил дом на солнечном берегу реки, среди лугов и назвал свою деревеньку — Луговая. Через несколько лет здесь поселились много семей, в основном это были семьи с похожей судьбой. Павел и Катя почти все выращивали у себя в огороде. Одежду, муку, сахар покупали на деньги, которые Павел зарабатывал, работая на сплаве леса.

Несмотря на то, что Павла освободили, он должен был каждые три месяца ходить в Тасеево и отмечаться в Военной Комендатуре. Павла реабилитировали 29 марта 1958 года. Но даже после реабилитации он не мог жить спокойно, теперь он боялся не за себя, а за своих сыновей. Но все-таки реабилитация для дедушки очень много значила. Он знал, что ни в чем не виноват, но теперь его оправдали в глазах людей. Комендант, который прежде никогда с ним не здоровался и указывал на стул возле двери, в день реабилитации не только с ним поздоровался и назвал по имени, но и сам поставил ему стул напротив себя. Я конечно рада, что дедушку реабилитировали, но, по-моему мнению, слишком поздно. Только после десяти лет Колымы, разлуки с семьей дело было пересмотрено и закрыто за отсутствием состава преступления. Значит дедушка десять лет пробыл в заключении ни за что.

Отец хотел, чтобы его дети ходили в школу, так как ему не посчастливилось посещать ее. Жители соседней деревни согласились брать к себе детей на время учебы. Павел каждую неделю возил им продукты, а домой забирал только на каникулы. После то как Павел вернулся с Колымы, у Кати и Павла родились еще пятеро детей. В 1956 году Михаил, в 1959 Алексей, в 1961 Евгения, в 1963 году родилась моя мама, ее назвали Раисой, в 1967 году родилась последняя дочь Антонина. Когда пришла их очередь идти в школу, Павел добился открытия школы в Луговой. Начальную школу они закончили, живя дома. Восьмилетку в соседней деревне, при этом жили в интернате. 9 и 10 классы заканчивали в селе Почет. Ни один из детей Павла никогда не вступали ни в пионеры, ни в комсомол. Отец запретил своим детям носить галстуки коммунистов. Потому что коммунисты для него были злейшими врагами, лишившими его молодости и здоровья.

Павел и Катя прожили в Китае достаточно долго, и они еще долгое время не могли отказаться от привычек, приобретенных в Китае. Павел выращивал в огороде приправы для мяса и многих других блюд. Недалеко от них жил один китаец, Павел всегда ездил к нему в гости для того, чтобы послушать китайскую речь и самому поговорить по-китайски.

Весь семейный уклад и образ жизни определялся старообрядческой верой. В семье царило взаимоуважение. Старшие давали советы и делали замечания младшим доброжелательно, без диктата и порицаний. Особо ценилось трудолюбие, любовь к земле. Однажды заинтересовавшийся пчеловодством Павел Никитич передал свою любовь и знание дела своим сыновьям и внукам. Его сыновья: Павел, Николай, Алексей, круглый год заботятся о своих подопечных — пчелах. Это очень трудоемкая работа. Летом пчел выносят на луг и каждый день ходят на пасеку проведать «детей». Но этот труд оправдывает себя, за лето пчелы приносят очень много меда. Зимой ульи помещают в омшаники, но даже там пчел нужно навещать, кормить их. Лето не только пора работы с пчелами, но и сенокосная пора. В Петров день многочисленные родственники съезжаются на большой праздник и скоро принимаются за уборку сена. Его нужно заготовить как можно больше, ведь скота в подворье очень много. Зима в Сибирском крае долгая и суровая. Мужчины заготавливают дрова, заботятся о том, чтобы мяса хватило на всю зиму. Традиции староверов не позволяют употреблять в пищу мясо животных, копыта которых не раздвоены (лошадь), а также тех, чьи лапы похожи на кошачьи (кролик, медведь, заяц). Поэтому с наступлением осени все мужчины отправляются на охоту.

Зимой все Мартюшевы стараются приехать в Луговую, чтобы встретить Рождество Христово. На кануне этого большого праздника выдерживается Рождественский Пост. По обычаю староверы начинают постовать уже с пяти лет, поэтому дети ждут праздника вдвойне сильнее, чем взрослые. За огромным праздничным столом собираются все родственники, поздравляют друг друга, желают счастливого Нового года.

Перед весенним праздником Пасхой, в доме начинается грандиозная уборка, белят стены, стирают ковры, шторы. Пасху отмечают целую неделю, школьников на это время освобождают от занятий. Всю неделю старообрядцы отдыхают от тяжелых трудов, веселятся и празднуют. Разрешается работа только по уходу за домашним скотом, не допускается стирать, мыть, пряхсть, шить, вязать... Помимо этих праздников старoverы отдыхают и во все религиозные праздники. Так проходила жизнь Павла Никитича и его семьи. В начале 1987 года Павел побывал в гостях у своего младшего брата Лазаря, в Ростове-на-Дону. Счастливый вернулся домой. Кажется ничто не предвещало беды, но в июне этого же года тяжело заболела его горячо любимая жена Катя. Умерла она в ноябре от рака поджелудочной железы. Смерть жены очень подкосила Павла, он старел на глазах, и только любовь близких помогла ему.

В 1989 году гражданам СССР разрешили частные поездки за границу, и Павел не задумываясь поехал на Аляску, к своему среднему брату Федору. Там его принимали очень тепло. В дом к Федору съехались все родственники, чтобы поведать Павла. Дедушка прогостил за границей три месяца, а потом вернулся в СССР, несмотря на уговоры родственников остаться жить у них.

В 1994 году дедушка получил свидетельство на право пользоваться льготами. Я рада, что деда дожил до этого момента, он узнал, что государство помнит о репрессированных, старается как-то сгладить свою вину перед ними. Это была со стороны государства больше моральная поддержка, чем материальная, потому что дедушка по состоянию здоровья уже практически никуда не ездил.

До последних дней жизни дедушку окружала большая и дружная семья. На его глазах выросло 26 внуков и 30 правнуков. Дедушка умер в феврале 2003 года. Это была большая трагедия для нашей семьи, потому что Мартюшев Павел Никитич для нас **ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК**.

Мои родители познакомились в Почете, в то время мама закончила школу, и уже работала. Вскоре они поженились и переехали жить в город Бородино. В 1986 году родился мой брат Рома, а через два года родилась я (спустя два месяца после смерти бабушки). Меня назвали в честь моей бабушки Катей, в утешение деду.

Когда мне было 12 лет, мама рассказала историю моего дедушки. Еще тогда мне очень захотелось все записать, чтобы ничего не забыть. Но начала собирать материалы только тогда, когда дедушка умер. Я уже говорила, что наша семья очень большая, все мы разбросаны по разным уголкам мира. Это и Россия, и Канада, и США, и Боливия, Бразилия, Австралия, Уругвай, но мы поддерживаем связь, не забываем друг друга, потому что всех нас объединяет общее прошлое наших предков.

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/5/Nikolaeva/1.htm

Сибирское село — годы коллективизации

Артем Сметанин

*Красноярский край, Курагинский р-н.
Алексеевская СОШ №9*

Руководитель М.В. Романченко

Шестой год наше научное общество учащихся «Поиск», членом которого я являюсь, занимается поисковой исследовательской работой, связанной с историей нашего села. Появилось оно на карте Минусинского уезда в 1908 году в результате Столыпинской аграрной реформы. Основали его переселенцы из Украины и Белоруссии, в том числе и мои прапрадеды по матери — Лисица и Ганенко. Тема моего исследования — коллективизация и становление колхоза на примере моей родной деревни.

Источниками, которыми мы пользовались, являются документы Курагинского районного архива, а именно протоколы колхозных собраний, заседаний правления, но больше всего — протоколы бригадных собраний колхоза «Степной Пахарь», основанного в 1930 году. Написанные карандашом, кривыми буквами, на случайных листах бывшей в употреблении бумаги, или старых газетах, эти документы рассказывают о том непростом времени, которое пришлось пережить моим землякам.

Важным источником являются воспоминания очевидцев — тех немногих стариков и старух, которые еще живы. К счастью живы еще мои дедушка и бабушка, которые много мне поведали о том времени.

В своем исследовании я пытаюсь показать, как шло раскрестьянивание сибирской деревни в самые трудные 1932-1933гг. Как созданные под нажимом государства колхозы, превращались, по сути, в государственные предприятия, а колхозники, потерявшие землю и хозяйство, утрачивали всякие стимулы к труду и чувство хозяина. Попыткой изменить такое положение было стахановское движение.

Ухудшение жизни крестьян

Индустриализация, развернувшаяся с 1925г., требовала все больше средств. Нажим на крестьян в период хлебозаготовок особенно усилился после октябрьского (1931г.) Пленума ЦК ВКП(б), на закрытом заседании которого был рассмотрен вопрос о ходе хлебозаготовок. Микоян,

подводя итоги обсуждения по данному вопросу, заявил: «Вопрос не в нормах, сколько останется на еду и пр., главное заключается в том, чтобы сказать колхозам «в первую очередь план»...»¹.

Вскоре после этого Пленума Сталин и Молотов направили крайкомам и обкомам партии телеграмму, в которой потребовали применения по отношению к колхозам, не выполнившим план хлебозаготовок, таких репрессивных мер, как досрочное взыскание всех кредитов, прекращение обслуживания МТС, продажа государству всех натуральных фондов, вплоть до семенных и др. Таким образом, Сталин не только был хорошо осведомлен, как и какими методами проводились хлебозаготовки, но и являлся непосредственным инициатором и организатором массовых репрессий против хлеборобов. Даже в условиях начинавшегося голода, о чем сообщалось в их письмах, Сталин не останавливался перед вывозом хлеба за границу. В ряде районов начался голод².

Хлебозаготовительные органы, стремясь, во что бы то ни стало, выполнить плановые задания, заставляли колхозы сдавать не только семенное, но и продовольственное зерно. Жизнь крестьян продолжала ухудшаться. Чем же отвечали крестьяне на такую политику государства? – Нежеланием работать, плохой дисциплиной, хищением колхозного имущества.

Протокол № 21 от 5.06.1933г.: «Зачитка заявления бригадира бригады № 3 об отказе от работы Ганенко Феклы, которая несколько раз от работы отказывалась, дочь послала работать в совхоз и заявила: - не дадите хлеба, не буду работать». (Здесь и далее орфография сохраняется)

Какое решение приняло производственное совещание бригады по этому, казалось бы, справедливому заявлению?

«Постановили: ... исключить из колхоза»³.

Нарушителей трудовой дисциплины нещадно карали: за невыход на работу, опоздание – штраф 5 т/дней; за самовольную отлучку – 3 т/дня; за мелкое хищение – денежный штраф; более крупное или нанесение ущерба колхозу, дело передавалось в суд.

Протокол № 31 от 12.04.1933г.: «Кравченко Семена снять с сеялки, т. к. на сеялке спит. Из слов ездока, сеялка была несколько раз без зерна. Предложить бригадиру проверить и если есть просевы – то за вредительство и срыв сева передать в следственные органы»⁴.

Протокол № 30 заседания правления от 24.09.1933г.: «В случае отказа от работы конюхом исключить из членов колхоза. За всякие ненормальности составлять материалы и передавать своевременно правлению для оформления материалов и передачи в судебные органы»⁵.

1 Отечественная история 1994. №2. С.106.

2 Описание голода в деревне дано в реферате Е. Буяновой «Взгляд в прошлый век», Алексеевка – 2003г.

3 Протокол № 21 от 5.06. 1933г. (д.12. л. 71.).

4 Протокол № 31 от 12.04.1933г. (д.12. л.101.).

5 Протокол № 30 заседания правления от 24.09.1933г. (д.12. л.71.).

Теперь крестьянин не волен выбирать род занятий, за него это решают другие – бригадиры, правление.

«Постановили: 1. Исчислить из Фоменко Петра 5 т/дней за невыход на работу и 5 рублей за простой лошади. Просим исключить из колхоза»¹.

А ведь 5 рублей – это 50 т/дней, следовательно, человек проработал даром почти 2 месяца.

Такой была ситуация в голодные 1932 – 1933гг., может она изменилась после урожайного 1934г.? Новый Примерный Колхозный устав, принятый 2 съездом колхозников-ударников 17 февраля 1935г. закрепил «остаточный принцип» распределения колхозной продукции по т/дням после выполнения колхозом обязательных поставок и засыпки семенных, фуражных и страховых фондов, создания фонда государственных закупок и т.д.

Что же оставалось крестьянину на трудовень? Денежное обеспечение т/дня было мизерное. Так, в «Ведомости на выдачу денежного аванса членам колхоза «Степной Пахарь» в счет заработка 1935г.» от 16.02.1936 г.² указан заработок колхозника за год. На один т/день – оплата 10 копеек, количество т/дней от 46 до 1116. Причем, самое большое количество трудодней - у председателя ревизионной комиссии, бригадиров, зав. производствами. От 700 до 800 т/дней – у колхозников, имеющих постоянную работу – пасечники, мельник, кладовщик. От 400 до 600 т/дней у конюхов, чабанов, доярок, свинок, сторожей, у остальных колхозников – от 180 до 300 т/дней.

Теперь из этой суммы нужно вычесть ЕСХН (единый сельхозналог), платеж по самообложению, платежи по обязательному государственному страхованию и самые чувствительные платежи – государственный заем, облигации которого распространялись среди колхозников принудительно в обязательном порядке.

Протокол № 1 собрания бригады № 3 от 10.02.1933г.: *«Государственный заем взять полностью, кто не взял, полностью удержать зарплату по окончании года и распределить на рабочего по 15 рублей. Так же отчислить однодневный заработок для обороны страны или для средств ячейки ОСОАВИАХИМА»³.*

Протокол № 73 Производственного совещания бригады № 3 от 30.07.1933г.: *«Всем колхозникам, которые не подписали заем, подписать и злостно уклоняющихся от займа, отправить на «дорстройстанцию», чтобы оплатить заем, налог и самообложение»⁴.*

«Дорстрой» - так называли управление строительством гравийной дороги от Шалаболино до Заготзерно, по которой колхозники возили хлеб. Работа была тяжелой; конными тачками возили гравий на дорожное

1 Протокол № 61 от 17.06. 1933г. бригады № 1. (д. 12. л.3.).

2 (д. 37. л. б/н.).

3 Протокол № 1 собрания бригады № 3 от 10.02.1933г. (д.12.л.169).

4 Протокол № 73 Производственного совещания бригады № 3 от 30.07.1933г. (д.12.л.81).

полотно. Таким образом, это было и наказание строптивым колхозникам и средство заработать деньги на налоги.

В колхозе, как сказано выше, заработать для семьи и для выплаты всех налогов и займов, большинству крестьян было невозможно. Нормы выработки, установленные Народным Комиссариатом земледелия 5 марта 1933г. были высокими, а оплата труда низкая. Здесь приводится таблица примерных норм выработки¹. Правление колхоза, бригадиры, зав. отраслями, предревкомиссии, организатор работ, учетчик труда и счетовод относятся к 5-й группе. Счетоводу, по сравнению с учетчиком и прочими, как имеющему ответственность, к 1,5т/ дням дать оклад ежемесячно в 30 руб.»

Виды работ	Норма	Оценка (руб.)
Весенний сев – вспашка	0,70 га	1,50
Боронование на одну борону	1 га	0,45
Сеялка	4 га	0,35
Подвозка зерна	24,00 ц	1,25
Протравливание семян на опылителе на 1 чел.	15,00 ц	1,25
Очистка семян на триере на 1 человека	10,00 ц	1,25
Очистка семян на сортировке	15,00ц	1,25

Работу в колхозе оценивали в трудоднях. На основе т/дней якобы осуществлялся социалистический принцип оплаты труда: за равный по количеству и качеству труд – равная оплата. Но оплаты как раз почти никакой не было, давали по несколько мешков зерна в год и только. Рабочий день (т/день) отмечался в конторской книге палочкой. Отсюда и выражение, появившееся в те годы: «работать за палочки».

Колхозников спасало собственное приусадебное хозяйство: огород, корова, куры. Но и оно облагалось налогами или принудительно обобществлялось. Если у крестьянина при вступлении в колхоз уже не было лошади, а многие перед необходимостью вступления в колхоз старались их продать, то в качестве вступительного взноса забирали единственную корову, овец.

Принудительное обобществление мелкого скота

Устав сельскохозяйственной артели 1930 г. разрешал колхознику иметь небольшое личное подсобное хозяйство, однако не определял его размеры, не гарантировал от посягательства со стороны государства. В начале второй пятилетки распространилось мнение, что по мере завершения коллективизации ЛПХ колхозника теряет свое значение, его надо сокращать. На такой позиции стоял и Сталин.

¹ Протокол от 17.03.1933г. (д.12. л.141).

Особенно ухудшило положение крестьянства принудительное обобществление коров и мелкого скота у колхозников. Источником этого беззакония стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931г. «О развертывании социалистического животноводства», в котором «выдвигалась центральная задача ближайшего времени в области сельского хозяйства» — добиться в 1931-32г.г. решительного перелома в развитии животноводства путем создания колхозных ферм и увеличения поголовья скота в совхозах¹.

О том, как проходила реализация этих директив на практике, можно судить по протоколам производственных совещаний и собраний колхоза «Степной Пахарь». Власти стали принуждать колхозников обобществлять мелкий скот, несогласным грозили исключить из колхоза и даже передать дело в суд.

Протокол производственного совещания от 17.06.1931г.: «*Малахова Михаила исключить из колхоза за мародерство, за растащение имущества, за скрывание теленка и за продажу жеребенка. Предложить тов. Морозову Афанасию в 3-х дневный срок сдать теленка, в противном случае передать дело в суд*»².

Таким образом, мародером и расхитителем колхозного имущества считался хозяин скота, колхозник, который отдал корову и лошадь в колхоз, а теленка и жеребенка утаил. Теперь имущество члена колхоза считалось уже колхозным, и распоряжаться им он не имел права.

Обследование колхозных молочнотоварных ферм, проведенное ЦК РКК РСФСР весной 1932г. показало, что в «ряде районов комплектование стада в колхозах проводилось путем принудительного обобществления скота», что «обобществлялись не только последние коровы, но и мелкий скот и птица»³.

Из воспоминаний Ганенко Матрены Федоровны. «Несколько раз приходили за коровой, а у нас семья была большая и мы, ребятишки, караулили свою кормилицу, но однажды утром просыпаемся, а ее нет, увели ночью колхозные активисты, выкрали». Между прочим, среди тех активистов был и двоюродный брат Матрены Федоровны, секретарь комсомольской ячейки.

Вспоминает Бабич Ульяна Абрамовна: «Помню, соседка наша, тетка Матрена Шманиха, как увидела из окна хаты, что со двора корову уводят, а в хате восемь ребятишек, выскочила босая на снег, схватила палку и отбила свою корову».

Но все же обобщественное колхозное стадо в 1933г. насчитывало 55 коров. Теплых коровников еще не было, уход за скотом был плохим, удои составляли всего 1000 литров в год, наблюдался падеж.

Вслед за коровами стали обобществлять мелкий скот. Обобществили свиней в количестве 21 свиноматки, несмотря на то, что у крестьян их

1 Журнал Отечественная история №2. 1994г. с.107.

2 Протокол производственного совещания от 17.06.1931г. (Ф.499.оп.1/а. д.4. л.17).

3 Журнал Отечественная история №2. 1994г. с.108.

было по одной голове на хозяйство, и только потом начали строить свинарник.

В середине 1933г. стали обобществлять овец. У моих прадеда Лисица Петра Евтихиевича и прабабушки Федосьи Степановны, было девять детей, их сосед, дед Рыбак, услышав, что забирают овец, пришел и предложил: «Давай, Петро, моих овец у тебя спрячем, у тебя не должны забрать». Но пришли на следующий день колхозные активисты и угнали всех овец — а ведь это не только мясо, но и вся зимняя одежда крестьянина: полушубок, валенки, шапка, рукавицы, свитер, юбка. Теперь, чтобы скатать валенки, колхознику нужно было обращаться с заявлением в правление колхоза и просить выделить шерсти на валенки. Кому давали, а кому и отказывали.

Кошару тоже строили в ударном темпе, о чем говорит протокол №4 производственного совещания бригады стройотдела от 5.11.1934г.

«Постановили: закончить кошару к 20 ноября. Выход на работу - чуть рассветет, и заканчивать, как стемнеет. В случае опаздывания без причины, то будем штрафовать вплоть до 50%.

Бригадир Б. Малахов. Секретарь Кривовяз»¹.

С чем государство оставило крестьян в самом голодном 1933 году? Проанализируем «Список колхозников, имеющих и не имеющих скот на 25 августа 1934г.»², т.е. с чем вышли из голодного года крестьяне?

В списке указаны 138 домохозяев. Из них 37 — не имеют никакого скота. В том числе и те семьи, где 6-8 человек едоков. Все семьи, имеющие коров, имели только по одной корове и только четыре семьи имели еще и нетелей. Это семьи председателя колхоза, председателя ревизионной комиссии, бригадиров.

Свиноматок всего в семи хозяйствах — 9 голов, поросят в девятнадцати хозяйствах по одному, в трех хозяйствах — 2 и более поросят. Овцы имелись в семидесяти хозяйствах, количеством от 2 до 8, причем, большее количество у бригадиров, зав. производствами, председателя ревизионной комиссии, т.е. у более оплачиваемых колхозников, которые получали на т/день больше хлеба, сена и т.д. В их же руках находились колхозные лошади. В одиннадцати хозяйствах отмечен падеж скота.

В «Списке» имеется графа: «кому правлением намечено выдать» — графа осталась пустой, т.е. колхоз не оказал помощи скотом ни одной семье.

Почему такое количество хозяйств осталось вовсе без скота? Попробуем порассуждать: если забрали при обобществлении единственную корову, и семья лишилась молока в голодные годы, значит, будет съедена сначала птица, а потом мелкий скот, уцелевший при обобществлении. В этих семьях наблюдалась смертность от голода. В семье моего прадеда по матери, Ганенко Гавриила Арсентьевича, от

1 Протокол №4 производственного совещания бригады стройотдела от 5.11.1934г. (ф.499. оп.1/а. д.23. л.40).

2 «Список колхозников, имеющих и не имеющих скот на 25 августа 1934г. (ф.499. оп.1/а. д.23. л.41-43)».

голода умерла дочь Матрена, а затем и он сам умер в 1934г. В хозяйстве на 1934г. не осталось никакого скота. А ведь до обобществления в хозяйстве было четыре лошади, две коровы, полтора десятка овец.

Все эти акции по обобществлению, следствием которых были голод и смертность крестьян, были грубейшим нарушением 4-й статьи Примерного устава артели, согласно которой в однокоровных хозяйствах молочный скот не обобществлялся, а в многокоровных в личном пользовании оставлялась одна корова. Мелкий скот (свиньи и овцы) могли обобществляться только в районах промышленного животноводства, причем у колхозников оставлялось определенное количество скота. Люди в страшные голодные годы выживали, как могли, разными путями добывая предметы питания, стало распространяться воровство, чего ранее не было.

Закон «о 3-х колосках»

Седьмого августа 1932г. был принят написанный собственноручно Сталиным драконовский закон об охране социалистической собственности, предусматривавший высшую меру наказания — расстрел за хищения колхозного и коллективного имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на десять лет. По данным на февраль 1933г., в целом по стране по этому закону было осуждено 103 тыс. человек, из них приговорено к высшей мере наказания 6,2%, к десяти годам лишения свободы 33%. Из общего числа осужденных 62,4% были колхозники, 9,4% — работниками совхозов, 5,8% — единоличниками¹.

Среди осужденных было немало крестьян, срезавших колосья ржи и пшеницы, чтобы избежать голодной смерти, поэтому этот закон называли законом о «3-х колосках».

Старожилы вспоминают семью Дайничей, очень бедную, где после смерти матери, с отцом остались четверо детей. Есть у них было нечего, в доме холодно, окна заткнуты мешками, набитыми соломой, дети весь день сидели на теплой лежанке. Отец добывал еду, где мог. Примерно такое же имущественное положение было и у семей Барицких, где было трое детей, и Чурупа, у которых — пятеро детей.

И вот Протокол № 40 от 25.05.1933г. бригады № 3: «Присутствовали: производственников тридцать человек.

Повестка дня:

1.Обсуждение Алексеевских воров.

Слушали доклад товарища Амельченко и постановили:

1.Всех Дайничей и Барицких и Чурупу и ихних жен. Применить постановление правительства и дать самую высшую меру наказания.

2.Остальных передать непосредственно через следственные органы для выяснения»².

1 Отечественная история. 1994. № 2. С.111.

2 Протокол № 40 от 25.05.1933г. бригады № 3 (д.12. л.59).

Конечно, тяжелее всех приходилось тем семьям, которые имели много детей. Можно представить себе состояние отца, который приезжает раз в неделю с поля домой, и видит голодные глаза жены и детей, а в поле давали хоть какой-то паек. Поэтому были случаи воровства у своих товарищей.

Протокол № 69 совещания бригады № 4 от 13. 06. 1933г.: «*О разборе заявления на Василенко Ивана (Никитича) о том, что он поедал пайку производственника, получавшего 800гр. А также отправлял крупу домой и хлеб. Бригада просит правление снять Василенко Ивана с работы и сдать под суд*»¹.

(В семье Василенко было 13 детей).

Протокол № 71 бригады № 3 от 30 июля 1933 г.: «*Постановили: 5.Василенко Ивана Н. исключить из бригады со всей семьей и ходатайствовать перед правлением об исключении из колхоза.*

(30 июля 1933 г. Василенко исключен из колхоза со всей семьей.)

Слушали заявление производственников бригады № 2 о хищении бригадиром Загуменных 1 булки хлеба – пайки. Производственники постановили поручить председателю с/с выяснить это дело и уточнить факты привлечь к ответственности»². (В семье Загуменных было 8 детей.) И таких примеров было немало. Надо заметить, что это были бригадиры, которые имели доступ к хлебным пайкам. Сегодня мы можем понять этих людей, но в 1933, страшном, голодном году все они, колхозные крестьяне, попавшие по вине государства в беду, были в одинаковом положении, и у всех дома были голодные дети.

Прием в колхоз единоличников

Задачи объединения в колхозы единоличного крестьянства, как утверждалось в документах партии, были в основном решены к концу первой пятилетки. В то же время вне колхозов оставалось еще более 9 млн. (около 40%) крестьянских хозяйств. Но правящая элита была убеждена, что теперь, когда «колхозы победили окончательно и бесповоротно», дальнейший процесс коллективизации будет представлять «процесс постепенного всасывания и перевоспитания остатков индивидуальных крестьянских хозяйств колхозами»³.

В то же время со стороны обкомов партии вначале 1933г. на места поступало немало директив о строгом отборе единоличников при приеме в колхозы. А в феврале 1933г. Сталин на первом Всесоюзном съезде колхозников – ударников, отметив, что «единоличники есть и их нельзя сбрасывать со счета, тут же сделал оговорку о том, что часть единоличников развратилась и ушла в спекуляцию, и поэтому колхозники правильно делают, отказывая таким крестьянам в приеме в колхозы»⁴. К

1 Протокол № 69 совещания бригады № 4 от 13. 06. 1933г. (д.12. л.22).

2 Протокол № 71 бригады № 3 от 30 июля 1933 г. (там же, л. 71).

3 Отечественная история. 1993. № 3. С. 37.

4 Отечественная история. 1993. № 3. С.39.

единоличникам стали относиться с подозрением, как к скрытым врагам колхозного строя. Теперь от единоличников требовали, чтобы безлошадные крестьяне перед вступлением в колхоз приобрели лошадь или выплатили колхозу соответствующую денежную сумму, внесли семена. А если эти условия не выполнялись, единоличников в колхозы не принимали.

Протокол №18 заседания правления колхоза «Степной пахарь» от 21 мая 1933г.

«Слушали: заявление о приеме в колхоз Будима Демьяна и его семью.

Постановили: предложить Будиму купить лошадь с упряжью, так как растранил две лошади, и подать второе заявление о приеме в колхоз.

Слушали: заявление о приеме в колхоз Кравченко Тимофея. Постановили, принять, обеспечить себя хлебом до нового урожая (т. е., семья должна работать все лето в колхозе, не рассчитывая на хлебный паек, а ведь это голодный год).

Слушали: заявление Заикиной Марии. Постановили: купить лошадей и подать второе заявление.»¹.

Отношение к единоличникам

Колхозников, которые в чем-то помогали единоличникам, строго наказывали. В деревне нравы менялись не в лучшую сторону: процветало доносительство.

Протокол №8 от 1.03.1933г.: *«Слушали заявление товарища Касьянова на Будима Никифора и Остапенко Якова в том, что они дали кулакам колхозных лошадей. За это исключить из колхоза Остапенко и Будима»².*

Или: Протокол №9 от 5.03.1933г.: *«Слушали заявление от Шминдюк Лукерьи на Аникиенко Макара о том, что он на колхозной лошади возил смолоть зерно единоличнику. Постановили: оштрафовать на пять трудовых. Если такое повторится, то лишить его возможности в дальнейшем ездить на лошадях»³.*

Откуда появились единоличники — крестьяне без лошадей, которые обращаются за помощью к колхозникам? Скорее всего, это исключенные из колхоза. А исключались за разные, даже небольшие нарушения, порой невольные.

Протокол № 21 от 5.06.1933г.: *«На заявление бригадира бригады № 2 о неподчинении Карцева Ив. Ив. Постановили: добиться исключения из колхоза»⁴.*

Исключенным из колхоза крестьянам, имущество не возвращалось. Их земля оставалась в колхозе. Семьи обрекались на нищенское существование, приходилось искать работу в соседних деревнях, где были

1 Протокол №18 заседания правления колхоза «Степной пахарь» от 21 мая 1933г. (д.12. л.94).

2 Протокол №8 от 1.03.1933г. (ф.499. оп.1/а. д.12).

3 Протокол №9 от 5.03.1933г. (д.12. л.148.)

4 Протокол № 21 от 5.06.1933г. (д.12. л.7).

совхозы, а многие тали уезжать в города: в Черногорск — на шахты, в Артемовск — на рудник, в Абакан и Минусинск — на производство. Чтобы остановить этот исход из деревни, с 1933г. в стране вводится паспортная система. Крестьяне становились фактически крепостными и прикреплялись к земле, так как лишались свободы передвижения. Колхозному крестьянству паспорта не выдавались.

Стахановское движение

Трудовая дисциплина в колхозе была низкая, нужно было держать большую армию бригадиров, учетчиков, организаторов работ, ревизоров для контроля над колхозниками. Всем им платили повышенную зарплату. Как говорилось выше, зарплата председателя ревизионной комиссии и бригадира составляла 1110 т/дней в год¹, а средняя зарплата рядового колхозника около 300 - 500 т/дней. Причем колхозник был занят тяжелым физическим трудом: пахота, сев, заготовка кормов, уход за скотом и т. п., а руководящий состав от тяжелой физической работы был освобожден. Для деревни, где люди ценились главным образом за умение работать физически, это было непривычно, не всегда правильно воспринималось. Со стороны колхозного начальства были случаи пьянства, грубости, использования колхозного имущества в личных целях.

Да и у государства с крестьянином правильные отношения были окончательно нарушены. Крестьянин был лишен какой бы то ни было самостоятельности, он перестал быть хозяином земли, средств производства и произведенной продукции.

Все это крайне отрицательно сказалось на дальнейшем развитии сельского хозяйства и всей деревенской жизни. Государство искало пути выхода из этой ситуации и таким выходом, казалось, будет Стахановское движение.

Будим Александр Поликарпович, 1917 г.р. рассказывал о том, как колхозное начальство делало из него стахановца, чтобы не отстать от Стахановского движения, развернувшегося в районе. «Весной 1936 г., — вспоминал старый механизатор, — развернулось стахановское движение и у нас в колхозе. Из меня решили сделать стахановца. Я был молодой, сильный, работал хорошо. Определили стахановский рекорд поставить на пахоте, где длинные гоны от Краснощекова лога до Беловой горы. Обычно начинали пахать с раннего утра, запрягая в плуг пару лошадей, часов с 12 до 3-х дня лошадей кормили, давали им отдых, обедали и отдыхали сами, отбивали плуги, затем работали с 3-х часов дня до сумерек.

Я же «ставил» рекорд. Торопил лошадей, сам чуть не бегом за плугом бегал. Конюхи лошадей меняли сами. К вечеру упал от усталости, следующие три дня не мог ходить, но вместо положенной нормы

¹ Ведомость на выдачу денежного аванса членам колхоза «Степной Пахарь» за счет заработка 1935г. от 16.02.1936г.

— 70 соток, вспахал 3 гектара за день. Так что если бы пахали четыре мужика на тех же лошадях, столько бы и сделали».

То же было и с вязкой снопов. Вначале косили осоку, развозили по дворам, ребятишки, старухи должны были ее сушить и вязать из нее перевясла (жгуты, которым связывали снопы.), затем бригадир собирал их и вывозил на поле, где женщины должны были вязать снопы. В основном перевясла раздавали стахановкам, раскладывали их по ряду скошенной жнейкой пшеницы. Стахановка только вязала снопы, а ставила их в суслоны ее помощница, она же подносила ей перевясла, воду. Так, при норме 500 снопов, стахановка с помощницей вязали 1100-800 снопов в день.

Большинство крестьян испытывали неприязнь к стахановским экспериментам, которые приводили в конечном итоге к увеличению норм выработки, продолжительности рабочего времени, существенной разнице в заработной плате.

И все же постепенно положение в деревне стабилизировалось. Появились первые тракторы, работавшие от МТС на колхозных полях, правда, согласно документам на 1937 год, в колхозе была всего одна автомашина. Начиная с 1935 года, планы закупок сельскохозяйственной продукции в основном выполнялись. Государство стало проводить политику, призванную материально заинтересовать колхозников в повышении производительности труда. Накануне войны колхоз «Степной Пахарь» был уже колхозом — миллионером, участником выставки ВСХВ в Москве.

Заключение

Ломка социальных отношений в деревне сопровождалась разрушением производительных сил, гибелью миллионов голов рабочего и продуктивного скота, главное же — разрушением человеческих отношений и крахом светлых идеалов социализма.

Поддавшись призывам к вступлению в колхозы и обобществлению средств производства, крестьянство фактически оказалось обмануто, так как было отчуждено от средств производства и утратило всякое право на них. Был нанесен мощный удар по крестьянскому чувству собственника, так как крестьяне были лишены права распоряжаться результатами своего труда — произведенной продукцией. Формально считавшиеся (по Уставу сельхозартели) хозяевами колхоза, колхозники фактически решали второстепенные вопросы жизни и быта коллектива, поскольку решение всех принципиальных вопросов оказалось в руках руководящих партийных и советских органов. Колхозник потерял даже право самостоятельно решать вопрос о том, где он хотел бы жить и работать.

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/7/Smetanin1.htm

Никто не забыт ?!

Вера Риттер, Надежда Чуешова

*Красноярский край, Саянский р-н. Межовская
средняя общеобразовательная школа*

Руководитель Т. М. Субботина

Каждый год 9 мая мы отмечаем одну из самых важных, если не самую важную дату в нашем праздничном календаре - День Победы над фашистской Германией.

Каждый год в этот день мы, ученики Межовской школы, идем к памятнику павшим односельчанам в центре села на праздничный митинг. Собираются здесь и жители нашего села, в основном – пожилые женщины и мужчины, которые ещё помнят военные годы. Звучат проникновенные слова, стихи, песни. Глава Межовской администрации зачитывает список погибших в той войне односельчан. Минута молчания.

Всё это – для нас, сегодняшних. Чтобы мы помнили, не забывали, какой ценой нашему народу достался мир, свобода и Победа.

Но... каждый год, слушая списки погибших, мы не задумывались над тем, что за произносимыми именами, отчествами и фамилиями стоят живые люди, их судьбы, их жизнь, прерванная войной. В лучшем случае слышали знакомые фамилии и думали: наверное, родственники кого-то из сегодняшних жителей, а если фамилии были для нас незнакомые, то приходила мысль: ну, вот, а теперь этих фамилий в селе нет. Но, честно говоря, никаких чувств заслушивание этого списка у нас не вызывало.

Поэтому, когда наша учительница истории Татьяна Михайловна предложила взять нам для исследовательского проекта тему о наших односельчанах, погибших в Великую Отечественную войну, и собрать о них фотографии и воспоминания, мы отнеслись с интересом, пожалуй, лишь к самой идее исследовательской работе. Хотелось попробовать себя совершенно в новом, неизвестном нам деле. Тогда казалось, что всё будет просто: список погибших есть в сельской администрации, есть Книга Памяти Красноярского края с данными о погибших в Великую Отечественную войну, живут в селе люди с теми же фамилиями, что звучат в списке. Нужно будет только собрать воедино всё, что уже есть – и проект готов.

Со дня окончания Великой Отечественной войны прошло 60 лет, за это время всё уже выяснено: ведь мы так гордимся своей Победой! Так мы думали, начиная работу над нашим исследовательским проектом.

Свою работу мы решили начать с ознакомления со списком наших погибших односельчан, имеющимся в нашей местной администрации.

Но первые же наши шаги в этом направлении вызвали у нас недоумение и величайшее изумление.

Во-первых, оказывается, в сельской администрации есть два списка погибших. В первом списке указаны 94 человека, во втором – 80 человек и 6 фамилий дописаны от руки. На наш вопрос, глава администрации Рец А.Г. ответил, что первый список погибших он получил от прежнего главы и не знает, кто, когда и на каком основании его составлял. Потом этот список был затребован в Саянский райвоенкомат, там сверен с данными воинского учёта, так появился второй список. А 6 фамилий во втором списке он дописал сам по просьбе жителя села Гуменюка Александра Кузьмича.

Во-вторых, эти два списка (особенно первый) лишь частично совпадают с данными Книги Памяти. То есть одни фамилии есть и в списках, и в Книге памяти, а других – нет.

И, наконец, в самой Книге Памяти приведённые биографические сведения о погибших не всегда полные и точные: искажены знакомые нам фамилии, иногда нет даты и места рождения и т.п.

Уже это, самое первичное ознакомление с официальными документами привело нас к мысли, что не всё будет так просто и гладко, как нам показалось вначале. И чем дальше мы занимались этим проектом, тем больше вопросов вставало перед нами, и нашим глазам открывалась совсем другая картина истории Войны и Памяти.

Но, обо всём по порядку.

Итак, обнаружив три списка наших погибших односельчан, мы для того, чтобы лучше ориентироваться в возникшей ситуации, решили сделать из этих списков один сводный, чтобы лучше уяснить себе, о ком же все-таки нам собирать воспоминания, и что известно об этих людях официально.

Ну а теперь самое главное – найти и опросить тех, кто может нам рассказать о тех людях, которые указаны в списках. Оказалось, что и это не так просто. Да, некоторые фамилии нам знакомы, хотя бы по ученикам нашей школы. Но родственники ли они тем погибшим односельчанам? Мы спросили несколько наших учеников. Нет, они ничего не знают.

Наш научный руководитель Татьяна Михайловна назвала нам несколько жителей, которые могут быть братьями, сёстрами, детьми погибших, а также посоветовала при опросе этих жителей спрашивать их не только о родственниках, но и обо всех, кто есть в списке. Может, они были не близкими родственниками, может, друзьями, соседями. Старых людей, которые помнили бы войну, в селе осталось очень мало, даже детям, родившимся в 1941 году, сейчас уже 63 года. Многие жители из села разъехались.

Прошло много времени, помнят ли что-нибудь пережившие войну люди?

С этими сомнениями мы взялись за поиски.

Воспоминания о погибших односельчанах

Гаврин Егор Яковлевич

Книга Памяти Красноярского края: не значится.

Риттер Надежда Петровна (1924 года рождения): Бертяевы, Варлахины, Винокуровы, Гаврины – всё это спецпереселенцы из Рязанской области. Привезли их году в 1939, почему - не знаю, но семей было много.

Гаврина Егора я помню. Мне кажется, что он с 1924-1926 года. Мы были вместе с ним на лесосеке в 1942 году. Отец его вроде бы умер в трудармии в Красноярске на цементном заводе.

Салий Павел Пантелеевич (1928 года рождения): Гаврина Егора я хорошо помню. Он был примерно 1923-1924 года рождения. Был он не местный. Приехали они из Рязани. На фронт его забрали позже всех, может быть, он чем-нибудь болел? В 1943 году я ещё пахал вместе с ним на колхозных полях.

А зимой 1944 года я отвозил его на станцию Заозёрную. Тогда вызывали в районный военкомат, давали там повестку, а на станцию надо было добираться своим ходом. Вот я его и отвозил. Я помню, он, когда мы уезжали из Межово, попрощался с селом, сказал: «Наверное, не вернусь».

Наш комментарий: Из рассказов о наших погибших односельчанах Бертяеве И.К., Винокурове А.Д. и Гаврине Е.Я. полной неожиданностью для нас явился тот факт, что все они – переселенцы из Рязанской области. До этого мы думали, что в Межово жили только переселенцы с Украины, которые и основали наше село, да поволжские немцы, высланные сюда в 1941 году. А теперь, оказывается, что жили у нас и переселенцы из Рязанской области. К сожалению, так пока и непонятно, когда, как и почему были они высланы в Сибирь. Раскулаченные? Маловероятно, ведь это был конец 30-х годов, а раскулачивание к 1933 году было практически закончено. Кто ещё мог быть выслан именно в эти годы? Теряемся в догадках. Но в памяти Риттер Надежды Петровны осталось слово «спецпереселенцы», значит, скорее всего, это была одна из категорий репрессированных.

Кроме этого, по свидетельству жителей села Риттер Н.П. и Салия П.П. не значащийся в Книге Памяти Красноярского края Гаврин Егор Яковлевич действительно был призван на фронт зимой 1944 года и погиб. Необходимо подтвердить этот факт документами и официально внести Гаврина в список погибших.

Горбань Иван Александрович

Книга Памяти: Горбань Иван Александрович, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой. Погиб в бою 27 июля 1943 года. Похоронен в деревне Дубравы Витебской области, Беларусь.

Рябченко Александра Павловна (1928 года рождения): Горбань Иван Александрович – мой двоюродный брат, сын родного брата моей

матери Горбаня Александра Павловна. Родился Иван в 1927 году. В каком году его забрали на фронт – этого я уже не помню. Но помню, как его и ещё несколько человек провожали на фронт. Они должны были ехать на подводах через Невердовскую гору в сторону Переясловки. На подводах играла гармошка, Иван плясал и пел частушку. Я её запомнила:

Ты пляши, пляши, пляши
Ты пляши, старайся,
За твоё стараньице
Пуля в лоб достанется.

Иван погиб на фронте. Кроме него, в семье было ещё две дочери: Елизавета и Елена.

А их отца Горбаня Александра Павловича забрали году в 1938 или 1939 году. За что, куда, почему – не знаю. Но только о нём мы больше ничего не знаем.

Наш комментарий: В рассказе двоюродной сестры Горбаня И.А. есть дата рождения Ивана – 1927 год, но тогда оказывается, что призвали его на фронт в 16 лет, если считать от даты гибели – 1943 года. Но такая ситуация представляется совершенно невозможной, значит, опять ошибка, разрешить которую можно только на основе поиска дополнительных документов.

А ещё нам показалась интересной частушка, которую, по словам сестры, пел перед отправлением на фронт Горбань Иван. Сначала мы решили, что эта частушка как предсказание, как предчувствие, что не вернётся с войны. А потом подумали, что война была столь кровавой и жестокой, что уходили на фронт, осознавая, что выжить можно только чудом. Поэтому и родились такие частушки – отчаянные и обреченные одновременно.

Гуменюк Иван Денисович

Книга Памяти: Гуменюк Иван Денисович, 1924 года рождения, уроженец Саянского района. Младший лейтенант. Погиб в бою 2 сентября 1943 года. Похоронен в деревне Клин Ельнинского района Смоленской области.

Гуменюк Пётр Денисович

Книга Памяти: не значится

Гуменюк Андрей Давыдович

Книга Памяти. Рыбинский район: Гуменюк Андрей Давыдович, 1918 года рождения, уроженец села Усть-Барга Рыбинского района. Украинец. Призван в 1941 году. Сержант. Пропал без вести, ноябрь 1942 года.

Гуменюк Гавриил Давыдович

Книга Памяти. Рыбинский район: Гуменюк Гавриил Давыдович, 1904 года рождения, уроженец села Малая Камала Рыбинского района. Украинец. Призван в 1941 году. Рядовой. Пропал без вести.

Гуменюк Григорий Давыдович

Книга Памяти Рыбинский район: Гуменюк Григорий Давыдович, 1900 года рождения, уроженец села Усть-Барга Рыбинского района. Украинец. Призван в 1941 году. Рядовой. Пропал без вести, март (февраль) 1943 года.

Гуменюк Федосей Давыдович

Книга Памяти: не значится.

Гуменюк Кузьма Давыдович

Книга Памяти: не значится.

Гуменюк Василий Давыдович

Книга Памяти: не значится.

Рец Александр Гурьевич (1958 года рождения): Когда в День Победы на митинге я как глава Межовской сельской администрации зачитал список погибших, который у меня был, то после митинга ко мне подошёл житель нашего села Гуменюк Александр Кузьмич и спросил, почему в списке нет его родственников: его дядья, двоюродные братья тоже погибли на войне. Хотя жили они в городе Заозёрном и призывались на фронт Рыбинским райвоенкоматом, но родились-то они в Межово, и он хочет, чтобы на митинге звучали и их фамилии. Я не стал отказывать Гуменюку Александру Кузьмичу в этой просьбе, записал в список погибших все фамилии, имена и отчества, какие он назвал. Так во втором списке появились фамилии Гуменюков, дописанные от руки. Я считаю, что была война, все сражались за Победу и какая разница, где они жили и откуда призывались. Помнить надо всех.

Наш комментарий: Из объяснения Реца А.Г. нам стало понятно, каким образом в списке погибших оказались фамилии Гуменюков. Мы согласны с доводами главы Межовской администрации Рец А.Г. о том, что надо помнить всех погибших в Великой Отечественной войне. Но все - таки хотелось, чтобы в списке были фамилии тех людей, которые ушли на фронт именно из Межово. После долгих раздумий мы решили, что сделаем два списка. Один будет называться «Жители села Межово, погибшие в Великую Отечественную войну 1941-1945 годов», а второй «Уроженцы села Межово, призванные на фронт военкоматами других районов». И в этот второй список мы внесём всех погибших, которые на момент призыва жили в других населённых пунктах. И фамилии Гуменюк будут именно во втором списке с пометкой «призваны на фронт Рыбинским райвоенкоматом».

Демиденко Сергей Семёнович

Книга Памяти: Демиденко Сергей Семёнович, 1903 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой, сапёр. Пропал без вести, май 1943 года.

Салий Алексей Пантелеевич (1931 года рождения): Мой отец Салий Пантелей Алексеевич был призван на фронт в июле-августе 1941 года. Отец вернулся живой и рассказывал, что в ноябре 1941 года он воевал на Ленинградском (или Калининском) фронте вблизи станции Чудово. Встретил там земляков – межовцев Демиденко Сергея и Манько Ивана. Отец говорил, что разговаривал с Демиденко Сергеем. Демиденко говорил отцу, что, если даже и выживет на войне, то не знает, как ему быть, куда и к кому возвращаться. А через несколько дней отец узнал, что Демиденко Сергей замёрз, т.к. в 1941 году под Ленинградом были очень сильные морозы.

Наш комментарий: Здесь мы встретились с двумя датами гибели Демиденко С.С. Одна, со слов Салия А.П., который, в свою очередь ссылается на рассказ своего отца Салия П.А. – ноябрь 1941 года, вторая – данные Книги Памяти – май 1943 года. Мы в этом случае больше доверяем Книге Памяти, тем более что Рябченко А.П. помнит, что в 1942 году Демиденко С.С. был ранен. Скорее всего, ноябрь 1941 года из рассказа Салия П.А. – ошибка его памяти, а, может – добросовестное заблуждение его отца, со слов которого и рассказал он нам эту историю.

Также полностью подтверждено отчество Демиденко Сергея – Семёнович, хотя в Списке № 1 указано другое отчество – Константинович.

Даценко Илья Данилович

Книга Памяти: Даценко Илья Данилович, 1905 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Призван в феврале 1943 года. Рядовой. Погиб в бою 13 июля 1943 года. Похоронен в селе Кочетовка Ивнянского района Белгородской области.

Книга Памяти: Доценко Илья Данилович, 1905 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Призван в феврале 1943 года. Рядовой. Погиб в бою 13 июля 1943 года. Похоронен в селе Кочетовка Ивнянского района Белгородской области.

Наш комментарий: Нам совершенно ясно, что указанные в Книге Памяти как два разных человека «Даценко Илья Данилович» и «Доценко Илья Данилович» - это один человек, тем более что все остальные данные, приведённые в Книге Памяти, полностью совпадают.

Даценко Сергей Данилович

Книга Памяти: Даценко Сергей Данилович, 1906 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Пропал без вести, февраль 1942 года.

Альбом «Никто не забыт», составленный учениками 9 класса Межовской средней школы в ноябре 1987 года: Сергей Данилович Даценко родился в 1907 году в селе Межово. До 1932 года он работал продавцом в селе, а позднее переехал в деревню Калиновку, потом – в город Заозёрный, где также работал продавцом. Но счастливая жизнь продолжалась недолго, и в 1942 году его забрали в ряды Советской Армии. А позже родные узнали, что Сергей Данилович Даценко пропал без вести.

Даценко Иван Данилович

Книга Памяти: Даценко Иван Данилович, 1907 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой. Пропал без вести, февраль 1942 года.

Альбом «Никто не забыт», составленный учениками 9 класса Межовской средней школы в ноябре 1987 года: Иван Данилович Даценко родился 7 июля 1908 года. Работал кузнецом в деревне Средне-Тинская. Был призван в Советскую Армию из села Межово. В 1942 году Иван Данилович героически погиб, защищая Родину от немецко-фашистских захватчиков.

Прядун Людмила Ивановна (1933 года рождения): Даценко Илья Данилович, Даценко Сергей Данилович и Даценко Иван Данилович – это родные братья моей мамы Матрёны Даниловны, по мужу – Дедик.

Мама рассказывала, что женились братья почти одновременно, привели в дом 3 невесток. А в семье, кроме этих 3 братьев, было ещё 8 сестёр, да отец с матерью. Жили все в одном доме, спали на полу, квашню утром молодые невестки ставили по очереди.

А совсем недавно, в сентябре 2004 года глава Межовской администрации Рец А.Г. принёс нам письмо из военкомата. В письме было написано, что в Новгородской области найдены останки нашего брата Ивана. Узнали об этом по солдатскому медальону.

Наш комментарий: Итак, Даценко Илья, Даценко Сергей и Даценко Иван – это три родных брата, погибшие на войне. А из рассказов об их семье нам сразу бросился в глаза тот факт, что у отца с матерью было ещё и 8 дочерей, и, когда братья женились и привели в дом 3 невесток, в одной семье какое-то время вместе жили 16 человек!

Далее, очень разные чувства и мысли вызывает письмо Новгородских поисковиков о найденных останках погибшего Ивана Даниловича. С одной стороны, нам было приятно и радостно, что мы не одиноки в своем стремлении узнать о тех, кому обязаны нашей Победой в той далёкой и страшной войне. С другой, стало обидно за погибших, за их родных, за то, что только через 60 наконец-то стало известно, что Даценко Иван не «пропал без вести», а погиб в бою в Новгородской области. А сколько ещё таких пропавших без вести солдат лежат в нашей земле?! Может, на их останках проложены дороги, стоят заводы и дома? И не в этом-ли изначальном равнодушии государственных органов и лежат истоки нашего нынешнего беспамятства и цинизма?

Желая побольше узнать о судьбе Ивана, мы написали письмо в Новгород в поисковую экспедицию «Долина». На ответ не надеялись, а 6 декабря 2004 года, совершенно неожиданно для нас пришла бандероль из Великого Новгорода. Нам прислали очень много материалов: ксерокопию солдатского медальона, по которому и был опознан Иван Данилович, карту Новгорода и его окрестностей с указателями воинских захоронений, сборник очерков «Долина» нашей памяти. К 15-летию поисковой экспедиции «Долина» памяти Н.И. Орлова», фотографию воинского захоронения в с. Мясной Бор, а также Книгу Памяти Новгородской области. Надо ли говорить о том, какое впечатление эти материалы произвели на нас, да и на всех учеников нашей школы?!

Мы впервые увидели, как на самом деле выглядят солдатские медальоны. Слыша о них раньше, представляли, что написаны они по собственной инициативе, а теперь знаем, что командование выдавало их специально, чтобы можно было опознать погибшего воина. Прочитав некоторые материалы в Книге Памяти и сборнике очерков, поняли, откуда и почему о многих погибших осталась только такая строчка: «пропал без вести». Оказывается, в войну, да и после войны никто на государственном уровне особо и не заботился о том, чтобы были опознаны и похоронены все погибшие на полях сражений. Тем большую благодарность заслуживают люди, которые по долгу Народной Памяти и личной Совести делают эту работу.

Ещё нам очень понравилась Книга Памяти Новгородской области. Видно, что её издатели очень ответственно и уважительно отнеслись к сбору материала о погибших. И мы подумали, что было бы совсем неплохо издать и нашу Книгу Памяти села Межово, с фотографиями погибших и кратким рассказом о них.

Вот такие новые мысли и чувства вызвал у нас подарок Новгородских поисковиков.

Но продолжим дальше наш комментарий о братьях Даценко. Совершенно непонятно, почему в Книге Памяти по Саянскому району внесен Даценко Сергей Данилович, призванный на фронт Рыбинским райвоенкоматом и Даценко Иван Данилович, призванный на фронт Игарским райвоенкоматом. Следовательно, Даценко С.Д. и Даценко И.Д. следует внести в список «Уроженцы села Межово, призванные на фронт военкоматами других районов».

Кецкало Николай Селиверстович

Книга Памяти: Кецкало Николай Селиверстович, 1922 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой. Пропал без вести 20 января 1943 года.

Кецкало Иван Селиверстович

Книга Памяти: не значится

Кецкало Фёдор Селиверстович

Книга Памяти: не значится

Рябченко Александра Павловна (1928 года рождения): Я помню, когда объявили о победе в войне с Германием. Мне помнится, что в селе больше в этот день плакали о тех, кто не вернулся с войны, чем радовались Победе. Погибли на войне три сына Кецкало Марии.

Наш комментарий: И вот опять мы столкнулись с тем, что в Книгу Памяти Красноярского края по какой-то причине не занесены погибшие на войне жители нашего села Кецкало Иван Селиверстович и Кецкало Фёдор Селиверстович. Необходимо продолжить поиск документов, подтверждающих этот факт.

Кецкало Трифон Васильевич

Книга Памяти: Кецкало Трофим (Трифон) Васильевич, 1914 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой. Пропал без вести 20 января 1943 года.

Из метрической книги Межовского прихода Космо-Дамиановской церкви села Межово Агинской волости. 1913 год: 15 декабря 1913 года у крестьянина села Межово Василия Лаврентьева Кецкало и его законной жены Марии Евстафиевой родился сын Трифон. Дата крещения 16 декабря.

Наш комментарий: Единственное, что нам удалось в этом случае – это уточнить имя Трифон и дату его рождения – 1913 год, а не 1914, как указано в Книге Памяти.

Никитенко Алексей Петрович

Книга Памяти: Никитенко Алексей Петрович, уроженец села Межово Саянского района. Призван в январе 1941 года. Рядовой. Погиб в бою 28 октября 1941 года. Похоронен в деревне Толутино (село Медное) Тверской области.

Никитенко Филимон Петрович

Книга Памяти: не значится.

Рябченко Александра Павловна (1928 года рождения): Помню, что на войне у Никитенко Анны погибли два сына Алексей и Филимон. По-моему, даже похоронки на них пришли одновременно. Было утро, и их мать голосила на всю деревню. Её так и звали Ганна-плаксуня.

Из метрической книги Межовского прихода Космо-Дамиановской церкви села Межово Агинской волости. 1911 год: 14 декабря 1911 года у крестьянина села Межово Петра Сергеевича Никитенко и его законной жены Анны Михайловны родился сын Филимон.

Наш комментарий: Мы опять встретились с прозвищем, на этот раз женским – «Ганна-плаксуня». Да, любили в нашем селе такие вот меткие и прилипчивые «метки». Впрочем, и сейчас некоторых наших жителей

мы быстрее вспоминаем по их сельскому прозвищу, чем по имени и фамилии.

И опять подтвердился факт неполноты сведений о погибших в Книге Памяти Красноярского края. И опять надо продолжить поиски, чтобы установить фронтной путь Никитенко Филимона Петровича, 15 (16) декабря 1913 года рождения, уроженца села Межово Саянского района.

Олейник Пётр Михайлович.

Книга Памяти: Олейник Пётр Михайлович, 1913 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой. Пропал без вести, май 1942 года.

Сластёнова Ольга Гавриловна (1921 года рождения): Олейник Пётр жил по улице Комсомольской, был женат на Павелко Наталье. Детей у них не было. Когда началась война, Петра призвали на фронт, а Наталью, за то, что она не выработала минимум трудодней в колхозе, арестовали. Была она то ли в ссылке, то ли в трудармии, вернулась оттуда с новым мужем. Когда умерла, похоронили её на станции Саянской, а про мужа её я ничего не знаю.

Наш комментарий: Впервые из рассказа Сластёновой О.Г. мы узнали о тех карательных мерах, которые государство предпринимало в годы войны для обеспечения бесперебойной работы тыла. Много и заслуженно говорится о самоотверженном труде советских людей в тылу в годы войны, но, оказывается, была ещё одна причина этого трудового подвига: угроза уголовной ответственности. Об этом как-то предпочитают не говорить. Но ведь это было!

Олейник Иван Михайлович

Книга Памяти Красноярского края: Олейник Иван Михайлович, 1915 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Призван в июне 1942 года. Рядовой, пулемётчик. Пропал без вести, май 1943 года.

Танасеева Екатерина Ивановна (1941 года рождения): Олейник Иван Михайлович – мой родной отец. Родился он в 1915 году. У него был ещё брат Пётр и сестра Ульяна. Про семью отца я знаю, что, когда мать у них умерла, отец женился на вдове с 4 детьми, и у них родилась ещё совместная дочь Феня.

Мама моя – Прядун Евдокия Гавриловна, 1919 года рождения.

Когда отец с матерью точно поженились – я не знаю. Но мама мне часто говорила, что я должна была родиться году в 1938 или 1939. Наверное, тогда они и поженились. Но отца всё время брали на переподготовку, потом он воевал ещё и в финскую войну. Пришёл с финской, побыл дома год, 20 апреля 1941 года родилась я, а 22 июня 1941 года началась война, и отца забрали на фронт.

В войну дети выросли быстро, и я хорошо помню, как мы с мамой сушили картошку для фронта. Мама в чугунах наварит картошки в

мундире, а мне надо было её очистить. Картошка была ещё очень горячей, её тут же надо было нарезать и сушить в горячей русской печи. И так мне эта картошка надоела, что запомнила я её на всю жизнь. Я сколько мне тогда было? Около 3-х лет.

А уже после войны межовский житель Москаленко Денис часто приходил к нам в гости, усаживал меня к себе на колени, рассказывал мне об отце и плакал. Они вместе воевали. У Дениса с женой детей не было, и они даже хотели меня удочерить. Я не слушала рассказов Дениса, но один мне запомнился. Было наступление, отца ранило взрывом и он, раненый остался лежать в воронке. Денис говорил, что забрать они его не могли, так как надо было идти вперёд.

Больше об отце мы ничего не знали.

Но вот в 70-х годах Горбаню Валентину, у которого был телефон, около часа ночи по междугородней линии несколько раз звонил какой-то генерал и спрашивал Олейник Екатерину Ивановну. Горбань не знал, что моя девичья фамилия – Олейник и отвечал, что не знает такую, нет в селе. Узнала я об этом случайно, и с чем это было связано – не знаю. Ещё Федченко Василий Андреевич несколько раз говорил мне, что в радиопередаче ко Дню Победы говорили о моём отце. Но что точно – он не сказал, а я сама эти радиопередачи ни разу не слышала.

Наш комментарий: Опять мы видим расхождения в дате призыва на фронт Олейника И.М. между данными Книги Памяти и рассказом его дочери. С одной стороны, нет оснований не доверять этим данным военкомата, с другой стороны, возникает вопрос: почему Олейника И.М. не призвали на войну в июне 1941 года? Возраст у него подходил, военную подготовку Иван Михайлович проходил неоднократно, воевал в финскую, брони, по всей видимости, тоже не было. Так что вопрос о дате призыва остался для нас открытым.

Далее, очень трогает за душу трагичность всей этой истории. И то, что в памяти 3-х летнего ребёнка военного времени воспоминанием о раннем детстве осталась картошка, которую надо было сварить, очистить и высушить в горячей печи для отправки на фронт. И то, как однополчанин отца, вернувшийся с войны, никак не мог смириться с гибелью друга, постоянно рассказывал о нём маленькой дочери Олейника И.М., чтобы она хоть что-то знала о своём отце, которого никогда не видела. И то, что погибший на фронте Олейник И.М., оставил о себе память в сердцах своих однополчан, может, был героем, а в Книге Памяти опять та же бездушная фраза «пропал без вести».

Павелко Николай Кириллович

Книга Памяти: не значится.

Книга Памяти: Павленко Николай Кириллович, 1916 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой. Пропал без вести, февраль 1943 года.

Толстик Мария Константиновна (1927 года рождения): Павелко Николай Кириллович – муж нашей учительницы Ксении Афанасьевны. Фамилию Павленко не помню.

Рябченко Александра Павловна (1928 года рождения): Павелко Николай Кириллович был женат на школьной учительнице. Была у него дочь Нина. А отец его Павелко Кирилл работал в Межово врачом.

Наш комментарий: Опять нас смущает расхождение в фамилиях: «Павленко» из Книги Памяти и «Павелко» в списках погибших наших односельчан. И тут мы склоняемся к выводу, что фамилия Павленко в Книге Памяти не верна, и речь идет о жителе нашего села Павелко Николае Кирилловиче.

Павелко Павел Степанович

Книга Памяти: не значится

Книга Памяти: Павел Павел Степанович. Сержант. Погиб в бою 3 сентября 1944 года. Похоронен в селе Мелеште, Румыния.

Сластёнова Ольга Гавриловна (1921 года рождения): В нашем селе жила семья Павелко Степана и у него было три сына Павел, Федор и Александр. Павел погиб на войне, Фёдор и Александр вернулись с войны живыми.

Наш комментарий: Для нас так и осталось неясным: указанный в Книге Памяти «Павел Павел Степанович» — это наш «Павелко Павел Степанович», или нет? Если «наш» — то фамилия написана неверно и необходимо её уточнение, если не «наш» - то в Книгу Памяти необходимо внести фамилию Павелко Павла Степановича, уроженца села Межово Саянского района. Но для этого опять необходимо продолжить поиск подтверждающих документов.

Прядун Василий Гаврилович

Книга Памяти: Прядун Василий Гаврилович, 1922 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой. Пропал без вести, февраль 1942 года.

Прядун Людмила Ивановна (1933 года рождения): Прядун Василий Гаврилович – родной брат моего мужа Прядуна Владимира Гавриловича. Родился Василий в 1922 году. Про него я знаю, что перед самой войной женился он на Яковец Евдокии Марковне. Прожили они, наверное, около недели в доме родителей Василия, и началась война. Василия забрали на фронт, а Евдокия осталась жить у Прядунов. Потом пришла похоронка на Василия, но Евдокия продолжала его ждать и от Прядунов не уходила. За ней приходили её родители, уговаривали вернуться, говорили, что Василий погиб, и ей больше нечего делать в доме его родителей. Евдокия всё продолжала ждать. Потом она всё же ушла из дома Прядунов, и долго ещё говорила, когда уже жила с другим мужем, что, если бы Василий вернулся, она сразу бы к нему ушла.

Наш комментарий: Здесь можно было бы сказать во-первых, о том, как жестоки эти холодные строки извещения «пропал без вести». Где он, что с ним случилось? Попал в плен? Лежит в госпитале? Оказался в окружении? Воюет в партизанах? Ждали до последнего и так и не узнали, где и как погиб, где и кем похоронен и похоронен ли вообще их любимый муж, отец, брат, сын.

О Даценко Иване Даниловиче родные узнали через 60 лет, о многих не узнают, может быть, никогда! Чья в том вина? Жестокой и кровавой Войны или неблагодарного Государства?

Ну а, во-вторых, конечно, нас очень тронула история этой любви и несостоявшегося семейного счастья

Притуляк Анна Даниловна

Книга Памяти: не значится.

Риттер Надежда Петровна (1924 года рождения): Притуляк Анну Даниловну я помню. Была она года на 2 старше меня. Когда началась война, её забрали в ФЗО, и она попала на военный завод в Кемерово. Потом мы узнали, что на этом заводе был взрыв, и Анна погибла. Как именно узнали об этом, я сейчас уже не помню. Может быть, кто-нибудь из наших девушек была на этом заводе вместе с Анной, и, вернувшись, рассказала в Межово об этом.

Наш комментарий: Вот здесь мы опять начали думать, как же нам быть в этом случае. Девушка во время войны погибла при взрыве на военном заводе. В Книге Памяти, в списках погибших участников военных действий её, конечно, быть не должно. Но как забыть о тех людях, которые гибли в тылу, приближая День Победы. И мы решили, что Притуляк Анна Даниловна останется с списке погибших с припиской «погибла при взрыве на военном заводе».

Рец Михаил Михайлович

Книга Памяти: Рец Михаил Михайлович, 1907 года рождения, уроженец с. Межово Саянского района. Призван в июне 1941 года. Пропал без вести, март 1942 года.

Рец Александр Гурьевич (1959 года рождения): Рец Михаил Михайлович – мой родной дед. По-моему, он родился в 1906 году. Когда уходил на войну, то дома оставалась жена (имени её я не помню) и трое сынов: Николай, 1928 года рождения, Константин, 1930 года рождения и мой отец Гурий, 1933 года рождения. Больше о деде я ничего не знаю.

Рец Гурий Михайлович (1933 года рождения): Рец Михаил Михайлович – мой родной отец. Родился он в 1907 году в селе Межово. Отца его (моего деда) звали, по-моему, Михаилом Семёновичем, 1887 года рождения. Дед переселился с Украины, как мне кажется, с Полтавщины. Семья у деда была большая: 6 сынов (Михаил, Пётр, Иван, Гавриил, Василий и Семён) и 3 дочери (Анна, Мария, Евдокия). Может, кого сейчас я и забыл. Ещё 4 дочери умерли маленькими.

Мой отец был старшим сыном в семье и, когда он женился на моей матери Кантуровой Надежде Федоровне (матери было в это время 17 лет, и сама она родом из деревни Елисеевки), дед не хотел отпускать отца от себя. Так и жили все вместе в одном доме. Отец и мать работали в колхозе на разных работах. А перед войной отец на конях возил горючее. А в начале лета 1941 года дед решил купить другой дом по Центральной улице. Там же вскоре купил себе дом и наш отец, через дом от деда. 20 июня отец купил дом, 22 июня началась война, а 24 июня отца забрали на фронт. Я хорошо помню, как его провожали. Мы все пошли к конторе, меня он нёс на руках, наверное, потому, что я был самым младшим. Дошли до колодца, остановились, отсюда демобилизованных должны были на подводах вести дальше. Отец сказал тогда: «Наверное, больше не свидимся, эта война будет тяжёлой», и добавил, обращаясь к матери: «Береги Гурия». С фронта от отца приходили письма. Помню, что они были написаны карандашом и свёрнуты в треугольник. Помню последнее письмо: «Здравствуйте все! Вы, наверное, сейчас ужинаете, а я сижу на пенёчке и пишу вам письмо, может быть, последнее». И во всех письмах отец писал «Береги Гурия». А в 1942 году пришла похоронка, что пропал без вести. Пенсии нам за отца не платили, налогов не снижали.

Уже после войны вернувшиеся с фронта Тоцкий Николай Михайлович и Бурдынюк Андрей Лаврентьевич рассказали, что встречались с моим отцом под Ржевом. Он был пулемётчиком. Бурдынюк А.Л. рассказывал, что при их встрече отец вытащил из вещмешка кусок сала и отдал ему. Потом отец с товарищами пошёл в разведку, и они погибли. А Тоцкий Николай Михайлович дал мне адрес мужчины, который ходил в эту разведку с отцом, был ранен и остался жив. Жил этот мужчина в городе Канске. Сейчас я уже не помню его фамилию и имя. Я поехал в Канск, нашёл этого фронтовика. Когда я спросил его об отце, он сказал: «Рец Михаил? Как же, помню. Он ещё громко смеялся. Он был пулемётчиком, а их фашисты старались убить в первую очередь». Ещё этот мужчина рассказал, что вместе с отцом он и ещё несколько солдат пошли в разведку. Проходили мимо клуни (это по-нашему подтоварник), а немцы в это время скрывались в посевах ржи или пшеницы. А наши их не заметили, и немцы всех расстреляли. Этого мужчину ранили, и он долго полз, пока не выбрался к своим. А расстрелянных отца и его товарищей похоронили немцы, вернее, просто закопали, чтобы от трупов не было заразы. Поэтому документы погибших в этой разведке солдат к командованию не попали и решили, что они «пропали без вести». Но этот мужчина мне говорил: «Нет, Гурий, твой отец не пропал без вести. Я знаю, как он погиб». Потом я ещё писал в Москву, чтобы узнать подробнее о судьбе отца, но ответ был один: «Рец Михаил Михайлович пропал без вести 12 марта 1942 года».

Наш комментарий: Да, некрасиво получается, что глава нашей Администрации Рец Александр Гурьевич ничего не знает о своём деде, в то время как его отец Гурий Михайлович очень много может о нём

рассказать. Правда, Татьяна Михайловна сказала нам, что недавно она разговаривала с Александром Гурьевичем, что он хочет написать запрос в архив Министерства Обороны, чтобы узнать в какой воинской части воевал его дед в годы войны, какие ещё есть о нём сведения. Значит, всё-таки, желание возникло.

Ну а если говорить о тех сведениях, которые мы узнали из рассказа Реца Гурия Михайловича, то мы уже в который раз видим, что родные, семья, дети не хотели мириться с официальной версией «пропал без вести» и искали хоть какие-то сведения о своих отцах, мужьях, братьях. Для этого ездили в другие города, иногда совсем не близкие, посылали запросы.

Правда, некоторое смущение вызывает у нас тот факт, что Рец Михаил Михайлович погиб в марте 1942 года, а Гурий Михайлович в рассказе о его гибели упоминает о хлебе, в котором спрятались фашисты перед тем, как неожиданно напасть на разведчиков. Мы рассуждали так: хлеб созрел осенью, его не убрали, но в марте он лежит под снегом, и спрятаться в нём невозможно. Это, во-первых. Во-вторых. Гитлеровцы сами похоронили убитых советских солдат? Но в марте ещё холодно, опасности эпидемий нет, да и земля мёрзлая. Так что рассказ Гурия Михайловича вызвал у нас больше вопросов, чем ответов. Но, может, мы действительно чего-то не понимаем. И мы решили присоединиться к запросу Реца А.Г. и тоже написать в Архив Министерства Обороны.

Рец Семён Михайлович

Книга Памяти: Рец Семён Михайлович, 1911 года рождения. Рядовой. Погиб в бою 28 января 1942 года. Похоронен в городе Торжок Тверской области.

Из воспоминаний сестры Рец М.М.: Я ещё была совсем подростком, а помнится как сейчас. Семён, уже будучи самостоятельным, семейным человеком, часто забегал то с работы, то мимоходом к нам. Увидя на мне худые ботинки, немедленно приказал разуться, вымыть хорошенько и высушить их. Я так и сделала. А когда обувь была починена, принёс сам, весело бросил на пол, приговаривая: «Получайте, Мария Михайловна, ваш товар. Уходя из дома в последний раз, говорил попадавшимся старикам: «Живите спокойно. Я не допущу сюда врага». А сам улыбался. Таким запомнили его односельчане.

Рец Александр Гурьевич (1959 года рождения): Рец Семён Михайлович - родной брат моего деда Михаила Михайловича. Родился Семён Михайлович в 1911 году. О Семёне Михайловиче я знаю, что он воевал ещё в финскую войну, а в мае 1941 года его забрали на переподготовку на 2 месяца. Провожать на переподготовку его пришла только жена Анастасия, а дочери Анна и Катя остались дома, так как было раннее утро, и они спали. Семён спросил жену, почему она не привела дочек попрощаться. Жена сказала, что уходит Семён только на 2 месяца,

скоро вернётся, пусть дети поспят. А через месяц началась война, и Семён погиб. Эту историю мне рассказала моя родная тётка- сестра Семёна – Филиппова Мария Михайловна.

Рец Гурий Михайлович (1933 года рождения): Рец Семён Михайлович – родной брат моего отца Реца Михаила Михайловича. Семён тоже погиб на войне. Остались 2 дочери Анна и Катя. После гибели отца у их семьи налоги снизили и, по-моему, платили пенсию. А когда пришло письмо из Торжка, то туда ездили дочь Семёна Анна Лысенко и её муж.

Лысенко Анна Семёновна (1934 года рождения): Рец Семён Михайлович – мой родной отец. Родился он в 1911 году, месяца не помню, в селе Межово.

Мама – Бондаренко Анастасия Михайловна родилась в 1910 году в Межово. Были они переселенцы с Украины, из Полтавской области. Искали, где жизнь лучше. В семье Бондаренко было 5 дочерей.

Отца я помню не очень хорошо. Работал он бригадиром полеводства в колхозе. Помню, что был он человек весёлый, любил шутить. Как-то купил он мне толстую книжку с частушками, читал мне её. Ещё купил мне игрушку – маленькую собачку. Я привязывала эту собачку на верёвочку и ставила её на окно. Отец, как идёт с работы, обязательно стукнет в окно, я выгляну, а он кричит: «Уберите вашу собаку, разрешите пройти». Я смеюсь в ответ: «Проходите, она не кусается».

Таким я и запомнила отца. Да и мама говорила, что с ним было легко и в радости, и в горе. Весёлый был, неунывающий.

Перед войной отца два раза брали на переподготовку. А в третий раз взяли в мае 1941 года. Мама потом говорила, что пела петухом курица, собака рыла ямы. Это всё нехорошие знаки. Да и отец говорил, что очень не хочет идти. На переподготовку отец уходил рано, мы ещё спали. Он попрощался с нами спящими. Катя спала в люльке, а я – в кровати. Больше мы отца не видели, началась война. Историю, рассказанную Рецом А.Г., слышу впервые.

Письма от отца, может, и были, но я ничего сейчас не помню. А помню, что в январе 1942 года, числа 28-го пришла похоронка на отца. То ли «погиб смертью храбрых», то ли «умер от ран». Помню, что мама собрала поминки, пришло много женщин, сидели, плакали. Я всё удивлялась, что это и почему.

После войны, а, может, ещё и во время войны, к нам из Нагорного приезжал мужчина – сослуживец отца. Его фамилию, имя и отчество я не запомнила. Он рассказывал об отце и о том, как погиб отец. Подробностей я не помню, запомнила только, как он говорил о том, как от взрывов в разные стороны летели части человеческих тел, товарищей, которые только что были рядом. Ещё помню, он говорил, что они долго шли вброд зимой по какой-то реке в Калининской области, отец простудился, заболел тифом и умер в госпитале от высокой температуры. Так, по крайней мере, я сейчас об этом помню.

А в 1974 году из города Торжка из школы № 4 нам пришло письмо от учеников 10 «а» класса. Они сообщили нам, что взяли шефство над братской могилой № 7, где был похоронен наш отец, прислали фотографию этой могилы, приглашали нас приехать. Тогда, в 1974 году мы не поехали. А в июне 1975 года я с моим мужем и сестра Катя со своим мужем поехали по путёвке отдыхать в Сочи и на обратном пути решили заехать в город Торжок. Мы нашли школу № 4, в школе нам сказали, что ребята, которые писали нам письма, уже не учатся. Но за могилами погибших воинов по-прежнему ухаживают. Рассказали, как доехать до кладбища и сказали, что там обязательно кто-то есть. Мы приехали на кладбище, нашли братскую могилу № 7, где похоронен наш отец. Фамилий на этих могилах не было. Две женщины рвали траву, они сказали нам, что хотят сделать на могилах надписи, установить стелу. Всё это было очень трогательно. Эти письма и фотографии хранятся у меня до сих пор.

Наш комментарий: Очень интересный и содержательный рассказ получился у нас о Рец Семёне Михайловиче. Удалось собрать много воспоминаний, они все разные, и перед нами встаёт образ человека трудолюбивого, заботливого, музыкального, весёлого и лёгкого в общении. Понравилось, как много дочь может рассказать о своём погибшем отце, рассказывает с удовольствием, с такими живыми подробностями. Тридцать лет она хранит письма и фотографии от учеников из города Торжка, как память об отце.

Мы тоже написали в Торжок по старому адресу школы, ученики которой вели поиск родных тех воинов, что похоронены у них в городе на братском кладбище. Ответ пока не пришёл, но мы очень на него надеемся, так как, к сожалению, осталось неясным, как же в действительности погиб Рец Семён Михайлович.

Салий Андрей Алексеевич

Книга Памяти: Салий Андрей Алексеевич, 1905 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Призван в августе 1941 года. Рядовой. Пропал без вести, май 1943 года.

Книга Памяти Красноярского края: Салий Андрей Алексеевич, 1905 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой, пулемётчик. Пропал без вести, май 1943 года.

Риттер Надежда Петровна (1924 года рождения): Салия Андрея я помню по работе в колхозе «Заветы Ленина». Мы тогда возили на лошадях зерно в город Заозёрный, ездили с нами и мужчины. Я хорошо помню, как Салий Андрей на спор с другими мужчинами поднимал зубами полный мешок с зерном. Да и сам он был крепкого телосложения, здоровый. Когда Андрей уходил на фронт, дома у него оставалась жена Александра и две дочки. Дочерей, кажется, звали Клавдия и Анна. Салий Андрей – родной брат Салия Пантелея.

Салий Алексей Пантелевич (1931 года рождения): Салий Андрей Алексеевич – родной брат моего отца. Когда родился дядя Андрей – я точно не знаю, знаю, что он – уроженец села Межово. Я помню, что сам дядя Андрей был очень сильный человек, поднимал 2 полных мешка с зерном на плечах, а третий мешок брал зубами. У дяди Андрея осталась жена Александра и две дочери: старшая Анна и младшая Клавдия. Уже после войны тётя Александра вышла замуж за старшего брата дяди Андрея – Митрофана. У Митрофана умерла жена, и он остался вдовцом. Дочь Анна умерла в 1960 году, а Клавдия – в 1962 году. А их мать Александра умерла в 2002 году.

Наш комментарий: Сразу хочется опять внести коррективы в Книгу Памяти. Несомненно, что указанные в Книге Памяти «Салий Андрей Алексеевич» и «Солий Андрей Алексеевич» – это одно и то же лицо.

Конечно, сведений о Салии Андрее Алексеевиче нам удалось собрать немного: и жена его, и дочери уже умерли. И всё же, общее впечатление у нас есть: был очень сильный, можно даже сказать могучий человек. Тем и запомнился односельчанам. Таким будем помнить его и мы.

Степанюк Семён Никитович

Книга Памяти: Степанюк Семён Никитович, 1904 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Пулемётчик. Пропал без вести, май 1945 года.

Салий Клавдия Семёновна (1928 года рождения): Степанюк Семён Никитович – мой родной отец. Вместе с моей матерью Ириной Александровной жили они в селе Верхняя Уря Ирбейского района. А я с моим братом Александром жила у деда с бабой Степанюков в селе Межово.

В Верхней Уре отец работал заведующим приёмным пунктом. Поэтому, когда началась война, отца взяли на фронт в декабре 1941 года только после того, как он полностью отчитался за сданное на приёмный пункт зерно. Потом пришло извещение, что отец пропал без вести, и больше об отце мы ничего не знали.

А примерно в 1946 году совершенно неожиданно пришла квитанция на облигации, эта квитанция была вроде как от отца, и на конверте стоял обратный адрес «полевая почта».

Я написала письмо по этому адресу, и через некоторое время от отца пришёл ответ. Мы написали друг другу ещё несколько писем. Потом стали приходить посылки, а в 1952 году отец вернулся в Межово. Мать в это время уже была замужем. Я помню, что как-то раз мы с отцом пошли на огород окучивать картошку, и отец сказал мне: «Если бы не твоё письмо, я бы не вернулся».

Позже отец рассказал, что он попал в плен, после освобождения его проверяли, не отпускали домой. Он там уже и женился. А когда отец собрался ехать к нам, то его жена тоже поехала к своей семье в Крым.

Через некоторое время отец с матерью снова стали жить вместе, переехали в село Унер.

Книга «Никто не забыт...» Красноярский край, Саянский район: Степанюк Семён Никитович. Участвовал в боевых действиях.

Наш комментарий: Вот такого поворота событий мы уж никак не ожидали! Хотя и видели в фильмах такие истории, но никак не могли предположить, что через 50 лет в Книге Памяти в числе погибших будет записан человек, вернувшийся с войны живым.

Но из всей этой истории можно сделать ещё один вывод. Не зря всё же родные так упорно не желали верить в смерть воинов, если в извещении было написано «пропал без вести». Эти слова давали надежду тем, кто ждал солдата с войны. Действительно, солдат мог попасть в плен, создать другую семью. А невеста, жена, мать, родные всё продолжали ждать, верить и надеяться. Сколько таких надежд подарила история возвращения пропавшего без вести Степанюка Семёна Никитовича!

И ещё так и осталось невыясненным вопрос, откуда призывался на фронт Степанюк Семён Никитович. В Книге Памяти он записан как житель Саянского района, а дочь говорит, что жил он в Ирбейском районе.

Танасеев Яков Зиновьевич

Книга Памяти: Тамасеев (Танасеев) Яков Зиновьевич, 1906 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Призван в июне 1941 года. Рядовой. Пропал без вести, май 1943 года.

Танасеев Михаил Яковлевич (1936 года рождения): Танасеев Яков Зиновьевич – мой родной отец. Родился он в 1906 году в селе Межово.

В 1928 или 1929 году мой отец женился на моей матери Лукерье Фёдоровне Роговой, 1909 года рождения. Отца призвали на действительную военную службу. Службу он проходил в городе Чите, и туда же уехала и моя мать. Помню, что от отца приходили письма. Написаны они были карандашом, приходили и в треугольниках, и в конвертах. Я запомнил рисунок на конвертах – солдат с пулемётом. Что было написано в письмах, я сейчас уже не помню. Правда, помню, в одном письме отец писал: «пережил я этот год (1941 или 1942), а следующий переживу или нет – неизвестно. Может, и не удастся». Отец был прекрасный охотник, очень метко стрелял. Сибиряки! К ним в войну относились по-особому и очень ценили. Потом мы получили извещение о том, что отец пропал без вести.

Пенсию за отца, по-моему, начали платить уже после войны. Хорошо помню сумму 5 руб. 20 коп.

Уже после войны житель Межово Салий Константин Митрофанович рассказывал, что под Ржевом был он в конной разведке и встретил там своих земляков Черевко, Дедика (имён я сейчас не помню), и

моего отца. Салию разрешили отстать, поговорить с земляками. Они варили в котелке кашу, мой отец помешивал её деревянной ложкой. В это время прямо в костёр упал снаряд или мина. Все бросились в стороны, а у отца в руках осталась ручка от ложки, но никто не был ни убит, ни ранен. Салию Константину не верили, смеялись над ним, в селе говорили, что он и на передовой не был, а всю войну конюхом пробыл. Он обижался, плакал. А в 80-х годах ему из-под Ржева пришло письмо – благодарность за его военные подвиги. Вот тогда в селе уже не стали надсмехаться над ним.

Больше об отце мы ничего не знаем.

В 1948 году мать вышла замуж за Яковлева Макара Васильевича из деревни Успенка. Родились ещё двое детей: Галина и Леонид. Не знаю почему, но фамилии у них были Танасеевы. Мать умерла в 1987 году, жила она в это время в деревне Снегирёвке.

Наш комментарий: Опять следует уточнить настоящую фамилию в Книге Памяти: Танасеев.

И опять солдат пропал без вести, и родные ничего не знают о его судьбе, хотя сын очень бережно и верно хранит память об отце вот уже 60 лет.

И очень интересен рассказ Михаила Яковлевича об отношении межовцев к вернувшемуся с фронта Салию Константину Митрофановичу. У нас в селе в живых осталось только 3 участника войны. И мы уже ничего не сможем узнать о том, как в действительности жилось солдату на войне. А вот об отношении к некоторым участникам войны, пока они были живы, мы узнали из рассказа Танасеева М.Я. С чем было связано такое пренебрежительное и насмешливое отношение к воевавшим, мы не знаем. Но ведь так было!

Шаповал Фёдор Гаврилович

Книга Памяти: Шаповал Фёдор Гаврилович, 1919 года рождения, уроженец села Межово Саянского района. Рядовой. Умер в плену, март 1942 года.

Сластёнова Ольга Гавриловна (1921 года рождения): Шаповал Фёдор Гаврилович – мой старший брат. Родился Фёдор в 1919 году в селе Межово.

В 1939 году его призвали на действительную военную службу. Сначала брат служил на Дальнем Востоке, а потом их перебросили на границу с Германией. Я хорошо запомнила название города, где служил брат – город Бердичев Житомирской области. В мае 1941 года Фёдор прислал письмо, в котором просил нашего отца выслать ему в армию денег. Брат писал, что после демобилизации купит себе на эти деньги велосипед и костюм. Вскоре после этого письма отец поехал на почту в село Унер, чтобы отправить Фёдору деньги. У нас в Межово своей почты не было. Когда отец вернулся из Унера, мама спросила его, отправил ли он деньги Фёдору. Отец ответил, что деньги Фёдору не отправил, а привёз от него

письмо. В письме Фёдор писал, чтобы денег не отправляли, просил у нас прощения, если чем обидел, прощался со всеми. Ещё в письмо был вложен небольшой листок красной бумаги. Тогда мы не поняли, что означает эта красная бумага. А потом уже догадались, что Фёдор как бы предупреждал нас о войне, так как прямо об этом ничего писать было нельзя. Не помню сейчас точно, было ли нам извещение о гибели Фёдора. Наверное, было, со словами «пропал без вести».

Всю войну мы о брате ничего не знали. А уже после войны, наверное, в 1946-1947 году пришло нам письмо из Алтайского края. Это письмо написал друг нашего брата. Он писал, что служил вместе с Фёдором и дружил с ним. Писал, что накануне войны среди солдат ходили разговоры о скором начале войны, так как они видели, что фашисты готовятся, стягивают войска к границе. А им говорили, что Сталин подписал договор о ненападении. В плен их взяли ночью, они спали, даже не успели одеться, были в одних кальсонах. В плену жили в бараке, еды не было, очень ослабли. Нары были двухъярусные, Фёдор спал внизу, так как у него не было сил взбираться на второй ярус, а его друг спал на втором ярусе. Однажды вечером Фёдор сказал: «Давай попрощаемся». А утром он нашёл Фёдора мёртвым, похоронил его около забора: выкопал яму, накрыл лицо Фёдора фуражкой и засыпал землёй. Ещё этот друг писал, что условия в плену были такие, что остававшиеся в живых завидовали тем, кто умер. «Ожили мы только тогда, когда над нами вошла Красная Звезда» - писал он. Ещё он писал, что в письме всего описать нельзя, что им пришлось пережить, приглашал нас приехать к нему, чтобы он мог подробнее рассказать нам о брате. Но никто из нас не поехал, так как, по-моему, надо было копать картошку, да и потом так и не собрались.

Мама часто читала это письмо, плакала, пока сёстры мои не спрятали от неё это письмо. Вот и всё, что мы знаем о нашем брате Фёдоре.

Наш комментарий: Вот опять мы встретились с той самой ситуацией, к которой уже стали привыкать во время нашего исследования. Сослуживцы считали своим долгом сообщить семье погибшего фронтового друга все подробности жизни и смерти своих друзей. Они не хотели быть только «единицей живой силы», «пушечным мясом», «винтиком государственной машины». Какие сведения будут сообщены в официальном извещении – неизвестно, родные должны знать о своём погибшем воине как можно больше.

Шаповал Сергей Константинович

Книга Памяти: не значится

Толстик Мария Константиновна (1927 года рождения): Шаповал Сергей Константинович – мой родной брат. Родился он в 1918 году в селе Межово, работал учетчиком в колхозе «Заветы Ленина». Жил Сергей вместе с родителями, так как был не женат. В сентябре 1939

года его призвали на действительную военную службу (тогда в армию брали в 21 год, а служили 3 года).

А потом началась война, от брата пришло письмо, в нём было написано: «Везут на фронт». Больше от него писем не было. А осенью или в начале зимы 1941 года, не помню точно, но было уже холодно, нам пришло ещё одно письмо. Отец обрадовался, подумал, что это письмо от Сергея. Когда распечатали это письмо, в нём была бумага – похоронка на Сергея. Написано было, что «погиб в бою». А ещё в письме был деревянный цилиндрок – патрончик, в нём – свёрнутая в трубочку бумажка, на которой было написана фамилия, имя, отчество брата, год его рождения, где родился, кто родители. Все данные Сергея. У мамы этот патрончик с бумажкой долго хранился в иконке. А потом куда-то затерялся, наверное, внуки нашли и забросили.

Наш комментарий: Из рассказа сестры Сергея Константиновича с большой вероятностью становится ясна причина, по которой его фамилия не попала в списки погибших Книги Памяти. Ведь он был на действительной военной службе и непосредственно на фронт Саянским райвоенкоматом не призывался.

В рассказе Марии Константиновны нам сначала был неясен тот факт, когда она говорила о цилиндрике и бумажке в нём. А вот когда пришёл ответ из Великого Новгорода, и мы увидели ксерокопию солдатского медальона, нам всё стало ясно, но не до конца. Ведь официально, в конверте медальоны не высылались. Значит, это было частное письмо?

Но, по крайней мере, теперь нам совершенно ясно, что Шаповал Сергей Константинович тоже должен быть внесён официально в списки погибших. Только опять надо постараться подтвердить этот факт документами воинского учёта.

Вот и закончили мы наше исследование. И теперь можем с уверенностью сказать, что эта работа произвела на нас очень сильное впечатление. Честно говоря, начиная наше исследование, мы не предполагали, что оно для нас будет значить.

Раньше мы и не задумывались о судьбах людей, которые погибли на той далёкой войне. Не думали о том, что у каждого из них была своя довоенная жизнь со своими горестями и радостями, мечтами и надеждами. А теперь эти люди стали для нас понятней и ближе, мы узнали их живыми. И тем горше боль потери.

И тем обидней, что в Книге Памяти Красноярского края допущено столько неточностей в биографических данных попавших в списки воинов, а тем более, что ещё столько погибших даже не упомянуты. Наверное, есть объективные причины для таких вот ошибок, но всё же, нам кажется, что за 60 лет, прошедших после окончания Великой Отечественной войны, у нас было время вспомнить всех поимённо и воздать им должное хотя бы при издании таких вот Книг.

Мы бы очень хотели, чтобы справедливость восторжествовала, и мы бы узнали имена всех погибших защитников нашей Родины.

Поэтому, мы надеемся и верим, что в нашей школе обязательно найдутся ученики, которые продолжат нашу работу, что они сделают всё возможное, чтобы собрать сведения обо всех наших односельчанах, погибших в Великую Отечественную войну. Хотя мы понимаем, что с каждым годом сделать это становится все труднее, но мы не имеем права забывать о тех, кому обязаны своей жизнью, спокойной жизнью без войны. Ведь за каждым именем стоит живой человек, такой же, как мы. Они отдали свои жизни ради своей страны, ради нас и нашего будущего. И сохранить в памяти будущих поколений каждое имя и каждую судьбу – наш гражданский долг и наша святая обязанность.

От составителя. К сожалению, эта прекрасная работа очень велика по объёму, и её пришлось очень сильно сократить.

К слову сказать, поиск погибших и пропавших без вести сейчас можно вести в интернете: МО РФ создало замечательный сайт www.obd-memorial.ru.

Полный текст с приложениями находится по адресу memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/6/Ritter.htm

Война и люди

Екатерина Подоличенко

*Красноярский край, Ермаковский р-н.
Танзыбейская средняя школа*

Руководитель: А.Ф. Подоличенко

Однажды в нашей сельской библиотеке я смотрела «Книгу памяти Красноярского края». Среди фамилий авторов первого тома я прочитала фамилию Подоличенко Антон Климович.

Открыв страницу с литером «П», погибших в годы Великой Отечественной войны, по Бирилюсскому району (мой папа и бабушка с бабушкой из Бирилюсского района) я насчитала пять человек с фамилией Подоличенко – это моя фамилия.

Ещё я обратила внимание, что все они из Белоруссии. Меня это заинтересовало, и я решила узнать больше о тех событиях.

Подоличенко Антон Степанович призван в армию 1941 году, рядовой, погиб в марте 1943 года. Его брат Марк призван в 1942 году, рядовой, погиб в бою в июне 1943 года, похоронен в городе Бахчисарае. Подоличенко Евдоким Климович и его брат Фёдор, призванные в 1942 году рядовые, пропали без вести в сентябре и декабре 1942 года. Подоличенко Герасим призван в 1942 году, младший сержант, пропал без вести май 1943 год.

И только у одного из погибших есть место захоронения, а других родные и близкие ждали всю войну и после войны, не веря в гибель своих, дорогих им людей, и надеялись на чудо. Но чудо не произошло. И лишь один из всех Подоличенко, ушедших на войну и прошедший её всю до конца полковым разведчиком, награждённый медалями и орденом Красной Звезды, имевший ранение – это Антон Климович, соавтор Книги Памяти.

Из сорока шести мужчин, ушедших на войну из деревни Мендель, двадцать пять не вернулись с войны.

Но и среди тех, кто вернулся, были калеки и тяжело раненые. Готовченко Иван – без ноги, Прусов Василий – без руки, Титенков Иван, тяжело раненный, умер в 1947 году.

А всего из Красноярского края ушло на фронт четыреста пятьдесят три тысячи человек, а сложили свои головы в горниле войны сто шестьдесят восемь тысяч.

Восемь томов «Книги Памяти» понадобилось, чтобы внести в неё имена погибших. Но не хватит и всех страниц «Книги», чтобы запечатлеть боль родных и близких погибших и не вернувшихся с войны.

Чтобы память не была забыта нашим поколением, мы должны помнить наших родственников не только тех, кто погиб в бою, умер от ран, умер по возрасту, но и тех, кто был в тылу в то далёкое от нас время, кто, не жалея себя, во всём помогал фронту под призывом: «Всё – для фронта! Всё – для Победы!».

А чтобы помнить, надо знать. Вот я и решила узнать о тех далёких событиях двадцатого века.

Деревня Мендель. Переселенцы

Меня заинтересовало название деревни, как она возникла и как в этой деревне оказались жители из Белоруссии, заселившие эту деревню. Ведь таких по России – матушке тысячи. Я обратилась к дедушке Антону Федоровичу, он учитель истории. Дедушка посоветовал мне прочитать книгу «Памятники истории и культуры Красноярского края» том третий. И вот что я узнала.

Для сбора ясака с подвластных чулымских татар, проживавших по реке Чулым, притоку Оби, для безопасности сборщиков ясака, в 1621 году томскими воеводами на правом берегу реки Чулым, на половине дороги из Томска в Енисейск был построен острог Мелецкий. А в 1710 году острог Бирилюссы.

В семнадцатом веке из центральных районов России группы пашенных крестьян стали заселять новые места. Земли в районе реки Чулым суглинистые малоплодородные, но зато в лесах водилось много пушных зверей и произрастало много медоносных трав. Новые поселенцы занимались охотой, разводили скот, распахивали новые земли.

В 1911- 1912 годы происходит разукрупнение волостей из-за массового наплыва переселенцев, (в большинстве своём из Витебской, Могилёвской, Минской, Орловской и других губерний) и выделяется вновь образованная, в результате столыпинских реформ, Бирилюсская и другие волости Ачинского уезда.

В 1912 году был закончен переселенческий тракт от Мелецка до Алтата, вдоль реки Мендель были нарезаны переселенческие участки, а по реке Мендель, притоку реки Кеть, были основаны деревни Мендель, Платоновка, Дмитровка, Почкутовка (этих деревень уже давно нет, всё заросло лесом).

Переселенцев стремились поселить общинами из одной местности, деревни, уезда, губернии. Я думаю, что так новосёлам было легче обжиться: свои обычаи, общие интересы, одна нация, общие заботы, и легче переносилась тоска по оставленной родине. Новые места переселенцам нравились. Кое-кто писал домой, в свою деревню, приглашал на новые места знакомых «...кум, приедь, земли – сколько хичь, лесу – сколько хичь...»

Ехали в Сибирь в основном середняки, богатым было незачем, а беднякам не на что. Первыми поселенцами в деревне Мендель

были четыре брата Подоличенко — Клим, Гавриил, Иван, Михаил Филипповичи, Готовченко Петр, Титенков Иван, Кутьков Григорий, Лакович Прокоп. Приезжим нужно было приготовить жилье к зиме, поэтому они сразу начали строить избы, валили лес, брёвна таскали на себе, крыши накрывали соломой. Летом занимались раскорчёвкой леса для пашни и сенокоса. Работа была трудная, тяжелая, изнуряющая. Однако год за годом расширялись участки, распахивались земли. Целина давала неплохой урожай. Покупали лошадей, коров и других животных.

В летнее время женщины нанимались на работу у коренных жителей — чалдонов: пололи посевы, жали, дергали лен. За выжатую десятину им платили до семи пудов хлеба. Когда заканчивалась жатва, последний сноп-«дожинки» делали очень большим (2-3 человека еле поднимали его). А у хозяина в это время готовилось угощение. Жницы возвращались в деревню с обрядовыми песнями, восхваляя урожай и щедрость самого хозяина, и усаживались за стол, на котором стоял сноп-«дожинки», а хозяин угощал всех медовухой.

С началом первой мировой войны в 1914 году поток переселенцев прекратился, и лишь небольшая волна прошла после гражданской войны.

Моя прабабушка Подоличенко Евдокия Ивановна, до замужества Можугова, которая проживает сейчас в поселке Рассвет Бирилюсского района, ей уже восемьдесят восемь лет, рассказывала, что приехала в Сибирь в 1926 году из Могилевской губернии. Отец ее Иван Можугув, шахтер, погиб в шахте, мать осталась одна с тремя детьми, без родственников (они уже жили в Сибири) и поэтому решили уехать к ним.

Когда приехали в Мендель, жить было негде, и всей семьей поселились у деда Кутькова Григория. Жили бедно, и чтобы как-то помочь семье, ее, одиннадцатилетнюю девочку, отдали в няньки в одну семью в деревню Почкутовку. За это ее кормили и одевали. А когда немного подросла, стала помогать по хозяйству деду, собирала лекарственные травы и покупала себе одежду. Понемногу обустроивались, жить становилось легче. В начале тридцатых годов вышла замуж за Федора Подоличенко, сына Клим. Жить стали в их семье.

Семья Климовых была большая: шестеро детей да самих двое, Федор был старшим из сыновей. Все были работающие, имели хорошее хозяйство, жили неплохо, единолично.

Раскулачивание

Когда стал организовываться колхоз, не все единоличники соглашались вступать в него, поэтому их раскулачивали. Попали под это не только семья Федора, но и семьи Калмычковых, Прусовых, Титенковых, Горбачевых. Соседи этих семей жили беднее и завидовали им, поэтому писали доносы в район, якобы эти семьи кулацкие.

Когда семья Федора узнала, что и их могут раскулачить, то они с Федором отделились от семьи, а так как своей хаты не было, то стали жить у деда Григория. Свекровь выделила им корову (отец Федора Клим к этому времени умер), а дед дал жеребенка.

Приехали из района уполномоченные, председатель сельсовета, понятые, чтобы описать имущество и распродать. Одна из соседок накануне, вечером, предупредила свекровь, чтобы они спрятали хлеб и другое имущество. Часть хлеба унесли в лес, а чугуны и горшки разбросали по огороду, но те же соседи ночью подобрали эту посуду и украли хлеб.

Распродавали все чашки, ложки, всю домашнюю утварь, оставили только два мешка муки, мешок зерна и немного картошки. Села свекровь на мешки, собрала детей к себе, голосом голосила, волосы на себе рвала от горя. Впереди зима.

В колхозе

Долго думали раскулаченные: «Жить ли одиночно или вступить в колхоз?» Жить одиночно перспективы было мало: большие налоги, землю выделяли плохую. Поэтому решили вступить в колхоз. В колхозе стало жить легче, работали все вместе, хорошо получали на трудодни, до десяти килограммов хлеба. Как рассказывала бабушка Дуня, однажды они с дедушкой Федором заготавливали дрова в лесу. Когда пришли домой в избе на полу насыпана куча ржи. Это привезли из колхоза остатки на трудодни, а хлеба итак было уже много. Хлебом откармливали свиней до такой степени, что они только могли подниматься на передние ноги. Кормили их из чашки, молоком с хлебом. Сало было толщиной с четверть, а когда убивали свиней палить не разрешали, шкуру обязательно нужно было сдать государству.

Излишки хлеба колхозники возили на продажу в Енисейск. Туда везли везы с хлебом, оттуда с товаром. Женам привозили дорогие подарки, в которых они стыдились выходить, считая эту одежду городской.

После весенних и осенних работ в колхозе устраивались праздники-сабантуи. Приезжали представители из района, стахановцам привозили подарки, Фёдору подарили сапоги, Гаврилихе и Анне Иванихе, Парасковье Прокопихе по платью, получали подарки и другие.

Жили хорошо. На работу и с работы с песнями. Думали, что так и будет продолжаться такая жизнь, да не знали, что «Человек предполагает, а бог располагает». Война началась...

Война

Как война началась? Колхозники работали в поле, женщины пололи яровые, мужчины заготавливали силос, день был хороший. А когда вернулись в деревню, через некоторое время всех жителей

пригласили в колхозную контору, никто не знал зачем. В конторе были два незнакомых человека из района, они сказали, что началась война, на нас напали немцы. До нас не сразу дошло, это было где-то далеко, а потом стало страшно. А еще они сказали, что война закончится быстро, но нас это не успокоило. В магазине раскупили все, что было, особенно соль и спички.

Через некоторое время наши мужики стали получать повестки из военкомата. Многих забрали в армию в 1942 году, тогда забрали и Федора. Дети еще спали. Он не стал их будить, поцеловал и вышел. Все провожающие плакали, а мужики говорили: «Не плачьте, вернемся живыми». Но ни один из призыва 1942 года с войны не вернулся. У некоторых неизвестно даже, где могилы.

Теперь все работы и заботы легли на стариков, женщин и подростков. Зимой надо было возить сено, заготовливать дрова, несмотря на сильные морозы, а зима была морозная, на одного трудоспособного норма была десять кубометров. Дерево ведь надо свалить, распилить на чурки, расколоть и сложить. Пилы были двуручные, тяжёлые, длинные и называли их «стахановские». К весне 1942 года стало еще хуже. Приходили с фронта письма, похоронки. Почти в каждом доме было горе. Пришла похоронка и на Федора. Только одно письмо успел прислать с войны, где он писал, как ходят в атаку, что осколки и пули звенят, как у нас мухи, что привыкли к смерти.

Зимними вечерами женщины собирали посылки на фронт: вязали рукавицы, носки, шили кисеты, даже вкладывали записки. В колхозе забирали лошадей на войну, а коров, свиней, овец сдавали на мясо для фронта. Увозили хлеб. Некоторых лошадей клеймили и оставляли в колхозе, их называли фондовскими и запрещали использовать в тяжелых работах. Этих лошадей могли взять для фронта в любое время.

Тех мужчин, которые по состоянию здоровью не были годны к военной службе, отправляли в трудармию. А там, по рассказу Тенькова Сергея Михайловича, было еще хуже, чем на войне. Тяжелые работы на лесоповале. Лучковыми пилами по глубокому снегу валили лес, а чтобы рабочие не разбежались, их охраняли. Лес возили на лошадях: машин не было. Кормили очень плохо. Голодные, еле волочили ноги, но все же убегали... в военкоматы, просили отправить их на войну, там хоть кормят.

А вот еще воспоминания дедушки о том, как рассказывал Мясников Андрей Андреевич, фронтовик, артиллерист, прошедший всю войну без ранений. В 1943 году их артдивизион разбомбили, а он попал в команду за пополнением в город Куйбышев. Пока шло оформление, его назначили в наряд на хлебозавод в паре с одним мужчиной из трудармии. Носили дрова в кондитерский цех. Напарник Андрея, учуяв запах шоколада, бросил дрова, побежал к столу, где формовали шоколад, сгреб руками в кучу уже сформованный и стал с жадностью есть. Андрей схватил его за ворот фуфайки, оттащил. Формовщица

залилась слезами: «Ты же мою дневную норму уничтожил. Вот же лежит не сформованный, попросил бы, то покормила бы я тебя». Мужчина опомнился, упал на колени и просил прощения.

Я думаю, что мужчина в тот момент, обессилев от недоедания, не мог владеть своими поступками, однако в любых случаях нужно уметь сдерживать свои порывы, понимать ситуацию в которой находишься, а не терять разум. Трудно не одному, трудно было всему народу. Слабость можно простить, если она не причинит вред другим.

Полевые работы, несмотря на войну, не уменьшались, а даже увеличивались, потому что огромная территория страны была захвачена врагом, а хлеб нужен. В работу включались и подростки, которые пахали землю. Чтобы вспахать один гектар, нужно было пройти за плугом 33 км. Сеяльщица Толстелева Настя вручную засекала за световой день до 5-6 гектаров. Поля зарастали сорняками, их не успевали пропалывать. Сено косили вручную. Норма выкосить клевера – 35 соток, смешанных трав – 40, луговой травы – 45. Анна Селиванова и Дуся Вишталюк выкашивали по 70. Старики – Петр Готовченко, Петр Горбачёв, Гавриил и Михаил Подоличенко за день выкашивали десятину, домой уже шли в раскорячку.

Конных сенокосилок было мало. Сгребали сено вручную. Норма для женщины была 20 центнеров в день. Сено метали в зароды, подростки на лошадях подвозили копны. Норма подвозки – 70 копён, самому подкопнить, чисто подобрать клочки упавшего сена. Не сделают этого, тогда мётальщики «по мягкому месту» путем отхлещут - труд людей беречь надо, женщины из последних сил косили, а ты теряешь.

Не успела закончиться сеноуборка, подходила жатва. Жали серпами вручную. Норма выжать озимых – 15 соток, яровых, ячменя и пшеницы по 18. Овёс косили грабками, это совмещённые коса и грабли. Они очень тяжёлые, неудобные, а норма-полгектара. На весь колхоз осталась одна лобогрейка. Во время жатвы каждой женщине выделялась бугоня (полоса через все поле) и давалось время на ее уборку. Бригадир замерял ее площадь, а потом на сжатой полосе отмерял в любом месте квадратный сажень и подсчитывал, сколько колосков потеряно жницей. Допускалось до двух, за большее наказывали. Иногда жали даже в лунные ночи, чтобы выкроить время для заготовки кормов в своё хозяйство.

А если женщины жали группой, то по очереди отпускали друг дружку, а сами выполняли её норму. К концу дня спины не разгибались. А сказывалось всё это на их здоровье, уже после войны.

Молотили хлеб конными молотилками. Если не успевали за погожие дни смолотить, снопы складывали в скирды и бабки и домолачивали зимой. Обмолоченное зерно свозили на сушилки и там досушивали. Сухое зерно клейтонили, сдавали государству, себе ничего не оставляли, только на посева. Не дай бог насыпать в карманы хоть горсть зерна. Перед уходом с работы проверяли. Кравцова Ганночка и Фрося Кумановская

унесли по два ведра овса, за это их осудили на два года, несмотря на то, что у них были маленькие дети, а мужа сражались на фронте. Не вынесли эти женщины лагерной жизни, простудились и умерли там. А детей их забрали к себе родственники.

Как жестоки были те законы. Как же должны были чувствовать себя сражающиеся на фронте солдаты, если в тылу было такое отношение к их детям и женам.

Несмотря на войну, жизнь брала свое. Вечерами молодежь собирались у кого-нибудь в хате, на загнетке раскладывали костерок и при этом огне пряли, вязали, пели протяжные песни, иногда и танцевали вальс, польку, подгорную, краковяк, пели частушки:

«...Распроклятая Германия, сгорела бы в огне!

Не дала повеселиться, ни миленочку, ни мне»,
а были и такие:

«...Девочек много, девочек много, девочек некуда девать,
Скоро кони передохнут, будем девочек запрягать».

В частушках отражалось то, что было в жизни: в деревне оставались одни девчата. Но народ знал, что победа будет:

«Скоро кончится война, пойдут ребята ротами,
Я своего дорогого встречу за воротами».

Были частушки с каким-то печальным юмором:

«Хорошо тому живётся, у кого одна нога,
Матерьяла надо меньше и штиблетина одна».

Я думаю, что, если бы народ только горевал, он не вынес такое испытание. А в этих шутках, даже и печальных, проявляется сила народа, его дух.

На сушилках работали с ночевой, а дома оставались одни малые дети, и, женщины ночами ходили их проверяли. Страшно было ещё и потому, что в деревню наведывались дезертиры. Были случаи, когда из хлева уводили коров, обув их в лапти, чтобы следов не было заметно.

Я не поняла, кто такие дезертиры. Оказывается, когда началась война, некоторые мужчины хотели скрыться, переждать эту войну, остаться живыми. В деревне Платоновке Купленик понял, что скоро его призовут в армию, ушел в тайгу. Повестку принесли, а его нет дома. Так прошло полгода. Он скрывался в тайге, убивал зверей, тайно приходил к семье, приносил мясо, а жена его тайком делилась этим мясом с соседями, и соседи не выдавали его, даже зная, что он приходит в деревню. Женщины-солдатки не осуждали его, говорили, что если наши не вернуться, так пусть хоть он живет. Два его родных брата были на войне, писали письма, получали награды. Может быть, именно это и заставило Купленика придти и сдать в милицию и отправиться на фронт. Вернулся он с войны, получив медаль, рассказывал о своей душевной слабости, которая чуть не сделала его презираемым в деревне. Люди простили его, да и солдаты относились к нему без презрения.

Когда мой дедушка работал директором школы в Мордвинке, ему рассказал житель этой деревни Мироненко Николай о своем куме-дезертире. Как началась война, он в тайгу подался, охотник хороший был, зимовье хорошее было, заранее запасов приготовил себе, имел ружье берданку, много патронов. В деревне знали, что он скрывается в зимовье. Кто-то знал, где оно находится. Приезжала милиция, чтобы его взять, но по чернотропу это было опасно. Когда выпал снег, из района приехали милиция и представители военкомата. Следопытов-охотников, и в том числе Мироненко, взяли с собою на поиски кума-дезертира. Когда подходили к зимовью, разделились на три группы. Мироненко первым подошел. Залаяли собаки. Из зимовья вышел его кум с ружьем. Мироненко из-за дерева крикнул ему, чтобы тот сдался милиции, расстреливать его не будут. В ответ кум: «Уходи, кум, а то придется убить тебя!» — и поднял ружье. Мироненко выстрелил первым. Выстрел оказался смертельным. Кума похоронили там же.

Участник войны Младенцев Иван Григорьевич, живший в поселке Танзыбей, рассказывал такой случай. Житель Покровки Козлов уже зимой 1941 года получил повестку в военкомат. Когда доехали до реки Кебезь, Козлов остановил возницу, чтобы сходить «до ветру» и попросил его ехать дальше, сказав, что он его догонит. Дорогой возница задремал, а когда приехал в Григорьевку, Козлова там не оказалось.

Он вернулся назад. Доехав до реки, у полыньи он обнаружил рукавицы, зацепившуюся за край льдины шапку и следы от рук на самом краю полыньи. Вызвали милицию. Ничего не нашли. Утонул мужик.

После войны, Иван Григорьевич случайно оказался в Абакане на рынке, и узнал в продавце давнего знакомого. Поздоровался. Продавец молчит.

— Что, не узнаешь?

— Не ори, узнал. Не Козлов я. Понял? Нет Козлова. Я другой человек. Ты обознался и не болтай лишнего.

— Бог тебе судья, — сказал ему Иван Григорьевич.

Три разных случая, три судьбы. Один смалодушничал, но совесть проснулась. Он вспомнил о детях, о братьях. И нашел силу воли, чтобы кровью смыть свой позор.

Другому не повезло. Я думаю, что лучше быть убиту на войне, чем погибнуть бесславно в тайге.

А третий всю жизнь прятался под чужой фамилией, постоянно оглядывался по сторонам, не узнал бы кто.

Слушая рассказы и воспоминания людей того далекого времени, я стараюсь понять: откуда у них брались силы, особенно у женщин. Почти бесплатная работа в колхозе, воспитание детей, обработка своих огородов (только за счет своего огорода и выживали колхозники). По шнуровым книгам огороды были до сорока соток, в большой семье такого участка было мало. Как рассказывала Младенцева Анна Моисеевна,

их большая семья решила вскопать в лесу небольшой участок земли и засеять просом. Хорошим уродилось просо, четыре мешка намолотили, но донесли соседи в милицию. Приехали два милиционера забрали ее мать вместе с просом и увезли в район. Три дня держали ее в КПЗ, потом отпустили. Законы суровые, время военное, трудное. У милиции в деревнях были свои доносчики, народ узнавал о них, презирали и боялись: не сделать бы чего противозаконного даже в тех трудных условиях жизни.

Сейчас рядом живут потомки тех, кто доносил и тех, на кого доносили. За обиды не мстят, но в душе помнят, иногда в разговоре случайно коснутся этих тем, но уже без злобы.

Если в колхозе не хватало семян засеять поля, женщин отправляли в район за семенами, а до него пятьдесят пять километров. По весенней распутице, в плохой обуви, двое суток в дороге. Приносили они по двадцать пять килограммов. Почту носили по очереди от деревни к деревне два раза в неделю. Жители Менделя носили от Сосновки до Менделя, от Менделя до Кети — жители Кети, а потом в обратном порядке — в район. Лошадей не давали, берегли для тяжелых работ, а люди, выходит, были сильнее и выносливее лошадей.

Когда я спросила у своей бабушки, откуда бралась у них сила, она интересно ответила: «Мы не силой брали, а широстью. Да и колхоз помогал, всем миром это делали, и друг дружку поддерживали».

Не могла я понять «ширость». А это - сила духа, напряжение силы воли, стремление быстрее разбить врага, помочь тем, кто на войне, и забывали про сон и усталость, горе, холод, голод.

В экстремальных условиях человек делает то, что в обычных ему не под силу. А в войну, во всей стране были «экстремальные условия».

Мирная жизнь

Закончилась война. Ликование, радость и слезы, счастье у одних, горе у других, все плачут.

Люди думали, что станут жить лучше, но почему-то лучше не стало. Видимо, война так подорвала хозяйство — колхоз, что он уже не мог оправиться. Участь его была предрешена, касалось это не только деревни Мендель, но и других деревень по реке Мендель, да и по всей России. Но это еще в будущем и никто об этом не знал, а пока приходят мужики с войны. За годы войны развалилось хозяйство, сгнили заборы, прохудились крыши, покрытые соломой, покосились хаты. Надо все поднимать, а у народа уже сил было мало, да к тому же налоги: мясом — 50 кг, шерстью — 2 кг, кожей — 1шт., яйцом — 56 шт., зерном — 1ц пшеницы, или 1,5 ц овса, или 1,3 ц ячменя, или 1,2 ц ржи, маслом — 10 кг, картошкой — 1,5 ц или 15 кг крахмалом, деньгами — до 1,5 тыс. руб. За коров и свиней за одну голову по тысячи рублей. Если налоги уплачивались не вовремя и

не полностью, они переходили на следующий год как недоимка с нарастанием пени.

Мясо нужно было сдать живым весом, затем этот скот дорашивали на выпасах в определённом хозяйстве. Так в Бирилюсском районе была деревня Заготскот, где животных дорашивали и осенью гнали по тракту в Енисейск на мясокомбинат. Мясо поступало на золотодобывающие прииски и в Норильск.

За сданную продукцию плата была чисто символическая. Чтобы сдать план, вдовы объединялись в зачёт: одна сдаёт одну голову скота в счёт своего налога, а излишки засчитывают в счёт налога другим женщинам, которые в течение года дорашивают собственный скот и в следующем году расплачиваются им. Количество скота ограничивали, да его, наверное, не смогли бы много держать, особенно вдовы. Накосить сено, привезти его также трудно, как и в войну.

Представители от сельсовета ходили по домам, записывали все, что есть в хозяйстве, что посеяно и сколько, от этого зависел размер налога. Жители прятали скотину, угоняли ее в лес. «Красноармейским семьям», у кого погибли на войне мужья или дети, если родители были старые, полагалась «скидка» на все виды налогообложения, хоть и небольшая, но для голодного времени это было заметно. За погибших родственникам платили пособие. Размер зависел от звания погибшего и количества детей (иждивенцев). Участники войны получали пособие за награды, ранения и звания.

Хозяйство у колхозников становилось натуральным. В огородах сеяли ячмень, пшеницу, просо, лен, коноплю и овощи. Зимой женщины пряли, а потом к весне ткали полотна, да еще и с разными узорами, цветами на бельё нательное, постельное, портянки, рушники, набожники (полотенца с вышивками и кружевами на иконах), скатерти, покрывала. Плели лапти, выделывали кожу, шили обувь — и все это умели женщины-вдовы. Шили фуфайки, вместо ваты — куделя, а в матрасах — солома. Перед Рождеством и Пасхой солому меняли. Праздники отмечали все одинаково и советские и божественные. Хоть и голодные были, но к праздникам гнали самогон. На печки-буржуйки ставили чугуны с брагой, сверху чугуны-верхняк и корыто с холодильником. Гнали ночами, тайно. Милиция приезжала, ходили по домам с обыском, искали не только самогон, но и брагу. Найдут — брагу выльют, да ещё и штраф наложат. Но были и добрые «сыщики», они знали нужды сельчан и брагу не выливали, попросят у хозяина чашку соли, всыпят её в бочку с брагой и скормливой её скотине — самогона не выгонишь

Бывали и чудачки: придут к хозяйке по доносу, спрашивают «самогон есть? Говори честно, иначе обыск буду делать». Признается хозяин — «доставай, наливай», выпьет милиционер стакан, если хороший самогон — похвалит хозяина — не зря хлеб перевёл, а если плохой — накажет.

Но гнать самогон нужда заставляла, особенно вдов: плата за помощь — самогон (сивуха). Вот и были вдовы между двух огней: штраф, или остаться без помощи — выбирай.

Терпели вдовы унижения и от деревенских мужиков. Воровали они у них прямо на виду полотна, которые женщины расстилали на траву для отбеливания. Заметит это вороватый мужик, подползёт к пряслу, спрячется в кустах и не видно его. А он длинным прутком с крючком зацепит холстину и помаленьку подтягивает к себе. Издали незаметно, а холстина приближается к изгороди как живая. Затем он хватается её и убегает.

А ночами придут к какой-нибудь вдове двое мужиков, один идёт в хату, а другой — в хлев. Первый хозяйку отвлекает. А второй, в хлеву — накинет на рыльце поросёнку петлю, чтобы не визжал, в мешок его, через огород — в лес и домой.

Пользовались мужчины и беднотой женщин-вдов. Приедет заготовитель в деревню за налогами, приходит на ночь к вдове и за проведённую ночь выписывал квитанцию на часть налога. Откуда брались излишки у заготовителей, чтобы оплатить «ночные»? Значит, они обвешивали, обманывали других сдатчиков. Это позволяло им вести свободный образ жизни.

Просили вдовы мужиков помочь по хозяйству: крышу починить, стайку срубить, огород вспахать. За всё платить надо, а ещё напоить — накормить и опохмелить. Жёны ревновали своих мужей к вдовам. За дело или по ошибке ночью, бывало и днём, били окна у вдов. Сносили обиды и оскорбления солдаты — «на каждый роток не накинешь платок».

После войны начались и свадьбы. Плохо было девушкам-перестаркам, у кого любимые погибли на войне. Замуж их не брали, появлялись у них и дети незаконнорожденные, а в деревне их называли суразами. Я думаю, это было жестоко со стороны деревенских. Ведь это война виновата, а не та девушка-женщина, которая боялась на всю жизнь остаться одинокой, и не тот ребенок, что появился на свет. Были случаи и наоборот. Ждет девушка своего любимого с войны, а он приходит с молодой невестой, женой. Это, мне кажется, пострашнее той людской молвы. Какую надо было иметь силу воли! И пели они:

Я свою соперницу увезу на мельницу,

На муку ее смею, собакам хлеба напеку.

К праздникам, свадьбам, крестинам готовились заранее: белили глиной белой, кипятком ошпаривали кровати и другую мебель, так уничтожали клопов и тараканов, на окна из газет вырезали шторы, убирали в хлевы из хат поросят, ягнят, телят; полы мыли с песком каждую субботу.

На свадьбы, крестины народу собиралось много. Напьются мужики, и пошла драка. Ломали мебель, хватались за ножи и даже за ружья. Что злило их? Война? — нет. Злили условия жизни. Вспоминали прошлое и всплывали обиды, одним били морды за донос при раску-

лачивании, другим за « тыловую крысу», третьим за дезертирство, за предательство, а кому-то за командование над бабами, попадало и бабникам (ожесточались сердца людей за войну), потом мирились до следующего праздника.

Злость у мужиков еще и вот отчего была. Видели они жизнь в западных странах, рассказывали деревенским, сравнивали со своей и не могли понять, почему в войне победили, а жизнь лучше не стала, хотя и понимали, что надо поднимать, восстанавливать хозяйство.

От голода старались уехать в город, но паспорт не дают. Чтобы получить паспорт, нужно было согласие колхозников отпустить их из колхоза. А кое-кто находил выход: украдут в колхозе что-нибудь, чтобы получить минимальный срок, до года, а выйдя из тюрьмы, ухитрялись получить паспорт. Приедет в деревню такой мужик да председателю колхоза еще и четверть самогонки поставит за то, что помог посадить его в тюрьму.

В зимние вечера собирались женщины-вдовы у кого хата побольше, приносили с собой по 2-3 полена дров, чтобы печку протапливать и костерок — каганец жечь. Рукодельничали и жизнь довоенную вспоминали до мельчайших подробностей, а потом вдруг замолчат, слезы навернутся. Тихо становилось, и опять разговоры.

Осенью вдовы сжатый хлеб в огороде обмолотить не успевали: то дожди, то работа в колхозе — тогда сносили снопы в амбары, а потом в избе на печи сушили и в избе же обмолачивали и веяли. Пыль до потолка, дышать нечем. У мужиков бани были, так те там сушили и молотили, быстро и чище. Вот так делилась деревня на сословия. Хлеб ели вволю осенью, со свежего помола, а с середины зимы за столом хлеб — по пайкам. И предупреждает мать детей: «На одно кусайло — четыре сербайла. «Не ходите, девки, замуж вы в великую семью: не успеешь ложку взять, в чашке донышко видать».

И стремились все матери выучить детей своих, а дети учиться старались, чтоб из колхоза уехать...

А когда начали укрупнять колхозы, стали уезжать сельчане в другие колхозы (это разрешалось) поближе к городам. А оставшиеся, уже пожилые, не хотели покидать родных мест. Тут и техника не спасала, и хирели деревни. А как стали дети работать в городе — забирали к себе родителей, со слезами оставлявших насиженные места, могилы предков, дома, постройки, никому уже не нужные. А кто-то оставался в одиночестве, но приходилось все же уезжать и им (бродяги поджигали эти места и оставались лишь пепелища, и они зарастали бурьяном, лесом).

Выводы

С помощью моего дедушки Подоличенко А.Ф., учителя истории, я много узнала из истории моей семьи и людей, их окружающих,

оставивших свою родину, переселившиеся в Сибирь и потерявших вторую, приютившую их. Виной тому стала война. Война – трагедия народа. Она разделила людей по сортам. Сильные духом, верные, стойкие. И слабые, которые любой ценой хотели жить, боялись смерти и заслужили презрение народа.

Всё перенесли люди этой маленькой деревни Мендель. События в стране, как в капле воды, отразились на событиях в этой деревне. И раскулачивание и коллективизация, веру в будущую, прекрасную жизнь, которая только начиналась.

Дедушка помог мне из огромного потока разной информации отбросить лишнее, взять главное.

Учил меня не делать быстрых выводов о людях, а понять причины, вызывающие такие поступки.

Почему доносили сосед на соседа? Два разных района, а события происходят как по сценарию. Что получили доносчики – ничего, морально – отомстил соседу за его тяжкий труд.

Почему прятались от войны? У всех мотив один – тяга к жизни, страх перед смертью. Но и ушедшие на войну знали, что там убивают, однако шли, чтобы потомкам не было мучительно позорно за прошлое отцов. Не понимала, может, и мать убитого в деревне дезертира, глядя ноги его, причитала: «Ноженьки, ноженьки, почему же вы не унесли его от смерти?» Не понимая того, что, когда он прятался в доме, его беременная жена сделала себе аборт, чтоб не выдать его, и умерла, оставив сиротами детей. Всем матерям было жалко детей, убитых на войне, им сочувствовали, их поддерживали сельчане. Им легче было переносить горе.

Тяжела судьба женщин-вдов. Тяжело им было и в войну, и после. Кто -то из них выходил замуж второй раз, но многие оставались до конца дней своих – Николихи, Иванихи... Берегут они какую-либо вещь ,деланную руками их любимых, как память о прошлом.

Так и мы должны помнить, какую ценою досталась победа. К сожалению, об этом многие забывают. И если древние римляне говорили: «*Histria magistra vitae est*» (история – учительница жизни), то, к сожалению, можно сказать и другое. «История учит только тому, что она ничему не учит».

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/6/Podolichenko/Podol.htm

Судьбы моих родственников в российской истории XX века

Маргарита Рудник

*Красноярский край,
г. Красноярск, школа № 143*

Руководитель Н.В. Понкратова

При воспитании детей, взрослые, чаще дедушки с бабушками, рассказывают им забавные или поучительные истории из своей жизни, показывают семейные реликвии. Но эта информация проходит как бы промежду прочим, дети обычно не запоминают подробности, даты, имена.

Вот и я до участия в конкурсе «Мемориала» не задумывалась о том, что отрывочные знания о жизни моих предков как-то соотносятся с жизнью страны в целом. Область моих знаний ограничивалась школьными рефератами и сочинениями на тему войны. Уже не раз в этих сочинениях я «эксплуатировала» фронтовые письма прадеда, которые и на этот раз хотела сделать центром своего рассказа.

Начав собирать дополнительный материал к знакомой теме, я обнаружила, сколь много «живой истории» так долго лежало у меня «перед носом», а я даже не догадывалась о ее существовании. И фотографии, и архивные справки, и дипломы с аттестатами, и, конечно, память родственников, которая порою кажется бездонной. С интересом, пробудившемся во мне, я начала закрашивать белые пятна в собственных познаниях истории семьи. Записывала устные рассказы, звонила родственникам в другие города и государства, посылала запросы в архивы, искала фотографии. И даже прочтение мною старых прадедовских писем стало теперь совершенно иным, не отвлеченным понятием, а голосом родного и близкого человека, обращающегося в том числе, и ко мне.

Итак, XX век. История моей семьи по материнской линии.

История семьи Довбня, рассказанная моей бабушкой

В 1929 году на хуторе близ села Таранушичи (ныне – с.Кирово) Кобелякского района Полтавской области на Украине поженились мои прауродители – Иван Андреевич Довбня и Василина Яковлевна Тихоненко.

Василина Тихоненко. Хуторянка

Василина родилась в 1911 году на хуторе и была дочерью кузнеца Якова, старшим ребенком в семье.

Иван Довбня. Хуторянин

Иван Довбня родился на соседнем хуторе в 1909 году. Отец его, Андрей, был призван в армию в 1914 году в Первую мировую войну и пропал без вести. Как память о нем в семье оставалась лишь единственная фотография (не сохранившаяся до настоящего времени), на которой он был в военной форме, фуражке и сапогах. Мать Ивана, Василиса, работящая и волевая женщина, самостоятельно справлялась с немалым хозяйством. На хуторе было 40 га земли, мельница и молотилка, крупный и мелкий скот. А детей в семье было четверо: девчонки Аришка и Харитына (р. в 1903 и 1906 гг.), мальчики Иван (мой прадед, р.1909) и Петр (р.1912). Несмотря на то, что рано осталась вдовой и держала большое хозяйство, Василиса всем детям смогла дать начальное образование, сама на телеге возила их в деревенскую школу.

Украина. Начало семьи

Иван и Василина знали друг друга с детства. Хутора их родителей были совсем рядом. В их среде не принято было искать невест за тридевять земель, поэтому, присмотрев работящую Василину, Иван женился и привел матери помощницу. Поддерживаемое двумя мужчинами, хозяйство успешно управлялось. Иван Довбня еще и работал на поденных работах в колхозе «Жовтнева Перемога». В 1930 году у него родился первенец, сын Михаил.

Может вызвать удивление, что семья жила в такое нестабильное время в относительном достатке. Неужели никакие завистники и представители власти не пытались изменить их жизнь в худшую сторону? Пытались, да еще как. Вдова-Василиса стала жертвой продрозверстки еще в двадцатом году. Она рассказывала: «Приехали на телегах, все забрали с хутора: одежду, хлеб, зерно, лошадей».

В конце 1925 года началась индустриализация, и стране понадобились средства. Импорт технологий снижался, уменьшались концессии. Советское руководство предпринимало разные меры для получения средств: и жестокую экономию, и государственные займы, и продажу природных ресурсов и произведений искусства, и эмиссию денег, не подкрепленных золотым запасом... Но ничего не помогало, а деньги были нужны. К началу первой пятилетки в 1929 году не хватало ни оборудования, ни технологий, ни кадров, на все требовались средства, часть которых решили получить за счет экспорта крестьянского зерна: «не доедим, но вывезем». Началась коллективизация.

Как и в годы продрозверстки, мою семью не оставили в стороне. Летом двадцать девятого года моих предков заставили отдать лишнее имущество и вступить в колхоз, как зажиточных крестьян. Слова

«кулак» и «раскулачивание» появились в обиходе позже, а тогда просто приходили и говорили: «все общее, все нужно сдать в колхоз и самим там работать». С 1930 г. в колхозах работали за трудодни, в конце месяца за каждый трудодень начислялось какое-то количество денег и продуктов. Денег давали мало, только-только хватало, чтобы купить что-нибудь нужное из одежды, в основном давали еду. Но мои предки не стали сильно возражать и вступили в колхоз почти добровольно (их 40 гектаров никто пока не отобрал).

Раскулачивание. Высылка

И вот в 1930г. молот прошелся по молодой семье. Ивана с женой и ребенком сослали на Урал.

Разыскивая законы и постановления о «кулаках», я нашла Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года. Согласно этому Постановлению, в числе других репрессивных мероприятий предполагалось и «150 тысяч крестьянских кулацких семей подвергнуть ссылке без уголовного наказания», в том числе ссылке на Урал. За 1930-1931 гг. в процессе выполнения этого Постановления было направлено в так называемую «кулацкую ссылку» на Урал из Украины 32 127 семей. Предполагаю, что семья моих предков была в числе этих несчастных ссыльных.

На красномьярском сайте общества «Мемориал» я нашла «Сообщение Варвары Ивановны Хоменко», то есть моей бабушки, дочери Ивана Довбня, его в 1995 году записал сотрудник общества «Мемориал» В.С.Биргер со слов моей бабушки и справок, полученных по архивным запросам. В сообщении сказано:

«В 1930 г. из с. Таранушичи Кобелякского р-на Полтавской обл. была депортирована украинская крестьянская семья:

- Довбня Иван Андреевич (1909-1971),
- Довбня Василина Яковлевна (р. 1911),
- Довбня Михаил Иванович (р. 1930).

Их сослали на Урал, но через полтора года отпустили из ссылки. Они поселились в Тихорецке, а в середине 30-х гг. вернулись в Таранушичи»

Действительно, моя бабушка родилась в 1932 г. в станице Тихорецкая Северо-Кавказского края (сейчас это Краснодарский край), на полпути семьи из ссылки домой, в Таранушичи. Остановка семьи на три года в Тихорецке была вызвана не только рождением ребенка, но и другими причинами. В постановлении был пункт, по которому кулацкие семьи подлежали высылке от 3 до 5 лет, без права жить на прежнем месте. И если они смогли каким-то образом уехать с Урала, то, вероятно, в Таранушичи вернуться все еще не могли. Возможен и другой вариант. В 1932-1933 гг. на Украине был Голодомор, и, может быть, зная о трагедии, мои родственники решили повременить возвращаться на родину и переждали кризис в хлебом

Тихорецке. То есть, возможно, от голода тридцатых годов мою семью спасла именно ссылка? Как знать. Вопрос в другом: зачем потребовалось властям ссылать молодую семью? Это было время первой пятилетки, не хватало рабочих рук для строительства в отдаленных малонаселенных районах.

Моих родственников сослали на Урал, там в годы первой пятилетки были воздвигнуты сотни новых промышленных предприятий, проведена реконструкция старых, создана самая крупная в Европе энергосистема, расширена сеть железных дорог – то есть людей туда ссылали не за проступки, а просто потому, что нужны были рабочие руки. Но не всегда приговоры были суровы, а сроки долги, и часто через несколько лет ссыльные, отбыв положенный срок, возвращались обратно. Вот и моим родственникам первый раз «повезло», их не расстреляли, а выслали на небольшой срок.

«Антисоветский агитатор»

В середине 30-х гг. Иван Довбня с семьей вернулся в Таранушичи, на свой хутор, к матери. Жили трудно, голодно. Варя рассказывала, как-то раз, вместе с братом выйдя встречать вернувшуюся с работы маму, которой на работе иногда выдавали продукты, она помогала нести домой полбуханки хлеба и за те несколько минут, что шла до крыльца, выела весь мякиш черной и черствой буханки, из-за чего ее потом долго мучили угрызения совести. Родители работали ударно, но за трудодни давали смехотворное количество продуктов, на которое нельзя было прокормиться, и жили на то, что сами выращивали. Единственной реальной помощью от колхоза был сахар, получаемый из сахарной свеклы, но эту свеклу приходилось обрабатывать в неурочное время. Колхоз сообща перепахивал поле и засеивал свеклу, потом каждой семье выделялся свой участок под обработку. Василина приходила из колхоза в десять вечера и отправлялась вместе с детьми обрабатывать свеклу примерно до полуночи.

Иван обустроивал свое подворье, как мог. Уменьша ему было не занимать, а смекалка всегда была при нем. Но толком обжиться семья не успела.

Мой прадед был арестован в середине ноября 1937 года. Свидетели в подложных показаниях называли его «кулаком», говорили, что, вернувшись с Урала, он жил «по-кулацки» и выражался против советской власти. Цитата из «Сообщения Варвары Ивановны Хоменко»:

«6.XI.1937 года Кобелякским РО НКВД Довбня Иван Андреевич был арестован и 17-19 ноября 1937 года Заседанием особой тройки УНКВД по Полтавской области необоснованно осужден по ст.54-10 ч. I УК УССР на 10 лет лишения свободы» и направлен в «БАМЛАГ».

Неужели человек, уже не раз пострадавший от советской власти, стал бы кликать на себя беду и заниматься «антисоветской агитацией»? Думаю, нет. Скорее всего, человек, однажды осужденный, среди прочих первым бы попал под удар независимо от поведения. «Палачи» руководс-

твовались «железной логикой»: враг всегда враг; единожды осужденного резонно осудить и во второй раз. Подоплека ареста выяснится много позже, а сам арест проходил несколько смехотворно, как рассказывал позже вернувшийся из мест лишения свободы Иван своим подросткам: приехали люди на телегах, ходили по дому, рассматривали все, делали вид, что ищут спрятанное богатство и драгоценности, потому что им приказали осудить его как «кулака», то есть зажиточного. Те, кто обыскивал, и сами видели, что нечего искать у семьи, живущей практически одной жизнью с колхозом. Никакого богатства найти не смогли, и осудили Ивана по статье «антисоветская агитация», для которой даже эфемерных доказательств не нужно было.

Семья осталась без кормильца. Поколение назад семья лишилась отца из-за Первой мировой войны, но а сейчас? Ни войны, ни реальных серьезных выступлений против власти, ни междоусобиц, но людей казнили, сажали в тюрьмы, ссылали, лишали семьи опоры, забирали у детей отцов, а порою и обоих родителей.

Мой прадед Иван Довбня отбывал срок в Байкало-Амурском Исправительно-трудовом лагере НКВД, на Дальнем Востоке. Из документов известно, что в период с 24 апреля 1938г. по 2 апреля 1939г. он строил пресловутую Байкало-Амурскую магистраль, которую во время войны пришлось разбирать, так как стране не хватало металла. Осознание бесполезности своей работы, особенно в годы войны, морально давило сильнее, чем физическая тяжесть. Ощущение себя «винтиком», которому даже не позволено защитить свою семью на фронте, разъедало его душу.

Стахановка

А на другом конце страны так же нечеловечески трудилась, чтобы прокормить себя, детей и пожилую свекровь жена заключенного Ивана, Василина. Стахановка, обладатель наград, она работала без передышки и у себя на хуторе, и свиаркой в колхозе «Жовтнева Перемога». Семейные «метаморфозы», характерные для всей страны того периода: один член семьи мог сидеть в тюрьме, в то время как второй был ударником труда, награждался, обласкивался властью. Родственник «врага народа» ударно работал, чтобы трудом своим доказать любовь к стране и, зная, что в любой момент может оказаться заключенным, старался проявлять лояльность и славить власть, пытаясь задобрить ее.

Раз в полгода было разрешено посылать осужденному посылку и письмо. Бабушка вязала носки и рукавицы, до войны клали мед, сало.

Жизнь в Таранушичах без Ивана не стояла на месте. Моя бабушка, Варвара, вспоминала: «В тридцать девятом, сороковом, перед войной хорошо жили, не голодали, мать иногда конфеты с Кобеляк привозила». Как-то мать взяла ее с собой в Кобеляки, которые так поразили девочку своей красотой, богатым базаром, длинными конфетами, висящими

в витринах, что эта картинка счастья семьдесят лет не покидает ее воображение. Еще помнит, как в село привозили ситро для детей и они с кружками бежали к машине. Это было бесплатное лакомство, за счет колхоза. Также под Новый 1941 год колхоз выдал школе муку, масло и яйца, и ребятишки с учительницей стряпали печенье, расписывали его, заворачивали в фольгу и вешали на огромную, до потолка елку, стоявшую в вестибюле, а потом на утреннике устраивали конкурсы и срезали угощение с новогоднего дерева. Варя училась на одни пятерки и закончила до войны 2 класс, Миша отучился 4 года.

Мысль о муже не оставляла Василину, она искала способы доказать, что он ни в чем не виновен, и вернуть его домой. Кто-то сказал ей, что если она соберет 100 подписей о невинности мужа, то его отпустят. Поверив в эту байку (всего лишь одну из многих - в тот период были распространены слухи о способах возвращения из ИТЛ, и люди верили, массово писали в Москву, Кремль и высшие инстанции), Василина начала сбор подписей. Как передовика хозяйства, ее отправили на ВДНХ в Москву перед войной. Там журналисты брали у нее интервью и, конечно, не обошлось без вопросов о семье, о муже (руководство колхоза не подумало, когда отправляло Василину на выставку, что ее муж в тюрьме, и потом кусало локти). Услышав историю о невинно посаженном, опытные репортеры подсказали, к кому обратиться с ходатайством по делу мужа. Вернувшись, Василина сделала все, как ей велели, приложила к письму собранные раньше подписи и отправила в Москву, оттуда вскоре ей пришел ответ с обещанием пересмотреть дело мужа. Потом и от самого Ивана пришло письмо, что его собираются отпустить в скором времени, только вот дождется руководство лагеря какой-то важной бумаги из столицы. Жизнь Василины в ожидании освобождения мужа окрасилась в розовые тона надежды и веры в будущее. Казалось, все еще может быть хорошо. Но ... началась война.

Война

Как вспоминает бабушка Варя, военные действия в районе Таранушичей начались в сентябре. Немцы долго не могли перейти через Днепр, то есть переходили и тут же откатывались обратно под натиском советских защитников. В тех сражениях в Днепре утонуло много солдат. Бомбили так, что в селе повывлетели все стекла. Василине, как свинарке, колхоз поручил угнать на станцию свиней (туда угоняли весь колхозный скот), она погрузила поросят в вагон и вернулась домой с хорошими новостями: всех деревенских детей обещали вывезти в тыл. Обычно детей сажали в эшелоны и увозили в юго-восточном направлении.

Дети с соседями из ближайших домов выкопали между огородов за эти дни огромную яму, туда натаскали соломы, подушек, с двух сторон выдолбили в стенах ямы ступеньки, чтобы можно было спуститься в землянку, которую сверху застелили досками и засыпали землей. Все эти дни немецкого наступления спасались только в землянке.

Бабушка Василиса все выходила на улицу, чтобы не прозевать, когда будут эвакуировать детей. Решив испечь им пирогов «на дорожку», она пошла в дом, но в этот момент в дом попал снаряд и разворотил печь, бабушку отбросило в сторону и оглушило.

Через село поскакали на конях отступающие красноармейцы, скоро прибежала домой мать Василина (она последнее время рыла окопы на передовой), и сказала: «Все, немцы прорвались!». Загнала детей в землянку, отвязала и прогнала корову, чтобы ту не убило снарядом, подняла бабушку, все еще не пришедшую в себя после взрыва, и привела ее в землянку.

Через некоторое время бомбежка, и так принесшая много увечий жителям деревни (к счастью, из моей семьи никто не пострадал) стихла, и буквально сразу в деревне послышалась немецкая речь. Немцы пришли в село пешком, по огородам. Штыками вытащили из землянки подушки и выгнали всех людей. Захватчики расквартировались в домах, с неделю отдыхали, никого не трогали. Местные жители жили в сараях. У моих родственников резали кур, забрали всю муку, масло, крупы, даже Мишино свидетельство о рождении (документы у мальчишек и мужчин забирали в целях разведки). Один немец хорошо говорил по-русски и, увидев у Миши учебник по немецкому языку, долго листал, смотрел. Детям, враждебно смотревшим на него, сказал: «Что поделаешь? Нас заставляют воевать, и вас заставляют», угостил монпансье, заверил опасливых детей: «Не бойтесь, не отравлено». Селу относительно повезло, это были обычные немецкие солдаты, не СС. Они не издевались над населением, не вешали, не жгли. Отдохнув неделю, они ушли дальше на восток. Хуже были полицаи, под чьим гнетом и жили захваченные территории два года. Полицаи были советскими людьми, но из чужих мест. Они переписывали все имущество, весь скот и, в свою очередь, отчитывались перед немецким начальством под страхом смерти... С каждой курицы нужно было сдавать яйца; молоко отдавали полностью, у тех, чьему молоку жирности не хватало, забирали корову. Умная коровка моей семьи, отвязанная во время наступления немцев, вернулась домой, и, давая жирное молоко, спасла семью: всю войну они и прожили на обрете, овощах с огорода, да еще на яйце-другом, которое бабушке Василисе иногда удавалось спрятать. На четыре двора разрешали в осень оставить одну свинью, а три – сдать. Немцы не стали распускать колхозы, быстро оценив, насколько коллективные хозяйства удобны для изъятия у крестьян продовольствия. В колхозе главным ставился лояльный фашистам староста, и все работали задаром: и взрослые, и дети. Учиться разрешили только четыре класса и то лишь зимой. Женщин с 18 до 30-35 лет, у которых не было детей, сразу отправили в Германию, после войны вернулись единицы, больные и униженные.

Бабушка Василиса с прошлого века берегла одно блюдо тонкого фарфора, доставшееся ей от мамы. Оно было спрятано в рушнике в буфете, и маленькая Варя, из любопытства туда заглянувшая, по неосторожности разбила семейную ценность. Бабушка хотела «отхвостать»

проказницу, но не догнала: Варя убежала из дома и, боясь появиться на пороге, уснула в поле, застудила уши и слух стал стремительно ухудшаться.

Знакомые рассказали матери, что в Кобеляках есть хороший врач. Недолго думая, Василина взяла в узелок еды и повела дочку в город, по пути не объяснив ей ничего, в том числе, что врач – немец. Военный врач лечил немецких военнослужащих, но принимал и местное население, взимая плату в виде натуральных продуктов. Моей бабушке Варе посещение обошлось в 10 яиц, с трудом собранных всем селом. В Кобелякской больнице Василина затолкнула Варю на прием одну, а та на все расспросы немца молчала, как партизан, и как сейчас помнит, думала про себя: «Шиш, чего я тебе скажу, Гитлер проклятый!». Расстроенный врач вышел, сказал матери, что уже поздно, девочка совсем ничего не слышит, и он ничем не может помочь. А Варя, моя бабушка, и сейчас, в 75 лет, обходится без слухового аппарата! Хоть этот опыт общения моей семьи с оккупантами нельзя назвать удачным, но все же из него можно сделать вывод, что между немцами и захваченным населением устанавливались какие-то отношения. Надо было жить дальше, и поэтому и оккупантам, и мирному населению приходилось учиться сосуществовать.

В оккупации прожили два года. Мише учиться не разрешили, так как он уже закончил четыре класса, Варя ходила в школу только зимой (в классах было по 60 человек и 1 учебник на всех), женщины работали днем в колхозе, по вечерам и ночам – на своем участке.

Осенью 1943 года стала наступать Красная Армия. Дом моих родственников был одним из самых западных, за ним были только поля, поэтому за огородами моих предков вдоль всей деревни выстроились немецкие пушки. Вечером, когда советские войска вплотную подошли к деревне, началась стрельба. Два часа семья в диком страхе стояла и смотрела на «огненный салют»: огонь с двух сторон, собаки воют, кошки кричат, люди плачут, трещат полыхающие крыши, то и дело поблизости разрываются снаряды...Бабушка сорок лет видела во сне эти ужасные картины, явственно слышала звук противно свистящих снарядов и взрывов.

Но, сравнивая, она признает, что страшнее было в сорок первом – бомбежки длились неделями, жить в постоянном напряжении и страхе тяжело. В сорок третьем же после двухчасового сопротивления немцы уехали в один миг, задержались только полицаи, поджигавшие дома (на крышу бросались гильзы и факел, сухая солома вспыхивала в мгновение ока). Бабушка Василиса, как и большинство жителей, кинулась бороться с пожаром. Она граблями стаскивала горящую солому с крыши дома, не обращая внимания на увещания родственников не рисковать: полыхающая крыша могла в любой момент обрушиться. Благодаря ее героизму удалось спасти дом, осталась целой даже часть стропил крыши, в то время как у некоторых односельчан дома сгорели дотла.

Село частично уцелело еще потому, что советские войска его щадили и почти не стреляли по жилым постройкам – знали, что там много жителей. Да и немцы в Таранушичах не стали свирепствовать, как в Кобеляках, которые почти сравняли с землей. Город Кобеляки потом восстанавливали долго, тяжело и «всем миром»...

Восстановление хозяйства

Народное хозяйство на освобожденных территориях сразу начинали восстанавливать. В августе 1943 года, после Курской битвы и победного артиллерийского салюта в Москве, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Заново отстраивались города, в деревенские колхозы возвращали МТС и эвакуированный скот.

После ухода немцев жизнь не стала легче, хотя и намного спокойнее. Село нужно было восстанавливать, днем Василина работала в колхозе за трудовни, а свои 80 соток обрабатывала ночью. Дети, конечно, помогали, но, как теперь признается Варвара, желание пошалить было всегда. Чуть только бабушка отворачивалась, на земле выкапывалось несколько лунок и брат с сестрой по очереди пытались попасть в них стареньким мячиком, сшитым из тряпок. Поиграть долго не удавалось: днем дети помогали коллективному хозяйству и учились, а сумерки опускались скоро после возвращения тружеников домой; в темноте, конечно, лунок не было видно.

Можно понять негодование взрослых, замечавших детские игры: бабушка была уже слишком стара, а мама вообще почти не ложилась спать: заканчивалась работа на своем участке с первыми петухами, когда уже нужно было вести скотину на выпас. В страду ей удавалось вздремнуть только при вспашке земли. Василина ставила лошадь на борозду, опиралась на плуг, медленно увлекаемый пашущей лошадью и спала. Достигнув конца участка (а точнее – обрыва), животное топталось на месте, пробуждая от тревожного сна Василину. Тогда она просыпалась, разворачивала лошадку и брела обратно для еще одного короткого сна длиною в поле.

Когда хозяйство было частично восстановлено, Василина получила медаль «За восстановление сельского хозяйства», а остальные члены семьи – благодарности, и письменные, и, в особенности, устные..

Вскоре построили школу, но не в Таранушичах, а в районном центре, в Перегоневке, за 10 километров. Конечно же, никакого транспорта не было и в помине, поэтому брат и сестра вынуждены были каждый день преодолевать это расстояние пешком. Много ли можно в наше время насчитать детей, так стремящихся к знаниям?!

По мнению Вари, единственное, что может сравниться с наступлением и отступлением немцев, это голод послевоенных лет. Она совсем не хочет вспоминать тот год и этому есть причины. Еще в сорок

шестом началось людоедство. Однажды сельские дети, возвращаясь из школы, прибежали еле живые от страха и усталости, в поле за ними гнался мужчина и бегущим мальчишкам приходилось тащить за собой самых младших. С тех пор детей в школу провожали взрослые с заряженным ружьем. Моя семья покинула Украину в начале сорок седьмого, а родственники, что остались, пережили самый страшный голод: сварили и съели все кожаное, выели туалеты, распухали до огромных размеров...

Старенькая Василиса, мать Ивана, стала уже совсем плоха: изработана, согнута — голова почти на коленках, могла только корову доить, остальное в доме по ее указке делали дети: сколько воды принести, что выполоть, что посадить. Женщина, обладавшая огромной силой духа, без мужа поднявшая четырех детей, вынесшая всю тяжесть раскулачивания, коллективизации, войны на своих плечах, теперь сломалась. Василиса умерла в начале 1946, всего полгода не дождавшись освобождения сына.

Василина написала повторное письмо о муже в Москву сразу после окончания войны, но страна была полуразрушена, и письмо шло окольными путями год. Только осенью 1946 выпустили из «БАМЛАГа» Ивана Довбню. Он вышел из ИТЛ всего на год раньше назначенного срока. Но домой мой прадед не вернулся: он боялся снова сесть «за решетку». Думал, что снова станет невинной жертвой? Нет, сам горел желанием стать палачом тому, кто обрек его на девять лет каторги, а именно — секретаря партийной организации Козлова. Еще во время следствия в районе Иван слышал телефонный разговор следователя и в трубке с того конца провода узнал голос Козлова. Следователь угрожал Козлову арестом, если тот не выполнит план по врагам народа, то есть помимо Ивана Довбни и еще одного арестованного жителя Таранушичей, некоего Филиппа, требовался третий. Козлов, по-видимому, зажмурившись, наугад, выбрал среди сельчан людей, которым предстояло стать «врагами народа» ради выполнения плана. В Советском Союзе не только экономика плановой была, но и количество противников строя тоже.

Переселение в Узбекистан

В лагере Иван Андреевич познакомился и сдружился с узбекским инженером-мелиоратором, который позвал его с собой. Иван уехал в Узбекистан, устроился там мелиоратором в Каракумах и позвал семью к себе, не заезжая на Украину, чтобы не поддаваться соблазну мщения.

Моя прабабка Василина боялась ехать к мужу: он девять лет прожил, по сути, в «преступной» среде, да еще отказался ехать домой, к семье, позвал куда-то в чужие края. У него могла появиться и другая семья, и сам он мог перемениться. Но детям, Варе и Мише было 15 и 17 лет, это возраст юношеского максимализма, идеализма... Подростки готовы были бежать к освобожденному отцу хоть на край света, они и уговорили Василину. Так судьба второй раз спасла их от голода.

В начале 1947 году Василина с детьми продала все: дом, скотину, деньги привязала к животу и поехала к мужу, надолго потеряв связь с украинской родней. В товарном вагоне доехала семья до Харькова. Город был разбитый, вокзала нет... Спали на улице. Ночью у матери стащили с головы платок. Пришлось разорвать платок дочери на две косынки. Из пожитков у семьи был старый бидон с поломанной дужкой и кружка. Варвара вспоминает, что у нее самой был теплый пиджак и сапоги 41 размера. С этими огромными сапогами хохма вышла: идет Варя в них по улице, кое-как ноги переставляет, чтобы не упасть, а какая-то женщина сделала ей замечание: «Что ж ты, такая молодая и красивая, — а моей бабушке тогда 15 лет было, — и идешь, как мужик какой! Надо плавно ходить, женственно...». Варя смутилась: неужели не видно, что обувь-то не по ноге!

Дальше ехали на «пятьсот-веселом» (так в народе называли пятисотый товарный поезд, который ох как невесело шел чуть ли не месяц). Садилы в него так: открывали вагон и запускали столько пассажиров, сколько влезало в сидячем положении. На каждой станции объявляли, где туалет, где кипяток. То ли объединенные общей бедой, то ли от понимания, что все равны и каждому тяжело, но люди были солидарнее и добрее друг к другу. Бедность, необходимость постоянного общения из-за тесноты, осознание равенства заставляли людей приспособливаться и терпеть друг друга.

Из Чарджоу на грузовой машине добрались до Ургенча, но только к ночи, пришлось искать ночлег. В гостиницу не пустили, но разрешили переночевать между дверьми. Утром на последние 50 рублей попутный грузовик довез их до поворота на Клычбай. Оттуда до нужного поселения оставалось 7 километров, пришлось идти пешком. По дороге встретили узбечек, которые пекли лепешки на тандыре. Они угостили путников лепешкой на достархане (платке). Василина, не зная местных обычаев, взяла лепешку и, поделив ее на всю семью, съела. Узбечки, пораженные таким невежеством, только качали головами, выражая свое удивление: «И-би-и-и, и-би-и-и!». Ведь по узбекским обычаям, Василине следовало отломить кусочек лепешки и сказать «Рахмет!», то есть «Спасибо!».

Пока дошли, стерли все ноги. Когда отец увидел, что приехала его семья, он выбежал из дома, расцеловал всех, накормил, уложил спать на полу барака, в котором жил. Обстановка была небогатая: одна кровать, печка да лежанка. На следующий день мать дала Варе обед для отца и велела отнести. А единственное яркое воспоминание Вари об отце, это как она во время обыска (когда его арестовывали, десять лет назад) сидела на его руках. Она помнила его тепло, даже запах, ...а вот лица не помнила. Она шла вдоль канала и плакала, потому что не знала, кому дать обед. Но он сам подошел к ней, улыбнулся, обнял...

Это был счастливый год воссоединения семьи. Дети почувствовали отцовское тепло. И только жена замечала, как после лагеря сильно изменился Иван, и не в лучшую сторону. У него не было желания

перемен и веры в будущее. Ему ничего не хотелось и вполне устраивала жизнь на затерянном в песках пятачке.

Директор местной узбекской школы предложил отвезти Варю в Хиву, там у него бывшая однокурсница работала директором педучилища, при котором было общежитие. Нищая, но легкая на подъем и авантюристка в хорошем смысле слова, Варя уехала в Хиву босая, в единственной юбке...

Ученье – свет

В общежитии Варя познакомилась с девушками, с которыми и подружилась все четыре года обучения в училище: с Люсей и Венерой. Но прежде чем начать обучение, она, конечно, в училище поступала. Первый экзамен, математику, она решила без единой математической ошибки и...с множеством ошибок грамматических. Учитель исправил правописание и велел переписать работу. Варя переделала работу и получила пятерку, но она заведомо знала, что следующий экзамен провалит. Это же понимал и учитель математики: «Как же ты русский язык сдавать будешь?». Он же и придумал «хитрый план»: подружка-отличница Венера дала списать Варе диктант и они обе поступили.

Учились они в «русской» группе (остальные были узбекские), хотя русских в ней из 25 человек было всего четверо. Было двое украинцев, четверо корейцев, одна марийка, казашка и много татар (кстати, лучшая подружка моей бабушки Венера была татаркой), но все народности уживались дружно.

Варя по-русски читала хорошо, а вот говорить никак не получалось, сбивалась на родной — украинский. Вызвали ее по географии к доске, она и рассказывает: «Схид, захид, пивдень, пивночь...». Учитель ей сказал: «Раз Вы учитесь в русскоязычной группе, то говорить надо по-русски. Даю Вам месяц, а потом отвечайте только по-русски! А то, если каждый в группе будет говорить на своем языке, то у нас будет Вавилонское столпотворение».

Стипендия была 120 рублей, 60 сразу вычитали за еду (чай по утрам; первое, второе, третье на обед; каша вечером). А по воскресеньям не кормили, но в мире не без добрых людей. Повар Степан велел голодающим подружкам приходить в субботу к ужину на полчаса позже и тогда он отдавал на воскресенье порции тех студентов, которые ушли домой. Еще по воскресеньям часто питались тыквой — воровали с поля за городом.

Но плохое питание не мешало студенткам заниматься физкультурой. Моя бабушка была неплохой бегуньей и даже чемпионкой Хорезмской области по бегу. Отец изредка присылал ей немного денег, но в 1949 году в семье родился третий ребенок, дочка Татьяна, и все внимание семьи переключилось на нее. Варя жила, как могла. Например, все так же ходила босиком. Осенью директриса где-то достала талон и купила Варе туфли, а деньги потом вычла со стипендии. Красивые черные туфли на каблукке,

с хлястиком. Каково же было удивление доброй женщины, когда на следующий день после покупки она увидела Варю снова босой.

— Где туфли?

— Под кроватью. Жалко...

Эта же директриса взяла к себе и выхаживала Варю, когда ее на третьем курсе разбила малярия. Она отпаивала ее хиной. Тогда же брат Миша взял отпуск в армии, приехал, привез рыбы (сомов с Амударьи), купил сестре чехословацкие туфли. Варя выздоровела, но отголоски болезни, не до конца излеченной, сказывались на здоровье еще долго.

Для выдачи диплома в училище отцу пришлось доставать дочери «липовую» справку о семилетнем образовании, хотя на самом деле не было и пяти. И вот, наконец, выпускной вечер. Почти сразу прошел слух, что на работу учителями будут брать только получивших высшее образование, Варя загорелась идеей, но родители честно сказали, что помогать с учебой не смогут.

Варя устроилась в Гурлене работать учительницей начальных классов (вела второй класс) в русской школе. На первую же зарплату купила большую тыкву, потрохов, немного постного масла и сварила суп. Соседка по школьному общежитию, завуч, позвала ее на выходных в кино и когда зашла за ней, Варя с гордостью предложила гостье свой наваристый суп. Та, увидев тыквенную похлебку, сослалась на то, что поела у сестры в ресторане. А Варя же с удовольствием съела обе порции. В понедельник, после рассказа завуча, директор школы предложила Варе полставки библиотекаря. Та с радостью согласилась, но от тыквенной похлебки не отказалась, а за год скопила немного денег и приделалась: купила пальто, плащ, два шерстяных платья, смену нижнего белья.

На следующий год они с подружкой поступили в Ургенче на филологический (единственный русскоязычный) факультет пединститута, но тут же увидели объявление о дополнительном наборе двух человек в Самаркандский университет на биофак. Тогда только после окончания университетов выдавали значки-ромбики, и было престижно носить их на лацканах. Ради этих вот университетских значков Варя с Розой пошли в университет, сдали экзамены на тройки, уволились и 1 сентября приехали в Самарканд, а там...их никто не ждал. Набранная группа была переполнена, кроме того, было несколько вольнослушателей, однако, принимая в расчет их льготы, их оставили учиться, но без стипендии. Учиться было очень интересно. Среди преподавательского состава много было ленинградцев, профессоров и доцентов, оставшихся здесь после войны. Подруге Розе родители немного помогли в тот период, а вот моей бабушке пришлось совсем туго, ведь она рассчитывала только на стипендию. Она продала свое платье, потом плащ, не ела по три дня, искала работу и вскоре устроилась подрабатывать в детский дом.

Занятия в университете шли до 15.40, а к 16.00 Варя уже прибежала на работу. Директриса детдома к ней благоволила, кормила в столовой и только потом отправляла на занятия. Моя бабушка вела кружок «Умелые ручки»: учила детей вышивать, рисовать, шить и вязать.

К счастью, все остальное время учебы девочки стабильно получали стипендию, учились, работали. Каждую осень, во время хлопковой страды, они подкармливались и главное было — пережить зимы. Специализацией обе выбрали ботанику. На втором курсе, в 1954 году моя бабушка познакомилась с красавцем-курсантом, моим дедушкой...

Об этом чуть позже в моем повествовании.

А пока я хочу поменять географию своего рассказа и перенестись на Дальний восток, где другая ветвь моей семьи участвовала в свершении истории молодой Советской Республики.

История семьи Хоменко, рассказанная моим дедом

В самом конце 20-х годов в г.Никольск-Уссурийске Дальневосточного края встретились мои прародители — Василий Силантьевич Хоменко и Елена Дмитриевна Вишневская. Мой прадед работал в Никольске пограничником, а моя прабабушка — партработником. Оба были в лояльных отношениях с советской властью и пытались проводить в жизнь линию партии и правительства.

Елена Вишневская. Дочь революционера

Елена Дмитриевна была дочерью профессионального революционера Дмитрия Шепотько, взявшего, как и многие революционеры, псевдоним Вишневский. Он занимался революционной деятельностью в Западной Украине, Белоруссии и Польше. Его первая жена пани Елизавета была дочерью состоятельного поляка. Вопреки воле отца Елизавета вышла замуж за Дмитрия и в 1908 году родила ему дочь Елену (мою прабабку), а когда ребенку было восемь месяцев, умерла. Ненавидимый тестем и преследуемый «охранкой» Дмитрий уехал, вел революционную работу, и к 1917 году оказался на Дальнем востоке. На станции Бочкарево Амурской железной дороги, что близ Благовещенска, Дмитрий Вишневский появился с новой женой, мачехой Елены, которая совсем скоро родила сына, Константина.

Мало что известно о жизни семьи в то время, в большей степени потому, что Елена была слишком мала и запоминала только захватывающие события. На протяжении 1921-1922гг. власть на Дальнем Востоке все время переходила из рук в руки. Это время и запомнила моя прабабушка.

Каждое утро, проснувшись, жители ст.Бочкарево первым делом выходили на улицу и смотрели, какой флаг развевается над станцией. Если власть переходила к белым или японцам, мой прапрадед Дмитрий уходил из села и прятался. Однажды, когда японцы вошли в село, он не успел

уйти. Полагаясь на удачу, он сунул свой пистолет в пальто сыну Косте, которому тогда было примерно шесть лет, в надежде, что у ребенка пистолет искать не будут, ведь японцы штыками проверяли все: переворачивали тюфяки и матрасы, вещи и одежду в поисках оружия. Но чего можно ожидать от дитя? Когда в дом вошли японцы, Костя громко похвастался: «А я никому не скажу, что у меня пистолет в кармане!». Один японец, услышавший это, штыком поддел с мальчика пальто и ... перекинул его в кучу уже проверенных вещей. До конца жизни прабабушка гадала, спас ли иностранец таким образом семью или он не понимал русского языка и, уверенный, что оружия у Кости нет, поленился проверить.

Если Дмитрий действительно был значительной фигурой среди революционеров Дальнего Востока, то почему на мой запрос в центральный архив Амурской области был получен ответ об отсутствии любых данных о нем? Видимо, для него революция была главным делом жизни, а он для революции, как миллионы других – пушечным мясом. Как бы то ни было, под влиянием отца и школы у детей складывалось вполне большевистское мировоззрение, они росли активными строителями коммунизма.

В 1924 году Елена окончила сельскую шестилетнюю школу и поступила работать учеником счетовода в кредитное товарищество, и сразу же вступила в комсомол. В 1925 г. райком комсомола направил активистку Елену в Благовещенск в годичную партийную школу. Очень общительная и деятельная, она успевала всюду. В 1928 г. при админотделе были созданы иностранные столы, райком опять направил ее на курсы в Благовещенск, по окончании которых она работала на выдаче паспортов китайским гражданам, участвовала в обысках по изъятию опиума. Эти сведения я почерпнула из регистрационного бланка члена КПСС, заполненного прабабушкой собственноручно. Так как заполнялся он до войны, и все сведения подвергались проверке, можно считать эту информацию достоверной.

Прабабушка рассказывала, что в 1929 г. приезжал Семен Буденный и обедал у них в доме, что совпадает с биографическими данными Буденного, который действительно зимой 1929 года был с инспекцией на Дальнем востоке.

Это был последний год, проведенный Еленой в отчем доме. Ввиду активной партийной деятельности, в 1930г. она была назначена председателем комиссии по чистке советского аппарата. К сожалению, мне было отказано в выдаче полной биографической справки, у меня есть лишь начало рассказа о чистке: «Работа проводилась большая, о каждом собирали...» материал, по-видимому. Об этой деятельности Елена не распространялась позже, наверное, боялась быть непонятой. Она была человеком незлобивым, по отзывам родственников «ни разу дурного слова ни про кого не сказала», но в первые годы советской власти, подчиняясь общему порыву, в эйфории построения бесклассового общества, многое делала с энтузиазмом. А как позже объяснить внукам,

выросшим на настроении XX съезда КПСС, что их «милая бабушка» в молодости на кого-то собирала компромат и участвовала в чистках, осужденных позже самими же коммунистами?

Как ярая комсомолка, моя прабабка ходила в красной косынке, проводила ликбез, участвовала в хлебных тройках, ездила вместе с другими партработниками на подводах по селам и собирала хлеб (сразу вспоминаю, как на другом конце страны кто-то в красной косынке так же забирал хлеб у ее будущих родственников, семьи Довбня). Однажды, в 1930 г., во время такого сбора хлеба нужно было из Никольска лететь на острова на реке Амур. Самолетик был фанерный, маленький и дребезжащий. Не трусиха, но благоразумная, моя прабабушка отказалась лететь на нем. Не зная, что делать, она гуляла по незнакомому городу. В парке на скамейке увидела плачущую девушку. У девушки посадили в тюрьму отца и не разрешают с ним встретиться. Легкая на подъем и борец за справедливость, моя прабабушка уговорила девушку снова пойти в тюрьму. Справедливость восторжествовала, свидание разрешили, а спасенная девушка была бесконечно благодарна моей прабабушке за поддержку и помощь. Но настал вечер, и девушки задумались о ночлеге. За одним из заборов палисадника сидели старик и старушка. Девушки поинтересовались, кто из соседей сдает комнаты, и старики сами взяли их на постой. Так моя прабабушка поселилась в г.Никольске.

Деятельная Елена устроилась работать инспектором снабжения Райснаба и вскоре, по служебным делам приехав на заставу, познакомилась с будущим мужем, пограничником Василием Хоменко, моим прадедом.

Василий Хоменко. Пограничник

Мой прадед Хоменко Василий Силантьевич родился в 1906 году в семье крестьян Арины и Силы Хоменко. И правильное отчество от Силы – Силыч. Но во всех документах дети его записаны Силантьевичами. Известно, что Василий был первым из восьми детей в семье. Родом эта семья была из хутора Вороны Полтавской области, но жили они около Красноярска близ районного села Большая Мурта в деревне Черная. Почему и когда переселились украинцы в Сибирь? Точно неизвестно, но в семье хорошо помнят о Столыпинской аграрной реформе, поэтому смею предположить, что именно во время реформы крестьянского надельного землевладения в России (проходившей с 1906 по 1917 гг.) мои родственники и были переселены туда.

А вот что рассказывают они о проведении реформы: «Прежде чем переселить, строили новый дом для крестьян. Обычно были дома на двух хозяев: у каждого свои сени и комната, общая стенка-перегородка между комнатами. Приехавшим давали корову, если не было своей, и небольшой участок земли под обработку. Потом в новой деревне организовывали колхоз, где работали все переселенные крестьяне».

Вспоминают, что у нашей семьи тоже поначалу был маленький столыпинский домик, а потом уже, когда семья разрослась, сами построили большой дом.

Сведения о моем прадеде имеются только со времени встречи с прабабушкой. Именно ее воспоминания дают представление о моем прадеде как о человеке, муже и отце. Василий Силыч был пограничником. Неизвестно, какое у него было звание и какую должность он занимал в Никольске, (ответов на запросы в Подольский и Пушкинский архивы я еще не получила) сын предполагает, что либо начальник погранзаставы, либо заместитель начальника погранзаставы. Подтверждают эту гипотезу и обстоятельства, в которых он женился на моей прабабушке.

У нее уже был жених – рыжий Андрей, родом из-под Новосибирска. Незадолго до переезда в Никольск моя прабабушка ответила согласием на его предложение выйти замуж и собиралась ехать на собственную свадьбу. Андрей уехал раньше, чтобы подготовиться к торжеству. Но мой прадедуська, который уже успел влюбиться в мою прабабушку Люсю, как он называл ее, не мог допустить свадьбы. Когда она уже уезжала, Василий (который обычно не ходил с таможенниками по поездом) пошел по вагонам проверять документы пассажиров, сказал, что документы Елены не в порядке, забрал их, и той пришлось сойти с поезда. Она три дня подряд приходила к моему прадеду на прием, и все три дня он оказывался занят и не принимал. Наконец, на четвертый день он впустил ее в кабинет, сияющий, в новом, «с иголочки», мундире и торжественно сделал ей предложение руки и сердца. Оказывается, три дня он ждал, пока портной закончит шить его новую форму!

Но прежний жених не собирался жить с таким позором: его родители, готовясь к свадьбе, зарезали свиней, кур, назвали гостей, а невесту тем временем «увели». Андрей приехал в Никольск и с возмущением пришел на погранзаставу. В высоком кабинете он начал жаловаться на поведение подчиненных. А Василий, принявший его, спокойно и честно признался, что этот он вор — он. Так и остался Андрей ни с чем.

Из этого эпизода видно, что у моего прадеда была достаточно высокая должность на погранзаставе: у него хватало полномочий и незаконно снять пассажира с поезда, и решать в рабочем порядке все конфликтные ситуации на заставе.

Дальний восток. Начало семьи

Василий и Елена поженились. Прабабушка была большой шутницей. Она рассказывала, как подшутила над «свежеиспеченным» супругом на выходе из ЗАГСа: «Поздравляю тебя, Василий Вишневский, ты сам только что подписался под согласием взять мою фамилию». Она долго смеялась, вспоминая, с какой скоростью он побежал обратно для проверки документов. Видимо, в представлении Василия было бы позором взять фамилию жены. В 1931 году в том же Никольск-Уссурийске у них родился первенец — сын Виктор, мой дедушка. Елена была секретарем хлебной

тройки в отделе хлебозаготовок райисполкома, Василий продолжал работать на погранзаставе. Он ловил перебежчиков, в большинстве своем китайцев-браконьеров. Работа была ответственной, случаев пересечения границы гражданами Китая было очень много. Обычно они бежали от пограничников, но однажды попался очень крупный для китайца нарушитель, он не побежал, а стал драться и так ударил моего прадеда, что тот отлетел метра на три. Единственное, что его тогда спасло, что он не выпустил из рук винтовку, падал кубарем, но с оружием в руках. Он рассказывал: при преследовании по русской территории китайцы всегда бежали до границы, а как только пересекали нейтральную полосу, поворачивались лицом к пограничникам, и, зная, что те уже не посмеют их тронуть, смеялись и строили гримасы — дразнились. Впрочем, русские тоже дразнили китайцев на своей территории. Сколько взрослые не ругались, а русская малышня все равно, заведя на улице китайца, так и норовила покричать «Ходя, соли надо?». Ходя — это неуважительное прозвище китайца. Дразнилка уходит корнями еще в те времена, когда в Китае соли почти не было, ее привозили только торговцы из чужих стран и продавали за космические деньги. К XX веку дразнилка почти утратила актуальность, но все равно китайцы на нее бурно реагировали: раздражались и бегали за дразнящими.

Бывало, при осмотрах на таможене женщины требовали, чтобы их досматривала женщина, и тогда Василий вызывал жену. Объяснял ей, где обычно «везут» контрабанду — золото и опиум. В основном дамы пытались провезти контрабандное золото в нижнем белье и даже в своем теле. Муж подробно инструктировал о всех хитростях контрабандистов и об интимных женских «тайниках». Зная, что ей неприятно обыскивать людей, он очень редко просил о помощи в таком деле. Внучкам она рассказывала, как работала в разных женских организациях, а у одной из них при сокращении (что было в те годы модно) по начальным буквам явно читалось: «Ж.О.П.А.», над этой вывеской потешался весь город, пока аббревиатуру не заменили на «О.Ж.Е.П.». Что это сокращение значит, непонятно: «Женская Организация ...». Если учесть, что прабабушка работала в Райснабе, можно предположить, что «П.» означает «Продовольствие» или «Продуктовый». «А.» может означать «Амур» или однокоренное слово, а вот что значит «Е.», не предполагаю. В общем, с юмором тогда все было в порядке. Никого не посадили за такую вывеску, расстрельное время еще не пришло.

В 1933 году Василия переводят на заставу в село Тауйское в Якутской АССР близ Магадана. Там в 1934г. и родился второй сын, Станислав. В Тауйском Елена управляла делами Тауйского Сельхозкомбината и растила детей. Старший, Виктор, мой дед, вспоминает, (видимо, не свои воспоминания, а не раз пересказанные взрослыми, так как самому было 4 года) как однажды во время тихоокеанского шторма «спасал имущество» погранзаставы. Он увидел, как непривязанную к причалу пустую лодку уносит бурной водой, и бросился спасать советскую

собственность, прыгнув в лодку. Лодка с четырехлетним мальчиком на борту не остановилась в своем «побеге», но отчаянный крик малыша привлек внимание взрослых. Спасли и Витю, и имущество, которое он пытался сберечь из своих ранних, но глубоко патриотических чувств.

Красноярск. Становление семьи

В 1935 году семья переехала в Красноярск, ближе к родне. К этому времени в речном порту города уже работал брат Василия, Дмитрий. Второй брат Алексей жил с семьей в Большой Мурте и был председателем колхоза. Остальные еще жили в д.Черная. Переехавшая семья первое время жила в двухэтажных бараках, стоявших на том месте, где сейчас располагается Красноярская тюрьма, потом снимали квартиру в старом районе Красноярска «Ладейка» и одновременно строили свой дом на улице Советской, в районе, называемом в народе «поселок «1 Мая». Казалось бы, семье, лояльной советской власти, ничего не может угрожать, но...

В 1937 году на грамотного и умного Дмитрия, работавшего в речном порту, донес завистник, и его арестовали, отправили в Норильск в ИТЛ. Следом арестовали Алексея, председателя колхоза. Дмитрий пропал без вести, а Алексей бежал с этапа и много лет жил у какой-то женщины в северной деревне, не давая о себе знать. Уже в конце 60-х, после «оттепели», он приезжал в Красноярск к вдове Василия и рассказал о себе. А тогда, в 1937 мой прадед Василий, боясь, что следом за братьями придет и его черед, как родственника врагов народа, уволился из НКВД и устроился на в совхоз пригородного хозяйства завода Красмаш (Красноярский машиностроительный завод).

К 1937 году достроили дом в поселке «1 Мая» и переехав туда, прадед Василий посадил два тополя возле новостройки. Скоро родился третий сын Гена. С соседями по поселку жили дружно, все праздники отмечали вместе, то в одном дворе, то в другом. Только одного человека ненавидел весь поселок. Это был Гурей, который донес на Дмитрия Хоменко, брата моего прадеда. Он был родом с Большой Мурты и по его доносам посадили еще многих земляков, все это знали и презирали его. Василий как мог помогал семьям пропавших братьев, двоих детей устроил в ФЗУ, поочередно три племянницы жили у него, учась в техникуме. Дом его был хлебосолен для всех, и не было такого времени, когда бы кто-то из его родни не жил у него в доме.

С 1937 года Василий работал начальником участка «Конный двор» при заводе – это вроде современного транспортного цеха. Ведь автомобилей в городе не было совсем, и все перевозки грузов выполняли лошади. Прабабушка рассказывала, что у директора завода «Красмаш» было два элитных красавца-жеребца, и мой прадед, ответственный за этих рысаков, никому их не доверял, всегда сам на них возил директора.

В свободное время он объездил на лошадях все окрестности правобережного Красноярска: от Кузнецовского плато до Куйсумского хребта, ведь город опоясывают красивейшие отроги Восточных Саян, от созерцания которых захватывает дух. Сын помнит, что отец сдружился с переселенцем из Эстонии Тапо, жившем на горе в районе реки Базаихи, и они частенько вместе ездили на лошадях по горам.

Первые же автомашины в городе появились только вместе с эвакуацией завода «Красный профинтерн» из Бежец в 1941 году, здесь завод называли «Сибтяжмаш», то есть «Сибирский Завод Тяжелого Машиностроения». Эти машины — 5 пятитонок с деревянным кузовом — возили с кирпичного завода кирпичи для строительства «Сибтяжмаша». Дед вспоминает (ему тогда было десять лет) как зимой они с ровесниками-сорванцами цеплялись железным крюком сзади за грузовик и катались «паровозиком» по 5-6 человек — дети есть дети. Еще он помнит, что малолетние мальчишки не были такими уж «замороженными патриотами», чтобы день и ночь думать: «Все для фронта, все для победы»! Его воспоминания расходятся с книжным официозом. При всей неприятности этих воспоминаний — из песни слов не выкинешь. А было так: мальчишки лазили по стоящим в чистом поле у железной дороги станкам только что эвакуированных заводов и раскручивали на них болтики-винтики. Понимание цены этих забав придет позже, с возрастом, но мне интересно, как же охраняли сгруженное оборудование (во время войны!!!), если мальчишки свободно лазили там? Если бы это был один случай, навряд ли бы он остался в памяти ребенка.

В учебниках истории я читаю о самоотверженном труде рабочих, возводивших заводы в Сибири и на Урале в кратчайшие сроки. Если учесть, что большинство мужчин ушло на фронт, то, получается, что в рекордные сроки необученные женщины и подростки совершили чудо. А вот по воспоминаниям мальчишек военного времени создается ощущение, что все строилось руками заключенных. Объяснимо, ведь мальчишки не видели круглосуточную работу в цехах, зато они ежедневно видели бегущий в любую погоду под конвоем строй заключенных. Всю нынешнюю территорию речного порта занимали лагерные казармы. Ежедневно мимо поселка «1 Мая» зеков гнали на строительство цементного завода. Он построен в 1943 году руками, лебедками, без всяких машин и механизации. С помощью заключенных же возводили и цеха «Сибтяжмаша» и других заводов.

Перед войной, в 1940 году Елена родила четвертого ребенка, дочку Алю, и Василий посадил около дома еще два тополя, чтобы теперь их было четыре, по числу детей. С первых дней войны мой прадед просился на фронт, но его не брали, говорили, что он нужен в тылу для организации работ по возведению завода. Его брата Павла же призвали, он был рядовым, командиром стрелкового отделения, погиб в бою 12 сентября 1943 года, похоронен в с. Шевченко Донецкой области (согласно краевой книге Памяти).

В 1941 году, на подъеме патриотической волны моя прабабушка Елена вступила в партию (партбилет №00936120) и была отозвана в распоряжение райкома ВКП(б). Оба работали в то время с утра до ночи, приглядывать за детьми и вести дом помогала молодая женщина Дуся, ленинградка из блокадников, которых тогда расселяли по всем домам.

В 1943 году Василия Хоменко наконец призвали на фронт. Перед его отъездом прабабушка подстриглась в парикмахерской и супруги вместе сфотографировались. Она дала ему обет не стричься вплоть до его возвращения.

1943. Письма с фронта

Он уехал вместе со своим другом Дмитрием Сергеевичем Пастуховым (с которым и работал, и жил рядом). Мой прадед служил гвардии младшим лейтенантом, командовал отделением «Катюш». Отделение все время перебрасывали с места на место, поэтому прадед не получил ни одного письма из дома, хотя сам писал и с дороги, и с фронта. В семье сохранилось четыре его письма, письмо от друга моего прадеда Василия, И.А.Шкарпитного, и ответ командира части на запрос (слова, написанные неразборчиво, заменены многоточиями).

Письмо №1 от 30 мая 1943г.

С добрым вечером. Почему с вечером... что только читаешь ... приходишь с работы. Я пока жив и здоров. Жизнь вообще ... с нашей жизнью далеко не родня, конечно ... в смысле меня. А вообще прибуду не раньше как 10-12 июня, вот и все новости. Привет от Дмитрия Семеновича {Пастухова}. Целую озорницу Алочку, Гену, Славику и хозяина Витю. Думаю, что он самый большой и послушный.

Продолжаю для тебя, Люсенок. Уменя к тебе один небольшой наказ. ... Особенно не надейся, что ...кривая вывезет. А лучше и самое главное, обрати свое внимание на себя ... как жить лучше. Кушай, питайся сама в Если ты будешь здорова, то будут здоровы и пацаны. Если ты зачахнешь, то и сыновья умрут. Вот на это обрати внимание.

Пока все. Привет всем. Целую всех.

30-5-43 г.

Он еще в дороге, еще свежо в памяти ощущение дома, что жена приходит домой только вечером, тогда и будет читать его письмо. Он как бы мысленно сам прокручивает картинку событий, как она читает письмо, как слушают дети. И потому предупреждает, что продолжение письма только для нее. Видимо, в разлуке он острее почувствовал возможность потерь, много думал, может, уже и видел сирот по вокзалам, поэтому наказывает ей беречь в первую очередь себя. Наверняка, уходя на фронт, просил беречь детей. И теперь он делится с ней своими думами, как бы она не заботилась о детях, а если отдаст им последний кусок и умрет, то и сыновья не выживут. Эту мысль он выражает ей спокойно, без патетики, и от этого свидетельства

жестокой повседневности того времени сильнее чувствуется весь ужас беды, обрушившейся на нашу страну и коснувшейся каждой семьи.

Письмо №2 от 13 июля 1943г.

Добрый день, Люсенок! Письма я с дороги писал очень часто, конечно, от вас получать я не мог, потому что не было адреса. С адресом пишу только второе письмо. На место прибыл не так давно. Деньги я еще не получал. Аттестат высылаю. Живу пока ничего, хотя радостного в моей жизни пока ничего не происходит. Новостей у меня никаких нет. Где нахожусь, ты должна знать, вот письмо получила. Пишите письма чаще. Витя! Ты сейчас пока на отдыхе, то старайся научить Славику за лето читать, показывай ему буквы, а Славику надо стараться научиться хорошо читать и писать, а то он не сможет сам мне написать письмо. Я думаю, что ты, Витя, ему поможешь. Пиши, Витя, письма чаще, как можешь, так и пиши. Слушайся маму. Поменьше деритесь между собой. Живите дружно. Вот пока все. Целую Витю, Алю, Славику, Гену.

Мой адрес старый: полевая почта 31788Э. Но пока письма Больше по этому адресу не пишите, т.к. на днях будет адрес другой.

Целую Люсю. Вася. Привет всем в Красноярске.

13-VII-43г.

Он уже начал тосковать. Хочется вестей от семьи. Понимает, что не могли еще писать, не было адреса, путается, прося писать и в то же время пока не писать, т.к. ожидает нового адреса. В своем желании вестей обращается к сыну, потом просит его научить писать брата, в надежде, что у младших больше времени для написания писем. И сквозь все письмо опять чувствуется его боль и тоска по семье. Читая, я понимаю, что мой прадед, которого я никогда не видела, дорог и близок мне. Я ощущаю происходившее, и мне становится тяжело и обидно, как будто это я не получила писем из дома. А ведь отчасти это правда — прадед и я связаны кровно и являемся частью друг друга.

Письмо №3 от 27 июля 1943г.

Добрый день, маленький шалунчик Гена. Поздравляю тебя с днем рождения, тебе 12 августа исполнилось 6 лет, а ты все такой же шалунчик, как и был. Ну, что же, Гена, расти большой, слушайся маму, Витю, Дусю и т.д., будь умным мальчиком, играй, бегай, только поменьше дерись с мальчиками, такими как ты. Судовольствием бы тебе к твоему дню рождения прислал яблочко, но посылки не принимают, а поэтому в день твоего рождения я вместо тебя буду кушать яблочки и вспоминать тебя, тебе высылаю денег 300 руб. Пусть мама тебе что-либо купит. И так, расти, расти, расти большой, умный и хороший. Целую тебя. Твой папа.

Витя и Славик, поменьше обижайте Гену, он все же меньше вас. Надо кое где делать ему уважение, как это делают хорошие братишки, чтоб он плохому не учился, так как вы у мамы первые помощники. Любимая дочурочка Аля, наверное, больше всех обижает Гену, но, Гена, не обижайся,

это потому, что она меньше. На этом заканчиваю писать. Целую Витю, Славика, Алю, Люсю. Привет всем. Витя, пиши письма.

Ваш папа.

27-VII-43 г.

Через 10 дней после прошлого письма он поздравляет сына с днем рождения, выражая только одно сожаление, что не принимают посылки. У него в конце июля полно яблок, а сыну в Сибирь нельзя отправить. В остальном письмо вполне ровное и спокойное, он только недавно сообщил новый адрес и, ожидая письма, представляет своих домашних, воображает, как резвятся дети, дает шуточные наставления.

Письмо №4 от 19 октября 1943г.

19-10-43 г.

Здравствуй, Люсенок, Виктор, Славик, Гена и любимая дочурка Алочка. Я пока здоров. Но плохо одно, что моя дочурка еще очень маленькая, если бы она была большая и хотя немного могла писать, она бы меня не забыла бы, хотя немного, но писала бы. Вы же все грамотные, а писем совсем не пишете и довольно обидно получается. Все получают письма, а я как будто сирота, никакого письма от семьи. Правда, вы дальше других находитесь. Люсенок, я еще ни одного письма от тебя не получил, а также от Вити.

Убедительно прошу сообщить хотя бы одним письмом сколько ты получила от меня денег и получила ли аттестат на 650 руб. Денег перевел, кроме аттестата 3600 раньше и не знаю, в воздух перевозили ты получила. Повтори. Сообщи, как здоровье твое, доченьки и сыновей. Мне все же хочется знать. Я находился не так далеко от своей родины. Сейчас, наверное, буду там, где находился раньше Бобриков. Был там, где работал Ро.....ч, весь край прошел пешком, но тот край мне не понравился, моя родина красивее выглядит, несмотря что войны было больше там. На этом писать заканчиваю, еще одна просьба, сообщи мне адрес Пастухова Д.С. Я с ним расстался только в августе месяце, он оставался в тылу на Привет всем, целую Люсю, всех сыновей, Алю.

Адрес мой: полевая почта 35686-Н Хоменко Василию Силантьевичу.

Жду ответа

Уже полгода, как он призван, и ни одного письма. Ему обидно, ему кажется, что они просто не пишут ему. Он уже упрекает: «Вы же все грамотные». В отчаянии обращается уже и к самой маленькой дочке, Але, которая даже не умеет писать – так хочется получить пару строк! Его отчаяние почти осязаемо, явственно чувствуется боль человека, забытого теми, за кого он каждый день готов отдать жизнь... Его горе, волной окатывающее меня, подталкивает осудить беспамятную семью. Но на самом деле семья писала, и много, и часто, но письма не доходили – так работала полевая почта, все время не поспевая за передислокацией военной части прадеда. И каково же было воевать солдатам, если они

«как будто сирота, никакого письма от семьи»? А как переживали родные, узнавая из его писем, что связь односторонняя! Сейчас читать и думать об этом тяжело. А каково было тогда этим жить?

И вот письма с фронта прекратились. Началась тревожная неизвестность. В январе семья получает похоронку, но не хочет верить, ведь столько много рассказов об ошибках. Вдруг он просто ранен, отправлен в госпиталь, и в военкомате напутали? Они пишут письмо командиру части, а в марте получают страшный ответ.

Письмо от командира войсковой части Орлова от 24 февраля 1944г.

На Ваше письмо Войсковая часть №35733 сообщает, что Ваш отец гв.мл.лейтенант Хоменко Василий Силантьевич 28 ноября 1943 года в 11 часов был тяжело ранен в грудь и живот отчего скончался 29 ноября 1943 года в 23.40 часов.

*/Командир войсковой части Орлов/
24 февраля 1944 года.*

В книге памяти я нашла, что мой прадед похоронен в д.Шумейки, Светлогорский район Гомельской области, Белоруссия. В похоронке же дан старый адрес военных лет: БССР, Полесская область, Парический район, д. Шутейка (недалеко от г. Коростень).

Когда-нибудь я обязательно там побываю, найду это место, как бы оно не называлось и возложу цветы.

Прабабушка была верна обету, данному мужу и никогда больше не стриглась. Даже когда стала совсем старенькой и длинные, жидкие волосы очень мешали. После войны к ней приезжал в гости ленинградец Андрей с рыжими волосами – тот самый брошенный жених Андрей. Он снова звал Елену замуж, но, верная мужу, моя прабабушка, конечно, не согласилась. Четыре тополя, посаженные мужем вдоль дома, олицетворяли для нее детей. Ухаживая за ними, она верила: пока они стоят, и дети живы.

Кроме прадедовских писем, в доме хранится и письмо его фронтового друга:

Письмо от друга, И.А.Шкарпитного от 6 июля 1943г.

Здравствуйте, Елена (к великому сожалению, забыл Ваше отчество, кажется, Дмитриевна). Передаю пламенный фронтовой привет. Ставлю вас в известность, что настоящие строки пишу по просьбе вашего мужа Василия, с которым я вместе три месяца делил и горе и радость, и хлеб и соль. Скажу откровенно – хорош Ваш Вася. Недавно проводил его в бой за Украину. Прощаясь, мы поклялись беспощадно бить фашистов, освободить родные города и села, быть друзьями. Сегодня иду в бой. Предстоит жаркое сражение, случайно встретил Пастухова Д.С., долго беседовал с ним и вот решил написать Вам несколько слов, т.к. адреса Васи я еще не знаю. Если будете писать ему, сообщите ему об этом. Я постараюсь держать связь с В., как только узнаю его адрес. Желаю Вам здоровья, успехов в работе и передаю привет от Пастухова.

Приветствую ваших детей. С уважением к вам И.А. Шкарпитный, ст. лейтенант, 1920 г.р.

06.7.43 г.

Ст. лейтенант Иван Шкарпитный приезжал к прабабушке после войны. Они с прадедом поклялись, что тот, кто выживет, найдет семью друга и, если будет надо, поможет ей. Он рассказал жене о том, как воевал ее муж, и предложил помощь. Но Елена Дмитриевна уже работала председателем районного отдела социального обеспечения, получала зарплату и деньги по аттестату мужа, поэтому от помощи Шкарпитного отказалась.

А жизнь продолжается.

Елена Дмитриевна продолжала работать в районном отделе соцобеспечения, первой обязанностью которого в те годы была помощь бывшим фронтовикам, инвалидам, сиротам. В 1944 с фронта возвращались только инвалиды, люди, искалеченные не только физически, но и с расшатанной нервной системой, с фронтовым опытом, не терпящим никакой волокиты и собирания «бумажек». Вся неудовлетворенность жизнью, весь негатив выплескивался на работников соцобеспечения. Худенькая вдова с четырьмя детьми на руках ежедневно выслушивала упреки «тыловой крысе, разжиревшейся на наших харчах». От особо воинственных, не раз пытавшихся костылями перебить работников отдела, пришлось перегораживать кабинет железной решеткой с окошком.

Жизнь шла своим чередом, дети росли, старший сын Виктор, мой дед, учился на радиста в военизированном авиаотряде. На острове Татышев на Енисее размещался 14-ый учебно-тренировочный отряд гражданского воздушного флота. Летали на водных самолетах «Каталина», стоявших на лыжах или поплавках. В 1951 году, в армии он становится курсантом команды 8-го отдела штаба округа в Новосибирске, городе, в котором раскрылись «актерские данные» деда. Как-то раз помощник режиссера оперного театра, выскочивший на улицу, попросил сидевших около театра курсантов о срочной помощи: по ходу действия спектакля надо было пройти по авансцене. Молча. Ребята помогли. Теперь полвека никто не может возразить на заявление деда: «Я выступал в Новосибирском оперном театре». Истинная правда.

Для прохождения практики по назначению он уехал в г. Самарканд, где и познакомился со студенткой Узбекского Государственного Университета им. А.Навои, Варварой Довбня. Ровно через 20 лет Варя привезет в Самарканд своих дочерей и покажет им в студенческом дворе университета «огромный» дуб, (который окажется и не таким уж огромным), под которым их отец признался ей в любви.

Здесь переплетаются две тонкие нити двух семей, таких похожих и непохожих, становясь единой историей.

История семьи Хоменко. Современность

Самарканд, 1954г. Начало семьи

Они встретились на первомайском вечере в гостях у заведующей детским домом, мои будущие дед и бабушка. Он влюбился сразу после полученной пощечины вместо неполученного поцелуя. Все фотографии с изображением курсанта-франта пестрят ласковым ее прозвищем «моя смуглянка». К концу года, получив звание младшего лейтенанта, он демобилизовался и в Самарканд полетели письма. Он писал ежедневно. Бабушка хранила эти стопки писем несколько лет, пока наводнение не испортило их. И теперь только благодаря манере тех лет подписывать посылаемые фотографии, я могу оценить чувства, некогда владевшие моим дедом, потому что уже давно из «любимой смуглянки» она превратилась в «Варю» и только иногда, по особому настроению, в «Варварушку». Раньше, перебирая старые фотографии, я замечала лишь, как точно они передают дух времени, а сейчас задумалась о том, что надписи несут в себе не меньше информации. У меня множество современных фотографий, но разве хоть по одной можно судить о настроении и чувстве человека, пославшего это фото мне? Таковы издержки технического прогресса.

Следующим летом Варя проходила практику в Красноярске. Студенты биофака сами выбирали, с какого уголка страны они привезут и опишут гербарий. Варя поехала на «смотрины». Решившая подшутить над будущей родней, еще в поезде заплела 40 косичек, и, надев тибетейку и национальное узбекское платье, привела сибиряков в шок.

Красноярск. Семейная жизнь

Свадьбу в 1956 году справляли всем поселком. У них родились две дочери, Ольга и Елена, моя мама. Виктор, получив звание младшего лейтенанта, попал под крупное сокращение армии и, закончив курсы крановщиков, до 75 лет проработал строителем, принимая участие в монтаже сложнейших производственных и культурно-бытовых сооружений в крае. Конечно, в соответствии со временем, его ударный труд был отмечен и наградами, и званиями, и депутатством. Варя, за неимением свободной ставки биолога, пошла временно работать учителем начальных классов, да так ею и осталась на всю жизнь. Воспитание детей было ее призванием. Она почти сроднялась с каждым своим выпуском. Не только старалась учить их индивидуально, по ночам готовя карточки для каждого, чтобы и отличнику было интересно на уроке, и троечнику, но и шила многим сама костюмы, ходила с ними в походы, водила вместо родителей на различные кружки, к заболевшим детям обязательно ходила на дополнительные занятия. Она помнила каждый выпуск, и через тридцать лет, встречая бывшего ребенка или его родителей, точно помнила его имя, увлечения, успехи и беды. Ей довелось учить детей разных национальностей, но однажды, когда

она в списке первоклассников обнаружила фамилию Миллер, она запаниковала. Боялась, что не сможет к немцу относиться так же, как к остальным. «Проклятый Гитлер» и свист летящих бомб во снах до сих пор сидел в ней с детства. Но опасения были напрасны. Она полюбила мальчишку всей душой, он был ее любимым учеником. На рубеже веков, по приглашению Владимира Миллера, каждый день которого расписан зарубежными гастролями на годы вперед, она придет, опираясь на палочку, в малый концертный зал филармонии послушать его великолепный бас.

В 1966 году семья «получила» двухкомнатную квартиру в «хрущевке» и уехала из отчего дома, в котором и без них было много обитателей, выросших и обзаведшихся семьями. Мне рассказывали, что это событие было сродни чуду, как они буквально летали от счастья по пустой квартире с двумя кроватями и одним буфетом и не могли поверить в это счастье. Стали обживать. В очереди на холодильник простояли 1,5 года, каждую неделю отмечаясь на перекличке, рисуя новый номер очереди на запястье наслонявленным химическим карандашом. Телевизор, стиральная машина, швейная – все эти товары не покупали, а «доставали», отмечаясь в очередях или по знакомству. Хорошо, что у деда золотые руки и деревянную мебель он сооружал сам. Жили небогато. Подспорьем, как и у основной массы населения страны, был дачный участок в 6 соток. Овощи, ягоды, ранетки и яблоки были со своего сада.

Варя всегда хотела своим девочкам дать то, о чем сама несбыточно мечтала. Обе учились музыке. В 1967 году, в год 350-летия немецкой фирмы «Рениш», в тот год, когда пианино черного цвета «Енисей» стоило 200 рублей, Варя взяла в кредит на 3 года!!! маленькое коричневое с выгнутыми ножками и крышкой чудо, под названием «Рениш» за 1200 рублей.

Дети проучились не намного дольше, чем она выплачивала кредит. Как много все-таки зависит от учителя – «зажжет» ученика он или нет. Мою маму взяли по конкурсу, как одаренного ребенка, в бесплатную музыкальную школу при училище искусств. Три года они с молодым преподавателем занимались душа в душу, обгоняя программу. А потом та уехала в консерваторию. Любимым методом нового учителя было битье линейкой по пальцам. Поплакав с месяц, мама тихо перестала посещать уроки. Когда весной бабушка пришла на годовой итоговый концерт, оказалось, что дочь уже полгода как бросила занятия музыкой.

Школа занимала у Вари все время. С утра уроки, потом планерки и «продленка», вечером в школе кипела жизнь: с детьми что-то репетировала, с родителями обустривала класс, конструируя необычные многослойные доски и стеллажи, рисовала наглядные материалы. Как в любой учительской семье, сначала тетрадки помогал проверять муж, потом подростки дети. Вместе шутили над ученическими ошибками,

типа: «пук-пук, и полка готова», а уж изложения давали полный простор для веселья. Перлы, вроде «а серая шейка по льду, как корова на льду» — повергали всю семью в гомерический хохот. Варины трудовые успехи отмечались грамотами и наградами, она стала отличником народного образования и получила звание «учитель-методист».

Узбекистан

Как же сложилась дальнейшая судьба моих украинских родственников, осевших в Узбекистане? Иван Довбня, выйдя на пенсию и узнав, что Козлова уже нет на свете, поехал на родину, проведать сестру Харитыну. По дороге простудил свои слабые после каторги легкие и скоропостижно скончался. Его похоронили на родине, в ныне переименованном селе Кирове. Младшая дочь Таня как раз окончила пединститут в Ургенче и по распределению уехала на Украину, где вышла замуж и родила двоих детей. Она забрала Василину с собой и та, уже будучи на пенсии, с удовольствием возилась с садом, огородом и внуками. Со временем, изработанные ноги перестали служить ей и она еле передвигалась по дому.

Сын Михаил, новатор и изобретатель, стал Героем Социалистического труда, членом горкома, обкома, участником партсъезда и т.п. Он жил в Узбекистане до самого распада Советского Союза. Несмотря на различное «членство», он был простым и добрым человеком, в доме у него все было механизировано собственными руками, все его уважали и гордились дружбой с ним. Среди соседей и хороших знакомых, кроме узбеков были татары, корейцы и представители других национальностей, но особой разницы не ощущалось. Все жили в атмосфере дружбы, доброжелательности, заботы друг о друге. И эта теплота отношений была не показной, а искренней. Постоянно семьями ходили в гости друг к другу, узбеки всегда угощали, усаживая прямо на ковер, подавали плов и чик-чак на общем большом блюде, все ели руками, хозяйева по чуть-чуть подливали в пиалы зеленый чай. Когда кто-то из соседей по дому заводил стряпню, принято было угощать весь подъезд. Михаил, за более чем сорокалетнюю жизнь в Узбекистане, не помнил, чтобы хоть раз вставал вопрос о чьей-то национальности, чтоб кого-то оскорбили. Как, каким образом такой гостеприимный и доброжелательный народ вдруг резко вспомнил, что его притесняют? Соседи и сослуживцы свое отношение к русским в 1991 году не меняли, а вот незнакомые, которым нечего было стесняться, начали очень хорошо разбираться в том, «кто здесь главный». С началом перестройки потихоньку стали выдавливать русских с руководящих должностей, сначала одного Мишиного друга, другого, потом дочь. На их место пришли не очень знающие люди, но коренной национальности. И Михаил решил, что хорошего будущего здесь для его детей не будет. В 1991 Михаил продал все свое имущество, купил дом в Тихорецке (Краснодарский край) и уехал туда с семьями дочери и сына.

День сегодняшний

Дети Виктора и Вари выросли, выросли уже и внуки, я, старшек-лассница, самая младшая их внучка.

Обе мои прабабушки умерли в самом конце XX века, почти дожив до 90 лет. Они прожили одинаковый отрезок времени, обе родились в первый десяток нового века и умерли в последний десяток уходящего века. На первый взгляд, что общего между крестьянкой, всю жизнь зарабатывающей на хлеб тяжелым физическим трудом и служащей госаппарата, всю жизнь прожившей с домработницами, не умеющей даже штопать носки? В том, что обе женщины мужественно вынесли на своих плечах доставшиеся им беды, все потрясения своей страны, служили ей, как умели, в лихолетье вырастили и воспитали своих детей, каждый из которых занял достойное место в обществе.

В 10 лет я ездила с бабушкой Варей на Украину в гости к ее сестре Тане. Складывающиеся обстоятельства «новой» жизни заставили ту в начале 90-х годов уйти из школы и заняться торговлей. Теперь у нее свой небольшой бизнес, сад, огород и красивый уютный дом в Полтавской области. В школу она возвращаться не собирается (да уже и нет на селе русскоязычной школы), а мечтает перебраться в Россию, в Тихорецк.

Михаил все эти годы помогал своим детям строить дома и обихаживал свой. Провел на свою улицу газ, смастерил инкубатор, развел сад и обустроил хозяйство. Пару лет назад, когда, наконец, дети достроили свои дома, а внуки выросли и поступили в институты, и можно было просто жить, никуда не стремившись — он умер.

Поселок «1 Мая» давно превратился в одну из центральных улиц правобережья Красноярска, застроенную высотными домами. На месте прадедовского огорода стоит здание скорой помощи. Я родилась в 1992 году совсем рядом, на этой же улице, в 3-х минутах ходьбы. С раннего детства, с того момента, как помню себя, каждый раз во время прогулки мимо прадедовских тополей мне рассказывали их историю, а я каждый раз ворчала, что все это слышала уже сто раз. Собирая материал для этой работы, я пожалела, что ни разу не прислушалась. Все, что я узнала за эти месяцы, только разбудило во мне интерес к истории моей семьи, заставило меня гордиться ею, через нее лучше понять историю страны. Когда я услышала о конкурсе, то решила писать, как обычно, о письмах прадеда с фронта и опросить родственников. Но записи опросов разрастались, выявляя на свет все новые имена и подробности и для моего пересказа этой истории пришлось уже опускать многих и многое, чтобы читатель не погряз в общих мелочах.

Я поняла, что эта моя работа не конец истории, а только начало моего расследования. Я поздно сделала запросы в архивы, некоторых родственников еще не успела уговорить поделиться своими воспомина-

ниями, вполне вероятно куда-то съездить на места бывшего проживания, собрать недостающие документы и фото. Оказывается, история своей семьи увлекает лучше любого детектива. Вместе со своими предками я проследила всю историю моей страны в XX веке.

XX век закончился. Огромные тополя стояли, пыля июньским пухом. Они выжили.

Век XXI. Тополям обрезали верхние ветки. Они стояли обрубленными старыми пеньками, но стояли.

2007 год. Кто и зачем убил один тополь? Кому он помешал, обрубленный и не пылящий, стоящий почти на перекрестке, далеко от современных домов?

В мае этого года первой похоронили младшую из детей Василия, дочь Алю.

Заключение

История моих прадедов, вынесших на своих плечах все потрясения своей страны в XX веке, выстоявших и не сломавшихся, типична для советских людей.

Это история простых украинских крестьян, всю жизнь зарабатывавших на хлеб тяжким физическим трудом, вопреки всему старавшихся быть лояльными к руководству и любивших свое отечество, вроде бы, не принимавших никакого участия в политике, но политика сама занялась ими, сделав их заложниками советской системы подавления и абсолютного пренебрежения «человеческим материалом».

Это история рядовых сибирских служащих, проживших жизнь с верой в Отечество, по канонам политики, проводимой страной и верящих в ее светлое будущее. Живших для ее пользы: защищая ее рубежи, возводя заводы, помогая нуждающимся, несмотря на то, что репрессии и война не обошли их стороной.

Только сила духа, вера и любовь помогала простым советским людям, таким, как мои прадеды, выживать вопреки тоталитаризму и фашизму, войне и голоду, разлукам и расстояниям.

В хронике моей семьи прослеживаются все значительные этапы и трагические события страны: революция, гражданская война, коллективизация и индустриализация, репрессии, высылка, война, восстановление хозяйства, ударный труд послевоенных пятилеток и участие в социалистических соревнованиях эпохи «развитого социализма», перестройка, распад империи. И вот теперь главные персонажи двадцатого века наблюдают за тем, как вписываются их внуки в новое время, каково это время, и будет ли оно благосклонно к ним.

Полный текст с приложениями находится по адресу memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/9/Rudnik/0.htm

В далекой сибирской глубинке

(Мои земляки—краснотуранцы в годы Великой Отечественной войны)

Екатерина Сергиенко

*Красноярский край, Краснотуранский р-н,
с.Новая Сыда*

Руководитель: Т.А.Меркина

В истории каждого народа бывают свои духовные вершины. Это время максимального напряжения воли и духа для достижения поставленной цели.

В 1941 году у советского народа была одна цель — победа. К ней шли долгих четыре года. И каждый год был за десять для тех, кто выжил. И вечность для тех, кто своей жизнью оплатил Победу в 1945-м.

Тема тыла, на мой взгляд, — одна из наиболее неисследованных в историографии минувшей войны. Жизнь села, колхозов — в особенности. Книги, рассказывающие о вкладе Красноярского края в победу, также отличаются односторонним взглядом на проблему.

Центральная идея их — «мобилизирующая роль компартии и комсомола в мобилизации всех сил во имя победы над гитлеровскими захватчиками». Рассказ о труде работников тыла — рабочих, крестьян, интеллигенции — строится традиционно: героический труд, вклад в фонд обороны, подарки фронту. Человек показан как стройматериал для великой цели. Во имя великой цели отвергается сама ценность человека. Идеалом является солдат партии, безоговорочно выполняющий ее приказы.

В своей работе я ставлю задачу не только показать будни сибирской глубинки военных лет, но и попытаться показать командно-административные методы руководства районом в военные годы.

Моя работа не претендует на всеохватный показ жизни села в годы войны. Это всего лишь попытка приоткрыть страницу ждущей своего исследователя книги о моих земляках-краснотуранцах. Чего только не пережили они, как сотни тысяч их ровесников и ровесниц в нашей стране, вместе с ней строивших свои судьбы, все время надеясь на то, что вот эту, потом ту, потом еще одну лихую годину переживем, а там всем нам станет легче. Постоянная подмена настоящего «светлым будущим», действительного идеальным. Живя в бедности, бесправии, верили, что созданы для счастья.

Надежды на возрождение России связывают сегодня с возрождением деревни, крестьянства. Деревня была обескровлена сталинской политикой коллективизации, а затем отдала все свои силы для победы. Нищета, беззащитность — вот лицо деревни в течение многих десятилетий. Но Сталин знал, что взрыва недовольства его власти не грозит. В его руках

были испытанные орудия принуждения и манипулирования массами. Это мощная повседневная атака на сознание людей, утверждение в сознании идеологических миров. Во-вторых, действовал все проникающий страх перед террором, новая волна которого обрушилась в годы войны и после нее.

Трудовые будни краснотуранцев

Июнь 1941 года. В последнем предвоенном номере районной газеты все о селе, о сельских заботах. Тут же напечатали сообщение ТАСС по поводу слухов о готовящемся нападении Германии. Неизбежности войны между СССР и Германией. Слухи эти названы нелепыми и беспочвенными. И, как гром среди ясного неба, сообщение о начале войны, обращение к народу Молотова.

Вечером 22 июня в Краснотуранске прошел митинг, на котором была принята резолюция: «грудью станем на защиту Отечества». «... Сокрушительным ударом уничтожим врага. Да здравствует непобедимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия! Да здравствует наш любимый вождь и учитель – товарищ Сталин!»

Колхозы оказались в тяжелом положении. Почти весь состав механизаторов призван в армию и заменен молодыми, в большинстве девушками и женщинами. Отправляли на фронт трактора, автомобили. Не было запчастей. Фронт поглощал основную массу горючего. Обеспеченность горючим к началу весеннего сева 1942 года в крае составила 29,4% от потребности. На каждого трудоспособного человека приходилось 7 га и более пашни. Пахали, сеяли, в основном на лошадях, быках, коровах. Рабочий день – 15-17 часов.

Каждый колхоз должен был сдать государству обязательные поставки по хлебу, картошке, мясу, молоку, шерсти, яйцам, сушеному картофелю, овощам, табаку и селу. Каждый двор, имеющий корову, должен был сдать 215 литров молока при жирности 4,2%, в качестве налога, потом обязательно сдавать на закуп по чисто символическим ценам масло и свиное сало.

Помимо обязательных поставок государству, колхоз сдавал зерно в счет так называемой натуроплаты МТС. Дело в том, что основные работы (пахота, культивация, уборка урожая) производились МТС. За эту работу колхозы производили натуроплату зерном в госфонды. К ней прибавлялась гарантированная оплата механизаторов МТС. Колхозники же, которые работали лишь прицепщиками на сельхозмашинах МТС, получали мизерную оплату. То есть урожай из колхозов выкачивался до зернышка. Зерно сразу же вывозилось на заготпункты, элеваторы, чтобы не могло быть использовано колхозниками. Стремясь во время рассчитаться с государством по хлебопоставкам и полному обеспечению Красной Армии продовольствием, привлекали на отгрузку зерна скот личного пользования колхозников.

При трех МТС организованы курсы механизаторов. Девушки, молодые женщины днем работают, вечером изучают трактор. Над головой – небо, сидит на жестком железном стуле, открытая всем ветрам и дождям. В холод – мерзли, а летом донимала жара. Мужчине тяжело, а каково женщине, молоденькой девчонке! Туго с одеждой и с обувью, с питанием, недоедали. Силенок мало было, и заводили трактор вдвоем.

Старики, которые до войны редко выходили из дома, да и то, лишь на свой огород, вернулись на работу в колхоз. Колхозницы-старушки: Кашицина (70 лет), Суликова (98 лет) в сельхоз артели «Свобода» Сорокинского сельского совета работали на копке картофеля. На работу выходили рано утром и кончали поздно вечером, выкапывали по 3-4 сотки ежедневно каждая. Они вызвали на соревнование престарелых колхозниц Анну и Марию Калягиных.

Нормы выработки перевыполняли многие престарелые колхозники и колхозницы. В колхозе имени Ворошилова Быскарского сельского совета 75-летняя колхозница Марьяна Чернова и 65-летняя Елизавета Цурупа нажинали серпом в день по 100 снопов каждая .

В колхозе «Красный партизан» была организована бригада в 40 человек из нетрудоспособного населения, в шутку названная «Молодежная». В этой бригаде работали люди от 75-ти до 83-х лет. И работали неплохо. Убирали пшеницу. На убранном участке не потеряно ни одного колоска. Марьясова Ксения (74 года) нажинала 50-60 снопов, Орлова Ксения (65лет) – 60 снопов, Матвеева Варвара (66 лет) – 45-50 снопов, Марьясова Клавдия Николаевна (64 года) – 70-80 снопов, Девяшина Варвара (83 года), плохо видящая и плохо слышащая, нажинала в день по 30 снопов.

Вот и первый экзамен войны – хлебоуборка 1941 года. Не хватало тракторов; в неопытных руках техника часто выходила из строя; некому и нечем было ремонтировать. Рылись в металлоломе, отыскивали старые детали. В горячее время не хватало времени на сон.

Вязаницы колхоза «12 лет Октября» Гребнева Д.К. связывала в день по 1100 снопов, Лагутская А.Н., Зубова Е.Е., Вакулина А.В. – 1020 снопов, Нефёдова А.А. до 1000 снопов, Кулакова М.А. до 1000 снопов, Ивченко Е.Ф. по 980 снопов. Машинист жатки-самосброски – Яков Байкалов сжинал в день по 7 и более га.

Основная тягловая сила – лошадь. Лукерья Емельяновна Кандыбина на сменных лошадях жала в день по 13,4 га при норме 5 га. Женщины работали на жатках, машинистами молотилок, подавальщицами снопов, вязальщицами, косили, жали серпами.

Всё трудоспособное население было обязано участвовать в прополке посевов, сенокосе, уборке и обмолоте зерна, на вывозе хлеба. В обязательном порядке привлекали школьников с 4 класса. Из них формировали бригады во главе с учителями: отдельно мальчиков и девочек. Работали в день по 8 и более часов. Неделями жили в поле, отпуск только в баню. Постоянное чувство голода, холода, от которого

казалось никогда не избавиться. Спали на нарах, прикрытых соломой. Что на себе – тем и укрывались. Утром, замерзшие, выходили в надежде согреться на солнце. Работая, в нетерпении поглядывали на культстан: не выбросил ли повар белую тряпку – сигнал обеда. Как его ждали – жидкий крупяной суп и черный хлеб. С утра повар проезжал по деревне, собирая сумки, узелки с домашними гостинцами: огурцы, лук, молоко. Да не каждый мог отправить и это.

В сенокос вся деревня на лугах. И ребятишки при деле: кто с граблями, постарше с косами, самые счастливые – коневоды. И миску супа по праву заслужили – не нахлебники.

Почетное место за столом, первая миска, кусок мяса да ломоть хлеба побольше самым главным на сенокосе – метчикам. Отныне старики день стояли под зародами, вилами сено наверх кидали. От них, метчиков, вершилщиков, зависело, какой зарод станет, не прольёт ли его дождь. Рядом с ними подростки науку постигали.

Все были обязаны выходить на работу, не зависимо от выработки трудодней. За отказ от выполнения работы – штраф трудоднями, лишение права на получение натурального аванса.

Для привлечения по трудовой мобилизации был установлен обязательный минимум:

- 40-50 трудодней в колхозе,
- 50-60 дневных норм в колхозе.

Для учащихся школ:

- 20-30 трудодней в колхозе,
- 20-30 дневных норм в колхозе.

За уклонение от работы – уголовная ответственность. Множество людей претерпели на себе репрессивные действия «верхов» за не выработку трудодней, за «дезорганизацию».

Колхозник сельхозартели «12 лет Октября» Усть-Сыдинского сельского совета С.С. Винников за не выработку трудодней и невыплату натурального налога осужден к 6 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. «Интересы фронта требуют решительной борьбы с лодырями и дезорганизаторами производства». И Краснотуранский народный суд осуждает к принудительным работам при колхозах с вычетом 25% заработной платы в пользу колхоза многих, не выработавших установленного минимума: Бехерт Е.А., Шамрайчук А.И., Наразину П.А., Биль Э.А., Байкалова В.В., Воробьева А.П., Абакумова Е.П. и многих, многих других.

Сухинина Анна Кирилловна из колхоза «Свобода», «назначенная на пахоту, на работу не вышла». За «разложение трудовой дисциплины в бригаде» на основании статьи 59-б приговорена к лишению свободы сроком на 6 лет с конфискацией принадлежащего ей имущества.

К 5 годам лишения свободы районным судом приговорен Крюков Аким Степанович из колхоза имени Чапаева Быскарского сельского совета за то, что «...под видом своей болезни эпилепсии систематически разлагал трудовой коллектив, отказывался от работы».

Вводилась железная дисциплина. Постоянно внушалась, что лишь здесь, в тылу, не переносит народ тех тягот, что на фронте или оккупированной территории, поэтому должны все силы отдаваться для фронта, для победы.

Материальному стимулированию предпочитался метод принуждения – организационный и пропагандистский кнут. «Работать по-военному». Этот лозунг стал законом жизни тыла. Вот какой призыв был опубликован в районной газете 1941 года:

«Сейчас, когда многие наши товарищи ушли на фронт бить подлую фашистскую свору и их орду, женщинам и девушкам, необходимо здесь, в тылу, заменить ушедших на фронт комбайнеров и трактористов. Смелее овладевайте трактором, комбайном. Не допустите, чтобы с уходом в армию у нас в тылу ослабла работа...»

Внедрение социалистических соревнований, опубликование всевозможных призывов, почины, методы – одобрялись начальством. Смысл этой шумихи неизменно состоял в том, чтобы навязать более высокие нормы, которые выглядели бы не как плод фантазии чиновников из кабинетов, а как реальная норма, действительно выполняемая тружениками-передовиками.

За особые заслуги бригадам, звеньям присваивалось звание «фронтowych». Беспощадная борьба с теми, кто не вытягивал норм выработки – «саботажниками», «нарушителями трудовой дисциплины» продолжалась.

Тыл жил своей жизнью: вечное ожидание, страх за близких, вера в победу. И те, кто оставались в тылу, приближали ее, как могли своим трудом, каким-то сверхъестественным терпением. Жили по-разному, но почти все одинаково трудно.

«Будет, непременно будет на нашей улице праздник. Но чтобы ускорить его, мы должны помогать нашей армии бить врага. Бойцу нужен хлеб, и мы должны его дать без всяких задержек. Есть у нас в районе люди, забывшие о своём долге перед Красной Армией. Позор им! Есть у нас в районе люди, которые затаили хлеб для себя, не хотят сдавать его государству, армии. Раскроем, разоблачим и осудим, как злейших врагов, помогающих Гитлеру. Наш район в большом долгу перед государством. Напряжем все силы, будем работать и день и ночь, но закончим молотьбу и выполним план хозяйственных поставок», – гремело на весь район со страниц газеты «Социалистический путь».

Жены, матери терпеливо ждали солдатские треугольники, мучились, когда с фронта не приходили вести. Какое отчаяние и горе охватывало их, когда приходила казённая бумага – пропахшая порохом и кровью похоронка.

Трудно было: недоедали, недосыпали, всё вручную, но знали: на фронте труднее, тяжелее. При острой нехватке рабочих рук деревня должна была отправлять колхозников в школы ФЗО.

В военные годы туда, в принудительном порядке, отправлялись дети из самых бедных семей. Многие не выдерживали, бежали. Например, Геруси осуждена за уклонение от мобилизации – год тюремного заключения. Комсомольцами подано более ста заявлений в школу ФЗУ. Принято 53 добровольца. Для всех призванных сшиты за счет колхозов, костюмы, фуфайки, нательное бельё и приготовлены ботинки.

Хлеб нужен был фронту, как танки, как патроны, «колхоз – фабрика хлеба, и дисциплина в нем должна быть военная». Не выполнение плана – пособничество врагу. Боевое, фронтовое задание считалось обязательным к выполнению как оборонный заказ. Проводились фронтовые декадни. Для организации декадников в колхозы направлялся партийно-советский актив района – политруки. Например, в августе 1942 года было направлено 150 человек: один человек на бригаду.

Сев 1942 проходил в основном на живом тягле. Обнаружилась катастрофическая нехватка семян, так как, выполняя хлебопоставки, сдавали и семенное зерно. Александр Дробязко и Михаил Филев на колесном тракторе культивировали в смену по 18 га вместо нормы 12.5 га и сэкономили горючее.

В колхозе «Заря Коммунизма» Т.Ворошилова, вместо 12.5 вспахивала 17 га, а в колхозе «12 Октября» Соломатова 5.5 га – вместо 4.3 га. Колхозники колхоза «12 лет Октября» Анна Маслакова, Яков Конодеев, Егор Байкалов делали по три рейса в сутки, работая на отгрузке зерна, и отгружали за рейс по 12 центнера зерна каждый.

Выполнение Госплана хлебосдачи, сдачи других продуктов было объявлено первой заповедью. Жёстко, порой жестоко спрашивали с тех, кто вольно или невольно задерживал хлебосдачу. Это расценивалось как пособничество врагу. Руководители многих хозяйств были привлечены к административной и уголовной ответственности. Чтобы рассчитаться с поставками, стали сдавать семенное зерно – все собранное, обмолоченное. Сдавали стельный, суягный скот. Стали отбирать «лишний скот» – вторых коров, телят у колхозников.

В 1942-м пало много лошадей, а приплод жеребят был ничтожно мал, так как лошади были истощены, ослаблены. Погибло много телят, овец.

И опять карательные меры. К трем годам лишения свободы с поражением избирательных прав приговорен колхозник из сельхозартели «12 лет Октября» Беллыкского сельского совета Разенко. Командированный в Идринский район на трех колхозных лошадях, от истощения, на обратном пути, все лошади пали.

Такой же срок получил и Домрачев из колхоза «Заря Коммунизма» Сорокинского сельсовета. И колхозники И.П. Биль и Г.Г. Гельвер из сельхозартели «Заветы Ленина» Новоивановского сельсовета «за варварское отношение к лошадям» тоже были осуждены. До полного замерзания земли, проводили вспашку, но весь намеченный объем всё же не могли выполнить.

На весенних полевых работах, как и в 1942, в 1943 годах, использовался крупный рогатый скот. Все колхозники, работавшие на бороновании на волах и коровах, дневные нормы выработки систематически перевыполняли.

Особенно тяжелая обстановка в районе сложилась в 1943 году. Еще более уменьшилось число трудоспособного населения, новой техники не поступало. Было мало кормов, значит, сократилось поголовье скота, не хватало семян.

Работали на своих коровах. В сельхозартели «Труженик тайги» Креславского сельсовета крупный рогатый скот личного пользования колхозников использовался на весенне-полевых работах. Члены правления колхоза, колхозники Александр Кротов, А.А.Саков, Яков Иванович Тюльпанов, Василий Григорьевич Фролов провели боронование на своих коровах. В этот год были предприняты первые попытки материального стимулирования – дополнительные трудодни за сохранение молодняка, выделен промтоварный фонд 34700 р. для поощрения (сапоги – 100 пар, 20 пар тапочек, валенки, 50 шапок), главная премия – 1000 рублей.

А для усиления контроля утверждена районная тройка Старченко, Славский, Ивченко.

Многим колхозникам не хватало сил убрать выращенное. Горели не обмолоченные скирды проса, пшеницы, рыжика. Оставались под снегом гектары не заскирдованной пшеницы, овса.

Были большие потери при уборке. Голодные, измотанные люди равнодушно смотрели, как ветер разносит по току обмолоченное зерно, как хлеб травится скотом, как уходит под снег зерно. И будут весной опять гореть поля, и будет шелкать кнутом объездчик, прогоняя с дымящейся стерни голодных баб и ребятишек, собирающих промороженные и обгоревшие колоски.

43-й многим напомнил 37-й. Размах получила борьба с «саботажниками», «врагами». Бывший колхозник сельхозартели «Завет Ильича» Моисеевского сельского совета Вебер Виктор занимался хищением хлеба – срезкой колосков ржи с полосы, принадлежащей колхозу. Мать его Вебер Мария принимала от сына ворованный хлеб, обрабатывала для употребления в пищу. Нарсуд Краснотургантского района приговорил Вебер Марию к 5 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года, Вебер В. – к 1 году лишения свободы.

Старинец и Клещенко совершили хищение с полосы колхоза «Тарск» по одному ведру зерна и пойманы с поличным. Осуждены на 1 год 6 месяцев лишения свободы.

Зубарева Матрена Михайловна (с.Сорокино) будучи на работе, совершила хищение 3-х пустых мешков, которые были обернуты на ногах, обуты в катанки. На обыске, при выходе были обнаружены и изъяты. Приговор: тюремное заключение сроком на год.

За «проявленный саботаж в деле выполнения плана хлебосдачи», бывший председатель колхоза Ф.В. Герцек осужден нарсудом Красно-туранского района к 3-м годам лишения свободы.

«По договоренности между собой Бычков Александр и Ларин Анатолий вступили в преступную связь хищения колхозного скота. Похитили колхозного быка (4 года) по кличке «Васька», привели в огород Бычкова, завели в стайку, закололи, мясо разделили. Материальный ущерб колхозу – 15000 рублей». Были осуждены: Бычков – лишение свободы на 7 лет с поражением в правах на 3 года, Ларин – 4 года лишения свободы, 3 года поражения в правах.

Ломались людские судьбы из-за, на первый взгляд, нелепых, глупых вещей. «За преступную работу и вывод трактора из строя» нарсуд приговорил тракториста тракторной бригады №1 Моисеевской МТС Рынга к 2 годам лишения свободы. Миллер был приговорен к 2 годам лишения свободы за то, что его трактор сломался и простоял 10 дней. Бойко, «стремясь сорвать молотьбу, в ночное время, умышленно вывела трактор из строя», за что была приговорена к 3-м годам лишения свободы.

Почти полностью прекратилась выдача хлеба по трудодням. Вместо зерна – выдача хлебного пайка – печеного хлеба (300-500 гр. в день).

Уполномоченные бдительно следили за тем, чтобы не было «преступного» разбазаривания хлеба, мяса и других продуктов на внутриколхозные нужды.

На посевную 1944 вышли на своих коровах. После голодного 43-го истощен, ослаблен был скот от бескормилицы. Голодную зиму пережили колхозники. На работу выходили в 5 утра. Каждую пятитдневку вручали «Переходящие стахановские книжки», премии лучшим (сапоги, отрез на костюм).

А сколько людей было осуждено за срезанные на поле колоски, за «похищенное в поле зерно».

Владиминова Прасковья Васильевна, работавшая на Унюкском пункте Заготзерна. На её иждивении трое детей от трёх до десяти лет, а муж в РККА. Была осуждена на три года лишения свободы по ст. 162.

Задержана с 6 кг овса колхозница, вдова, Обручева В.П. Овес изъят. Лишение свобода сроком на 1 год.

Немало руководителей колхозов попали на скамью подсудимых за «антигосударственную практику в вопросе хлебозаготовок, т.к. допустили расходование хлеба на внутриколхозные нужды». Это председатели колхозов им. Калинина и «Красная заря» (с.Сорокино) Лукашевич и Новомирский.

«За кулацкий саботаж в хлебосдаче» привлечен был к уголовной ответственности по ст. 58-14 УК РСФСР председатель колхоза «Память Ленина» Бузуновского сельского совета С.Г.Шадрин. Он раздал на

трудодни колхозникам 539 ц. пшеницы «преимущественно пригодной к сдаче государству». Чтобы скрыть следы преступления, предложил кладовщику Моценко спрятать ведомости на 119 ц.

За «разбазаривание и расходование хлеба на внутриколхозные нужды сверх установленных ему 15%», за срыв «уборки урожая и саботажа хлебосдачи государству» к уголовной ответственности привлечен в 1943 г. председатель колхоза «Красный скотовод» Кублик В.И.

Председатель колхоза «Тарск» Виговский был приговорен к 10 годам лишения свободы, с поражением в правах на 3 года за «саботажа хлебосдачи, преступный срыв выполнения государственных заданий».

Часть хлеба осталась не заскирдована и не обмолочена, сгнило сено. За «саботажа в уборке урожая и сдачи зерна государству», за «разбазаривание хлеба и падеж скота» был привлечен к уголовной ответственности председатель колхоза им. Чапаева Занкевич С.А., председатель колхоза «Новый путь» Кара-Беллыкского сельсовета Батерсин.

Председатель колхоза «Пятилетка в 4 года» К.Г. Шувалов – 6 лет лишения свободы за «израсходование 24% к сданному зерну», в то же время как имел возможность только 15%. И вновь – «незаконное расходование зерна на внутриколхозные нужды».

Довольно большая группа руководителей колхозов судебной коллегией краевого суда приговорена к высшей мере наказания – расстрелу, а также к тюремному заключению сроком 8-10 лет. Большинство из них обвинялись в том, что «хотя сами не участвовали в расхищении социалистической собственности, но попустительствовали совершению посягательства, создавали благоприятные условия для ее расхищения» .

В 1943 году Краснотуранский суд разбирает дело руководителей района – Старченко, Червинского, Славского, Гончаревич. Их обвинили в «преступном нарушении правительственных сроков сева, массовом нарушении передовой агротехники».

«Вместо большевистской борьбы за хлеб, они стали на антигосударственный путь, на путь прямого саботажа, срыва графика хлебосдачи, массового расходования хлеба на внутрихозяйственные нужды... Незаконным, преступным путем занимались растранижением государственного хлеба на продовольственные и другие цели. Добивались от колхозов ложных сведений с целью скрытия действительного положения. Животноводство в районе в результате преступных махинаций доведено до тяжёлого состояния. Они давали указания на насильственные изъятия у колхозников телят и вторых коров».

Старченко и Червинского приговорили к 10 годам лишения свободы с заключением в лагеря с дополнительным поражением в правах сроком на 5 лет, Славского – к 6 годам и Гончаревич – к 5 годам заключения...

Во все времена люди обращались к своему прошлому, к истории. И это очень важно, поскольку по-настоящему образованный человек не имеет права называться таковым без знаний своих корней, истории. Нужно понять, что история нужна нам, прежде всего молодому поколению, как нужны советы старого, мудрого человека, который прожил жизнь и теперь старается уберечь молодежь от повторения своих ошибок. Но к его советам прислушиваются редко. Так и в истории: незнание ее часто приводит к повторению исторических ошибок, но уже в более крупном масштабе.

Война и дети

Война словно прибавила годы беззаботным вчерашним мальчишкам и девчонкам.

«Это ваш фронт», – говорили им и поднимали в 3 часа утра, чтобы идти в поле. И закрепляли за ними пару лошадей. И грузили они мешки по 50-70 кг. Четырнадцатилетний Шура Алексеев из сельхозартели «Красный партизан» (Сыда), работая на волах, взял себе в помощники десятилетнего Леню Баранова. С первого дня работы мальчишки перевыполняли норму. Невиданно щедрую награду за свой труд получил Шура Алексеев – его премировали сапогами, рубашкой и брюками. 14-летние О.Цурупа и Т.Миронова из колхоза «Заветы Ильича» Ново-Свининского сельского совета работали на скирдовке и обмолоте хлеба в две смены – днем и ночью.

Самоотверженно работали на полях сельхозартели «Свобода» учащиеся Сорокинской начальной средней школы. Ежедневно десятки школьников-пионеров помогали колхозу убирать овощи. А учащиеся четвертого класса М.Арышева, Д.Бобровский, К.Шамардин и другие еще в ночное время работали на скирдовке хлеба.

В Усть-Сыде бригада девочек-школьниц жила в поле на культ-стане. Работать начинали в 4-5 утра и работали дотемна. Повар Улита Семеновна к 4 утра готовила завтрак, к часу дня – обед, к 11 часам вечера – ужин.

Перед началом уборки урожая опытные колхозницы рассказали девочкам, как вязать снопы. Многие девочки с первых дней стали навязывать по тысячи и более снопов. В колхозе имени второй пятилетки подростки Шура и Вера Ширяевы работали на вязке снопов и навязывали в день по 820-865 снопов каждая.

Малыши из начальных классов с корзинами и ведрами отправлялись на сбор колосков вручную. Вслед за скашиванием ребятишки сгребали колосья конными и ручными граблями. После занятий, в выходные, а часто и вместо занятий шли школьники со своей учительницей в поле собирать колоски. Николаевские школьники дружно работали в период летних каникул на полях. А после первого сентября ежедневно

после занятий и в выходные дни до 40 учащихся выходили на копку картофеля.

У ребят постарше работа серьезнее. В колхозе «12 лет Октября», Беллыкского сельского совета, 13-тилетний Коля Кондрашенко пашет однолемешным плугом на паре лошадей по 1,28 га в день при норме 0,7 га.

Тяжелой ношей легли на детские плечи заботы трудового фронта. И поистине «гулливерскими» были нормы выработки на полях, где трудились мальчишки и девчонки. У ребятешек вместо летних каникул, отдыха и прогулок по лесам за грибами и ягодами – работа в колхозе. Летом работали на прополке посевов. Вслед за скашиванием, сгребание и сбор колосьев по всей площади. Вслед за укладкой снопов и возкой копен с полей, колосья сгребают вручную граблями.

«...Немедленно мобилизовать всех учащихся младших классов на сбор колосьев вручную. ...Организовать сгребание колосьев конными и ручными граблями за укладкой снопов и вывозкой суслонов с полей» – призывают руководители района.

После занятий и в выходные дни ученики Узинской начальной школы организованно выходят на поля колхоза «Передовое» для сбора колосьев. Ребята работают группами под руководством учителей Тимофеевой, Елисеевой, Соболевской.

Постоянное недоедание, а то и голод присутствовали среди населения. Чтобы хоть как-то поддержать слабеющих на глазах ребятешек, в школах стали организовывать горячие завтраки. В апреле 1943 года начали сбор семян. В школах вскапывали лопатами пришкольные огороды.

В Краснотуранской средней школе посеяли 10 соток свеклы, моркови, 2000 корней капусты, гряды лука, чеснока. Огород получился площадью в гектар.

Школьники отправляли посылки на фронт. Лишая себя самого необходимого, отказывая себе во всем, собирали подарки фронту. Девочки шили кисеты, вязали шарфы, теплые носки, перчатки и подшлемники, шили ватники.

Где-то далеко, на западе, шла война. Здесь, в тылу знали наизусть каждую очередную сводку Совинформбюро, отмечали на карте флажками города, освобожденные Красной Армией.

В военные годы в район прибывало много эвакуированных. Привезли ленинградских детей, открывали детские дома в Беллыке, Моисеевке, Кортузе. Там были не только эвакуированные, но и свои, местные.

В военное время очень увеличилась смертность детей: недоедание, а то и голод, болезни косили детей. Как ни убого, бедно жили в детских домах, а худо-бедно детей кормили. Чтобы спасти ребятешек от голода и смерти, приходилось на некоторое время отдавать их в детские дома. Особенно много было детей немецких, из семей, выселенных с Волги, чьи родители находились в трудармии. Обустроивали дома

по принципу: «с миру по нитке». По дворам собирали, отдавали, кто что мог. Организован был детдом в Кортуже. Кровати – обшивка с церкви. Матрацы – набитые соломой мешки. Чашки – обрезанные консервные банки. Скучное питание.

Краснотуранцы – фронту

После битвы за Москву был освобожден ряд районов Московской и Калининской областей. Большую помощь оказал Краснотуранский район Тургинскому району Калининской области, пострадавшему от оккупации и проходивших на его территории боевых действий.

Каждый колхоз помогал, чем мог. «Заря коммунизма» Сыдинского сельского совета выделил с колхозной фермы 10 свиней, 5 дойных коров, отдал 600 пудов пшеницы и отчислил с трудодней колхозников 3600 рублей.

Комсомольцы, пионеры, учащиеся района собрали в помощь колхозникам этого района 112 кг огородных семян, больше 400 предметов посуды, для детей – 650 книг и 800 разных детских вещей.

Лозунг «Все для фронта! Все для победы!» стал законом жизни тыла. Собирали средства на строительство танковых колонн, эскадрилий. В 1942 году на строительство танковой колонны «Красноярский колхозник» собрали 2065000 рублей.

18 июля 1941 года ГКО принял постановление «О мероприятиях по обеспечению Красной Армии вещами на зимний период 1941–1942 г.»

72-летний Ульян Иосифович Богдан работал сторожем сельпо в Алгаштыке. Когда большая часть колхозников ушла на фронт, Ульян поставил перед собой задачу – работать за троих. В ночное время, когда все жители спят, он шил бойцам Красной Армии стеганые брюки, фуфайки, шапки-ушанки и другие теплые вещи.

Осенью 1941 года райисполком тоже принимал по этому поводу постановление «О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной Армии».

Был утвержден план:

- полушубков 445,
- мехов животных 111,
- валенок 1234,
- шапок-ушанок 1780.

Уже в марте 1942 года в фонд обороны поступило от жителей Краснотуранского района

- 1596 полушубков,
- 4616 валенок,
- 676 меховых жилетов,
- 583 шапок,
- 1702 пары рукавиц,
- 3338 разных теплых вещей.

Сдано было денег – 428000 рублей.

Наиболее активно проходил сбор теплых вещей в колхозах Алгаштыкского, Сыдинского, Николаевского, Александровского, Ново-Ивановского сельских советов.

Уже к первому военному году были отправлены в действующую армию посылки. Каждая посылка весила около 20 кг. Отправлять в них следовало папиросы, табак, бумагу, носовые платки, перчатки, носки, полотенца, сдобные сухари, соленое сало, копченое мясо, колбасу.

Со страниц районной газеты клеймили за слабое руководство председателей тех сельских Советов, где работа по сбору теплых вещей для фронта и средств в фонд обороны, по мнению райкома, не была налажена должным образом.

«Учителя-комсомольцы Сорокинского и Усть-Сыдинского сельских советов организовано посылали подарки для бойцов и командования действующей армии. Но наряду с ними есть такие комсомольские организации, которые плохо проводят эту работу. Секретари этих организаций не работают с комсомольцами, да и к тому же сами не участвовали в этом важном мероприятии. Особенно плохо проводят организационную работу по сбору теплой одежды колхозницы райотдела связи (секретарь товарищ Вопилова), Сорокинского пункта «Заготзерно» (Борисец), райпотребсоюза (Гусева), Моисеевки и Белоярска. Допущены ошибки в этом важном государственном мероприятии секретарями этих комсомольских организаций», – писала районная газета.

Люди сдавали хлеб из личных запасов, из тех крох, что получали по трудодням. Все трудящиеся принуждены были приобретать облигации госзаймов на сумму не менее месячной заработной платы. Это был еще один, дополнительный налог. Огромную площадь в финансировании военных расходов страны оказал народ. В фонд Красной Армии, в фонд обороны было собрано более 16 миллионов наличных и одежда, обувь, продовольствия.

Особое место занимали займы и денежно-вещевые лотереи. Невыполнение плана сбора средств считалось не только нетерпимыми, но и преступными. Поплачет, побьется человек, а на займ все равно подпишется.

В 1942 году собирали средства на постройку авиазвена. В годы войны в городах Сибири были размещены многочисленные военные госпитали. Над каждым шефствовали предприятия, районы и отдельные колхозы. В 1942 году – шефствовали над госпиталями № 3349 и № 2291. Готовились подарки для раненых, производили посевы, откармливали свиней.

В годы войны Сибирь дала фронту несколько десятков хорошо обученных дивизий, отдельных полков и батальонов, сотни рот для пополнения.

Заключение

Интерес к прошлому, к истории своего Отечества, своих предков заложен в каждом человеке. С самых малых лет человеку приходится слышать и понимать, что до него тоже было время, были люди и события. Человек слушает рассказы родственников, семейные легенды, и в памяти постепенно складывается образ прошлого. Когда становишься старше, к услышанному и увиденному добавляется прочитанное, а также знания, полученные на уроках, из телепередач. Так в каждом человеке накапливается информация о прошлом своих близких, односельчан, земляков. В истории семьи, села, района в судьбе отдельного человека отражается история страны, история народа. Судьба человека всегда зависит от того, где, в какой стране, в каких экономических и политических условиях он родился и жил.

XX век – один из самых драматических в истории России. Вокруг нас ещё живы свидетели и участники событий этого века, ещё есть возможность, чтобы их память стала историческим документом.

Как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях голода, военной разрухи, террора? Жизнь только одна у человека. И в этот период люди дружили, любили друг друга, растили детей. Люди приспособлялись к жизненным обстоятельствам, не протестовали, когда, казалось бы, должны были это делать, не сопротивлялись, когда должны были сопротивляться. В повседневных буднях моих земляков отразился дух времени.

Полный текст с приложениями находится по адресу memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/4/Sergienko.htm

История клана Узарашвили в зеркале истории грузинского и русского народов

Нодар Узарашвили

Красноярский край, г.Норильск, гимназия №4

Руководитель Л.Н.Овчинникова

В сентябре 2003 года, мне исполнилось 15 лет. Я не рассчитываю дожить до 100 лет и поэтому можно сказать, что четверть жизни уже позади. Взрослея, я часто задумываюсь: кто были мои предки, откуда пошла моя фамилия? За малым исключением, я, практически, ничего не знаю. Мои родственники, к сожалению, не оставили письменных свидетельств истории родословной.

Данная работа положила начало моим изысканиям. Это будет первая написанная страница в непростой истории моего рода. Ранее подобной работы не выполнялось. Впервые в научный оборот были введены документы, найденные в Зугдидском краеведческом музее, воспоминания моих близких и дальних родственников.

Истории кланов, их родословная, пожалуй, самая яркая иллюстрация истории всего народа и государства. Поэтому, исследуя историю клана Узарашвили, я вынужден был обратиться к истории Грузии и России. Литературы по данной теме как таковой нет. Однако имеется литература и публикации в СМИ по истории Грузии, которые помогли мне в восстановлении истории моей фамилии. Исследование моей родословной затрудняется также годами вхождения Грузии в Советский Союз, когда многие грузины ради карьеры «забывали» о своих дворянских корнях и указывали в анкетах «рабоче-крестьянское» происхождение. Между тем, именно у Грузии дворян было больше, чем в любой другой составной Российской империи. Это послужило причиной «ночи длинных ножей».

В 40-х годах была репрессирована моя прабабушка Дадиани только за свои дворянские корни, а её дети остались сиротами. Естественно, в те годы было уничтожено большинство документов, подтверждающих дворянскую родословную Узарашвили. К счастью, остались устные предания, передаваемые каждому новому поколению, которые и дополнили эту работу. Часть подтверждений этих преданий сохранилась и в документах, хранящихся в Зугдидском краеведческом музее (бывшей резиденции князей Мегрелии Дадиани).

Большую помощь в изучении периода, связанного с правлением царей Мегрелии Дадиани, оказала газета «История», а именно: статья А.Скакова «Грузия и Россия между дружбой и враждой».

Кроме названных, очень ценным источником стали документы семейного архива, воспоминания моих близких и дальних родственников, проживающих ныне в Грузии, на Украине, в России. Должен отметить, что не я первый начал интересоваться историей нашего клана. Несколько лет назад этим занимался мой дядя, известный на Украине журналист Узарашвили Омар Дазмирович. Однако записать свои изыскания он так и не смог. Совместно с ним мы продолжили исследования, которые и легли в основу настоящей работы. Я выражаю благодарность всем моим родственникам, в том числе и по материнской линии, которые с удовольствием помогали мне.

Клан Узарашвили как неотъемлемая часть грузинской и русской истории

Я не могу назвать себя чистокровным грузином. Моя мама, урождённая Хромых Татьяна Карповна, - русская, папа, Узарашвили Отар Дазмирович - грузин. Я же родился в СССР, вырос и живу в России. Однако моё грузинское имя и фамилия постоянно напоминают мне о моих грузинских корнях.

Воспетый А.С.Пушкиным главнокомандующий Кавказа Цицианов (по происхождению грузин Цицишвили), с которым связано окончательное присоединение Грузии к России, говорил: « Я родился в России, там вырос и душу русскую имею»¹. Могу ли я сегодня так сказать о себе? Наверное, нет.

Мой дед по отцовской линии Дазмир Богратович, когда узнал о моём интересе к истории клана Узарашвили, воспринял это как само собой разумеющееся. Он стал говорить о том, что россиянам трудно понять, почему грузины, представители других немногочисленных народов, так интересуются своей родословной, придерживаются традиций своего народа. Ведь если одна-две российские семьи ополчатся, онемечатся или офранцузятся, никто этого даже не заметит. Но если хоть одна грузинская семья, скажем, обрусее, это уже угроза исчезновению грузинской нации.

Возможно, именно поэтому всем мальчикам рода Узарашвили, когда им исполнялось 14 лет (на Кавказе с этого возраста мальчик считается мужчиной), отцы рассказывали родословную «оджахи» – клана Узарашвили. История одного клана вобрала в себя историю всего народа. Я же услышал эту историю в 15 лет от своего деда Узарашвили Дазмира.

Сегодня, когда Грузия переживает не самые лучшие времена, по последней статистике в ней проживают около 3-х миллионов грузин. И это притом, что у грузинского народа никогда не было таких мощных диаспор за границей как, скажем, у армян. А в «золотой век» Грузии, при царице Тамар (В России её привыкли называть Тамарой), грузин насчитывалось около 10 миллионов. Но постоянные войны с соседями

¹ «История», 2003, № 21, с. 4

(христианская Грузия большую часть своей истории находилась в мусульманском кольце и была вынуждена вести постоянные войны за сбережение христианства) значительно сократили численность народа. Это видно и по клану Узарашвили. Еще во времена Советского Союза, в 70-80-х годах¹, Узарашвили насчитывалось около 200 семей. Если сравнить с другими кланами, насчитываемыми по 2-3 тысячи однофамильцев, это весьма малочисленный клан. В последней абхазо-грузинской войне, когда воюющие на абхазской стороне чеченские батальоны взяли штурмом село Репи-Шишелети — место компактного проживания клана Узарашвили, были убиты десятки Узарашвили, причем среди погибших — большинство женщины и дети. Это также существенно повлияло на численность клана.

Клан Узарашвили проживает уже много столетий в Самегрело - провинции, которую заселяют мегрелы. Но Узарашвили чисто грузинская фамилия, в отличие от, скажем, Какубава, Жвания, Гамсахурдиа и других мегрельских фамилий. И хотя уже много столетий назад мегрельский язык стал родным для всех Узарашвили, наши соседи по району и сёлам упрямо называют всех Узарашвили «кортами» (мегр.), т.е. грузинами, отделяя их таким образом от остальных жителей этого региона.

Жизнь моего клана и моя собственная тесно связана с Россией. Вплоть до 1991 года Грузия и Россия практически были единым целым. Этот непростой период истории стал для клана Узарашвили одновременно счастливым и несчастным. Род пополнился новыми представителями. Вместе с тем, именно в это время наш род лишился своих лучших представителей — репрессирована моя прабабушка Маринэ Дадияни, ушёл на фронт и пропал без вести мой прадед Баграт Узарашвили.

Не мы выбираем время, а время выбирает нас. История каждого государства отражается на истории его народа. Узарашвили — часть этого народа, и от этого никуда не уйти.

Откуда вы родом, Узарашвили?

В отличие от россиян, грузинам легко узнать происхождение земляка по его фамилии. Окончание «дзе» и «швили» переводятся на российский как — чадо (сын, дочь). Дзе - окончание фамилий выходцев из Картли (именно там находится столица Грузии —Тбилиси), «швили» характерно для фамилий выходцев с Восточной Грузии — Кахетии. Хевсуры, пшавы, тушины и иные народности горной Кахетии носят фамилии, которые заканчиваются на «ури» - например, Халибаури, у сванов фамилии заканчиваются на «ани» (Дадияни, Хергиани), у мегрелов — на «а» или «ая».

Фамилия Узарашвили, как уже упоминалось, чисто грузинская, присущая жителям Кахетии, но проживают люди нашего клана в Мегрелии и Сванетии уже много столетий. Как они там оказались? Кто-то из предков решил сменить провинцию? Нелогично. Во-первых, между

¹ Высокий Замок, 1998, №113, с.8.

Кахетией и Мегрелией огромное расстояние. А во-вторых, Кахетия и в древние времена, и сейчас — один из самых благословенных уголков Грузии. Там, в Алазанской долине растёт лучший в мире виноград и изготавливается около 200 сортов вина. А в горной Кахетии пасутся на альпийских лугах тучные стада баранов. Поэтому жители Кахетии всегда жили лучше жителей иных регионов страны. А средневековая Мегрелия до 30-х годов XX столетия была краем болот и малярии. Почти 90 % ее территории занимали страшные болота, и малярийный комар тысячами косил население. Так что добровольно переселяться в эти края мои предки не стали бы. Тогда как же?

Я мог бы предположить, что ушли мои предки в Мегрелию поневоле: то ли спасаясь от поработителей, то ли были угнаны самими поработителями. Однако мои родственники выдвинули ещё одну версию. Много столетий назад наш клан носил другую фамилию — Анджапаридзе. Клан распадался на две ветви — младшую и старшую. Что не поделили между собой эти две ветви, теперь уж конечно никто не знает, только в результате кровной вражды от младшей ветви остались всего два брата. Чтобы род не иссяк, они бежали далеко на Запад, в Мегрелию. Там братья обзавелись семьями, и род стал расширяться.

Любая версия из трёх может оказаться верной. К сожалению, точного ответа на вопрос о том, как и почему Узарашвили оказались в Мегрелии, пока найти не удалось.

Происхождение клана Узарашвили и его азнаурское (дворянское) прошлое

Пытаясь разобраться в этом вопросе, я обратился к самим представителям клана Узарашвили, проживающим ныне на территории Грузии. Оказалось, что их версии и легенды совпадают с теми, что рассказывали мне мой дед Узарашвили Дазмир Багратович, отец Узарашвили Отар Дазмирович и дядя Узарашвили Омар Дазмирович. Я был удивлён: не стовариваясь, все пришли к одному и тому же. Мне ничего не остаётся, как всё это передать теперь уже своим будущим детям.

Необходимо предупредить, что поскольку исторических подтверждений этих событий я пока не нашёл, думаю, что доля легендарности в них тоже всё же есть.

Итак, много столетий назад, как я уже говорил, наш клан носил фамилию — Анджапаридзе. До сих пор наши старики говорят, что юноши нашего клана не имеют права жениться на Анджапаридзе, так как они приходятся нам родственниками.

Когда два представителя младшей ветви Анджапаридзе, о которых шла речь выше, бежали в Мегрелию, и уже можно было говорить о возрождении клана, пришла беда еще более страшная, чем кровная месть. В горы пришла чума.

В Западной Грузии очень большое внимание уделяют похоронам. У нас умершего бальзамируют, и он лежит дома десять дней. За это время собираются все члены клана, женщины-плакальщицы причитают на все село, мужчины поют песнь смерти, которая на местном языке называется – зара. Но тогда, погибших от чумы, боясь заразиться, просто закапывали в общей могиле. Естественно, ни о каких обрядовых традициях и речи не было. Чума выкосила всех Анджапаридзе. К счастью, в живых осталась одна представительница рода. Она была беременна, у нее родился мальчик, которого прозвали Узарашвили. Зара, как уже было сказано, переводится как похоронная песнь (вернее целый цикл похоронных мелодий и напевов), швили – сын, дочь. А частица «у» в грузинском языке соответствует русскому предлогу «без». Т.е. на русский язык мою фамилию можно перевести как «Без похоронной музыки сын» – буквальный перевод, а литературный – сын тех, кого похоронили без похоронной музыки. От этого последнего азнаура Анджапаридзе и пошли азнауры Узарашвили.

Азнаурское, то есть дворянское происхождение Анджапаридзе, а затем Узарашвили, довольно интересно объясняют местные жители – мегрелы.

Дело в том, что в нашем клане часто встречаются имена Баграт и Иона. Так, например, моего прадеда звали Узарашвили Баграт, а его родного брата – Иона. Если сложить вместе эти имена, то получится слово – Багратиони, то есть фамилия грузинских царей. Однако это может быть и совпадением, хотя я не стал переубеждать тех, кто в это действительно верит.

Тому, что клан Анджапаридзе принадлежал к азнаурскому (дворянскому) сословию, сохранилось и письменное подтверждение. В Зугдидском краеведческом музее, в котором я побывал летом 2003г., хранится купчая, которая показывает, что при присоединении к Российской империи в Мегрелии распространилось крепостное право. Этот же документ, относящийся к концу XIX в. и написанный, как тогда требовалось на русском языке, подтверждает азнаурское, т.е. дворянское происхождение моих предков:

«Я, нижеподписавшийся житель Сампартиано Сенакского округа княжества Мегрелии азнаур Датико Леванович Анджапаридзе, даю эту купчую запись на веки вечные вам, жителю того же княжества, округа и села однофамильцу моему, дворянину священнику Самсону Анджапаридзе, в том, что с дедовских времен принадлежавшего мне крестьянина, живущего в той же деревне Фочизла сына Ахакочи Гадилля продаём...

*Свидетельствую сию запись:
Азнаур Сисо Анджапаридзе,
Азнаур Мораз Анджапаридзе,
Азнаур Спиридон Анджапаридзе
Азнаур Дмитрий Анджапаридзе.*

Поскольку они писать не умеют, вместо них расписываюсь я: Иванэ Гулордава.

По личной просьбе азнаура Датиго Анджапаридзе написал сию купчую запись азнаур Григол Анджапаридзе»

[Из Зугдидского краеведческого музея].

Итак, данный документ подтверждает дворянское происхождение моего рода по мужской линии.

Вообще, само подтверждение этого факта с грузинской точки зрения выглядит несколько необычно. Как пояснили мне дед и дядя, в отличие от славянских народов, дворянство в Грузии не надо было особо доказывать, как и невозможно было скрывать. В маленькой Грузии нет кланов в десятки тысяч людей, как и нет однофамильцев. Грузинские фамилии к тому же происходят не от христианских имён Петров, Сидоров, Иванов, а от дохристианских словосочетаний. Например, фамилия известного певца Меладзе – переводится как «сын лисы», Шеварнадзе – «сын сокола», Гвердцители – «красный бок». Таким образом, всем хорошо известно к какому сословию принадлежит фамилия. Как не удивительно, но в горных районах Грузии даже в советское время это имело значение. Например, во время женитьбы. Первое, чем интересовалась сторона жениха или невесты – из какой фамилии избранник (избранница). Традиции давать крепостным фамилии господ тоже не были присущи Грузии. Поэтому царскую фамилию Багратиони от Романовых никак не может носить потомок его бывших крепостных. Это объяснение мне показалось интересным и, в общем-то, убедительным.

Кстати сказать, именно благодаря фамилии Узарашвили, мой дядя Омар Дазмирович, специально поехавший в Грузию за женой, выбрал себе будущую супругу буквально за один час. Родителям девушки оказалось достаточным услышать фамилию жениха, чтобы дать согласие на свадьбу. Вот уже 15 лет они живут счастливо.

А вот ещё одна интересная находка. Я и раньше слышал, что одной из моих родственниц была принцесса Дадиани. Больше не знал ничего, а хотелось. Вот что удалось выяснить на сей счёт. В 20-х годах XX столетия мой прадедуска Баграт Узарашвили породнил наш клан с одними из самых знатных кланов Грузии – кланом князей Дадиани, женившись на Маринэ Дадиани. Дадиани – фамилия моей прабабушки – сванская. Но именно этот сванский клан много веков правил отдельным, почти никогда не входящим в большую Грузию эриставством – княжеством Мегрелией со столицей в Зугдиди.

Последней правительницей Мегрелии была княгиня Екатерина Дадиани (её младшая сестра была женой русского дипломата и писателя А.С. Грибоедова). Узнав, что её вызывают в Петербург, она с верными двумя сотнями азнауров прибыла в Сухуми, задумав перебить русскую охрану и вернуться в Мегрелию, чтобы поднять восстание против империи. Но ее кто-то предал, и возле корабля была выстроена тысячная охрана из русского гарнизона. Пожалев азнауров, Екатерина добро-

вольно села на корабль и отбыла в Петербург. Княжество Мегрелия перестало существовать.

К сожалению, о прабабушке Маринэ Дадияни известно не много. Удалось выяснить, что в детстве она осталась сиротой, и её взяли на воспитание родственники — Эмухвари. Грузии. После этого удочерения, согласно обычаям грузин, братом Маринэ, а значит и моим прадедушкой, стал Георгий Эмухвари. Во время репрессий его, как представителя княжеской фамилии спасло то, что он уже тогда был известным хирургом, которому представители власти доверяли делать сложнейшие операции. Позже, Георгий Эмухвари стал Заслуженным хирургом Грузинской ССР, был награждён орденом Ленина.

Однако даже такое родство не спасло приёмную дочь Эмухвари — Маринэ. Судьба моей прабабушки была трагической. Маринэ Дадияни, которая как могла, пыталась скрыть своё царское происхождение, всё же была репрессирована только за принадлежность к княжеской фамилии в 1940-м году. После ареста прадедушка получил от неё письмо. В качестве обратного адреса значилась станция Лангор, что на Урале. Поскольку Маринэ не знала, куда её везут, написать ей письмо не представлялось возможным. Больше известий от Маринэ не было. В 1991 году стало известно, что первый Президент Грузии Звягия Гамсахурдиа издал Указ о реабилитации всех репрессированных. Однако запросы родственников в МВД Грузии остались без ответа. Таким образом, документов о реабилитации прабабушки в семье нет.

Оставшись без жены, мой прадед Баграт Узарашвили чудом избежал ареста. На нём остались трое детей: сыновья Дазмир и Лангор, дочь Лейла. Почему же прадеда не арестовали? Ныне живущий Дазмир — мой дед и его сын Омар Дазмирович, мой дядя, предположили, что во время раскулачивания, Баграт добровольно отдал колхозу 40 гектаров принадлежащих ему участков кукурузы, а сам, спасая семью, вступил в колхоз. Возможно, местные власти понимали, что если искоренять всех наследников дворянских фамилий, Грузия обезлюдует. Возможно, объяснение гораздо проще: через несколько месяцев после ареста жены началась война и Баграт Узарашвили был призван на фронт. Он пропал без вести.

Мой дедушка с братьями и сестрой остались сиротами. Рискую жизнью, их согласилась приютить всё та же семья Эмухвари. Однако приняла приглашение только сестра Лейла, братья же — Дазмир и Лангор не захотели жить в чужом доме и вернулись в своё село Репи-Шишелети. Однако своего фамильного дома у них не оказалось. Его забрали под школу. Вести борьбу с властями дети естественно не могли. Как рассказывает дед, жили они вдвоём с братом, где придётся и только подаяниями. Спасибо соседям: не дали умереть с голоду. После 6 класса, Дазмир оставил школу. Причину этого дедушка объясняет так: «Соседи одевали меня в штаны, переброшенные из женских панталон,

и в школе меня из-за этого постоянно дразнили. Вот я и перестал ходить на уроки».

С тех пор дед начал работать. С этим проблем не было: мужских рабочих рук не хватало. Уже в 14 лет в его трудовой книжке появилась первая запись: помощник водителя. Дело в том, что права на вождение, как и сейчас можно было получить только с 18 лет, а прадеду было только 14. И хотя Дазмир работал самостоятельным шофёром на Окумской чайной фабрике, в трудовой написали: помощник водителя, чтобы не нарушать правил.

Службу в армии Дазмир проходил на Украине. Там и невесту себе нашёл – Ольгу Шеремет. Возвращаться в Грузию с молодой женой было некуда, решили остаться на Украине, которая и стала вторым домом для потомка клана Узарашвили. Брат же Лангор, вернулся к знакомой девушке из соседнего села. Там живёт и по сей день.

Когда все эти события восстановились в хронологическом порядке и судьбы всех моих родственников как бы кинолентой прошли у меня перед глазами, выяснилась и история моего имени. Скажу честно, что до настоящего момента я как-то над этим не задумывался.

У моего прадеда Баграта Узарашвили было трое родных братьев. Одного из них звали Лаврентий. Так вот у этого Лаврентия был единственный сын – Нодар. Он, к сожалению, погиб в 1965 году при трагических обстоятельствах. Нодар работал трактористом. Как-то во время перерыва, он сел на траву пообедать, а рядом крутился, рассматривая трактор, маленький мальчишка – пастушок. Неожиданно трактор сошёл с ручника и начал катиться вниз. Перепуганный малыш стоял в нескольких метрах от трактора и не двигался. Нодар успел вскочить и откинуть мальчика в сторону, но сам, к сожалению, погиб. В память о нём меня и нарекли Нодаром.

Как же сложилась судьба сестры моего деда – Лейлы? Благодаря Эмухвари, она закончила Сухумский педагогический институт, стала работать преподавательницей русского языка. По иронии судьбы школа, куда была направлена Лейла, была её домом. Её бывшим домом. Сюда она и приходила ежедневно на работу. Когда руководство школы было не согласно с мнением молодой учительницы, ей говорили: «Вы, Узарашвили, никак не можете забыть свои дворянские корни!». Забыть действительно было не просто. Да и не хотелось.

Фамильного дома в настоящее время нет. Его сожгли во время абхазо-грузинской войны, как и всё село Репи-Шишелети. Известно, что ещё до этого события был указ Президента Грузии о возвращении родственникам их бывшей собственности. Однако как пояснил мне дядя Омар Дазмирович, он и дед уже не могли претендовать на неё так как имели украинское гражданство, а брат Лангор и сестра Лейла, проживающие в Грузии, не решились на такой шаг, опасаясь за свою жизнь.

А княжеский род Эмухвари, в своё время так много сделавший для Узарашвили и Дадиани, закончил своё существование из-за отсутствия его продолжателей. В своей книге «Похищение луны» Константинэ Гамсахурдиа писал, что когда-то Каталикос Грузии проклял этот род за то, что Эмухвари помогали в тайне горцам Шамиля воевать с христианской Россией. Так это или нет, но во время абхазо-грузинской войны, в 1993 году пропала без вести единственная дочь Георгия Эмухвари Лиана. Кому принадлежит сегодня дом Эмухвари на улице Кирова, 8 в Сухуми, неизвестно.

Судьба родной земли моих предков вследствие абхазо-грузинского конфликта

Итак, мы рассмотрели современную историю представителей клана Узарашвили. Почему же так сложилось, что потомки известнейших в Грузии кланов не живут на Родине? Почему сегодня отношения Грузии и России складываются не лучшим образом? В этом мы и пытались разобраться с, так сказать, старейшинами нашего рода — с дедом, дядей, папой.

Большое влияние на это оказала абхазо-грузинская война, в которой клан Узарашвили понёс большие потери. Ирония судьбы, но Шамиль Басаев и многие другие чеченские боевики полученный опыт ведения боевых действий в Абхазии затем успешно применили против российских войск в Чечне. Вот так странно пишется новейшая история: Президент Б.Н.Ельцин в 1993 году официально поддерживает Президента Грузии Э.А.Шеварнадзе. Российские аналитики прекрасно знают, что конфедерация северных народов Кавказа, в которую вошли и абхазы, вынашивает планы построения мусульманского государства «от моря до моря» — то есть от Каспия до Чёрного моря. Но российский генералитет, пользуясь слабостью Ельцина, активно помогает абхазам воевать с Грузией! Это в последствии привело к резким антироссийским настроениям в когда-то братском грузинском народе и к боевым действиям в Чечне.

Представителям клана Узарашвили сегодня опасно появляться на своей исторической Родине, почему? Как уже указывалось в работе, фамилия Анджапаридзе, а позже Узарашвили — считается чисто грузинской. Но проживал клан Узарашвили в Мегрелии. Мегрельские фамилии Какубава, Звамбая, Дараселия имеют свои окончания, присущие только мегрелам. Поэтому Узарашвили до сих пор соседи называют кортами (корт — по мегр. — грузин). И если носители мегрельских фамилий получили разрешение абхазов проживать в оккупированной части Мегрелии, то человеку с чисто грузинской фамилией, такой как Узарашвили, путь в административную Абхазию сегодня закрыт. Смешно, но и Дадиани рискуют жизнью при посещении «абхазской» Мегрелии. Ведь бывшие князья Мегрелии носят сванскую фамилию.

А именно сваны считались у абхазов самыми страшными врагами. Сегодня представители клана Дадиани проживают в основном в горной Сванетии. Это единственный район Грузии, который в ноябре 2003 года не принял участия в парламентских выборах. Сегодня, словно в былые времена, Сванетия вообще не подчиняется ни Тбилиси, ни кому бы то ни было. На этой прародине Дадиани, фиксируют все историки Грузии, никогда не было крепостного права. Если так называемая, Нижняя Сванетия подчинялась фигурально князьям Дадешкелиани, то в Верхней Сванетии вообще все люди всегда считались равными. И на ее территорию никогда за всю историю Грузии не ступала нога врага. Вот и сегодня ее население подчиняется только кора-махшам – главам сванских кланов и живет по старым обычаям. Этому способствует и то, что с ранней осени и всю зиму перевалы, ведущие в Сванетию, закрыты и добраться туда можно только вертолетами, которые, в сегодняшней экономической ситуации Грузии, практически не летают. Конечно, трудно поверить, что в нескольких сотнях километров от Тбилиси люди живут по родо-племенным законам, но любой человек, побывавший в современной Грузии, подтвердит эти слова. Естественно, уклады жизни Сванетии и Мегрелии, обычаи этих обоих народов, не могли не сказаться на формировании характерных основных черт, присущих Узарашвили - детей тех, кого хоронили без похоронной музыки.

Заключение

Итак, автор попытался восстановить историю клана Узарашвили в контексте истории грузинского и русского народов.

Наиболее достоверными оказались сведения, касающиеся современной истории. Оно и понятно — живы ещё участники тех событий. К сожалению, остаётся неизвестной судьба прабабушки — бывшей княгини Дадиани. Пропал без вести в первые дни войны мой прадед — Баграт Узарашвили. У этих, дорогих нашей семье людей нет могил, куда можно было бы принести цветы. Эти люди — свидетели всех грузинских обрядов и традиций, хранители тайн клана Узарашвили — ушли в неизвестность без грузинских почестей и причитаний. Мой дед Дазмир, его брат на себе испытали голод, тяжёлые военные и послевоенные годы. Им пришлось без отца и матери устраивать свою жизнь и жизнь своих детей. В начале 60-х в жизни моих родственников появилось относительное спокойствие но распад СССР в начале 90-х нарушил это спокойствие: все представители клана Узарашвили теперь живут на территории трёх государств, и наши встречи стали редкими. Жизненный путь моих предков был не простым, но они с достоинством преодолевали все трудности. Трудолюбие — главное качество клана Узарашвили. Продолжить это — задача моя и моих будущих потомков.

Итак, автор выполнил поставленные перед собой задачи, а, следовательно, достиг цели: пусть пока и не в полном объёме, но всё же положено начало по восстановлению истории клана Узарашвили.

Давая обобщённую оценку проделанной работе, хочется сказать, что вопросов, возникших в процессе работы, было бы меньше, если бы в современной Грузии было спокойно.

Я попытался доказать, что вся история Грузии, Советского Союза и России отразилась на истории клана Узарашвили. К большому сожалению, приходится признать, что слово «клан» в том значении, какое придавалось ему ещё 100 лет назад, теперь применяется крайне редко. Связь времён нарушена, а порой и потеряна. Попасть в Грузию сегодня довольно сложно, да и пребывание там опасно.

Сейчас отношения Грузии и России катастрофически испорчены. Побывав на родине моих предков летом 2003 года, я увидел, в каком бедственном положении находятся жители этого великого народа. Многие тоскуют по тому времени, когда Грузия была в составе СССР, часть обвиняет Россию во всех грузинских конфликтах. И всё же старожилы очень почитают царя Ираклия II, у которого хватило мудрости принять покровительство России. И Россия, даже не ставя перед собой такой цели, объединила и восстановила раздробленную и разорённую Грузию. Нельзя идеализировать эти столетия, но и зачёркивать их невозможно.

Я вижу пути продолжения темы в более глубоком изучении своей родословной, а именно её современной части. Попытаюсь пополнить факты о своем роде путём выявления новых личностей и их достижений, связанных с родом Узарашвили.

**Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/5/Uzarashvili/1.htm**

Условия жизни польских детей-сирот на территории Минусинского района в военное время

Ирина Филиппова

*Красноярский край, г. Железногорск
«Школа космонавтики»*

Руководитель: О.В. Михайлова

Вторая Мировая война искалечила судьбы миллионов советских людей. Жители Красноярского края участвовали в войне, разделяя и горечь поражений, и радость побед вместе со своими соотечественниками. Тысячи красноярцев сражались на фронтах войны и сотни тысяч ковали победу в тылу. Трагично, что через все ужасы войны прошли и дети. Судьба ребенка в войне трагична, но особенно тяжело было детям, оставшимся без попечения родителей. А тем детям, которые являлись «иностранцами», было еще сложнее.

Жизнь польских детей-сирот в военные годы в Сибири не получило должного освещения в трудах отечественных историков и краеведов.

Работать над этой темой я начала два года назад. И поскольку она интересна и сложна, с каждым годом происходит дополнение новыми материалами, документы переосмысляются и делаются новые выводы. Почему я выбрала именно эту тему? Потому что, испытываю большой интерес к истории вообще и истории нашего края — в частности. Так же, за кажущейся повседневностью этой темы скрывается история другого народа и его взаимоотношений с нашими соотечественниками — это второе. Кроме того, досконально ею никто не занимался, и так как, непосредственных очевидцев произошедшего осталось очень мало, то я постаралась как можно быстрее успеть запечатлеть события тех лет. Возможно, не только для будущих исследователей, но и для потомков как бы банально и пафосно это ни звучало.

Цель моей работы — изучить условия проживания польских детей-сирот на территории Минусинского района в военный и послевоенный период.

Взгляд в прошлое

Первые поляки появились на Юге Сибири в XVIII веке. Они пришли сюда в числе казаков — колонизаторов Сибири. «Служивые»

поляки создавали семьи с русскими и местными девушками и обосновывались на Сибирской земле. До сих пор встречаются типично русские семьи с польскими фамилиями: Соколовские, Метельские и т. п. Некоторым польским переселенцам удалось оставить в истории Сибири заметный след: например, основателем острога Красный Яр (сейчас это административный центр края – город Красноярск) был Андрей Дубенский.

Во время войны число поляков в Сибири пополнилось за счёт их эвакуированных соотечественников: это были как целые группы поляков (например, польский детский дом, размещавшийся в годы войны в селе Малая Минуса), так и отдельные люди.

Временная эвакуация, в силу разных причин, обернулась для некоторых людей обретением новой родины. Сибирь издавна была многонациональным регионом, где жили бок о бок поляки, немцы, финны, литовцы, латыши, не враждуя между собой. По моему мнению, это связано с тем, что в Сибирь на протяжении нескольких веков ссылали многочисленных «неугодных» людей, а также сюда стремились в поисках «лучшей доли» и хорошего участка земли переселенцы из губерний европейской части страны... То есть, основу населения нашего региона составляют не коренные жители (которые давно смешались с «пришлыми» людьми), а именно переселенцы. В итоге этого многовекового сосуществования смешались обычаи, и появилась большая терпимость и уважение к чужому самосознанию и традициям, чем в некоторых других уголках страны.

Возвращаясь к «польской» теме, необходимо отметить, что, так как среди сибирской интеллигенции высок процент людей с польскими «корнями», у нас часто проводятся мероприятия и проекты по изучению польской истории роли польской диаспоры в Сибири. Около 10 лет действуют польские общества. Во всех проводимых мероприятиях принимают участие не только люди, имеющие польское происхождение, но и все желающие, интересующиеся традициями и историей Польши. Первое общество в Сибири под названием Ognіwo зарегистрировано в 1990 г. А в 1993 г. На юге Сибири возникло общество «Полония», объединившее Хакасию, Минусинск и Шушенское. Во всех обществах преподаётся польский язык, и действуют польские школы с неполным гуманитарным циклом обучения.

Согласно данным (предоставленным обществом «Полония» на выставке «Поляки в Красноярском крае» в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова) в 1999 – 2000 гг. 5 выпускников школы польского языка и культуры поступили в польские вузы.

С 1997 года на русском и польском языках выпускается газета «RODACY» («Соотечественники»), в Минусинске ежемесячно выходят в эфир радиопередачи на польском, при поддержке Сената РП организовываются поездки в Польшу детей и учителей.

Детский дом

События Второй Мировой войны остались в прошлом столетии, все меньше становится свидетелей и участников тех трагических и беспримерных в истории человечества дней. Многие из немногочисленных ветеранов, порой уже мало, что помнят из того, что произошло с ними 62 год назад. Но интерес к тому времени растет. И причиной тому масштаб сражений, количество участников, гигантское скопление оружия и техники, крайняя жесточенность битв, невиданное количество жертв и беспримерная стойкость и мужество, проявленное воинами противоборствующих сторон.

На территории Минусинского района во время войны находилось 3 детских дома. Первый – на моей малой родине в селе Шошино, он просуществовал около 10 лет, за это короткое время из него выпустилось более 350 детей. Второй находился в селе Тигрицком, но, к сожалению, его быстро расформировали из за недостатка финансов. И последний, на котором я хочу более подробно остановиться, это Маломинусинский дет. дом.

Время – 1943-1946 годы Точка на карте – село Малая Минуса Минусинского района Красноярского края. Событие: именно в эти годы здесь располагался эвакуированный из Польши детский дом. Событие, по меркам происходящих в этот момент в мире изменений, не очень примечательное, но для тех людей, которые были рядом с детьми из Польши, оно имело огромное значение.

Любой рассказ, как известно, не имеет смысла, если у него не было прошлого и нет будущего. Именно поэтому я расширила временные рамки моего повествования, введя в него только историю детского дома, но и отражение этого события в наше время. Например, та же музейная выставка в городе Минусинска или открытие в Малой Минусе мемориальной доски на здании, где располагался детский дом.

В архивном отделе администрации г. Минусинска мне удалось найти некоторые документы, самым непосредственным образом связанные с эвакуацией из Польши, размещением и обустройством польского детского дома в Малой Минусе во время Великой Отечественной войны. К сожалению, документов сохранилось мало. Работая в архиве, я видела, на чем писали в годы разрухи: в двадцатые, тридцатые, сороковые.... В лучшем случае это была хрупкая папиросная бумага (почти разрушившаяся к нашим дням), в худшем – даже официальные документы писались между строк отслуживших свое газет и книг. По этой причине многие важные бумаги до нас просто не дошли.

Один из документов (от 3 апреля 1942 года), адресованный председателю исполкома Минусинского райсовета, содержит указания на счёт оборудования подобранного помещения под детдом: «...Вам надлежит оказать необходимое содействие в размещении заказов представителя польского посольства на изготовление и оборудования (деревянные кровати, столы, стулья, шкафы и т.д.) на предприятиях Вашего района,

и заключить договор с представителем польского посольства на аренду помещения»¹.

В Маломиусинской средней школе хранится справка, составленная сотрудниками Минусинского архива, в которой содержатся сведения о том, что: «Польский детский дом в 1944 году имел 110 детей и 47 человек обслуживающего персонала».

Другие документы касаются обустройства переселенцев на новом месте. Например, вот эти датированные 6 июня 1942 года: «Председателю райисполкома в Минусинске. Заявление. Прошу вашего разрешения на покупку 6 поросят для детского дома польских граждан в Малой Минусе. Карская М.С. зав. Детдома». В другом точно таком же заявлении речь идёт о приобретении «6 коров для снабжения молоком детского дома польских граждан». Много это было или мало? С одной стороны, отдельно взятый сельский житель вряд ли имел столько скота, тем более, в годы войны, когда многие животные («кормильцы», как их называли) умирали от голода или попросту были съедены. А с другой – накормить более ста детей мясом шести поросят и молоком шести коров вряд ли было реально. По самым грубым моим подсчётам это не более полулитра молока на каждого ребёнка.

Те три года, когда в селе Малая Минуса размещался польский детский дом, остались в памяти не только его воспитанников. Несмотря на короткий период пребывания на сибирской земле поляки и сельчане успели много сделать друг для друга: обменивались продуктами, помогали по хозяйству, общались. Польские врачи помогали маломиусинцам медикаментами, дети из интерната готовили для колхозников театрализованное представления и даже выступали в городе перед ранеными солдатами... Поэтому местным жителям тоже есть что вспомнить о польском детдоме. Мне о нем рассказали Александра Петровна Перковская и Надежда Петровна Галганова. В военные годы им было примерно столько же лет, сколько и детям из далекой Польши.

Но, сопоставив архивные документы, воспоминания пана Влодарчика (бывшего воспитанника детского дома в Малой Минусе) и этих женщин, я обнаружила, что если некоторые моменты жизни и быта поляков очень полно и всесторонне освещены этими источниками, то при описании других возникли некоторые «несостыковки» в цифрах и фактах. Проанализировав их, я добавила к воспоминаниям свои комментарии и размышления по этому поводу, чтобы внести ясность и наиболее точно передать то, что мне удалось узнать.

Но вначале расскажу чуть подробнее о тех, чьи воспоминания легли в основу моего исследования.

Болеслав Володарчик – один из воспитанников детского дома в селе Малая Минуса оставил свои воспоминания о тех днях почти 60 лет спустя. Они хранятся в музее им. Н. М. Мартыанова и напечатаны в сибирской газете конгресса для поляков в России «RODACY» («Сооте-

¹ Фонд 209, опись 1, дело 130, лист 21

чественники»). №4, 2001г. В настоящее время он проживает в городе Вроцлаве (Польша) и является вице – председателем Союза поляков Сибири.

В июле 1940 года в возрасте чуть более трех лет Болеслав вместе с родителями, старшими сестрами (Яниной 1928 года рождения и Казимирой 1923 года рождения) и братом Евгениушем 1935 года рождения были депортированы из Бреста (Белоруссия) в Сибирь. Вначале, в 1940 – 43 гг. находились в «Тайшетлаг» Иркутской области. В 1941 – 42 гг. в лагере «Квиток» умерли родители Болеслава, и пропала сестра Казимира (скорее всего, ее, удочерила во время болезни русская медсестра в больнице). Затем в составе детского дома попал в село Малая Минуса.

Александра Петровна Перковская, 1924 года рождения, коренная жительница села Малая Минуса. Её прадед был поляком, сосланным в Сибирь ещё задолго до Великой Отечественной войны. Александра Петровна всю жизнь проработала в колхозе, в том числе приходилось ей трудиться и трактористкой. Проживает в селе Малая Минуса.

Надежда Петровна Галганова, 1930 года рождения. Родилась и выросла в селе Малая Минуса, окончила Минусинское педагогическое училище им. А. С. Пушкина. В 1950 – х годах переехала в город Минусинск, где около 40 лет проработала учителем начальных классов в средней школе №5. Проживает в Минусинске.

«В мае 1943 года в Москве Союзу Польских Патриотов было разрешено собрать польских сирот и поместить их в специальных детдомах. Таким образом, попал я вместе с сестрой Яниной и братом Евгениушем в детдом Малой Минусы. Помню, как нас привезли машинами с железнодорожной станции (скорее всего из Абакана) в небольшую местность, расположенную в зелёной долине, посреди которой был большой дом – наш Детдом, заменивший наш отчий дом. Это была Малая Минуса, которая ассоциируется у меня с детством – в меру беспечным, с регулярным, хотя и скромным питанием, а также с первым контактом со школой. Так как наши документы были утеряны, записали меня как родившегося в 1936 году, а брата Евгениуша в 1934 г. Сестра Янина помнила точно дату своего рождения, и так её и записали». Болеслав Володарчик

Проживание в детдоме (1943-1946 гг.)

«С одной стороны вдоль реки располагалась более богатая часть деревни с типично русской застройкой. С другой, вдоль песчаной дороги, находились примитивные деревянные здания, в которых находились люди, называемые нами "калмыками". Часть этих зданий (1 - 2) были заняты детдомом, переделанные для нужд бани и прачечной...

Вход в детдом находился с фронта, сбоку же, обращённого к деревне, находился вход в школу, которая помещалась на втором этаже. Детдом

располагался внизу и состоял из санитарно-хозяйственной части, затем шёл главный зал, от которого направо через двери можно было попасть в боковые залы, выполнявшие функции спальни. Слева располагались окна, выходявшие на ту сторону, где находились постройки калмыков. В зале были расставлены столы, покрытые, скорее всего клеёнкой, и деревянные лавки. Стояли также стол и лавки, специально сделанные для малышей, среди которых был и я». Болеслав Влодарчик.

«Детдом размещался в здании школы на первом этаже, было два отдельных входа: для сельских учеников (занятия проходили на втором этаже) и для поляков из детдома. Директором польского детского дома была пани Карская...». А.П.Перковская

«В деревянном двухэтажном здании школы один этаж заняли поляки. Не все дети были круглыми сиротами, родители многих воевали на фронте, поэтому они каждый раз с нетерпением ждали прихода "письмоноски", выстраивались перед ней живым коридором и, кланяясь, спрашивали: "Пани, лист есть?" Но польские дети получали свои письма не сразу: вначале их просматривала заведующая, пани Карская. Если среди писем оказывались похоронки, то она отдавала их не сразу, а вначале старалась, как-то подготовить к печальному известию...» Н.П.Галганова

«На левой стороне от входа в помещение, были размещены какие-то полки и вешалки для верхней одежды. Кроме того, стояли вёдра с водой и тазы для умывания, а также вёдра, служащие как горшки. В угловой части этой стены был сооружен общий топчан для мальчиков, выложенный соломой, прикрытой каким-то материалом, на что клали постель (подголовники и одеяла). Мальчики спали в два ряда, валиком. На противоположной стороне (оконной) стояли в два ряда детские кровати, в которых спали самые маленькие. Группа была смешанной, состояла из девочек и мальчиков в возрасте до 9 лет. Пол в спальне был деревянный, мыли его ежедневно девочки из старших групп. Освещали спальню керосиновыми лампами, развешанными на стенах. Стены помещения были украшены сушеными ветками цветов и вырезками из бумаги, сделанными руками старшей молодёжи». Болеслав Влодарчик

Как видим, несмотря на «особое» положение польских граждан и помощь различных гуманитарных организаций, обстановка у них была примерно такая же, как и у сельчан: деревянные лавки, комоды, узкие кровати... Старожилы вспоминают, что ничего лишнего и тем более роскошного в помещениях не было.

Быт

«Все дети питались три раза в день, а группа малышей (моя) получала дополнительно второй завтрак. Обед был всегда сварен, а на другие приёмы пищи выдавали в основном бутерброды с консервированной

рыбой. Основные продукты, такие, как рыбные консервы и мясные, мука, сахар, каши, и т. п., получали в рамках американской помощи UNRA, а хлеб, молоко и корнеплоды нам давал местный колхоз за «трудодни», отработанные старшими воспитанниками». Болеслав Влодарчик.

«Полякам сразу никто не подсоблял, плохо было, а потом Америка стала присылать гуманитарную помощь... Летом они сами заготавливают ягоду в лесу...» А.П.Перковская

«В колхозе поляки не работали (возможно, только за продукты). Деревенские жители часто меняли бруснику и другие ягоды на муку, которую вместе с другими продуктами, а также вещами присылали в детский дом из Америки. Такой муки в деревне никто до этого не видел: в ней сразу содержался и сахар, и яичный порошок, отчего она была аппетитного кремо-желтого цвета. Меняли люди продукты и на одежду: многие в деревне потом щеголяли в "американских" (искажённое – «американских») блузках и юбках». Н.П.Галганова.

«Один раз в неделю нам организовывали баню, которая находилась в одном из деревянных домиков около калмыков» Болеслав Влодарчик.

«Особняком в деревне жили калмыки, которые были сосланы сюда во время войны. Разместили их в здании детского сада. Дети калмыков в школе не учились, были крайне неопрятны, практически не понимали русского языка, поэтому с ними мало общались деревенские жители. Неподальёку от них находилось какое – то подсобное помещение польского детского дома». Н.П.Галганова.

«Что касается медицинской службы, то помню визит к стоматологу в Минусинске, проверяли, как растут зубы. Других встреч не помню». Болеслав Влодарчик.

«...В сороковых малярия многих «трепала», а польский врач давала нам лекарства... По-моему, она была единственным медиком среди поляков. В одном из сельских домов (сейчас это в районе улицы Советской) располагалось что-то типа детского госпиталя, куда изолировали больных детей. Медобслуживание было хорошим. Насколько помню, никто из польского детского дома не умирал». А.П.Перковская

«Польские врачи были для местных жителей настоящим спасением, ведь своего медпункта в деревни не было. Медпункт у поляков находился в здании детдома, и они не отказывали в помощи никому, имея в наличии необходимые лекарства: давали хну во время малярии, ставили уколы и даже делали несложные операции... Но всё-таки от коклюша в детдоме умерло много ребятишек. Они похоронены на сельском кладбище рядом с Малой Минусой». Н.П.Галганова.

Если взять два последних фрагмента, то у нас вызывают некоторое недоверие данные из первого. Из разговора с Александрой Петровной мы выяснили, что в годы войны она уже работала и поэтому у неё оставалось мало времени, чтобы пристально интересоваться подробностями жизни поляков. Возможно, поэтому она ничего не знала о

смертях среди малышей. Тогда как среди друзей Надежды Петровны (во время войны школьницы) было много польских детей и их судьбы её беспокоили. Так, она подробно вспомнила, как потихоньку бегала смотреть на похороны своих маленьких знакомых (...их хоронили почему-то на закате, ставили крест на могиле не как у русских, а с другой стороны и не приглашали никого их сельчан принять участие в процессии...)

Внутренняя жизнь и воспитание

«Все воспитатели детдома были поляками. Персонал же был смешанным. В ежедневном общении говорили по-польски, только в случае занятий по предметам естественнонаучного цикла языком обучения был русский». Болеслав Влодарчик.

«Рабочих в детском доме было совсем немного: несколько учителей, нянечек, воспитателей, медик...» А.П.Перковская

«Все работники, обслуживающие детский дом: врачи, священник, пианистка, подсобные рабочие, были из Польши. Их было около 20 человек. Как бы островок родной страны в далёкой Сибири...» Н.П.Галганова.

Стоит пояснить, что данные о числе обслуживающего персонала, содержащиеся в архивной справке, и полученные в ходе беседы, расходятся. В воспоминаниях говорится о меньшем количестве людей, чем в документе. Возможно, такое несоответствие объясняется фразой пана Влодарчика о том, что персонал детдома «был смешанный». А значит, в число указанных 47 человек могли входить не только поляки, но и местные жители.

«Обучение по основным предметам, в том числе письмо и чтение, история и патриотическое воспитание, пение, рисование и т. п., происходило в столовой или спальне. Большое внимание уделялось воспитанию нашего национального самосознания. В столовой сделали специальный патриотический уголок, в котором показаны были польские национальные символы, а также фольклор отдельных регионов Польши. Под конец нашего пребывания в детдоме, после окончания военных действий и освобождения Польши, нас проинформировали о создании в Польше нового правительства и показали нам главных правителей.

Воспитатели, кроме патриотического воспитания, старались нам указать на наши религиозные корни, учили нас религиозным песням и основным молитвам из римско-католического обряда. Перед каждым приёмом пищи мы читали благодарственную молитву за полученные дары, позволяющие нам прожить. Празднично проходил Новый год. В столовой ставили ёлку, у которой появлялся Дед Мороз. Все дети вместе с воспитателями брались за руки и танцевали вокруг ёлки и Деда Мороза, пели различные песни. Не припомню, чтобы мы получили какие-либо подарки по этому случаю». Болеслав Влодарчик. они отмечали

все свои праздники, особенно Рождество. К Рождеству им присылали съедобные иконки, сделанные из вафель и другие вкусности... Это было для нас поразительно: верующих в России тогда преследовали, и мы не знали, как относиться к тому, что поляком в открытую позволялось исповедовать свою религию...» Н.П.Галганова.

Если патриотическое воспитание польских детей было тесно связано с религией и традициями родной страны, то советские дети были оторваны от всего этого. Сейчас, спустя многие десятилетия, мы можем судить о результатах воспитания. Многие из нас чувствуют себя «Иванами, не помнящими родства», нам приходится возрождать свои традиции, искать свои корни, восстанавливать историю. Но нам не пришлось бы вспоминать, если бы наших родных не заставили забыть...

Культурная жизнь

«У поляков были свои праздники, на которые они охотно приглашали сельчан. Помню, как они наряжали меня в польскую национальную одежда: обычные такие юбки и платья и красивые широкие шарфы, накидываемые через плечо. Они и Рождество справляли красиво, хоть и время советское было...» А.П.Перковская

«В детдоме действовал ансамбль, участники которого с пользой проводили свободное время. Ансамбль был известен в обществе и выступал даже перед ранеными солдатами, которые лечились в госпитале Минусинска». Болеслав Влодарчик.

«Каждый праздник я ходила смотреть, как выступают ребятишки из польского детского дома. В их исполнении я первый раз увидела «Золушку». Самые маленькие дети играли в сказках ангелов. Хоть в то время была разруха, у них были красивые костюмы, которые они делали сами... И вообще, к местным жителям поляки относились хорошо – сельчане жили с ними дружно». А.П.Перковская

«Польские дети устраивали в школе театральные представления, беря с сельчан символическую плату за вход. Они ставили сказки на польском языке, буквально из ничего делая себе эффективные костюмы: крахмалили марлю, какие -то лоскутки, нарезали блёстки... И дети, и взрослые из деревни очень любили ходить на эти спектакли, ведь в деревне всегда было мало зрелищ, особенно во время войны. А пианистка из детского дома первая научилась играть и петь гимн СССР, когда его только начинали разучивать в деревне...» Н.П.Галганова.

Культурная жизнь деревни никогда не отличались особым разнообразием: как вспоминают коренные жители Малой Минусы, если в довоенные годы большой редкостью являлось кино или приезд артистов, то в войну тем более стало не до развлечений. Поэтому такие яркие моменты особенно запоминались на фоне «сороковых-роковых».

Возвращение в Польшу

«В марте 1946 года нам объявили, что мы вскоре вернёмся на свою Родину. В последние дни марта начали быстро собирать вещи и подготавливаться в дорогу. 1 апреля 1946 года подъехали автобусы и грузовики для перевозки людей и вещей. Нас отвезли в Абакан в три захода: первый – утренний, охватывающий ”средних” в возрасте 9-14 лет, в нём находился мой брат; второй – дневной, охватывающий малышей и часть персонала; третий – вечерний, охватывающий старших детей и оставшийся персонал с вещами. Кроме воспитанников нашего детдома в Абакан ещё привезли детей и персонал из других детдомов с территории Красноярского края». Болеслав Влодарчик.

«Когда после войны детский дом уезжал обратно, его воспитанником прислали новую одежду, а старую они отдали малоимущим из деревни. Все люди вышли провожать поляков, ведь за время войны к ним успели привыкнуть и подружиться». Н.П.Галганова.

Послесловие

«...В Польшу приехали 27 апреля 1946 года. Там нас поместили в эвакуационно-распределительный центр в Гостыне около Варшавы, откуда уже после 7-дневного карантина нас разослали по детдомам в Польше. Я с братом Евгениушем попал в дом ребёнка №1, в Мальборке Гданьского воеводства. Там я был до совершеннолетия. Так как утерянные документы не нашлись, то мою дату рождения установили через суд на основании показаний двух случайных свидетелей.

О потерянной в Сибири сестре Казимире я так ничего и не узнала. Брат Евгениуш умер от инфаркта сердца в возрасте 55 лет. Сестре Янине сейчас 74 года, и чувствует она себя хорошо. Мне в этом году уже 65 лет и не жалею о здоровье. Вместе с женой и двумя замужними дочерьми, а также четырьмя внучатами живём во Вроцлаве и во время семейных встреч есть нам что вспомнить, и особенно о Малой Минусе». Болеслав Влодарчик, г. Вроцлав, август 2005 года.

Всё время пребывания польского детского дома в Малой Минусе можно назвать тем фактом, который оспаривает правоту принципа ”мирного сосуществования”. Не «мирное сосуществование», а пример жизни вместе разных народов, разных культур и идеологий – вот что мы можем здесь увидеть. Формирование негативного отношения к другим нациям, и тогда, и сейчас – очень важная и неотъемлемая причина человеческой разобщённости и всеобщего недоверия, одно из самых сильных видов оружия в политике. Сейчас, сравнивая действительность с «официальной» информацией о том времени, мы, к сожалению, всё больше убеждаемся, что большинство призывов, типа «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или утверждения «Все народы равны» далеко

не всегда играли в пользу мирных целей и действительных интересов людей...

Р. С. «Поляки уехали...А мне и сейчас охота с ними повидаться, вспомнить годы молодости...Может, кто ещё остался живой из моих знакомых. Столько хороших воспоминаний о них сохранилось, хоть и время тяжёлое было... Была бы радёхонька хоть кого-нибудь увидеть на старости лет...» А.П.Перковская

Наши дни

Кассету с записью встречи бывших воспитанников, эвакуированных из Польши в годы войны детских домов, Маломинусинская средняя школа получила благодаря Ольге Михайловне Темеровой – руководителю общества "Полония" в городе Минусинске. А до этого ей (кассете) пришлось проделать долгий путь: сибирякам видеозапись передал пан Влодарчик, привезя с собой аж из Польши.

Долго мы ожидали, когда кассета попадёт и к нам в руки. Но когда она появилась, оказалось, что запись (чего, впрочем, и следовало ожидать) на польском языке. Для начала мы было решили подыскать переводчика, но вовремя вспомнили, что, во-первых, польский язык во многом (на слух, во всяком случае) схож с русским, а во-вторых (и эта мысль принесла чрезвычайное облегчение), нам вряд ли вообще понадобится хоть что-то на польском понимать. Поскольку всё происходящее и без перевода было ясно. Встреча происходила в 1992 году в городе Вроцлаве. Действо, начавшееся в церкви и плавно перенёсшееся на лоно природы, было настолько насыщено чувствами и эмоциями, что слова были просто не нужны. А общий смысл всего этого был прост...

Существует много поводов для встреч. Это и встречи однополчан, и встречи с бывшими одноклассниками, сокурсниками, коллегами... На этой кассете запечатлены люди, которых война когда-то заставила покинуть свою родину – Польшу. Новым, пусть и временным, домом для них стала Сибирь. И не только города, такие, как Томск, но и небольшие деревеньки, типа нашей Малой Минусы.

Многие из них никогда раньше не видели друг друга, многие расстались в детстве и с тех пор не встречались, многих уже нет... А те, кто жив, постоянно собираются вместе непонятно где и непонятно для чего. В самом деле, для чего бы им, казалось, вспоминать свои печали – горести сейчас, когда всё более-менее нормально... Может потому, что жизнь уже прошла и так не хочется отпускать её? Впрочем, сами такими будем. Только будет ли нам о чём вспоминать?

На карте расположения эвакуированных детских домов, Маломинусинский детский дом значится под № 38. А всего их было в Сибири более пятидесяти...

29 сентября 2005 года в нашем городе прошёл День польской культуры. На этом мероприятии присутствовала, и наша делегация, я как участник

тоже входила в неё. Он начался с открытия мемориальной доски в с. Малая Минуса на здании, в котором в 1943-1946 годах находился польский детский дом. Затем в музее им. Н. М. Мартынова состоялось открытие выставки «Поляки в Красноярском крае».

Это проект Минусинского краеведческого музея, Фонда помощи полякам на Востоке Сената республики Польша, а также Фонда польской культуры, Конгресса поляков в России и лично Болеслава Влодарчика, бывшего воспитанника детдома в с. Малая Минуса, ныне вице-председателя Польской федерации сибиряков.

Болеслав Влодарчик, который был в числе первых гостей, поделился с нами своими впечатлениями:

— Я очень взволнован и доволен, что русские сделали эту выставку, в которой нашлось место и моему детскому дому в Малой Минусе. Ведь Сибирь — это не просто воспоминания, но и часть моей жизни.

Всё правильно, воспоминания — это необходимая и полезная, пусть и не всегда приятная, часть нашей жизни. Сегодня многих волнует то далёкое военное время, когда даже незнакомых людей объединяло одно — стремление выжить, а впоследствии сохранить в памяти и передать другим поколениям (в данном случае — нам) то, что потом войдёт в учебники истории. Может быть, это станет уроком, предотвратит повторение страшных ошибок.

Меня очень удивило, что в числе посетителей этой выставки было много моих сверстников. Молодые люди не просто механически рассматривали экспонаты, а интересовались подробностями событий далёких лет, беседовали с гостями. Это говорит о том, что мы ощущаем себя частью русского народа, выдержавшего когда-то войну и поэтому наша история нам столь же дорога, как и старшему поколению.

Кто-то может подумать, что организация подобных выставок — чистая формальность, нарушающая покой пожилых людей, так как для многих из них воспоминания о войне бередают старые раны. С этим мнением я согласиться не могу. Ведь так мало осталось тех, кто прошёл войну, кто хранит её в своей памяти. Только они могут передать свои воспоминания в руки будущих поколений, чтобы история нашей страны не жила только в документах, но и в лицах и судьбах. Поэтому такие выставки и встречи нужны не организаторам и их участникам, а, прежде всего нам.

Заключение

На страницах моей работы я рассказала о жизни польских детей-сирот в Минусинском районе Красноярского края в годы войны, опираясь на архивные данные, данные собранные мною с помощью опроса старожил, ранее не публиковавшиеся и не использовавшиеся в научных работах, стараясь уделить должное внимание каждому аспекту обозначенной проблемы.

Несмотря на то, что государство принимало меры, направленные на развитие и обеспечение детского дома всем должным, тяжёлые условия жизни, отдалённость от Родины, приводили к созданию психологически нездоровой атмосферы, которая травмировала психику детей. Вспышки инфекционных заболеваний подрывали здоровье детей, вследствие чего нередко наступал летальный исход.

Питание воспитанников, возможно, назвать полноценным, по сравнению с другими детскими домами Минусинского района. Одежды и обуви, также было в достатке, гуманитарная помощь, оказываемая США, очень помогало в этом. Но и наше государство в лице районных и краевых регионов власти, чем могло, тем и помогало полякам.

**Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/9/Filippova.htm**

Это был цвет села

Александр Фиськов

*Республика Хакасия. Орджоникидзевский район.
Копьёвская сельская среднеобразовательная
школа*

Руководитель Л.В. Андрианова

Невозможно понять современного человека без нитей, связывающих его с предыдущими поколениями. Меня интересует вопрос, какой отпечаток оставляет семья, то или иное время, жизненные обстоятельства на формирующуюся личность. Объектом моего исследования я выбрал потомков тех людей, которые жили в Копьёво в годы советской власти, были репрессированы ею.

Как ощущали себя дети тех, кого называли «врагами народа», «лишенцами», «кулаками и подкулачниками»? Как складывалась их судьба, какие испытания выпали на их долю, вписались ли они в советскую систему ценностей, каким было их отношение к своим репрессированным родителям? Имели ли эти обстоятельства глубокие последствия для них и их потомков?

Попробовал поставить себя на их место, пропустить через собственное «Я» их сущность, пережить с ними прожитую жизнь, понять, извиниться, преклонить колени.

В нашем краеведческом музее хранится важная реликвия – тетрадь со списком всех учеников Копьёвской начальной школы 1 ступени за 1934-1935 учебный год. В школе тогда было 4 класса, 72 ученика. Тетрадь имеет такие разделы: фамилия, имя ученика, класс, пол, возраст социальное положение. Напротив фамилии ученика 2 класса Путинцева Пети читаем слово «лишенец», написанное рукой заведующей школой Таисьи Ивановны Сургутской.

Я много слышал о том, что Сургутская Таисья Ивановна была в деревне человеком очень уважаемым, депутатом райсовета. Была награждена неоднократно Почётными грамотами и орденом «Знак почёта». Люди о ней вспоминают всегда с большой теплотой не только, как об учителе, двадцать лет, проработавшем в нашей школе заведующей, но и как о человеке, многих детей спасшем от голодной смерти в годы Великой Отечественной войны.

А недавно стало известно, что она тоже из раскулаченной семьи. При всей своей любви к детям, она не могла не написать о мальчике Путинцеве Пете, что он «лишенец», обязана была поставить его на учёт. Такие данные, видимо, требовались свыше. Тогда дети стремились вступить в пионерскую организацию, носили красные галстуки. А вот

мальчик Петя Путинцев не мог стать пионером, так как его родители были лишены избирательных прав или были репрессированы. Очень тонко здесь учтена детская психология. Ведь любой ребёнок хочет быть, как все, хочет, чтобы у него были успехи, чтобы его хвалили. Только оказавшись на месте Пети Путинцева, и таких, как он, можно почувствовать, как говорится, на собственной шкуре, каково этому мальчику жилось в детском коллективе, как к нему относились дети. Изгой.

Мысленно я представляю Петю, такого маленького, бледненького, затравленного, молчаливо стоящего всегда в сторонке, когда шёл пионерский сбор или какое-то другое мероприятие. Не по себе становится от одной мысли об этом. Установить, какова судьба Путинцева Петра сейчас не представляется возможным, к моему великому сожалению.

Зеленовы¹

Одна из бывших жительниц д. Копьёво, а ныне живущая в пос. Копьёво - Нина Фроловна Иванцова (в девичестве Зеленова), родители которой были жителями нашей деревни Копьёвой с начала до 30-х годов XX века. В первую очередь меня заинтересовало, что ей известно о прошлом нашей деревни и о судьбе её родных, репрессированных в 30-х годах. Вот, что она рассказала: «По словам моей мамы Евдокии Денисовны, деревня Копьёва была очень красивой. Место для жилья люди выбрали у рыбной реки. Вдоль высокого берега Чулыма, в просторечье именуемого Июсом, шла длинная улица. Лес для строительства сплавливали по реке издалека, из сектинского лога. У всех жителей деревни были большие амбары, сараи, завозни, «запригоны» — пригоны».

Удеда Нины Фроловны по матери Котельникова Василия Фёдоровича за баней был большой пригон для лошадей. Правда, лошадей туда загоняли редко. Вернее, табун почти диких лошадей, ведомый жеребцами сам бежал по улице и заворачивал в пригон. Тогда скорей закрывали ворота. Пригоняли их домой в загон, чтобы выложить молодых жеребчиков, поставить тавро (у каждого хозяина оно было своё) или отбить лошадей на продажу. Их было до 100 , а также до 100 овец, до 10-12 дойных коров, гуси, куры.

Большим мастером в плотницком деле и вырезке был её второй дед по отцу Зеленов Даниил Михайлович — переселенец из Орловской губернии в начале 1900 года, где он подолгу, иногда по году, по два, а то и по три, ходил на заработки в Киев и нанимался строить дома. Приехали Зеленовы в д. Копьёво когда-то очень бедными, их местные называли лаптёжниками. Зелениха ещё долго носила в д. Копьёво лапти. В семье были дети: Елена, Александр, Алексей, Фрол, Николай, Антонина, Мария. Но постепенно стали обживать, развели скот, во всём по хозяйству помогали дети. Трудились всей семьёй, как

¹ Воспоминания Иванцовой Нины Фроловны

пчёлки. Уж очень хотели из нужды выбраться. Купили сначала 3 овцы, а через несколько лет было уже стадо. Овцам не косили сено, они паслись на косогорах и мысках, где снег зимой сдувало, жили на подножном корму. Также развели лошадей, коров. В деревне было выгодно разводить лошадей, табунщиков не надо было, 2-3 хороших жеребца охраняли весь табун. Лошади были как дикие, никого не подпускали. Сено им тоже не косили, они всю зиму паслись на воле. Рабочие объезженные лошади жили в усадьбе дома, им сеяли овёс. Сено косили только для коров.

Став старше, сыновья Зеленовых вместе с отцом работали на строительстве по найму. А овец пасти было некому, вот и нанимали Зеленовы в пастухи кого-нибудь. Из-за этого они и пострадали вместе с другими. Жившие в достатке благодаря своему упорному труду, они были раскулачены. Нина Фроловна замолчала, задумавшись, быстро-быстро заморгав ясными, чистыми, голубыми, как васильки, глазами. В такой ситуации лучше человека не торопить.

Удивительно, но Нина Фроловна в свои 80 лет прекрасно видит, вяжет, ловко орудуя спицами, вышивает красивейшие картины. И вообще, она очень энергичная женщина, рассказывает, что ещё сама за ягодами и грибами по горам ходит. А её памяти может позавидовать любой человек. То ли несчастья людей закалили настолько, что они крепкими становятся, как дубы? То ли порода людская раньше крепче была? Сказать трудно, но есть среди наших старожилов такие долгожители, пережившие несколько войн, голод, унижения и лишения, потерявшие многих своих родных, даже детей, а всё живут. Как говорит моя бабушка, уже часто болеющая, хотя ей лишь 61 год: «Слава Богу, что он хоть кого-то отмечает своей благодатью. Пусть живут они дольше на этом свете. А мы должны радоваться за них и верить в свои силы и возможности».

Собравшись с мыслями, Нина Фроловна продолжала: «Да, трудящийся человек всегда сможет прокормить и себя, и свою семью. Приведу такой пример. Вместе с Зеленовыми приехала из Орловщины семья их кума — Ланина. Он был хорошим шорником и имел немало заказов в деревне Копьёвой. Но вот беда — любил выпить. Всё, что заработает, спустит на выпивку. Так и жили они бедно, как говорят: ни кола, ни двора. Семья прислуживала инженеру Блуминау, так и жили у них в усадьбе во флигеле».

«А вообще-то, — добавила она, — дома жители деревни Копьёвой строили все большие, с вырезками, крыши с мурлатами, строили-то всё для себя. Рисунки-вырезки для карнизов и оконных наличников резали по трафарету пилкой, вручную. Строили всё своими руками, не было тогда ни тракторов, ни машин. Брёвна распиловывали вручную на любые досточки. Очень жаль, что ни одного красивого дома в деревне Копьёво не осталось, лишь здание музея, как память о моих родных, об их мастерстве и трудолюбии, сохранилось до сих пор. Ладно, людей

раскулачили, сослали. Но зачем дома-то обрекали на слом? Большие дома раскулаченных жителей деревни стали вывозить на станцию Копьёво. Из них построили улицу, которая шла от нынешней милиции до того места, где сейчас здание районной администрации».

Некогда богатая и красивая деревня Копьёва, в 1926 году насчитывающая 402 жителя, 80 дворов, 13 из которых были большие, крестовые, с крепкими усадьбами, резными наличниками и карнизами, и 3 торговые лавки (купцов Коноваловых, Потехиных и Спириных), после раскулачивания представляла печальное зрелище. Богатые усадьбы раскулаченных были вывезены в районный центр – пос. Копьёво и на центральную усадьбу расположенного рядом племовцесовхоза «Учумский». Большинство её жителей в 30-х годах разбежались из колхоза от голода, так что старожилов осталось лишь несколько семей, а остальные жители – переселенцы из центральных областей страны. Из воспоминаний переселенцев известно, что деревня, куда они переехали в 30-х годах, поразила их своей убогостью: избы без крыш, крытые дёрном, многие без печей, без дверей и оконных рам, без заборов, палисадов, у многих не было даже завалинок. Это было то, что сохранилось от вывезенных больших домов: флигели, амбары, бани, где и поселяли приехавших.

Разрушили привычный деревенский уклад единоличной жизни, уничтожили индивидуальную крестьянскую собственность. Как ульи, поразворошили семейные общины (редко в какой семье в деревне было помалу человек, до 10 - 16 детей имели). Но эти рабочие пчёлки продолжали трудиться, как бы жизнь их ни потрепала, тянулись из последних сил, детей воспитывая такими же трудолюбивыми, как их родители, прививая кроме крестьянских навыков, нравственные ценности своей семьи. И собиралась разбросанная властью семья по свету, и опять «носила медок в свой леток», выживала. И что в том плохого, что о своей семье думали, берегли? Ведь благодаря крепости каждой семьи и государство богатеет.

И всё же в деревне Копьёво осталось 4 крестовых дома, в которых были размещены начальная школа, изба-читальня, магазин потребкооперации, в одном доме с детьми, и в одном проживало 4 семьи переселенцев. Постепенно история их хозяев стёрлась из памяти жителей деревни. Хотя смутно люди знали, что магазин находился в лавке купцов Коноваловых, изба-читальня в доме купца Потехина, а вот здание школы стоит до сих пор, в нём расположен музей.

С созданием в селе Копьёво музея, с процессом гласности 80-х и свободой 90-х годов XX века стали известны многие неизвестные страницы прошлого деревни (ныне села) Копьёво, её жителей. К нам стала возвращаться память прошлого, которая бережно хранила сведения о судьбах, страданиях тех, кого называли «врагами народа», «лишенцами», кулаками», теперь называют репрессированными, а, по сути, о тех династиях предприимчивых, деловых людей, которые

способствовали процветанию нашего села, когда-то считавшегося самым большим в радиусе 150-200 км. А также и той части населения деревни, которую можно отнести к сельской интеллигенции.

Макаровы¹. А.В. Блуминау²

Трудно, рискованно быть предпринимателем, но под лежащий камень вода не бежит. О том, как богатели российская деревня в условиях свободных рыночных отношений, свободного предпринимательства, можно проследить на примере семьи Коноваловых.

Как-то в 90-х годах XX века появилась в селе Копьёво женщина, которая побывала в конторе совхоза «Орджоникидзевский» и сообщила, что она - дочь купца Коновалова Ивана Степановича и как наследница просит вернуть ей конфискованные советской властью усадьбные постройки отца. К этому времени они пустовали и постепенно приходили в полный упадок. Но ей в возврате права собственности было отказано, так как совхоз не являлся прямым преемником колхоза «Новый путь», при котором усадьба была конфискована, а каких-либо документов об этом у дочери не было. Не нашла она помощи и в суде. Однако её появление не прошло незамеченным и позволило приоткрыть тайну прошлого одной из купеческих семей, жившей раньше у нас.

Это была Константинова (в девичестве – Коновалова) Тамара Ивановна. К удивлению, оказалось, что живёт она рядом, в пяти километрах от села Копьёво – в посёлке Копьёво, на пенсии, с 50-х годов работала там рабочей на шпалозаводе, на маслозаводе и почтальоном на почте. Жила тихо, никому не рассказывая о себе, о своих родных. Она-то и поведала историю двух родственных ей семей, живущих в д. Копьёво до начала репрессий рядом: Макаровых – семье батраков, имеющих красивый крестовый дом, в которой выросла её мать, и купеческой семье Коноваловых – родной по линии отца.

Где-то в середине 60-х годов XIX века появились в небольшой деревеньке Копьёвой два брата Макаровых: Маркел и Масей (вернее – Моисей). Откуда – неизвестно, но точно, что из Сибири. Был Маркел с рыжей-рыжей пышной кудрявой шевелюрой. Женился он на девушке, пешком пришедшей из России в Сибирь, за что прозвали её Россейкой. Жили Маркел и Россейка в маленьком домишке, но начали строить напротив, на берегу реки Чулым, большой крестовый дом для своих детей. Как-то к празднику Россейка стряпала вафли, а Маркел, который иногда злоупотреблял спиртным, чем-то допёк её. Со зла она ударила мужа по голове большой чугунной вафельницей и убила его. Приехал урядник, забрал Россейку, допрашивал, но затем отпустил к детям. А вот родные ей такое злодеяние не могли простить, даже имя её не сохранили в памяти.

1 Воспоминания Константиновой Т.И.

2 Материалы музейного архива

Большой дом достраивали брат Масей да дети Маркела. Имена их неизвестны, кроме одного – Михаил. Он в последствии и жил в этом доме со своей семьёй. Михаил Маркелович Макаров женился на Матрёне (неизвестно, чья она, как отчество, откуда, вроде бы как из деревни Новосёловой). Добротный дом с красивым резным навесом над крыльцом, покоящимся на 2 высоких резных столбах (сейчас этого дома уже нет). Он имел много окон, просторные комнаты, вкруговую соединённые дверями, 2 выхода в тёплые сени. На подоконниках розы, бегонии. Много цветов в палисаднике у дома в улицу. Разводить их помогала учительница открытой в деревне Копьёвой министерской школы 3-х ступеней Литовченко Нина Семёновна.

Заведовал школой священник, который вёл Закон божий. Дети в школу уходили с утра, потом их отпускали на обед, а после обеда – опять в школу. Многие крестьянские дети овладели грамотой, в том числе и дети Макаровых. Но дети Михаила и Матрены Макаровых помимо этого получали помощь в учении от грамотного отца и от постояльца семьи – Блуминау Александра Васильевича.

В усадьбе Макаровых был большой флигель. В начале XX века его снимал инженер-геолог, единственный в округе человек с высшим геологическим образованием, Блуминау Александр Васильевич (родился в 1859 г. – умер в 1930 г.) с женой Дарьей Константиновной. В доме было много старинных книг, вероятнее всего, они принадлежали Блуменау А.В., который, как я думаю, оказал огромное влияние на развитие не только детей семьи Макаровых, но и в целом на культурную жизнь деревни Копьёвой, как её тогда именовали. Наверняка, его библиотекой пользовались многие жители деревни, в том числе и дети Коноваловых.

В личной жизни ему не повезло. Позднее он переехал в новый дом, построенный в 1909 году, который сначала предназначался для вокзала будущей железной дороги. Но железная дорога была проложена мимо нашей деревни. Так говорят старожилы. Сохранились воспоминания старейшей жительницы села Песеговой Анисьи Ивановны, прожившей почти до ста лет, о том, что руководил строительством этого дома сам Блуминау А.В.

А строила этот дом и усадьбу бригада Зеленова Даниила Михайловича – дедушки Иванцовой Нины Фроловны, о которой речь шла выше. Им, его сыновьями и Ланиными – земляками-переселенцами из Орловской губернии построена была эта красивая усадьба.

«Уже при первом взгляде на данное строение можно оценить высокий уровень качества работы моего деда, руководившего данной стройкой, – говорила Нина Фроловна Иванцова. - По традиции, после покрытия крыши железной кровлей, в знак завершения работ, подложили под её край с внутренней стороны деревянную разметку, найденную во время ремонта кровли в начале XXI века и переданную в дар музею».

В семье Блуминау на новом месте родилась единственная дочь, которая вскоре умерла. Очень горевал о ней отец. Но его дело помогло ему справиться с бедой. В новом доме Александр Васильевич имел свой кабинет, со шкафами, наполненными книгами, чертежами, другими рабочими материалами, коллекцией редких камней, руд, минералов. Вход посторонним туда был недоступен.

Блуминау А.В. часто и надолго уезжал из дома, занимался разведкой месторождений золота, других полезных ископаемых, запатентовывал их и продавал предпринимателям, владел двумя старинными медными штольнями вблизи д. Копьёвой. В период его отсутствия молодая, красивая Дарья Константиновна не скучала, часто устраивала вечеринки, завела отношения с одним из местных мужчин, что, видимо, и привело к разрыву их семейной жизни. Только Александр Васильевич из деревни исчез. Поговаривали тогда, что он, человек очень богатый, якобы, сбежал за границу, скрылся от советской власти.

Но это было не так. Помимо геологической деятельности, Блуминау А.В. имел ещё одно увлечение. Выехав из деревни Копьёвой, он оказался в городе Ачинске, создал там 26 февраля 1926 года общество «Краевед» из 36 членов. Единственный геолог на весь край, он с членами общества провёл ряд успешных геологоразведывательных экспедиций, работал по изучению памятников природы и старины, организовал охрану курганов в Гляденской экспедиции. Производил вынужденные археологические раскопки в местах строительства и разработки новых месторождений. Всё это помогло ему с 1925 года восстановить музей в городе Ачинске под названием «Ачинский музей Причулымского края», таким образом, продолжив дело Дмитрия Семёновича Каргаполова. Ещё в 1887 году в городе Ачинске Каргаполов Д.С. открыл библиотеку и музей, получая консультации по музейному делу у самого Н.М. Мартьянова – основателя Минусинского музея.

В годы революционных лихолетий музей был закрыт, казалось навсегда. Но Блуминау А.В. удалось его снова открыть. Вероятно и то, что в этом музее Блуминау Александр Васильевич разместил и свою коллекцию полезных ископаемых, собранную в д. Копьёвой. Работал директором музея до 1930 года и в то же время отдал 30 лет изыскательским работам в Приенисейском крае и Причулымье, в то же время был инженером на строящейся ветке железной дороги «Ачминдора», управляющим 3-х овцеводческих экономий Четверикова, в том числе и «Учумской». Умер в 1930 году.

Примечательно, что именно в доме Блуминау А.В. в селе Копьево, где после раскулачивания его жены Дарьи Константиновны, использующей труд батраков (а в их флигеле и проживала семья шорника Ланина., которая обслуживала усадьбу), и где была открыта самая хорошая в округе начальная школа, сейчас находится музей. Так что в деревне Копьёвой Александр Васильевич Блуминау, вероятнее всего, был в центре её культурной жизни, люди к нему тянулись, в том числе и

учительница Литовченко Н.С., и Коноваловы, и Макаровы, и другие жители деревни. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Не уедь он от жены, останься в нашей деревне, и неизвестно, какой была бы его судьба.

Макаровы не имели собственной пашни для посева зерновых, однако им выделяли на поле участок под картофель, который сажали под плуг. Капусту и другие овощи выращивали на грядках у дома. У Михаила и Матрёны скота не было, своего мяса тоже. Михаил заболел, и у него отнялись ноги. Заниматься разведением скота семье было не под силу. Но Михаил старался, чем мог, помогать жене. Над ним в деревне подшучивали: «Михаил валенки подшивает, книги читает да детей делает». А было их у Макаровых 11: восемь мальчиков и три девочки.

Нелёгкой была женская доля его жены Матрёны, содержащей дом и большую семью. Но дети подрастали и становились матери надёжной опорой. Матрёне приходилось со своими детьми наниматься на работу – батрачить. Обычно осенью у соседей купцов Коноваловых, ставших позднее её родственниками, начинался забой скота. Матрёна помогала им при этом, затем мыла на мостках в Чулыме брюшины, кишки и забирала их себе. При отсутствии мяса это выручало поднимать детей.

Сыновья Аркадий и Виктор, будучи детьми, зарабатывали деньги на строительстве железной дороги. Они на лошадях возили землю, а на тачки им её набрасывали рабочие. За день они зарабатывали по 3 копейки, на которые в те времена можно было купить пуд хлеба.

В Ужурском районе в деревне Поперечка жили родственники Макаровых. Матрёна со своими детьми ходила к ним не только в гости, но и на заработки вместе со старшими сынами Леонидом и Константином: жали серпами хлеб на чужом поле. Расплачивались с ними рожью, так что на зиму хлеба им хватало.

Летом дети носили из леса ягоды, грибы. Аркадий и Александр пасли овец у купцов Коноваловых. Вот так и выжила большая, трудолюбивая и дружная семья Макаровых. Но в целом жили они очень бедно, одни валенки, порой, были на всех.

Эту семью от других деревенских отличали грамотность, тяга к знаниям, культурность. На что не могло не повлиять общение с Блуменау А.В.

Старшие сыновья Макаровых Степан и Лев, пройдя начальную военную подготовку у казаков в Форпосте (ныне Будённый), поступили в Томскую офицерскую школу. В те годы военная служба была престижна, а для молодых Макаровых она была ступенькой наверх, из нищеты к достатку. Им очень помогло то, что они овладели грамотой, много читали, стремились к самообразованию. С какой гордостью смотрели на них в семье, когда они в годы учёбы приезжали на побывку домой! Не часто удавалось простым крестьянским парням из деревни выйти в

люди, а они смогли. Это была надежда родителей — будущие кормильцы. Но не суждено было им таковыми стать.

В офицерском звании Макаровы Степан и Лев участвовали в первой мировой войне, а затем, как и большинство царских офицеров, в гражданской — на стороне белых, оба погибли. Под Псковом есть могила, в которой похоронены или оба брата, или один из них, точно семья не знала. Сколько слёз пролила Матрёна по своим сыновьям! Не от того ли в её широко посаженных глазах столько тоски-печали? Помнится лишь, со слов Матрёны, как уговаривал брат Александр сестру Таисью, в будущем — Коновалову: « Не плачь, мы отомстим за смерть своих братьев». Но перемены в стране были необратимы, и семья почувствовала это на себе ещё не раз. Жизнь разделила детей Макаровых по разные стороны.

Третий сын Леонид — участник гражданской войны, но на стороне красных, потом работал избачом в деревне Копьёво. Когда начались репрессии, опасаясь преследований за братьев — белых офицеров уехал или лучше сказать словами племянницы Тамары Ивановны Коноваловой — сбежал на Север, в Дудинку, где и жил с женой-хохлушкой Анной.

Александр — 1904 года рождения — женился на девушке из деревни Копьёвой, соседке Константиновой Ульяне Александровне. Семья крестьян Константиновых тоже была репрессирована. В 1932 или 1933 году Александр Макаров уехал из деревни Копьёво в посёлок Копьёво, работал на разных работах в заготзерно, на вахте, а в годы войны его по состоянию здоровья отправили в трудовую армию. Жил тихо, особо друзей не имел, болел сердцем, возможно, повлияло сильное потрясение — гибель любимых братьев, тяжёлая участь сестры Таисьи. Умер в пос. Копьёво 16 сентября 1959 года, так никому и не отомстив за смерть своих старших братьев — Степана и Льва. Но светлый образ старших братьев всегда хранил в своей памяти, о чём мог сказать лишь самым близким людям. Трудно, наверное, жить человеку, ощущая своё бессилие перед обстоятельствами жизни, таиться от людей. Правда, радовало то, что в 1956 году сестра Таисья с дочерью Тамарой вернулись из ссылки и поселились в посёлке Копьёво. Чем мог, он им помогал. Хотелось бы мне заглянуть в его глаза, что там в их потаённых глубинах скрывалось от людей?

Аркадий Макаров прожил сложную жизнь. После раскулачивания Коноваловых, будучи грамотным, торговал в их лавке, ставшей магазином потребкооперации, имел небольшую растрату, был осуждён, сурово наказан, отправлен на Восток. После него в магазине торговала его жена Манефа. Её постигла та же участь. В народе поговаривали, что им «помогли сесть». Вскоре после суда Манефа умерла. Осталась у них маленькая дочь Наденька, которая и сейчас живёт в селе Устинкино нашего Орджоникидзевского района. Аркадий был участником войны с Японией, охранял военные объекты. Нашёл там, на Востоке, себе вторую жену Марию и имел с нею 9 детей. Умер в 70-х годах. В деревню Копьёво больше не возвращался.

Иван работал машинистом паровоза в Красноярске. Однажды в пути состав оторвался от паровоза. Он был осуждён на 8 лет, отбывал срок на Севере, в Норильске, затем был отправлен в ссылку. Последние годы жил в г. Красноярске, с женой и 3 детьми.

В 1927 году Евдокия Степановна Коновалова, а за ней и сын Иван Степанович – младший были лишены избирательных прав. Обстановка в стране сгущалась, свёртывался НЭП, богатые люди чувствовали, что над ними сгущаются тучи. Это ощутили и Коноваловы. Понимали последствия родственных связей с ними и Макаровы, боялись попасть под подозрение. Но особую обиду Таисья Михайловна имела на младшую сестру Надежду. Молодые Иван и Таисья часто разъезжали по деревне в выездной коляске. Завидев их, Надежда старалась уйти подальше, спрятаться, чуралась сестры. В 1929 году Иван Степанович и Таисья Михайловна Коноваловы из деревни Копьёвой выехали.

Надежда Макарова в 1929 году тоже уехала из деревни Копьёвой, чтобы осуществить свою мечту. В то время многие юноши и девушки мечтали летать. Надежда после окончания лётных курсов в г. Красноярске летала один год на самолёте, но потом что-то у неё не заладилось, и она стала работать продавцом в старом универмаге г. Красноярска. Временами приезжала в деревню Копьёво в гости к родителям. А здесь в деревне в 1932-1934 годах работал технологом на молокозаводе Возчиков Алексей Константинович, родом из Красноярска. Вероятнее всего, он был коммунистом. Их знакомство закончилось свадьбой, которую справили здесь же, в деревне. В 1935 году Алексей переехал к Надежде в Красноярск. Жили они по улице Сталина (ныне улица Мира), отсюда Алексей Константинович ушёл на фронт, где и погиб. Надежда в годы войны работала на складе военторга. На пенсию ушла в 60-х годах. Вдова фронтовика воспитала одна 2-х детей: Костю и Таню.

Вот так непросто складывалась жизнь батрацкой семьи Макаровых, дети которых с раннего детства познали, что такое нищета, жизнь впроголодь, батрачество. И в то же время именно в семье они научились выживать, жить своим трудом и умом, освоили грамоту и поняли главную истину, которую прививали им родители, надо учиться, учить своих детей. Это была очень культурная крестьянская семья. Во многом именно благодаря Блуминау А.В. их дом стал центром культурной жизни села. Но и их не обошло лихолетье. Семья разделилась на сторонников и противников советской власти, испытала на себе страшные потери близких, разобщённость по идеологическим мотивам, что очень огорчало родителей, терзало болью её материнское сердце.

Коноваловы¹

Есть версия односельчан, что где-то в начале XX века приехала в д. Копьёву, предположительно из Новосёлово, большая семья Коноваловых.

¹ Воспоминания Константиновой Т.И

Во главе семьи была мать, отца не было. Глава семьи Степан Коновалов умер, как считалось, до их переезда в д. Копьёва. Но в архиве г. Абакана сохранилось 3 церковные метрические книги за 1894-1896 годы, в которых несколько раз упоминается Коновалова Евдокия Стефановна (Степановна), вполне, вероятно, именно та, о семье которой и пойдёт речь дальше. Это даёт право предположить, что и она, и Коновалов Степан – коренные жители Копьёво, тем более, что уже в 1819 году Коноваловы уже упоминаются среди жителей нашей деревни. А в начале XX века в деревне проживало их несколько семей.

В 1906 году семья Коноваловой Евдокии Степановны поставила на высоком яру реки Чулым большой крестовый дом. Левую часть дома занимали магазин, склады, и подтоварник. А правую – жилые помещения: прихожая, имевшая вход со двора, гостиная – столовая, кухня, две спальни.

Обстановка в доме была богатой, но без излишеств. В гостиной стоял длинный, под цвет дуба, стол, вокруг него – красивые венские стулья, буфет с посудой. Еду приносили из кухни в столовую в большой супнице или на блюдах. Мебель в доме была городской: не было ни лавок, ни полок, ни сундуков, а – зеркала, комоды... Дом отапливался большой печью и голландкой. Печь была отделана красивыми изразцами и была гордостью семьи.

Усадьба Коноваловых – образец старинной старожильской (чалдонской) застройки «под одну крышу» – была добротной и сохранилась частично до наших дней. Рядом с домом внутри ограды стоял большой флигель, который, возможно, служил кухней, а возможно, в нём тоже жили члены семьи. Сохранились сведения о том, что, когда в деревню зашли Щетинкин с партизанами, они выселили Коноваловых во флигель, а в доме разместили штаб армии и это несмотря на то, что в партизанах, был зять Коноваловых Шаров – муж сродной сестры Натальи.

Вплотную друг к другу шли амбары, завозня, погреб-ледник, конюшня и хлев для скота – всё под одну крышу. Высокий забор из полубрёвен, уложенных в паз, высокие с навесом ворота, рядом с воротами – глухая калитка в ограду, широкое крыльцо в улицу у лавки, палисад под окнами жилой части дома, много цветов. Небольшой огород для мелочи. На противоположной стороне спуска к реке, вне ограды – баня и бойня для скота. Такими же были и другие богатые усадьбы в деревне.

По Енисею из-под Минусинска до Новосёлово везли на плотах арбузы, помидоры, а оттуда доставлялись они до деревни Копьёвой к Коноваловым и продавались в лавке.

Забота о семье и торговое дело легли на плечи Евдокии Степановны, 1869 года рождения. В 1906 году, когда Коноваловы построили в деревне дом, ей было всего 37 лет. Она имела, также как и Макарова Матрёна, их соседка, 11 детей, только 8 дочерей и 3 сына. Старший сын Иван Степанович сначала во всём помогал матери, затем стал

главным в делах семьи, но, женившись на девушке Физе (Анфисе), отделился и переехал в Форпост (станция Солёно-Озёрная или с/з Будённый), где у них и родилась дочь Надежда. Старший сын Иван Степанович, по всей видимости, стал казаком. На снимке он стоит с такими богатыми, залихватски загнутыми усами, прямо настоящими казачьими, рядом с женой Анфисой и дочерью Надеждой. А домом и торговлей вновь занялась Евдокия Степановна до тех пор, пока не вернулся после 7 лет службы на Тихоокеанском флоте самый младший из детей сын - тоже Иван.

Помимо своего магазина Коноваловы имели отару овец до 500 голов овцематок, табун лошадей, точное количество которых определялось так: табун загоняли в загон, если не входила одна лошадь, говорили: «Загон полный, а жеребушка лишняя», коров держали немного – 10-15 голов, так как сена много было не накосить, держали тот скот, который зимой мог сам себе добывать корм из-под снега. Семья имела пару выездных лошадей, запрягая их в лёгкие и красивые дрожки. Кроме того, Коноваловы закупали скот и гоняли его на продажу в гг. Ачинск, Красноярск или торговали мясом.

Ивану Степановичу вести большое хозяйство помогал управляющий или, может, старший пастух хакас Чепкай (или Чапкай): гонял скот, следил за его разведением, нанимал пастухов, часто бывая в разъездах и оставляя дома свою жену Пелагею Фёдоровну, которая от скуки любила подгулять.

Это был период бурного расцвета НЭПа, предпринимательства и торговли. Торговля скотом была тогда прибыльным, но очень опасным делом. Однажды после удачной торговли в Ачинске Чепкай с хозяином возвращались домой и чуть не стали жертвой разбойников, спасшись просто чудом. В то время наезжали на лошадях банды, говорили, что из Средней Азии, вырезали целые семьи богатых хакасов и русских, грабили на дорогах, убивали путников.

Имея связь с местными жителями, они заранее знали, кого грабить. Ещё в Ачинске мудрый и наблюдательный Чепкай заметил неладное. Он заподозрил сына хозяина дома – их хорошего знакомого, у которого они всегда останавливались, и подсказал, что безопаснее ехать тайгой, в стороне от дороги. Чтобы ехать незаметно и тихо, они надели на морды лошадям торбы с овсом. Вдруг путники слышали, как по дороге скачет погоня. Умчавшись вперёд и не найдя их, разбойники вернулись, громко разговаривая о том, что преследуемые проехали другой дорогой.

Иван Степанович состоял в Минусинском благотворительном обществе, которое собирало вклады – пожертвования от богатых людей и передавало их на общественные нужды. Коновалов И.С. выделял большие деньги этому обществу для содержания музыкальной школы г. Красноярска, располагавшейся раньше по улице К. Маркса (со слов Виктора Михайловича Макарова, долгие годы прожившего в этом городе).

Старожилам Евдокия Степановна запомнилась степенной, величественно красивой, в пышных, с оборками платьях, настоящей купчихой.

Сначала она заказывала пошив одежды, стёганных одеял белошвейке, коей слыла в деревне соседка напротив Изосимова. А затем Коноваловы купили себе такую же швейную машинку «Зингер», ведь подросли дочери, им нужны были наряды. Одна из дочерей Мария научилась хорошо шить для всей семьи.

Трагически сложилась судьба Евдокии Степановны Коноваловой и её детей в годы коллективизации. Но самая тяжёлая участь постигла младшего из сыновей, старожилы именовали его не иначе, как по отчеству – Иван Степанович (младший).

Из архивной справки № 108 по Центральному госархиву Р.Хакасия

Выписка из протокола заседания сельизбиркома Копьёвского с/с от 4.12.1927 года.

Постановили: лишить избирательных прав Коновалова Ивана Степановича – торговца, имеющего двух батраков, участвовал в дружине Колчака. (Доказательств этого нет).

Выписка из протокола заседания Ужурского избиркома от 30.12.1930 г.

Коновалов Иван Степанович 31 года лишён избирательных прав в 1927 году. Бывший торговец, эксплуататор чужого труда... В 28 году имущество своё распродал и выехал из деревни Копьёво в улус Поросёново, откуда в 1930 году был выслан из с/совета в дер. Простокишино.

Жена Таисья Михайловна 23 лет, в 29 году сослана вместе с мужем, мать Евдокия Степановна 60 лет, бывшая торговка, лишена в 27 году. В 28 году вместе с сыном выехала из дер. Копьёво. Оставить в списке лишённых избирательных прав.

Затем из Ужурского района они были высланы в Томскую область. Сначала в деревню Сергеево Асиновского района, где у них в 1932 году родилась первая дочь Лидия. Затем по этапу они попали в деревню Пышкино Троицкого района, где в 1934 году родилась ещё одна дочь – Тамара. Затем всех ссыльных по этапу выслали в деревню Захарково – староверческий скит, привезли и оставили зимой прямо в тайге. Они рыли землянки и жили. Пока сами ссыльные не построили себе дома сами, так и жили в землянках.

Иван Степанович, человек грамотный, даже был там на руководящей работе. Как вдруг его однажды арестовали и увезли неизвестно куда. Попытки родных найти его успеха не имели. Много слёз было пролито по нему близкими, навсегда запомнился им он как человек уравновешенный, немногословный, спокойный, любящий свою жену и боготворивший своих крошек-дочерей, появившихся на свет в пути, по этапу к месту ссылки. Запомнилось, как мужественно он переносил унижения и наказание, лишения и невзгоды ссылки по этапу, длившемуся более 4 лет, как заботился о своей семье – единственной ценности, оставшейся

у него от прошлой жизни, как он старался работать добросовестно, без замечаний комендатуры.

Трудно пришлось с малолетними детьми Таисье Михайловне, хотя с детства она была приучена к труду, да и в доме у свекрови всем работы хватало. Чтобы поддержать сестру, их проведать приехал брат Таисьи Аркадий Макаров и увёз с собой старшенькую дочурку Лидию к себе, в Красноярск.

А затем, когда началась Отечественная война, её забрала к себе не имеющая собственных детей сестра Ивана Степановича Клавдия Степановна Андреева в г. Оху на Востоке, так Лидия и ездила с ними по стране, куда направляли их на строительство гидролизных заводов.

Таисью Михайловну постоянно угнетало отсутствие сведений о муже. Она, а затем подросшая дочь Тамара, писали письма-запросы о местонахождении Ивана Степановича, долгое время искали его след. Когда на первые запросы в 50-х годах было сообщено, что Коновалов Иван Степанович сослан в Магадан без права переписки, дочь Тамара всё порывалась съездить туда на поиски отца. Мать её с трудом отговаривала от этого. Но потом всё же ездили туда к родным вместе и опять пытались найти его. Но безрезультатно. И только в 1992 году всё прояснилось.

Из свидетельства о смерти серии 1-ОМ № 430673: гр. Коновалов Иван Степанович умер 14.02.1938 г. в возрасте 41 года. Причина смерти – расстрел. Место смерти – г. Томск.

Выдано г. Асино, Томской области, отдел ЗАГС 27.05.1992г.

В 50-е годы, когда стало возможно покинуть место ссылки, Таисья Михайловна с дочерью Тамарой переехали на жительство поближе к своему родному гнезду – в посёлок Копьёво. Но их тянуло в деревню Копьёво. Вспоминает Тамара Ивановна, как они с матерью приходили несколько раз пешком в деревню, проходили по улице мимо своего родного дома, где всё так же работал магазин, только потребкооперации, а в жилой части располагалась контора колхоза. Шли по улице, стараясь не привлекать взгляды прохожих, тайком поглядывая на усадьбу Коноваловых, боялись, что кто-то их может узнать. Так хотелось Тамаре Ивановне зайти внутрь дома, увидеть печь, украшенную изразцами, о которой она знала по рассказам матери. Но побывала она там только в 90-х годах, когда усадьба стала опустевшей и заброшенной, но всё ещё напоминающей о былом достатке предприимчивой, трудолюбивой большой купеческой семьи Коноваловых.

Безусловно, и тот вклад, какой вносила в развитие нашей деревни и нашего Причудлымья деятельность Коноваловых, и трагическая судьба членов их семьи, и сама усадьба – единственная в районе, позволяющая получить представление об усадьбе старожильческого типа «под одну крышу», учат нас бережно относиться к островкам ценного прошлого, которые ещё не смело на своём пути неумолимое время и наше, люди, варварство. А Тамара Ивановна реабилитирована уже в наше время.

Справка о реабилитации Коноваловой Тамары Ивановны, 1934 г.р.: УВД Томской области пересмотрены материалы архивного дела № Р-5536 с 1934 года.

На основании Постановления СНК и ЦИК СССР от 1 февраля 1930 года находилась на с/поселении вместе с родителями в Томской области. По состоянию на 1949 год значится состоящей на учёте. С учёта спецпоселения снята в Томской области. Дата не установлена. На основании Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. ст. 3, пункт «В» признана реабилитированной.

Но кто ответит ей за исковерканную жизнь, отсутствие образования и хорошей специальности. За то, что живёт она трудно, в небольшом доме в пос. Копьёво. Все сёстры Коноваловы и брат Илья были образованными людьми и, хотя были раскулачены, всё же смогли иметь достойную профессию и нормально жить. А дочь батрачки Таисья Макарова – Коновалова перенесла столько унижений и лишений только потому, что очень любила своего мужа. Своим детям образование она дать не смогла.

История семей Макаровых и Коноваловых подтверждает тот факт, что деревня Копьёво играла заметную роль в нашем Причулымье. Помимо хозяйственных успехов её жителей, нужно особо подчеркнуть высокий уровень их культуры, появление сельской интеллигенции, многие её представители разделили с крестьянами горькую участь в период репрессий. Деревня Копьёво в 30-х гг. пережила опустошение и упадок.

Евдокименко¹

После окончания педучилища в 1940 году приехали на работу учителями в начальную школу деревни Копьёво Саралинского района Красноярского края два товарища: Михаил Петрович Евдокименко и Александр Васильевич Косов. Вместе они окончили 7 классов в Копьёвской средней школе посёлка Копьёво. Вместе учились в педучилище. В одной школе – в нашей Копьёвской начальной – начали свою трудовую деятельность. Они сошлись характерами, два очень интересных человека, два педагога, настоящие друзья. У них даже мечты были одинаковые – стать военными лётчиками, бороздить воздушное пространство, совершать подвиги. Но уже в 1939 -1940 учебном году они приступили к работе, став учителями Копьёвской начальной школы в деревне Копьёво, сельскими интеллигентами.

«Старший Евдокименко был для нас кумиром. Мы старались подражать ему во всём. А как он умел нас заинтересовать: то мы вместе с ним и его учениками шли помогать престарелым, то всей

¹ Воспоминания Соловьёвой Татьяны Петровны

ватагой устремлялись в походы, организовывали лыжные гонки. Летом круг наших увлечений ещё больше расширился: здесь и плавание, и летние игры, и сенокос, и сбор ягод...» - вспоминал Михаил Фёдорович Замяткин, односельчанин.

Молодые педагоги участвовали с огоньком и полной энергией в общественной жизни деревни: в избирательной компании, в художественной самодеятельности, были прекрасными агитаторами. Оба молодые, без вредных привычек: не пили, не курили, оба из бедных семей. У обоих не было отцов. С появлением двух друзей в деревне Копьёво жизнь молодёжи заметно оживилась. Михаил Петрович имел красивый голос, хорошо играл на балалайке, очень популярном в те годы народном инструменте. Любимыми песнями Михаила Петровича были: «Тучи над городом встали», «Ой вы, кони, вы, кони стальные!», «Спят курганы тёмные» и другие.

В 1941 году Михаил Петрович женился на учительнице этой же школы, направленной на работу в д. Копьёво, Первушиной Анной Дмитриевной. Жили они всё в том же доме на территории школы. Александр Васильевич Косов (1920 г.р.) к этому времени был уже призван на службу в армию, и он смог, наконец, приблизиться к своей мечте - стать лётчиком. Началась война. По его просьбе он был направлен в лётное училище, окончил его с отличием, но на фронт, как ни старался, не попал, его оставили работать в училище инструктором до конца войны. Он вспоминал это с каким-то чувством ложного стыда, в то время ведь все считали нужным попасть на фронт. Несмотря на его рапорты начальству о направлении на фронт, его просьбу так и не удовлетворили. Военный человек обязан выполнить приказ.

А Михаил Петрович не был призван в армию, куда он так стремился попасть. Виной тому было то, что он был сыном репрессированного отца. Его отец Евдокименко Пётр Петрович (1897 г.р.) в годы гражданской войны защищал Советскую власть, был артиллеристом тяжёлой артиллерии. В музее села Копьёво хранится его фотография в военной форме, сделанная в годы его службы в рядах Красной армии. Был он человеком очень скромным, трудолюбивым, без вредных привычек. Высокий, стройный, красивый, он заметно выделялся среди мужчин. Женился на Марии Васильевне (1902 г.р.) и жил со своей семьёй в небольшой деревне Грузенка, Балахтинского района, Красноярского края. Имели с женой пятерых детей: Михаила, Георгия, Владимира, Татьяну и Ивана. Пётр Петрович был крестьянин-середняк. А когда началась организация колхозов, в колхоз не пошёл.

Со своей семьёй он в 1937 году уехал в деревню Копьёво. Но и здесь не вступил в колхоз «Новый путь», что был организован в деревне, а по договору в составе бригады плотников нанялся для колхоза строить склад-сушилку на колхозном зернотоку. При этом плотники сами на большие козлы укладывали брёвна и пилили вручную большой продольной пилой их на доски. Труд не из лёгких.

Окончив строительство, решил переехать к 1 сентября 1937 года на жительство на ст. Копьёво, что в пяти км от деревни Копьёво. Там была средняя школа, нужно было учить детей. Пётр Петрович работы не боялся и устроился работать пильщиком в Копьёвской лесоперевалочной базе, был передовиком производства. В то время многие жители станции Копьёво жили в полужемлянках. Жилые дома почти не строили. А под учреждения вывозили дома раскулаченных жителей д. Копьёво. Купил Пётр Петрович полужемлянку под усадьбу, планировал перезимовать с семьёй в ней, а с весны, дело-то знакомое, построить себе дом. Но мечта его не сбылась.

В ночь на 12.02.1938 г. к ним домой пришли уполномоченные Ужурского НКВД и попросили Петра Петровича предъявить документы. Дети спали. Проверив документы, пришедшие тихо, вполголоса переговаривались друг с другом: документы в порядке, всё в них как надо, забирать его не за что. Налоги, которые преподнесло государство, семья уплатила. Но вина Евдокименко П.П. была в том, что он не захотел идти в колхоз. Пётр Петрович всегда говорил, что если бы в деревне Грузенка была средняя школа, он никуда бы не поехал, вступил бы в колхоз и учил детей на месте.

Отца увели. Больше его семья не увидела. Было сообщено, что он отправлен в отдалённые лагеря без права переписки. Было тогда Петру Петровичу всего 40 лет. В справке, выданной музеем судом ХАО № 01-02 от 9.07.1990 года, сообщалось, что дело Евдокименко П.П. рассмотрено Президиумом Хакасского областного суда от 13 ноября 1959 года. Постановление тройки УНКВД Красноярского края от 15 марта 1938 года и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Евдокименко П.П. полностью реабилитирован. Но уже не вернуть семье отца-кормильца. Не стереть горькие слёзы с лица его жены Марии Васильевны, выплакавшей их немало по любимому мужу, и постепенно терявшей зрение, став вдовой в 36 лет с пятью детьми.

Старший сын Михаил в год, когда забрали отца, учился в 7 классе. Трудно пришлось семье без кормильца. Мария Васильевна устроилась рабочей на железную дорогу, а по ночам стирала людям бельё, по выходным дням нанималась белить квартиры, не гнушаясь никакой работы. Чтобы помочь матери, Михаил после занятий в школе работал вместо отца пильщиком, выполняя непосильную для семнадцатилетнего паренька работу. Окончил он 7 классов успешно с примерным поведением. Был он юношей очень скромным, всегда аккуратным, требовательным к себе. Вот директор и рекомендовал ему стать учителем. Так он снова попал в деревню Копьёво и был ярким представителем сельской интеллигенции.

Его сестра Татьяна Петровна в своих письмах в музей в 90-х годах XX века писала, что Михаил Петрович хотел любой ценой попасть на фронт, писал письма в военкомат и выше, в Москву с просьбами

о направлении его в лётное училище или сразу на фронт. Наконец, в январе 1942 года он был призван в армию, но направлен на военный завод в г. Кемерово. Прослужил он там 1942 год. В это время выходит Постановление СНК о возврате учителей с военных заводов на прежние места. Михаила Петровича вернули, и РОНО, зная его увлечение спортом и учитывая его военную подготовку, направило его военруком в Копьёвскую среднюю школу на станцию Копьёво. Надо было всерьёз готовить детей к призыву на службу.

Работая, Михаил ходатайствует перед вышестоящими органами о незаконном аресте его отца. Это по тем временам был очень смелый поступок, ведь его самого могли в чём угодно обвинить. Но на удивление он получает документ о том, что сын за отца не отвечает и препятствий для призыва его в Красную армию нет. К этому времени два его младших брата Георгий и Владимир, уже были взяты на фронт.

Он проработал в средней школе не более трёх месяцев и пошёл снова в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Наконец просьбу его удовлетворили, призвали в Красную Армию и вскоре зачислили в военно-морскую авиационную школу г. Рузаевка, Мордовской АССР. Оттуда он прислал домой справку об учёбе в школе и единственную военную фотографию. После успешного её окончания он вместе со своим экипажем был отправлен на фронт в авиационный полк Черноморской флотилии. Во время одного из боевых вылетов он погиб 7 мая 1944 года в Крыму, о чём пришло на имя родных извещение. Похоронен Евдокименко М.П. — военный лётчик — в Крыму в г. Саки.

О братьях Евдокименко у жителей Копьёво сохранились самые светлые воспоминания: высокие, красивые, все трое прекрасно пели, играли на гитаре.

Михаил Петрович очень гордился тем, что он — военный лётчик, и тем, что ему доверили защищать Родину. Матери и младшим своим сестре и брату он писал письма отдельно. В них он просил беречь мать, ни в чём не обижать её. Учиться просил их только отлично, чтобы старшим братьям за них не было стыдно. Он писал: «Ваша отличная учёба поможет скорее разбить коварного врага». После войны, обещал он, вся семья переедет жить в Крым, где ему очень понравилось. Письма братьев с фронта не сохранились. Так как они очень расстраивали мать, она всегда очень плакала, держа их в руках, дети их сожгли, но в памяти сохранили отдельные фразы, которые запали в сердце.

А Георгий, вспоминала Татьяна Петровна, писал с фронта: «Дорогая мамочка, не плачь, крепись, разобьём проклятого врага, вернёмся домой, «тогда запляшут лес и горы, и зацветут зелёные сады». Милая наша мама, будешь тогда только отдыхать, а мы будем сами трудиться и проявлять всю свою заботу о большой нашей семье».

Жила семья Евдокименко после ареста отца в 1938 году всё в той же землянке, но потом стали строить рядом дом. Строили его уже в войну. Георгий и Владимир после занятий в школе работали

кононогами в сплавной конторе леспромхоза, зарабатывали деньги на дом. Георгий ушёл на фронт первым и дома своего не увидел, а Владимир и Михаил уходили из этого дома.

В Абакане Георгий Петрович Евдокименко попал в отдельный лыжно-истребительный батальон, наскоро обучив их азам военной подготовки, отправили на запад, под городом Старый Оскол, где он прошёл своё первое боевое крещение наводчиком миномётных расчётов. За умелые действия Георгию присвоили звание сержант. Скоро от двух, прибывших под Старый Оскол эшелонов, осталось не более ста человек. Их отправили на переформирование под Москву. Георгий попал в 273 стрелковую дивизию, которая называлась «Молодёжная», т. к. в ней не было ни одного бойца старше 20 лет. А оттуда под Сталинград, где шли тяжёлые бои за город. Георгий был отчаянным парнем и вскоре стал младшим лейтенантом и командиром взвода миномётчиков. Пропал без вести в апреле 1943 года

Об обстоятельствах гибели третьего брата – Владимира ничего неизвестно, кроме упоминания его друга Замяткина М.Ф. о том, что он погиб, ещё не доехав до фронта.

В пос. Копьёво всегда помнят павших за Родину братьев Евдокименко, молодёжь неоднократно проводила в честь них трудовую вахту. Одна из новых улиц посёлка Копьёво в 90-х годах названа в их честь. Много об этом хлопотала их сестра Татьяна Петровна.

Когда началась война, ей было 17 лет, она училась в 7 классе. С уходом братьев на фронт, она осталась за старшую. Младшему брату Ивану было 11 лет. Трудным было их детство: рано лишились отца, началась война, все ушли на фронт. Повзрослели они до поры. Держали корову. Сено косили, дрова заготавливали и возили на себе домой на тележке. Землю на огороде под картофель копали лопатой по 40 соток, картофеля сажали много, чтобы не голодать. Так их приучила к труду мама.

Татьяна Петровна выучила брата Ивана, дала ему высшее образование. Умерла Татьяна Петровна в г. Красноярске. Остаётся только удивляться, сколько может человеческое сердце переносить тяжкие испытания, выпавшие на его долю, как может человек при этом не пасть духом, а наоборот, активно бороться за жизнь. А память о её братьях сохраняется благодаря её усилиям на нашей Копьёвской земле, сохраняется в сердцах и умах людей.

Во многом трагедия семьи Евдокименко началась с образования колхозов, когда нарушен был естественный ход деревенского уклада. Крестьяне нутром своим почувствовали, что колхозы несут им несвободу, они предпочитали бежать с родных мест, ради сохранения права распоряжаться своей судьбой самим. Только не понимали они масштабов той силы, которой они пытались противостоять, и которая их настигала везде, укрыться от неё было невозможно. Но самые тяжкие последствия воздействия этой грубой и немилосердной силы — это подавление личности подрастающего поколения.

Но память жива

Дети не могут не любить своих репрессированных родителей. И в то же время вынуждены были служить этой власти, уничтожившей самое дорогое, что есть у ребёнка — родителей. Остаётся только удивляться, эти дети стремились выжить, сохраниться, как личности, остаться настоящими людьми. И набраться какой-то взрослой мудрости, что Родину и родителей не выбирают, их любят и защищают, даже жертвуя своей жизнью. Такими от природы благородными и любящими родителей и свою такую суровую к ним Родину и были дети Евдокименко. Их жизнь может служить примером для той части современной молодёжи, которая пасует перед трудностями жизни, которая живёт праздно, сбивается с пути, которая не берёт ответственности не только за родных людей, но даже за себя. Я после изучения биографии братьев Евдокименко, ещё больше усилил дома спортивные тренировки, стал закаляться, да и вообще, как говорят, ума поднабрался.

Выбывшего в пос. Копьёво Евдокименко Михаила Петровича в годы Великой Отечественной войны заменила Бойцова Антонина Васильевна — юная девушка из посёлка Орджоникидзевский. Активно включилась молодая учительница в общественную жизнь села, участвовала во всех молодёжных делах. А в 1942 году подала заявление о вступлении в комсомол. Но ей было отказано, так как её родители были спецпоселенцами. История повторилась.

Наша огромная страна, именуемая ранее Российской империей, затем СССР, а ныне Российской Федерацией, состоит из тысяч городов, посёлков, десятков тысяч деревень. Многомиллионное население нашей Родины объединено в маленькие ячейки общества — семьи. Это напоминает мне чем-то пчелиный улей, называемый пчеловодами — семья. Маленькие ячейки сот превращаются в своеобразный инкубатор, где растёт и воспитывается куколка, постепенно превращаясь в настоящую пчелу. Но и выбравшись на волю, она не остаётся без внимания своего семейства и, помимо природных инстинктов, заложенных в генах, она получает практические навыки и усваивает те правила поведения и законы, на которых строятся отношения в пчелиной семье.

Мне приходится часто помогать своему дедушке, ухаживающему за ульями. Я люблю наблюдать за их жизнью. Эти наблюдения невольно приводят к сопоставлению жизни пчелиного семейства и семьи человеческой: матка и детки, труженики и трутни, стража и разведка, ну всё, как у людей! То, что усвоила пчела в семье с младенчества, если так можно выразиться, остаётся с ней навсегда. И не так ли и у людей обстоят дела во взаимоотношениях в семье, в привязанностях друг к другу, не становится ли влияние семьи на складывающуюся личность юного существа главным фактором её развития? Способно ли общество и государство вытравить, изменить жизненные ориентиры человека, ценности? Да, вопросов возникает множество и, возможно,

мне не удастся ответить на них до конца. Но я пытаюсь путём анализа жизни некоторых семей наших репрессированных односельчан, чьи дети и внуки живут ещё и сейчас в наших местах, найти ответы на эти непростые вопросы, которые можно объединить одним ёмким словом – ПАМЯТЬ!

Как ни пыталось советское государство вытравить из сознания детей репрессированных её, память о загубленных ею родных и близких им людей, но ей это не удалось сделать. Прошло столько лет, а ничего не забыто, всё всплыло, стоило только вспомнить о прошлом. «Я уже больше недели не сплю. Всё так бурно нахлынуло на меня. Не могу. Плачу и плачу все дни. Вот как глубоко ни прячешь боль, а она не уходит, до самой могилы с человеком остаётся. Такое не забывается», - заключила Нина Фроловна Иванцова . Может быть это ответ на наш непростой вопрос?

**Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/9/Fiskov/0.htm**

Восторг и фальшь человеческой души

(из жизни школьной молодежи 60 -70-х годов)

Екатерина Герасимова

*Республика Хакасия,
п. Шира. Ширинская основная
общеобразовательная школа*

Руководители:

Т.В. Гольцер, А.В. Деряжная

Пионерия, пионерия!
Лишь слышу твой звонкий шаг,
Открываю окна и двери я,
Чтобы ветер звенел в ушах!

Как это было? Как начиналась пионерия у нас, в Шира? Кто был организатором первого пионерского отряда? Чем занимались юные пионеры?

Эти вопросы волновали меня всегда. С раннего детства я слышала разные истории о пионерах, жизни в пионерской организации. О том, что в школе существовала насыщенная, интересная общественная жизнь. Как ею дорожили, переживали, если что-то не получалось? Какой потрясающий дух соревнования присутствовал при проведении всех мероприятий. А рассказывала все эти истории моя тетьа, Васильева Валентина Дмитриевна, долгое время проработавшая пионерской вожатой в школе, начальником пионерского лагеря летом и все это за счет отпуска. Человек, влюбленный в пионерию, работавший самозабвенно, всю себя отдавая любимому делу. Она до сих пор с восторгом вспоминает то далекое время. А я всегда с вниманием слушала ее воспоминания. Одновременно слышала и другие, обратные отзывы о пионерию. Что существование в рядах пионерской организации было обузой, все делалось из-под палки, а иногда вызывало и ненависть к ней. Так что же это такое, пионерская организация имени В.И.Ленина? Вначале я записала рассказ тети, Валентины Дмитриевны.

«В 1962 году в школе работала старшей пионервожатой Вера Алексеевна Шраменко. Энергичная, веселая, полная идей и выдумки Вера Алексеевна сумела стать настоящим вожаком ребят. В пионерской комнате было всегда полно народу: кто оформлял газеты и выставки, кто проводил занятия с горнистами и барабанщиками, кто просто забежал поиграть в настольные игры. В школе работало много кружков и клубов по интересам. Руководили ими — старшекласники. В это время ввели профессиональное обучение в школе. Одна из профессий, которым обучали, была

– старшая пионервожатая. Вот девочки – вожатые отрядов, и вели занятия в кружках и клубах. Спортивные секции в клубе «Олимпия» проводили старшеклассники – спортсмены.

КИД – помогали учителя иностранного языка. Клуб выходного дня – все вожатые отрядов По-очереди. Клуб «Малышок», танцевальный кружок, «Умелые руки», «Затейник». Разве все перечислишь? Да и так уж это нужно? Главное – были заняты почти все ребяташки. С утра до вечера в школе звенели ребяташки голоса.

Не знаю как, но времени хватало (хоть с трудом) на все. Хотелось успеть и на спортплощадку, и на хор, и каток на озере чистить (ведь там собиралась вся школа и так весело было!). весь в снегу изваляешься, набегаешься, наработаешься – и катайся на коньках в свое удовольствие! А с каким азартом собирали металлолом, макулатуру! Знали: победители обязательно поедут в путешествие. Обычно наградой была поездка в Шушенское (с посещением музеев в Абакане, Минусинске, с обязательным катанием на качелях, карусели в абаканском парке), или в Красноярск. Воспоминаний хватало на весь год! Тимуровцы не чуждались никакой посильной работы, помогая престарелым людям, ветеранам. Летом работали пришкольные площадки. Все лето ребята отдыхали, играли, проводили различные соревнования на этих площадках. Затем – завтрак, соревнования или праздники, конкурсы. Обязательно – час труда: убирать территорию, полоть траву, работать на пришкольном участке, помогать на строительстве теплицы или спортивного зала: убирать мусор, щепки, подносить кирпичи (что по силам).

А какие замечательные стенные газеты выпускались! «Пионерский фонарик» ярко высвечивал все плохое и хорошее и сообщал всем.

И, конечно, очень плодотворно и активно работал совет дружины, куда выбирались лучшие. Ведь им нужно было решать самые главные дела дружины. Что и когда провести, кого похвалить, кого поругать, а кого и наградить. Совета дружины побаивались. Не дай Бог, кому-нибудь попасть на совет дружины за какой-нибудь неблагоприятный проступок! Отчитают так, что тошно станет!

Если сейчас спросить бывших пионеров: «Что вам больше всего запомнилось из ваших пионерских лет?», то многие назовут «Зарницу». Ждали ее всегда с нетерпением. Ведь это – обязательно коллективный поход куда-нибудь за поселок, интересные соревнования. Готовились тоже долго. Ведь нужно и научиться разжечь костер с одной спички, сварить на костре кашу (чья вкуснее), нужно научиться ориентироваться на местности, перевязывать «раненых» и переносить из до «медсанбата». Зимой – взятие снежной крепости. Здесь же и песни, шутки у костра, различные игры.

Проводили отрядные сборы, на которых обсуждали различные вопросы: учеба, участие в делах класса, школы, отчет звеньевых о работе звеньев и другие вопросы. Были и тематические сборы отрядов:

о Хакасии, о пионере-герое, имя которого носит отряд, присуждение отряду имени героя, за которое он боролся, о Родине, о дружбе...

Коль уж мы говорим о праздниках, следует вспомнить и праздники в честь образования СССР. Это всегда тоже большое событие: нужно было представить каждому отряду какую-нибудь республику. Кратко рассказать историю ее образования, показать песню, танец или прочитать стихотворение, показать сказку или рассказать ее. Это мог быть или устный журнал, или телепередача, или интервью, или еще что-либо, что придумают ребята. А вот потом – самое интересное – кулинарный конкурс. Национальные блюда той республики, которую представляешь. Красиво украшенные столы, и чего здесь только нет! Русские блины, каши, щи, украинские галушки, борщ, сало, грузинский шашлык, белорусские, таджикские, туркменские блюда. Каждому можно подойти и хозяева угостят тебя, дадут попробовать свои изделия. Веселье, радость, удовлетворения делам рук своих.

В день сказок – тоже шумно и тесно в актовом зале. Здесь показывают сказки. Это проходит Неделя детской книги. На сцене и царь Салтан, и герои сказок писателей русских и зарубежных. В коридорах – выставки рисунков, викторины, кроссворды – постарались ребята, молодцы!

Современные ученики, наверное, скажут: «Вот жизнь была – сплошные праздники!». Да нет же, конечно нет. Ведь готовясь к каждому празднику – сколько было недоразумений, слез, обид, ссор. Времени не хватало, мамы ругались, дети и классные нервничали. Да и кроме этих забот была самая главная – учеба. Больше всего, конечно, доставалось самым ответственным. Они старались успеть везде. Но ведь у нас так всегда – кто везет, на том и едут. И здесь так же.

Поэтому, если ты хорошо учишься сам, то обязательно должен помочь товарищу, который отстает в учебе, занимались с «отстающими» и в школе после уроков, и дома, кому где удобнее, а это ведь очень большая дополнительная нагрузка.

Любили проводимые дни здоровья, особенно если это зимой, на озере, где так же и блины горячие можно попробовать, и чайку попить. Здесь же различные соревнования: на санках, зимние игры, даже катание на лошадях, запряженных в сани! Это опять же шефы постарались – Туимский совхоз.

Шефы помогли нам – мы шефам

С большой радостью («Ура! Учиться не надо!») ехали копать картошку шефам, или убирать турнепс, перебирать и затаривать картошку в мешки и ящики. Но если это дело затягивалось, то... («Ура! Наконец-то в школу!»). и снова будни. А в буднях много труда.

Чем занимались? Собирали десятки тонн металлолома, по 3-4 тонны макулатуры, помогали ветеранам, собирали материалы для школьного музея Боевой Славы. В Зоне пионерского действия убрали улицы, прикрепляли

на дома фронтовиков звездочки, собирали о них сведения для военкомата и музея, поздравляли жителей с праздниками.

Павлик Морозов, Валя Котик, Лара Михеенко, Леня Голиков, Зина Портнова, Марат Казей, Володя Дубинин. Кто из теперешних ребят знает о них? Наверное, никто. Забыли. А почему? Ведь помним же мы о взрослых, отдавших жизнь за свободу Родины. Почему же забыли об этих, маленьких и погибших, убитых фашистами.

А ведь раньше каждый пионерский отряд носил имя какого-нибудь пионера и комсомольца-героя, боролся за право носить это имя, подтверждал это хорошими делами, узнавал их биографии, знал об их подвигах. Разве плохо это? Да и что мы за люди будем, если забудем свою историю, если смеяться будем над тем, что долгие годы святым было?

Традиционно 8 февраля в каждой пионерской дружине страны проводился митинг в честь юного героя-антифашиста. Сейчас забыли об этом давным-давно. Разве так уж спокойно стало жить на земле? Разве мало гибнет детей и разве мало на земле новых фашистов? Рано забывать обо всем этом. И пусть лучше дети наши помнят и знают, что дети тоже должны быть сильными духом, твердыми в своих поступках, честными и смелыми. И учить этому должны их мы, взрослые. Не смеяться должны мы над теми, кого нет, а уважать их память. Иначе и над нашим прахом будут смеяться наши потомки.

В те годы мы не раз завоевывали звание «Правофланговая дружина». На знамя дружины на Торжественном дружинном сборе прикреплялась почетная лента УС ВПО. И как гордо на районном слете несли знаменосцы знамя с целым букетом таких лент!

Вообще государственной символике и пионерской уделялось много внимания. Все знали Гимн СССР, что означает Герб, флаг, знамя, значок пионерский. Проводились районные смотры знаменных групп. Ребята показывали, как они умеют выполнять ритуалы со знаменем: выносить на линейке, идти в походном строю, склонять знамя перед памятью героев, сменять почетный караул.

Здесь мы тоже никогда небыли «отстающими». Наши знаменосцы были лучшими в районе. Ежегодно 22 апреля, в день рождения В.И.Л., пионеры стояли в ночном карауле у памятника В.И. А 9 мая – у обелиска «Победы» и у памятника Советскому солдату в парке «Юность». И нужно было видеть серьезные, сосредоточенные лица ребят. И посмотреть на выправку и четкость смены караула приходили многие жители поселка.

22 апреля у памятника Ленину октябрят принимали в пионеры. Шли строем через весь поселок. Выстраивались в каре у памятника, выносились знамя дружины. Звучала команда «Ввести на площадь третьеклассников». И с волнением ребяташки выстраивались перед товарищами. «Дружина, к Торжественному обещанию смирно!». И звучали над площадью снова Торжественные обещания, произносимые звонкими тоненькими ребячьими голосами: «Я (Ф.И.) вступаю в ряды В.П.О. имени В.И.Л перед лицом

своих товарищей...торжественно клянусь...». Лучшие пионеры дружины, гости, привязывают галстуки. Отряды получают первые пионерские поручения (узнать о герое, за чье имя будут бороться). Возвращались после линейки в школу, где для третьеклассников продолжается праздник (игры, соревнования).

19 мая – день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина – главный праздник пионеров. Традиционно в этот день проводился пионерский костер. Обычно костер складывали за поселком на горе. В этот день в школе звучали на переменах (по радио, пока оно работало) пионерские песни, рассказы о лучших отрядах, пионерах, об истории пионерской организации. После уроков Торжественная линейка. На линейке подводились итоги соревнования отрядов, награждались лучшие. В честь 50-летия ВПО лучшие пионеры фотографировались у развернутого знамени дружины. Выступали с поздравлениями гости. Очень часто к нам приходила одна из первых пионервожатых школы Кустова Анна Иннокентьевна.

К 5 часам ребята вновь собирались в школе, выстраивались на линейку. Здесь каждый отряд получал пакет с разработанным маршрутом следования к месту костра. Маршруты (примерно равные по расстоянию) прокладывали заранее комсомольцы-старшеклассники. Они же и сопровождали отряд к месту костра. И вот все отряды на месте. Встали вокруг костра. Ждут. Звучит горн и барабан. Председатель совета дружины объявляет, кому предоставлено право зажечь костер. Ребята подходят к костру. Звучит костровая речевка:

- ...Чтобы наш костер дорос
- До звезд, до звезд!
- Чтоб его сияние видали
- Марсиане, марсиане!

Костер загорается, в небо летит песня «Взвейтесь кострами, синие ночи!». Праздник начинается. Каждый отряд показывает свое умение. Это танцы, песни, интермедии, шутки.

Проходит конкурс отрядной песни, переключка отрядных речевок, сочинение рассказов со словами, начинающимися на одну и ту же букву, сочинение стихов-буриме. Коллективные игры вокруг костра. Всем весело. Конечно, не обходилось и без курьезов. Однажды, зажигали костер, а он не зажигается, минут 20 билось. Но уж потом он вспыхнул ярко-ярко и горел долго. Заканчивался костер, все расходились по домам, а комсомольцы тушили угли, закапывали место кострища.

Металлолом шел для строительства трассы «Абакан-Тайшет» - 1960год, для нефтепровода «Дружба» - 1961 год.

Одно время по Шира ходил автобус, на котором было написано: «Автобус изготовлен из металлолома, собранного пионерами Ширинского района». И в день рождения Всесоюзной Пионерской Организации на этом автобусе катали ребят бесплатно» (это рассказ моей тети Васильевой Валентины Дмитриевны).

Под впечатлением этих историй я находилась долго. Размышляла... Как же это можно было работать бесплатно. Участвовать в соревнованиях только затем, чтобы занять первое место. Отдавать этой работе уйму сил, времени, а взамен — ничего. Это казалось сказкой, выдумкой... На самом деле, все это так и было. Другие были времена. Люди по-другому смотрели на вещи, так были воспитаны. Дела общественные были важнее личных, главное — идея. Осуждали тех, кто был только за себя, не понимали их. Дух общественной жизни был важнее всего. Мы сегодня живем в другом измерении человеческих отношений со школой, государством, обществом. Наверное, не так интересно и насыщено. Делаем что-то за вознаграждение только. Зачастую попусту проводим время. Проходим мимо пожилых людей, не желая помочь им. Что-то выгадываем, подставляя и предавая ближних. Думаем только о себе и гребем под себя. Завидуем, злорадуем над чужими проблемами. Во всем ищем материальную выгоду. Забывая о душе. Хорошо это или плохо? Раньше человек надеялся на государство. Сейчас на себя, работая над своими способностями, проявляя их, зная, что надеяться не на кого. Это, я думаю, хорошо. Мы все, хотим того или нет, живем в свое время! Его мы выбрать не в праве. Мы дети своей эпохи. Но оставаться людьми мы обязаны всегда. Не взирая на власть, общество, насаждаемую мораль. И это самое главное.

Другой человек, другая история. Одно государство, разное к нему отношение. Сколько людей, столько мнений. Записала я еще одно воспоминание, противоположное прежнему, в котором мало восторженных откликов. Больше боли, обиды, непонимания. Родина Деряжной Аллы Владимировны, учителя географии, Украина. Она волею судьбы живет в Хакасии, которая для нее сейчас вторая родина. Возвращаться не куда, не к чему, да и многое ее сейчас связывает с теперешним местом жительства — муж, дети, друзья, коллеги. Родители умерли, но остались в памяти рассказы, прошлая жизнь, горечь пережитого. Ее рассказ — это другой мир.

«6.30 утра. Мама уходит на работу. В колхоз. На «легкую» работу. Когда-то на ноге были порваны связки, боль не позволяет долго находиться в одном положении (полоть, копать, кидать сено). Легкая работа — это колхозный детский сад. Должность — заведующая. Должностные обязанности — растопить печь, натаскать воды (20 раз сходить на колодец в улице, своей воды в саду нет), поставить тесто на хлеб (хлеб можно было покупать в магазине, но зачем колхозу тратиться: мука есть, «нянькам в саду все равно делать нечего», никуда не денутся, напекут, так решило правление), начистить таз картошки, поставить варить обед (первое, второе, третье), ужин и одновременно варить завтрак. Все это надо было сделать быстро, пока печка топится. Можно было бы и чуть помедлить, но когда к 11 утра на улице +30°, то в кухне все +50°, дышать нечем, пот градом. И в это же время приводят детей, вторая работница за ними присматривает. После завтрака можно «передохнуть» — позаниматься с детьми лепкой, рисунком, чтением

стихов, сказок. Хозяйственная работа не прекращается ни на минуту: кто-то уже не по одному разу успел обкакаться, обсикаться, одежду надо постирать, высушить, чтобы было, во что одеть ребенка.

Сменные штанишки были одни-двое, на каждого ребенка в день приходилось стирать 5-6 раз. В «тихий час» обязательная влажная уборка всего (полы, окна, двери, панели), стирка покрупнее – полотенца для рук, полотенца для ног, занавески. А там уже и тесто на хлеб поспело, надо ставить в печь и ... просыпаются дети. Поднимать, одевать, заправлять постели, стирать и сушить обсиканные простыни, кормить полдником, заниматься, кормить ужином и не забыть про хлеб в печи.

Душа болит, дома надо полоть картошку, колорадского жука собирать (если один день не собрать, то потом замучаешься, плодится он не по дням, а по часам). 8 вечера, детей разобрали не всех, приходится гадать, заберут их сегодня родители или нет? Если 2-3-4 человека остается на ночь в садике, приходится с ними ночевать, если 1-2, то можно взять к себе домой и что-то до темноты сделать по хозяйству. И так каждый день летом (с апреля по ноябрь), без выходных, по 12-14 часов. А еще были финансовые отчеты, воспитательные планы (хоть детский сад колхозный, районо постоянно приходило проверять), поездки в соседнюю деревню на центральную усадьбу за продуктами.

Всего штат детского сада состоял из трех человек, кроме мамы, которая была постоянной заведующей, давали двух помощниц. В 60-е, начале 70-х, со штатом было хорошо. Попеременно работали труженицы баба Ульяна, баба Люся, баба Наташа, баба Шура. Они к тому времени действительно были бабками 1910, 1915, 1920 года рождения. Привыкшие к тяжелому колхозному труду, оставшиеся вдовами лютой войны, вырастившие и давшие образование детям. И, оставшись одни, продолжали держать корову, так как без коровы себя не представляли. Они работали добросовестно, от души, пекли красивые караваи хлеба и так же добросовестно подтирали детские зады. Баба Наташа была неграмотной. В 70-е годы она наконец-то стала получать письма от родной сестры из Австралии. Дарью девушкой угнали немцы в Германию, там она вышла замуж за поляка, они после войны боялись вернуться в Советский Союз, и уехали в Австралию. Когда баба Наташа получала письмо, она приходила к нам домой, мама по несколько раз его вслух перечитывала и потом под диктовку бабы Наташи писала ответ. Начало всегда было одно: «Здравствуй, дорогая сестра Дарья и твоя семья! (обязательно восклицательный знак). С чистосердечным приветом к тебе...». Муж Дарьи и работал главным инженером на текстильной фабрике, а она не работала вовсе. Это было как-то странно и не понятно. Как женщина в 45 лет может не работать? В одном из писем Дарья описала свой день: «Встаю утром, делаю туалет час (для меня маленькой непонятным было это выражение) и иду с ведром на колонку за водой. В доме есть вода, но по утрам на колонке встречаются соседки, обсуждают все новости, сплетничают целый час...», и в таком

духе. Как же они не похожи были «один день» двух сестер, волею злой или доброй судьбы разбросанных по обе стороны экватора...

Потом бабушки состарились и отказались работать в детском саду. Для мамы наступили каторжные времена. Управляющий отправлял колхозниц, с которых не было толку ни в поле, ни в коровнике, ни в телятнике. Почему-то считалось, что они справятся с тридцатью детишками от года до семи. Работницы умудрялись появиться на работе не раньше 8, когда всю топилась печь и варились завтраки, обеды, ужины и носились по двору дети, и норовили улизнуть с работы в 5 вечера. Доходило до смешного, но маме приходилось присматривать и за ними. А еще они воспринимали детский сад как «манну небесную» и искренне возмущались, когда вечером не удавалось набить сумки продуктами. Одна «повариха» специально готовила на двойное количество детей, умудрялась недельную норму мяса использовать за 2 дня, когда ее лишили доступа к кухне, перевели в нянечки, она ухитрилась каждый раз путать полотенца и обязательно норовила ножными вытирать детское личико. Такие «труженицы» долго не задерживались, но свои колхозные трудодни они зарабатывали.

Горе-помошницы менялись часто, управляющего отделением это раздражало, он не хотел между тракторными поломками и падежом телят вникать в работу детского сада. Количество работы увеличивалось, зарплата оставалась прежняя. Кстати, о зарплате: 1967 год – 12 рублей, 1970 – 24 рубля, 1975 – 36 рублей, 1978 – 48 рублей (средняя по стране - 120).

Когда заканчивался календарный год, проходило общее собрание колхозников, определялся трудовой минимум, то есть количество выхододней в году, при которых рабочий год засчитывался в трудовой стаж. Существовало понятие «выхододень», он засчитывался, не зависимо от продолжительности этого выхододня, хоть 3 часа, хоть 13. А еще по итогам года давали 5-10 мешков пшеницы, столько же ячменя. В зависимости от урожайности. Давали и сахар мешками, но это для тех, кто работает на свекле. Интересно получалось: свекловодам – сахар, дояркам – молоко, телятницам – обрат, скотникам – сено, солому, трактористам – зерно, управленцам – все, а работу в детском саду вообще за работу не считали. Детсад – назойливый довесок, отвлекающий руководство от важных государственных дел.

Поэтому минимум был всегда выработан у алкашей, которые с утра приходили на разнарядку работы, показывались на глаза управляющему или бригадиру, а через пару часов исчезали. А у мамы почему-то всегда не хватало этого минимума. Она пыталась зимой выходить на переборку свеклы и подобные работы, но помещения были все в «сквозняках», а греться вонючим бураковым самогоном она не могла, поэтому часто болела. На годовых собраниях читали списки колхозников, не отработавших трудовой год, он состоял из совсем уж лодырей и пьяниц, и в этом списке часто была фамилия моей мамы.

Я к тому времени уже была взросленькой девочкой 15 лет, мне жутко было жалко маму, и я никак не могла понять, почему соседка тетя Лена работает в райцентре (в двух километрах от нашего села) на фабрике ручной вышивки с 8-00 до 17-00, имеет выходной, ее зарплата зависит только от нее самой (сколько рушников вышьет, столько и получит) и гораздо больше маминой. Я уговаривала мамочку бросить колхоз, найти любую работу в райцентре, тем более, что работу найти очень легко. Мама мне что-то объясняла про колхозный трудовой стаж и государственный. Оказывается, если человек родился в деревне, заканчивал там 7 классов, то вынужден был начинать свою трудовую деятельность в деревне, то есть колхозе. Чтобы уехать из деревни в город, нужно было иметь паспорт, а чтобы иметь паспорт, нужна была справка от председателя колхоза на разрешение выезда. А какой председатель будет давать такую справку, у него тоже было указание сохранять колхозных работников. Некоторые такие справки получали, как правило, путем солидного «вознаграждения», в семье моей мамы, выросшей без отца (погиб на фронте) хлеба-то вдоволь не было, не то что взятки председателю, поэтому у нее другого пути, кроме колхоза, не было. А когда уже разрешили уезжать из деревни, то появился другой закон: устраиваешься работать на государственное предприятие, то колхозный стаж не засчитывается, а считается с 0, потому что в колхозе человек работал не на государство, а на свое коллективное хозяйство, то есть только на себя, и колхозная пенсия была совсем мизерной. Вот маме и жалко было 15 лет стажа. Если бы она ушла из колхоза, и на госпредприятии отработала 15 лет, то при выходе на пенсию ей считали бы только 15 лет.

Мне было не понятно, почему в нашей стране, где все были равны, у всех были одинаковые права (об этом постоянно говорили на пионерских сборах, политинформациях, линейках, по радио), все гордились за свою великую страну Советский Союз, на самом деле граждане были очень не равны. Особенно засел в голову этот колхозный и государственный стаж, здравые логические рассуждения отказывались понимать и принимать. Появились сомнения в реальном существовании общества, «всеобщей справедливости».

Октябрьско-пионерское детство было по-детски счастливым. Школьные мероприятия были пропитаны патриотизмом: пионерские сборы, частые встречи с ветеранами Великой Отечественной и гражданской (да-да, гражданской) войны, (Иван Афанасьевич Верховский, проживающий в Новых Санжарах, лично убил атамана Григорьева, входившего в банду атамана Скирды). Писали сочинения на тему: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд», «В жизни всегда есть место подвигу» и ... жалели, что нет войны и нет возможности себя проявить. Завидовали Наде Курченко, бортпроводнице, погибшей от рук воздушных террористов, закрывшей собой вход в кабину пилотов самолета. Имя Нади Курченко носил наш пионерский отряд. Проводились «линейки». На линейках постоянно поддерживали чилийских патриотов, американскую комму-

нистку Анжелу Дэвис, весь вьетнамский народ, и всевозможных борцов за мир; осуждали израильских интервентов, американцев, воевавших во Вьетнаме. Запомнилась линейка, на которой осуждались «какие-то» Сахаров и Солженицын. Кто такой Сахаров, кроме того, что это предатель советского народа, я так и не поняла. А вот Солженицын оказался писателем, который написал книгу и за это его осуждали. Мы перед линейкой спрашивали у директора школы, завучей, пионервожатой, что это за книга. Все они пытались что-то невнятное лепетать, похоже, сами понятия не имели. Только одна учительница четко сказала: «В книге искажен великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, подвергается сомнению героизм советских солдат». А так как мы были воспитаны на героических подвигах комсомольцев и пионеров-героев, и в героизме этих подвигов не сомневались, это было святое, то, конечно, дружно осудили этого Солженицына. И только одна комсомолка спросила: «А где можно взять и почитать эту книгу?». Учителя как-то странно переглянулись. Такие линейки проходили мимо, за душу не брали. Страшно было, не дай Бог, забыть дома галстук, дежурные записывали твою фамилию и на очередной линейке выставляли тебя «на позор».

Училась я легко и хорошо, поэтому вошла в первую пятерку комсомольцев класса. Меня избрали секретарем комсомольской организации класса и членом совета комсомольской организации школы. Не надо было постоянно стирать, гладить галстук и бояться забыть его надеть. То ли дело комсомольский значок, прицепил на школьную форму и носи. Можно в магазине купить несколько, нацепить на каждую кофту и ... все в порядке. В классе осталась последняя «пятерка», вышедших из пионерского возраста, которых нужно было готовить к поступлению в комсомол. А они никак не хотели готовиться, учить законы комсомола, ходить на заседания совета школы, по одному заходить в пионерскую комнату и перед всем советом школы (а это человек 20 учеников плюс учителя-комсомольцы) отвечать на вопросы. «А что толку с первых или вторых пятерок комсомольцев. Все равно потом всех примут» - рассуждала я. Появилось второе сомнение в правильности всего происходящего, уж все было как-то наигранно. В конце 8 -го класса (1976 год) меня переизбрали. А дальше произошло два события, полностью поставивших крест на моих пионерско-комсомольских идеалах веры во всеобщую справедливость.

Школа наша находилась в райцентре Полтавской области Новых Санжарах. Школа большая, десятилетка, учились ребята из ближайших деревень. Было четыре девятых класса по 28 учеников. Распределили нас произвольно: т.е. в каждый класс добавили прибывших, деревенских. А учились в наших параллелях: Наташа Дроботенко: папа – первый секретарь райкома партии, мама – учительница; Витя Коваленко: папа – председатель райисполкома, мама – учительница; Женя Либерман: папа – ответственный работник райисполкома, мама – учительница; Таня Ярина: папа – директор маслозавода, мама – ведущий врач райбольницы; Таня Бабенко: мама – заведующая райполиклиникой;

Люда Охтырская: папа – директор какого-то предприятия, мама – учительница. И в таком же духе еще человек 15. И «раскиданы» были эти деточки по всем 4 классам: 9а, 9б, 9в, 9г, и сидели они за партой вместе с детьми работяг и колхозников. И как руководство школы это недосмотрело. Благополучно проучились мы сентябрь месяц в 9 классе и тут в школе произошло событие. Как-то скомкано, неуверенно, чуть ли не шепотом, директор школы (бедный, бедный, как я его сейчас понимаю) объявляет девятиклассникам: решено в учебном процессе провести эксперимент (и это в 1976 году, какие там эксперименты!), единственный на всю область класс с углубленным изучением истории, готовить учеников для поступления в институты. Когда огласили список 9а класса (и литер то ему дали первый), всем все стало понятно – собрали деточек слуг народа в один класс. И все это втихушку решили, куда девались привычные громогласные линейки. Ученики 9б и 9г как-то все это восприняли спокойно, а наш 9в такой несправедливости терпеть не мог. Наши родители хоть и были «от сохи и руля», но мы тоже хотели готовиться в институты. Еще больше накаляли обстановку невнятные ответы руководства школы на все наши прямые, нелицеприятные вопросы о формировании класса «власть имущих». Из нашего класса тоже выделили двух человек: у Тани Куц была одна мама, но работала она крупной шишкой в строительной организации; у Зины Клымась родители «служили» инспекторами района. Девчонки ни сном, ни духом сами не знали о счастье, свалившемся на их голову, и продолжали посещать уроки в 9в. Учителя-предметники запутались в записях в журналах: числились они в журнале 9а, а сидели в 9в. Такое противостояние длилось дня три, наши протесты поддерживали «простые» учителя, подозреваю, что и педагогический коллектив тоже раскололся. Ситуация накалялась. На четвертый день благополучно прошло 3 урока, Таня и Зина продолжали учиться в нашем классе. На 4-й урок пришел директор, и с порога рявкнул на девчонок: «А вы что тут делаете? Во-о-о-н из класса!», и буквально вытолкал их из кабинета. Класс досидел четвертый урок и ... ушел из школы. Демонстративно ушел на пришкольную спортивную площадку. Звенит звонок на пятый урок, учитель приходит в класс, а класса нет. Сначала уточнялось расписание, уточнялся кабинет, а потом все поняли – класс покинул школу. Минут тридцать царило замешательство, а потом класс увидели. Класс сидел на скамейках. Вслух Ира Лазоренко читала Грибоедова «Горе от ума» (ушли то мы с урока литературы).

Пришли первые гонцы, молодые учителя-комсомольцы. Обвинили нас в демонстративном выступлении против советской школы. Потом пришла классная руководительница. Угрожала плохой комсомольской характеристикой после окончания школы. Потом пришла учительница физики, добрейшей души человек, всю жизнь держала корову и ездила на работу из соседней деревни на велосипеде в любую погоду. Евдокия

Игнатъевна просила нас: «Детки, пойдемте на урок, мне же нужно с вами тему пройти». За 10 минут до окончания шестого урока – физики – мы вошли в класс. Евдокия Иннокентьевна нам не сказав ни слова, объяснила новую тему. Наша сидячая демонстрация длилась 80 минут. На следующий день вызвали в школу всех родителей.

Учебный день начался с собрания в актовом зале: ученики, родители, администрация школы, представители школьного комсомольского и партийного органа. Нас все дружно обличали: мы демонстративно выступили против советской системы образования; мы показали недовольство советской властью; мы даем повод порадоваться приспешникам империализма, а если завтра о нас передадут по «Голосу Америки» или «Би Би Си», то с нами будут разговаривать в другом месте.

Больше всего нас обличали наши родители. Отец Алины Колотовой, главный ветеринарный врач района почти был готов публично отказаться от дочери, отец Кати Висыч с гордостью говорил о своей старшей дочери-студентке и осуждал поступок младшей, потом сорвался на крик и обвинил весь класс в том, что мы плохо повлияли на его дочь. Бедной Катьке было так стыдно за своего отца. Класс пытался было огрызаться, но рядом сидели родители, быстро приструнили. Ни один из наших родителей нас не поддержал. Собрание решило объявить выговор секретарю комсомольской организации класса Толе Моцаку и на этом ограничиться. Директор проявил к нам доброту и о нашем антисоветском поступке решил не докладывать в вышестоящие инстанции. Слова директора наши родители приняли с большим одобрением. А класс про себя решил, что будем учиться так, чтобы самим пробить себе дорогу в жизнь. И началось негласное соревнование двух классов А и В.

Наступила весна 1977 года. В школе был объявлен месячник по сбору металлолома. Последнее время сбора 28 апреля в пять часов вечера. Класс-победитель награждается поездкой в Ленинград. Мы так хотели в Ленинград, поездка была бесплатной. В школе висела газета-молния. Пионервожатая дежурила каждый день до пяти вечера у большой площадки для металлолома. Стояли большие весы, все четко взвешивалось, заносилось в «экран» (стенд в виде графика: класс, дата, количество металлолома).

Мы за дело взяли с размахом. У Ольги Новохатней отец работал директором «Райсельхозтехники» (Ольгу в элитный класс не взяли, отец не сильно ладил с властью), она его уговорила дать нам грузовую машину и мы каждый день после школы разбивались на группы и собирали металлолом в близлежащих деревнях. У каждого класса была своя куча отдельно. Через некоторое время стали замечать неладное: у 9а класса куча маленькая, а в газете отмечено много. По началу нам пыталась пионервожатая втолковать, что у них «железки» по объему маленькие, но тяжелые. Далее размеры нашей кучи росли такими темпами, что никакие уловки не помогали. За соревнованием наблюдала вся школа. Каждое утро у стенда собиралось много народу. Наша победа была

очевидной. Другие классы собрали по 4-5 тонн, куча нашего класса заняла всю огромную площадку, мы собрали 53 тонны, у 9а значилось 45. Там, конечно, было гораздо меньше сорока пяти, но мы не спорили, мы явно были победителями. 28 апреля в 1700 были подведены итоги. Мы поздравляли друг друга, хотя и были измотаны этой гонкой. Шутка ли, столько железа перетаскать, загрузить вручную в грузовик и выгрузить обратно.

А утром 29 апреля в газете напротив 9а красовалась цифра 60. Как нам объяснили, какая-то организация (не понятно какая), сдала 15 тонн металлолома прямо на приемный пункт в Полтаве в счет 9а класса Новосанжарской школы, и квитанцию привезли в школу только 29 утром. Явно были нарушены все условия соревнования. У нас не было желания что-то доказывать. Была обида, что нас обманули в очередной раз. И обманули кто? Старшие товарищи, коммунисты. Надо было сразу понять, что они купили путевку для поездки в Ленинград для своих детей, для своего класса А. Летом 9а съездил в Ленинград. Как прошла поездка, мы не спрашивали.

Десятый класс закончило 112 учеников. В 10а было 3 медалиста, в первый год никто из них в институт не поступил. Из нашего класса в первый год поступило в институты 14 человек, потом еще 3, 10 человек закончило техникумы.

За 5 лет учебы в университете у нас не было ни одного комсомольского собрания, мы только платили взносы, и нас никто не тревожил. Когда в 1985 году я поступила на работу в школу, меня вызвали в райком комсомола и убеждали встать на комсомольский учет. Главным аргументом было: «Вот соберешься ехать по путевке за границу в соцстрану, мы тебе характеристику не подпишем». Встала. Не из-за характеристики. А чтоб отстали.

Рада за сегодняшних детей, что у них нет пионерской и комсомольской организации. Не верю ни одной партии. Верю только в судьбу и Бога».

Перечитывая раз за разом записанные истории, я вновь оказывалась то на пионерском костре с чувством восторга, то у стенда с записями о количестве сданного металлолома с чувством обиды. Эти истории запали в душу, будоражили разум, встряхнули меня. Заставили задуматься, зачем мы приходим в этот мир? Кто я? Какой должна быть? Почему совершаем те или иные поступки?

Мы рождаемся для продолжения рода, фамилии, чтобы остались дети после нас, завершили начатые нами дела. Жили бы лучше нас, были здоровее, умнее, красивее, успешнее. Ни в чем не нуждались, ни от кого не зависели. Были похожими на маму или папу, бабушек или дедушек. Называем детей в честь родственников. Хотим, чтобы внешне походили и унаследовали какие-то черты характера. Это внешняя характеристика. Часто она фальшивая... А дальше? Забываем о внутреннем духовном мире. Он страдает больше всего. Зачастую, в погоне за материальным

благополучием, карьерой, забываем, что достигать этого можно только честным, достойным путем, не принося вреда окружающим, что человек рождается для любви, добрых дел. Поэтому тот, кто живет не честно, как правило, бывает наказан. А после того, как он достигает чего-то, перешагнув через головы других и растоптав их, наступает пустота. Зачем жил? Что сделал? Удовлетворения нет. Одни мучения.

Но в то же время, люди с разными взглядами, точками зрения, мирно существуют, как мои рассказчики, не причиняя вреда друг другу. Валентина Дмитриевна пишет стихи, а Алла Владимировна путешествует, ходит в походы, пишет научные работы. В жизни каждодневной они приятные люди, сослуживцы. Наверное, это правильно.

**Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/8/Gerasimova.htm**

Средства деморализации военнопленных в нацистских стационарных лагерях во время Второй Мировой войны

*Анастасия Первалова,
Светлана Тихонова*

*Красноярский край, г. Железногорск
гимназия № 91*

Руководитель И. Н. Зыкова

Наше исследование посвящено проблеме советских военнопленных в нацистских стационарных лагерях во время Второй Мировой войны. Мы решили детально рассмотреть такой конкретный аспект этой темы, как средства деморализации советских военнопленных. Эта болезненная и драматичная тема была выбрана нами по нескольким причинам. Во-первых, события Второй Мировой войны еще слишком свежи в памяти человечества, они не успели стать частью прошлого, а воспринимаются как наша современная история. И хотя мы живем на полвека позже, тем не менее, мы чувствуем причастность к судьбе сражавшегося поколения.

Кроме того, в силу обстоятельств нам представилась уникальная возможность обратиться к первоисточникам — архивам германского стационарного лагеря для советских военнопленных 326 (VI K) Зенне¹. Эти документы, представляющие большую ценность, не изучались историками специально. Поэтому мы попытались дополнить представления по этому вопросу, имеющиеся у нас из исторической литературы, собственными выводами, сделанными непосредственно на основе анализа документов.

Цель нашей работы — выяснить причины невероятно тяжелого положения советских военнопленных (даже по сравнению с военнопленными других стран). В своей работе мы также не смогли не затронуть проблему исторической памяти, опираясь, опять же, на имеющиеся у нас документальные материалы.

Основные методы исследования — сравнительный анализ документов и статистических данных.

Одной из проблем, с которой мы столкнулись, стало довольно ограниченное количество информации по теме исследования. По относительно узкой проблеме, поставленной нами в центр исследования

¹ Шталаг 326 (VIK) Зенне. Лагерь военнопленных в Вестфалии (сборник документов под ред. Рейнхарда Отто). Документационный центр Земли Вестфалии 1999.

- средства деморализации советских военнопленных в Германии - мы не нашли литературы. Однако и информации о советских военнопленных в нацистских лагерях в целом содержится не много.

Монография «Военнопленные в СССР (1939-1956)» подробно описывает положение немецких военнопленных, их учет, содержание, обеспечение, медицинское обслуживание, смертность и захоронение, а также трудовое использование. Однако подобного издания на тему советских военнопленных мы не находим.

Наиболее интересная информация — рассуждения по спорным вопросам — содержится в сборнике статей «Вторая Мировая война»¹, изданном военно-историческим научно-исследовательским музеем. Там содержатся следующие работы: «Насильственное рекрутирование восточных рабочих 1941-1944» Рольфа-Дитера Мюллера, в которой автор одним из главных тезисов обозначает то, что польза, извлеченная из труда миллионов восточных рабочих, явилась важной, если не решающей предпосылкой того, что Гитлер смог продолжать войну до 1945 года.

В своей статье «Советские военнопленные — массовые депортации — принудительные рабочие» Кристиан Штрайт сравнивает положение советских и немецких военнопленных и признает, что пленным на территории Германии приходилось значительно хуже (в рамках этого сравнения используются в основном бытовые критерии).

В периодических изданиях мы сумели найти две статьи по интересующей нас теме. В статье «Лагерь 48»² описывается жизнь и порядки одного из лагерей, причем статья основывается на воспоминаниях бывших заключенных.

Игорь Пыхалов смело заявляет³, что никакой предвзятости по отношению к бывшим военнопленным не существовало. Что, вопреки распространенному мнению, из 100% военнопленных 73%, пройдя непродолжительную проверку, снова направлялись в Красную Армию, 0,6% погибало в силу физического истощения, и лишь не более 5% попадали в лагеря. В этой статье присутствует опора на статистические данные, но если учитывать, что они относятся к периоду послевоенного апогея сталинизма, то можно усомниться в их достоверности.

Таким образом, мы выделили две главные особенности научной литературы по данному вопросу:

- большая доля субъективности, как следствие опоры на воспоминания, что приводит порой к излишней эмоциональности;
- именно работы российских исследователей носят общий характер, в то время, как нужную информацию мы находим у немецких авторов.

1 Вторая Мировая война. М., 1996.

2 Сорокин И. А. «Лагерь 48». Отечественная история 2001 г., № 6.

3 Пыхалов И.С. «Правда и ложь о советских военнопленных». Диалог 2000, № 1.

Причины тяжелейшего положения советских военнопленных

За годы войны в немецкий плен попало около 5,2 - 6,2 миллионов советских солдат, то есть практически вся армия кануна войны, включая резервы. Для военнопленных создавались специализированные стационарные лагеря или шталаги. Часть советских заключенных попадали в лагеря, расположенные на территории СССР, других перевозили в шталаги и концлагеря Германии. Всего в нацистском плену оказалось около 18 миллионов человек, но, без сомнения, условия проживания советских военнопленных были самыми невыносимыми, а их чрезвычайно тяжелое положение было несопоставимо с положением военнопленных из других стран. Традиционно ученые выделяют две основных причины сложившейся ситуации — отношение к военнопленным в СССР и нацистскую идеологию.

Во многом то положение, в котором окажутся советские военнопленные, определила политика советского руководства по отношению к попавшим в плен красноармейцам, сформировавшаяся в довоенное время. Устав РККА не только призывал бойцов героически сражаться до последнего, но и на законодательном уровне лишал военнослужащего возможности сдаться в плен. В обратном случае, тот становился военным преступником, так как нарушал Устав КА.

Принципиальную позицию по этому вопросу занял И. В. Сталин. Свои взгляды на проблему советских военнопленных, он сформулировал предельно четко и ясно: «У нас нет пленных, а есть изменники Родины». Таким образом, руководство официально отказалось признавать красноармейцев, попавших в плен, военнопленными. В силу этой установки в 1929 году Советский Союз отказался ратифицировать международную Женевскую конвенцию, которая определяла положение и права военнопленных.

По той же причине Международный Красный Крест не имел возможности контролировать условия жизни советских пленных, оказывать им материальную помощь (об этом свидетельствует Отчет, о посещении стационарного лагеря 326 (VII К) делегацией Красного Креста от 27.07.1944 г.).

Позиция Сталина определила и политику всего руководства страны по отношению к пленным красноармейцам. Уже 16 августа 1941 года был издан Приказ Ставки Главнокомандования № 270, в котором окончательно определялось положение военнопленных, «неустойчивых, малодушных, трусливых элементов».

Согласно приказу, каждый военный от рядового до начсостава при попытке сдаться в плен должен быть «смещен с поста, снижен по должности, переведен в рядовые, а при необходимости расстрелян на месте». Приказ требовал уничтожать попавших в плен, «всеми средствами, как наземными, так и воздушными». Подавляющее большинство военнослужащих были ознакомлены с этим приказом. Следовательно,

прекрасно осознавали всю тяжесть своего положения, знали, что, согласно Приказу № 270, «семьи сдавшихся в плен красноармейцев приказано лишать государственного пособия и помощи». Это означало, что семья пленного лишалась пособия, быть может, единственного средства к существованию.

Особенно тяжелая ситуация была у семей политработников и командиров — они «подлежали аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров»¹.

Несложно предположить, как были деморализованы советские солдаты, попавшие в плен и находящиеся, под постоянным психологическим давлением, угнетенные безысходностью своего положения и страхом за судьбу близких.

Другой причиной невыносимого положения советских военнопленных являлась сама нацистская идеология. Наиболее концентрировано это было выражено в словах одного из нацистских лидеров Гимлера:

«Как приходится русским, как приходится чехам, мне совершенно безразлично. <...> Живут ли другие народы в довольстве или умирают от голода, интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны нашей культуре как рабы, в противном случае это меня не интересует.» (Из речи Гимлера от 4 октября 1943г. в Поздани)

Чрезвычайно презрительным было отношение к славянской расе (которая по иерархии занимала место примерно перед евреями и цыганами). Уже перед нападением на Советский Союз 22 июня 1941 года, главным командованием вермахта было принято несколько приказов, которые придали взглядам Гитлера вполне конкретную форму:

— преступления гражданских лиц по отношению к гражданам Советского Союза были выведены из юрисдикции военных судов; военнослужащие вермахта, совершившие преступление по отношению к русскому населению, вообще не подлежали привлечению к уголовной ответственности²;

— директивы по поведению войск в России определяли большевизм как «смертельного врага национал-социалистического народа Германии», борьба с которым требовала «беспощадных и энергичных действий против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного подавления любого активного сопротивления». Тем самым для солдат были совершенно официально сняты все сдерживающие запреты на поведение, противоречившее нормам международного права³;

— требовалось прямое уничтожение всех политических офицеров — комиссаров, сразу же после взятия их в плен⁴.

Русские для немцев становились вне закона, законодательно закреплялось то, что по отношению к ним дозволено все. Произвол усиливался самой жестокостью войны и другими факторами: конфрон-

1 Приказ Ставки Главнокомандующего № 270 от 16.08.1941г.

2 Ограничения подсудности военному трибуналу от 16.05.1941г.

3 Директивы главного командования вермахта от 04.06.1941г.

4 Приказ о комиссарах от 06.06 1941г.

тацией двух режимов, а также тем, что к концу 1941 год восточный фронт для Германии становится главным.

Цели деморализации военнопленных

Почему было недостаточно физически поработить советских военнопленных? Почему необходимо было деморализовать их, морально сломить?

Главная цель деморализации военнопленных лежит глубоко — в теории послевоенного устройства мира по Гитлеру. Как известно, планировалось расширение жизненного пространства германской нации до Урала на востоке. На этой территории должен был возникнуть европейский суперрегион, страны которого имели бы с Германией отношения хозяина и подчиненных, взаимно заинтересованных в деятельности друг друга. Однако предполагалось также создание полностью зависимого государства за Уралом, выполнявшего бы роль сырьевого придатка — такая роль была отведена славянским народам.

Естественно, что людям чужды рабские отношения (особенно если они сами выступают в роли рабов) и для того, чтобы принять такую модель поведения, они должны быть колоссально сломлены, лишены надежды на иной исход. И германским руководством отработывалась эта модель отношений в лагерях. Возможно так же, что отработывались и сами планируемые методы деморализации.

Кроме того, система комплектования войск вермахта была мобильной лишь в условиях краткосрочной войны, не предполагающей больших потерь. Но война перечеркнула такие представления. Так как приоритеты фронта были бесспорны, уже к концу 1941 года остро встал вопрос о рабочей силе (перспектива использования труда военнопленных намечалась уже давно, однако ей мешали стать реальностью соображения безопасности). Использование на работах пленных красноармейцев оказалось единственно возможным выходом в сложившейся ситуации.

Однако заставить продуктивно работать военнопленных Советского Союза (а именно их предполагалось использовать, как наиболее массовую силу) было не так просто. Поэтому нацистам было важно морально сломить военнопленных.

Таким образом, мы видим, что деморализация действительно была одной из важных целей нацистского режима.

Средства деморализации

Каковы же были конкретные средства деморализации? Анализируя имеющиеся у нас документы, мы выделили следующие средства деморализации на примере шталага 326 (VI К) Зенне.

Объективно деморализация начиналась с **процесса транспортировки**. Несмотря на то, что значительная часть пленных была оставлена

на оккупированных территориях, еще в 1941 году в Германию были отправлены несколько сотен тысяч человек. Сама транспортировка послужила началом и преддверием того ада, который суждено было испытать тысячам наших соотечественников.

«На окнах были решетки из колючей проволоки. В немецких вагонах не было полок. Лежать было невозможно; поэтому мы по очереди сидели. В дороге нам давали хлеб и воду. Но в очень маленьком количестве, только 200 грамм хлеба и один литр воды на день. Свои физические потребности мы справляли через дверную щель во время движения поезда, потому что немцы опасались выпускать нас на остановках. Более трех дней терпели мы ужасный запах, духоту, усталость и голод». Это отрывок из воспоминаний Владимира Шиманского во время транспортировки в Зенне летом 1941 года.

Рассмотрим причины крайне трудных условий транспортировки.

К 1941 году состояние железных дорог было не вполне удовлетворительным. Это приводило к тому, что пленным при транспортировке довольно часто приходилось проходить до ближайшей железнодорожной станции по несколько сотен километров. Учитывая состояние людей, уставших от боев, раненых, измученных, не трудно предположить насколько катастрофическими были последствия подобных переходов. Ниже приведен отчет охраны об этом.

«Отправка четырех тысяч двухсот военнопленных началась в 15.15. На двух подводах сидело примерно двадцать раненных, приблизительно пятьдесят военнопленных держались за телеги. Перед маршем военнопленным выдали на целый день по куску хлеба (450 грамм). Пить ничего не дали. На всем пути не встретилось ни одного колодца. Примерно через двадцать километров начали падать первые военнопленные, вероятно из-за физической слабости и стертых ног. Только силой смогли мы заставить людей продолжать путь. Приблизительно через тридцать пять километров наступила катастрофа: сотни пленных падали в канавы слева и справа от дороги и не шевелились, несмотря на удары. Даже угроза расстрела не возымела на них никакого действия. Они пришли к пункту назначения, там капитан сказал:

«Такое большое расстояние нельзя проходить за один день. Военнопленные будут больны и не смогут идти дальше. Вечером больше не пойдем, поэтому еды на ужин военнопленным можно не выдавать». (Отчет охраны шталага 326 (VI К) Зенне)

Для транспортировки использовались только открытые или закрытые, но не отапливаемые вагоны. В условиях русской зимы неизбежным следствием этого становилась смерть. Кроме того, эшелоны с военнопленными занимали последнее место в списке поездов на отправление, из-за чего они часто часами, а иногда и днями простаивали, подвергаясь холоду. Весьма показателен тот факт, что вскоре была запрещена перевозка пленных в открытых вагонах, а также то, что

имперское министерство внутренних дел Германии обязало местные приходы закапывать жертв перевозки, хотя изначально погибшие при транспортировке считались нонсенсом и отдавались распоряжения, чтобы замять этот общественный скандал.

Сами размеры страны и то, насколько продвинулся противник вглубь территории Советского Союза, обусловили большие расстояния транспортировки, а, следовательно, и протяженность во времени, что приводило к увеличению численности жертв. Нужно отметить, что жители европейских государств, попадавшие в плен, не сталкивались с подобной проблемой.

Советские военнопленные погибали, не достигнув места своего назначения. А те, кто выжил, прибывали в лагеря надломленными, измученными людьми.

Еще одно выделенное нами средство деморализации — **специализированное размещение шталага**. Лагеря для советских военнопленных, в отличие от «обычных» лагерей, по идеологическим причинам предполагалось сооружать на военных полигонах (так, шталаг 326 располагался на полигоне Зенне), в результате чего контакты советских солдат с немецким населением, а также пленными других национальностей были бы невозможны с самого начала. По той же причине максимальное количество лагерей на один военный округ ограничивалось двумя. Таким образом, обеспечивалась полная изоляция, которая развязывала руки комендатуре и охране военных лагерей, позволяя беспрепятственно совершать произвол по отношению к советским военнопленным. Это был серьезный деморализующий фактор: именно на изолированной, отдаленной территории заключенные наиболее остро ощущали своё бесправие и всевластие немецких солдат. Пленные красноармейцы были лишены всякой помощи извне, которая могла бы ограничить произвол.

Несмотря на то, что всякие контакты между населением и советскими военнопленными с самого начала были строжайше запрещены, совершенно избежать их было нельзя — пленные работали и в сельском хозяйстве, на крестьянских дворах; были замечены, неоднократные попытки обменять различные поделки, сделанные руками пленных, на продукты питания. Поэтому в инструкции по охране советских военнопленных говорилось: «Любые контакты военнопленных с гражданскими лицами следует... предотвращать, при необходимости применять оружие, в том числе против гражданских лиц»¹.

Безусловно, физическое и психологическое состояние пленных зависело и от вида работ, которыми им приходилось заниматься. Еще в 1940 году немецкое руководство планировало создать для большого количества пленных, которые, как ожидалось, появятся в ходе войны с Советским Союзом, в общей сложности 60 новых лагерей, некоторые из которых должны были находиться на территории самого рейха.

¹ Инструкция по охране советских военнопленных (приложение к распоряжению ОКВ/АВА) от 08.09. 1941г.

Решающим критерием выбора места расположения лагерей была, прежде всего, возможность использования заключенных на принудительных работах. Это хорошо видно на примере 6-го военного округа Мюнстер. Шталаг 326 (VI К) Зенне, расположенный на данной территории, поставлял рабочую силу на предприятия сельского хозяйства, заводы Вестфалии, на строительство Атлантического вала, на работы в Эмсландские болота, куда уже 10 июля 1941 года были отправлены 4 тысячи человек. И, в первую очередь, 326 Зенне являлся основным поставщиком военнопленных для работ на шахтах угледобывающих предприятий Рурской области и Рейна. Через шталаг прошли тысячи пленных (исходя из архивов шталага, число зарегистрированных в Зенне советских солдат составило около 200 тысяч человек, что было намного больше, чем в других лагерях. К ним добавилось еще около 100 тысяч человек, уже получивших личные жетоны и карточки в других лагерях). В дальнейшем их переправляли в центральный лагерь для горной промышленности (это видно из документов «Выделение шталагу 326 района для использования военнопленных на работах осенью 1942 года» от 04.09.1942 года и Приказа командующего 6-м военным округом об организации шталага для добычи угля от 7.11.1942 года). В общей сложности через Зенне прошли 307679 красноармейцев.

Труд советских военнопленных не регламентировался Женевской конвенцией, и зачастую превышал физические возможности заключенных — ослабевших, полуголодных, больных и раненых. «Годен для тяжелых работ (I степень)» — подобный приговор настолько часто встречался в Зенне, что для пометок в личных карточках был сделан специальный штампель. Труд в горной промышленности был особенно невыносимым: тяжелая работа, недостаточное питание, общее истощение организма, плохие бытовые условия — все это оказывало значительное воздействие на психологическое состояние пленных. Заболевших или обессиливших, потерявших работоспособность пленных возвращали «на поправку» в лагерь. На практике такое возвращение было равносильно смертному приговору, хотя в лагере и не производили массовых расстрелов.

Деморализации пленных служило и само устройство шталага. В начале 1939 года главным командованием вермахта были приняты основополагающие решения по организации и функционированию лагерей военнопленных. Лагеря советских военнопленных, хотя бы в общих чертах должны были сооружаться согласно этим положениям. Для шталага 326 (VI К) Зенне было характерно то, что все эти пункты были выполнены, поэтому анализ документов именно этого шталага представляет особенную ценность. Это произошло, прежде всего, потому, что в отличие от большинства других лагерей, на предусмотренной для лагеря территории не было до этого никаких сооружений, которые могли бы послужить отправной точкой для строительства нового лагеря. В этом отношении план лагеря 1944 года, на который мы опирались в своей работе, согласно немецким

представлениям, являлся в определенной мере идеальным планом лагеря военнопленных вообще. Он имеет форму прямоугольника (400 на 1200 метров), длинную улицу в качестве главной оси и разделен на участки. Летом 1941г. площадь в 10500 кв. м, охваченную крутой дугой соснового леса, «одели» ряды колючей проволоки, поднялись сторожевые вышки с пулеметами. Первые партии русских военнопленных начали строительство лагеря.

Согласно вышеупомянутым положениям, лагерь состоял из нескольких частей. При въезде начинались караульные и служебные помещения (Deutscher Lager). Сам лагерь военнопленных начался с так называемого «предварительного» лагеря (Voriager) и служебных помещений (приемного, отопительного, дезинфекционного, лазарета и ремесленных мастерских). Далее к ним примыкал основной лагерь для советских пленных (Hauptlager). И, наконец, с сентября 1942 года был сооружен особо отгороженный участок, который был предназначен для военнопленных других национальностей (Lager für westf. Krieger). Размером он был в два раза меньше, но условия в этом «западном лагере» были значительно лучше, чем в «русском».

Основываясь на сравнении этих двух лагерей, мы постарались выделить, каким образом за счет устройства лагеря удавалось оказывать на советских пленных деморализующее влияние.

Первое, что сразу бросается в глаза, это внутреннее разделение лагерей. Во избежание образования крупных групп сопротивления, «советская» часть была поделена колючей проволокой (обозначенной на карте пунктиром), преимущественно двойным слоем, на 18 так называемых «боксов» (в среднем по 3-4 барака на каждом), тогда как второй лагерь делился лишь на две большие части (13 и 11 жилых бараков на каждой).

Кроме того, на «западной» части располагалось 4 вышки, в отличие от «советской», где их было 14, каждая из которых (кроме двух) была укреплена земляным рвом (на карте обозначенным точкой). Для охранников была составлена специальная инструкция по охране советских пленных, согласно которой солдат должен был «для подавления сопротивления... безжалостно использовать оружие. По совершающим побег военнопленным открывать прицельный огонь немедленно (без предупреждения). (Инструкция по охране советских военнопленных (приложение к распоряжению ОКВ/АВА) от 08.09.1941г.)

Согласно отчету Красного Креста, французы, некоторые из которых носили в шталаге 326 зеленую униформу, просили «о разрешении носить одежду цвета «хаки», поскольку боялись, что их примут за русских». (Отчет о посещении стационарного лагеря 326 (VII К) делегацией Красного Креста от 27.07.1944г.)

Советских военнопленных старались заставить почувствовать себя зверьми в клетке — обреченными и бессильными, неспособными на сопротивление.

Лишение элементарных норм быта было отличительной особенностью устройства «советского» лагеря. Сюда можно отнести отсутствие прачечной. Водопровод (на карте пунктир с точкой) на «советской» части проходил лишь вдоль длинной улицы, делившей территорию на две части, тогда как водопровод второго участка пересекал весь «западный» лагерь. И, конечно, на территории советской зоны не могло быть такой роскоши, располагавшейся в «западном» лагере, как магазин, отдельная кухня, барак психологической помощи, барак для культурного отдыха, библиотеки, содержащей примерно 15 000 книг. Несоветские пленные могли даже ставить театральные постановки.

Особенностью шталага 326 являлся палаточный лагерь для советских пленнх (Zeitlager). Это существование становится понятным в свете дополнительной функции лагеря как приемного и сортировочного (о чем свидетельствуют документы «Выделение шталагу 326 района для использования военнопленных на работах осенью 1942 года» от 04.09.1942 года и Приказа командующего 6-м военным округом об организации шталага для добычи угля от 7.11.1942 года). Пленные, переправляемые в другие лагеря, находились в Зенне около 3 недель; строить на это время бараки, с точки зрения военного командования, было невыгодно, и поэтому вместо барачных руководств лагеря решило поставить большие палатки, в которых и размещались пленные в течение этого времени. Этим людям было особенно тяжело не столько из-за самих невыносимых бытовых условий, а скорее по психологической причине. В силу того, что палаточный лагерь находился между основным («советским») и «несоветским» лагерями, пленные видели условия, в которых проживали последние, это заставляло их еще болезненней ощущать всю тяжесть своей участи.

Пленнх, находящихся в шталагах, необходимо было обеспечивать продовольствием, так как, лишив их пропитания, Германия потеряла бы значительную долю рабочей силы. Но **продовольственное обеспечение**, специально разработанное главным командованием сухопутных войск для советских военнопленных, было сведено к возможному минимуму. Так, согласно приказу, на время работ на день в среднем полагалось 1200 гр. картофеля; 320 гр. хлеба; 28,5 гр. мяса; 18,5 гр. жира; 4,5 гр. обезжиренного сыра; 4,5 гр. сахара; 39 гр. кислой капусты. В лагере военнопленных (для восстановления работоспособности) по соответствующему решению лагерного врача дневной рацион мог быть увеличен не более чем на 7,14 гр. вяленой рыбы; 14 гр. искусственного меда и 500 гр. картофеля. (Приказ главного командования сухопутных войск, начальника вооружений сухопутных войск и командующего резервной армией от 08.16.1941г. о продовольственном обеспечении советских военнопленных, находящийся на территории рейха) На деле же не соблюдался даже этот минимум. Например, в Зенне дневной рацион составлял 700-800 калорий — треть того, что человеку требуется для поддержания жизни, при этом надо учитывать общее истощение и

тяжелый физический труд. По воспоминаниям бывшего военнопленного, зачастую за день давали лишь гнилую, непригодную для питья воду, в сутки 150 г эрзац-хлеба (прелые отруби с опилками), пол-литровый черпак супа: гнилая брюква, древесные листья.

Опираясь на документацию шталага, можно сказать, что это, безусловно, было отличительной чертой положения советских пленных, так как военнопленные других стран находились в несравненно лучших условиях.

Недостаточное питание подрывало не только физическое состояние советских военнопленных, но и моральное, притупляя всякое стремление к любому роду сопротивления и борьбе, чего и требовала нацистская идеология.

Деморализующий характер носили и те невыносимые **санитарно-гигиенические и бытовые условия**, с которыми пришлось столкнуться советским военнопленным.

С самого начала условия гигиены в шталаге 326 были неприемлемыми для человека. Летом и осенью 1941 года шталаг Зенне, как и все другие лагеря советских военнопленных, представлял печальное зрелище. Бывший пленный М. А. Кришнев вспоминал: «Первые пленные увидели только чистое поле с несколькими молодыми елочками, обнесенное колючей проволокой, с наблюдательными вышками по углам и в центре...» (воспоминания М. А. Кришнева) Когда первые пленные прибыли в лагерь, там не было ни колодцев, ни выгребных ям. Лагерный врач в своих воспоминаниях напишет: «Общеизвестные и всеми признанные причины возникновения заразных болезней были на лицо и в этом лагере, в основном это было скопление множества людей с низкой сопротивляемостью организма при неудовлетворительных условиях гигиены» (из документов лагерного врача). Уже в начале августа 1941 года разразилась эпидемия дизентерии, которой в начале сентября заболело более 500 человек. Сотни ослабленных голодом пленных умирали из-за обезвоживания организма и нарушений кровообращения, поэтому до конца года самой частой причиной смерти указывалась «дизентерия».

С самого начала германское руководство ожидало получить сотни тысяч советских пленных, но никто не мог предположить, что их будут миллионы, поэтому с первых же дней существования лагерей одной из самых острых проблем стала проблема жилья, не был исключением и шталаг 326. Статья 10 Женевской конвенции требовала ясно и однозначно:

«Военнопленных размещают в домах или бараках, гарантирующих чистоту и здоровье. Помещения должны быть полностью защищены от сырости, достаточно отапливаться и освещаться» (Женевская конвенция от 1929г.) Один из военнопленных В. И. Шиманский так опишет условия лагерной жизни:

«Мы вынуждены были располагаться под открытым небом. Лесок из молодых сосен на территории лагеря тотчас же был использован нами в качестве строительного материала для сооружения хижин из веток и землянок, рассчитанных на двух-трех человек. Однако этих сосновых

веток не хватало на всех, и многие пленные начали рыть норы в земле, чтобы иметь хоть какую-то защиту от дождя. Рытье таких нор для многих пленных заканчивалось трагично, поскольку ночью во время сна на несчастных обрушивался слой песка и погребал их под собой. Много людей погибло таким образом» (воспоминания В. И. Шиманского).

Большое количество пленным не позволяло должным образом обеспечить их стройматериалами. Пленным приходилось «зарываться» в песчаную почву не только голыми руками, но и с помощью ложек, крышек от кастрюль и различных жестяных предметов, котелками, сучьями; лес пилили проволокой.

Установленные позже палатки не защищали от непогоды и холода. Лишь осенью 1941 года начали поступать готовые части для барачков. С рассвета до темна со станции за 7 км военнопленные переносили их на плечах. Ослабевших били, травили собаками, расстреливали. Несколько месяцев вырытые ямы, палатки и бараки простояли рядом друг с другом. Несмотря на то, что с «переездом» в бараки люди получили крышу над головой, условия их жизни изменились к лучшему лишь незначительно: в продуваемых со всех сторон бараках не было ни столов, ни табуреток, ни посуды. Лагерный врач писал: «И хотя обогрев барачков в достаточной степени был технически вполне возможен даже в очень холодный период времени, тем не менее, позднее все равно были случаи смерти, однозначно свидетельствующие о замерзании людей», (из документов лагерного врача) Кроме того, еще 17.07.1941 был издан приказ о максимальной загруженности барачков. (Приказ начальника вооружения сухопутных сил от 17.10.1941г.) Бывший пленный В.С. Сильченко пишет об этом так: «Каждый барачок был рассчитан на 140 пленным. Однако там размещалось 400-500 человек. Постельного белья не было, и люди вынуждены были лежать на твердых деревянных нарах в три яруса или на полу» (воспоминания военврача В. С. Сильченко).

Также остро стояла проблема обмундирования. Старая форма и обувь скоро приходили в негодность, новой же не выдавали. Некоторым пленным в качестве обуви приходилось использовать деревянные колодки.

Без сомнений, столь ужасные условия жизни оказывали большое влияние на психологическое состояние пленным красноармейцев.

Анализируя документы (личная карточка Александра Филипповича Смирнова) и статистику по стационарным лагерям, нам удалось выделить такое своеобразное средство деморализации, как нарушение проведения медицинских процедур. После прибытия в лагерь заключенным во избежание заражения других рабочих и немецкого населения, делали прививки против оспы и туберкулеза. Каждое повторение процедуры должно было проходить не раньше, чем через неделю. На деле же советским военнопленным делали прививки через 2 дня (например, Смирнову и его товарищам иммунизации были сделаны 15, 17 и 21 сентября 1943 года, о чём свидетельствуют пометки на обратной стороне его личной карточки).

Наиболее опасным ещё со времен Первой Мировой войны был сыпной тиф, тяжелейшее инфекционное заболевание, которое переносилось платяной вошью, и без лечения примерно в 50% всех заболеваний приводило к смерти. Так, в Зенне только в ноябре и декабре 41 года умерло около 1600 военнопленных. Единственной возможностью помешать возникновению эпидемии было проведение дезинсекции (уничтожение вшей). При этом для уничтожения вшей и их яиц одежда каждого пленного дезинфицировалась горячим паром или вываривалась. Самых пленников полностью остригали и затем мыли. Часто шталаги, как, например, Зёнке, долгое время не имели соответствующих сооружений для проведения процедуры, поэтому заключённым приходилось ждать свою одежду на улице. Проблематичность ситуации очевидна: при сырой и холодной погоде возникновение болезней было неизбежно. Кроме того, карантин был снижен до 3 недель, после чего люди считались здоровыми и незаразными и могли приступать к работе.

Такая халатность и нарушение элементарных норм проведения медицинских процедур зачастую лишь подрывали здоровье военнопленных. Важным средством для дестабилизации и усиления неуверенности пленников было **сталкивание пленников разных национальностей**.

Например, украинцы использовались — в том числе и в Зенне — в качестве лагерных полицейских, что вызывало ненависть у пленников других национальностей, тем более что за эту работу они получали более качественную пищу в большем количестве. Этнические немцы часто использовались в качестве переводчиков.

Кроме того пленников разных национальностей в быту отделяла только перегородка из колючей проволоки, и русские военнопленные могли наблюдать сравнительно неплохое положение поляков, чехов по сравнению с собственным.

Для того чтобы с самого начала выделить красноармейца из общего числа пленников, при регистрации сразу же производили распределение национальностей по категориям. Таким образом «русский» — это было не только название национальности, одновременно это являлось признаком проявления дискриминации. «Русские» с самого начала не допускались на определенные виды работ и не могли иметь послабления на работе.

Несомненно, одним из самых сильных деморализующих факторов можно назвать **порядок захоронения погибших**, с которым столкнулись советские военнопленные. Уже 17.07. 1941 года, через одну неделю после прибытия первой партии военнопленных, отделением учета шталага 326 (VI К) был зафиксирован первый случай смерти: рядовой Георг Алексей (Георгий Алексеевич) Одахен (орфография может быть неточной) умер от огнестрельного ранения. В августе 1941 года число умерших начало увеличиваться, остро вставал вопрос о захоронении. В начале сентября лагерю военнопленных было отведено собственное кладбище. В течение следующих лет в 36 братских могилах, длиной 112 метров каждая, шириной 2,2 метра, были захоронены несколько

тысяч советских военнопленных. Когда в ночь на 2 апреля 1945 года военнопленные обрели свободу, 10 тысяч освобожденных провожали в последний путь умерших ночью в лагерном лазарете. Люди впервые вышли за пределы шталага: взорам открылось огромное поле, окруженное лесом, с холмами безвестных могил. Спеша скрыть следы, нацисты уже начали запашку «поля мертвых».

Голые тела укладывались в ямы в шесть рядов. Позже под наваленными в несколько этажей трупами взрослых заключенных были обнаружены останки примерно тысячи детей и подростков, захваченных нацистами под предлогом борьбы с партизанами.

Военнопленные прекрасно понимали, что в случае смерти, их ждет подобная участь. Это лишь усугубляло чувство обреченности и безысходности. Забвение хуже смерти. Для каждого была страшна не столько сама смерть, сколько тот факт, что они будут захоронены на чужой земле, сваленные в кучу в общих братских могилах; невероятно тяжело было осознавать, что после смерти не останется никакой информации о месте их захоронения, а родные и близкие им люди никогда даже не узнают, где находятся их могилы.

Таким образом, проанализировав способы деморализации советских военнопленных на материалах одного конкретного лагеря, мы в полной мере ощутили всю тяжесть их положения и масштабы трагедии (только через данный лагерь прошло 300 тысяч человек, из которых 65 тысяч погибли).

Проблема исторической памяти

Естественным продолжением работы стал для нас вопрос о сохранении исторической памяти о жертвах нацистских лагерей.

Конечно, проблема исторической памяти очень широка. Мы остановились на одном конкретном ее аспекте — опять же основываясь на имеющихся у нас документальных материалах — феномене исторической вины германского народа. Мы взяли на себя смелость попытаться объяснить природу этого феномена.

Нацистский режим просуществовал в Германии всего 12 лет (1933–1945) и за это время не успел укорениться в сознании немецкого народа. Люди вспоминали послевоенное время, как пробуждение ото сна. Нацистская пропаганда затмевала разум, не становясь его частью.

Нынешнему поколению немцев, выросших на принципах демократии, также присуще это чувство вины за прошлое поколение. Поэтому только в 60-е годы по личной инициативе граждан (в основном представителей церкви, коммунистов, социал-демократов) был образован комитет «Цветы для Штукенброка». Его деятельность была направлена на сохранение памяти о погибших и о событиях прошлого.

Комитетом был издан «Протокол Штукенброка», в котором были опубликованы первые статьи о лагере, а так же черно-белая фотография

обелиска. Однако в годы разрядки международной напряженности все громче высказывалось требование о беспристрастной переоценке истории. К тому же немецкими школьниками было обнаружено, что в региональных архивах содержится гораздо больше информации, чем предполагалось ранее. Усилиями немецкой общественности в 1996 году был создан центр документации.

В настоящее время в нем очень небольшой штат сотрудников, но они проделывают колоссальную работу: стремятся поддерживать контакты с бывшими узниками. Для тех же, кто навсегда остался в германской земле, они устанавливают могильные памятники и надписи на плитах, которые восстанавливают по документам, а именно по личным карточкам.

Сотрудники центра оказывают активное содействие родственникам бывших заключенных. Эти люди делают все, чтобы трагедия миллионов военнопленных не была стерта из Памяти человечества. Центр документации создал сайт в Интернете, кроме того, они снимают документальные фильмы и печатают на различных языках сборники документов, один из которых и стал основой нашей работы.

Любую информацию о военнопленных шталага можно получить по электронной почте. Так, на наш запрос о возможных фамилиях сибиряков-красноармейцев, узниках Зенне, мы почти сразу, получили ответ.

Заключение

Война не щадила никого. И военнопленным пришлось испытать на себе всю тяжесть и ужасы тех лет. Всякий военнопленный по своей сути незащищен, но целый ряд обстоятельств сделали положение советских военнопленных особенно тяжелым.

Проблема советских военнопленных очень многогранна и сложна, сочетает в себе объективные и субъективные факторы, материальные и психологические аспекты. Остановившись на скорее психологической стороне вопроса, мы постарались выяснить, каким же именно образом сложилась та шокирующая своей невыносимостью ситуация, в которой оказались наши соотечественники.

Ужас плена довелось испытать 6 миллионам человек, и лишь 1,5 миллионам дано было его пережить. Эти люди заслуживают того, чтобы их помнили, памяти заслуживают и живые, и мертвые. И прежде всего — памяти соотечественников.

На наш взгляд, на Родине сохранению памяти о советских военнопленных уделяется значительно меньше внимания, чем в Германии. Надеемся, что наша работа станет скромным вкладом в решение этой задачи.

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/5/Perevalova/1.htm

Мы связаны одной судьбой

Аюб Баштаров

*Красноярский край, Енисейский р-н,
с Верхнепашино, средняя школа №2*

Руководитель Г.П. Сукнасян

Эту работу я писал целые годы, вернее, пять последних лет. Начиная и бросал. Единомышленников было мало и постоянно мучил вопрос: «Нужно ли это кому-нибудь?». Но само время подсказывало, что работа эта необходима и мне, и моим сверстникам. Ведь для моего поколения Чеченская война — это целая жизнь. У нас свое, особое мировосприятие. Мы жизнь воспринимаем через войну, и это нельзя забыть или отбросить. Это всегда с тобой, даже если ты живешь далеко от мест, где стреляли или стреляют, плакали или плачут, бродят среди развалин и вопреки всем ночным кошмарам начинают новую жизнь.

Толерантность сегодня — это не надуманная тема. И в семье, и в школе этому нужно уделять самое большое значение, особенно на уроках истории и литературы, но решающую роль в деле воспитания толерантности должно взять на себя, на мой взгляд, телевидение, потому что нетерпимость к людям разных национальностей проявляется чаще всего на уровне повседневности. И в этом случае ситуация нетерпимости просто дублирует то, что демонстрируют средства массовой информации, и тогда ни родители, ни учителя ничем не смогут тебе помочь.

На мой взгляд, гораздо больше пользы принесет информация о строящемся и восстанавливаемом из руин сегодня Грозном. Тот, кто не был в этом году в Грозном и не видел его пять-десять лет назад, не поймет, что такое Грозный в улыбках и цветах. Это Возрождение. И об этом тоже нужно писать.

Когда я пытался собирать информацию на тему чеченской войны, я удивлялся тому, какое огромное место эта тема-предупреждение занимает в русской классической и в русской современной литературе. С ужасом обнаруживал, что об этой, когда-то «Столетней Кавказской войне» писали Александр Сергеевич Пушкин в поэме «Кавказский пленник» (1820-21 год), Михаил Юрьевич Лермонтов — в поэме «Кавказский пленник» (1828 год) и в поэме «Беглец» (1378 год), Лев Николаевич Толстой — в повести «Кавказский пленный» (1872 год) и Виктор Маканин — в повести «Кавказский пленный» (1994 год) и современный писатель Б.Акунин упоминает в своих книгах о I и II-ой Чеченских войнах.

Я даже осмыслить не мог эту информацию, когда я читал впервые все, ими написанное, но две вещи после всего прочитанного я понял

однозначно: написать на тему «Война и повседневность» нужно. И лично я, Баштаров Аюб Хасанбаевич, ученик 10 класса Верхнепашинской средней школы №2, считаю, что написать нужно так, чтобы эта война уже никогда-никогда не возникла вновь.

Чтобы читателю был понятен замысел моей работы, я постараюсь определить необходимость ее возникновения. Эта необходимость – сама жизнь, которая поставила меня в ситуацию, когда я должен думать и по возможности говорить: «Нет – войне!». Причем, это «НЕТ» — не памяти о войне, а ее замыслу, даже на уровне зародыша, мысли и обсуждения, «НЕТ» — всякому «смакованию» военных действий на территории Чечни.

И еще одну мысль я должен провести в своей работе: чтобы не было войны, люди должны, знать культуру, обычаи и традиции той страны, с которой собираются воевать, или собираются анализировать ход этой войны. Это я попытаюсь объяснить.

В русских учебниках под редакцией А.Г.Кутузова для 6 класса есть уникальное произведение М.Ю. Лермонтова «Беглец». Это черкесская песня о юном, вернувшемся в родной аул из похода против русских парне. В этом походе погибли все его товарищи. За предательство он был приговорен к изгнанию. Такие произведения воспитывают настоящих мужчин и именно таких произведений должно быть как можно больше в учебниках всех национальностей. Это уже на своем уровне и есть ПРЕГРАДА ВОЙНЕ.

Настоящие Русские — это великая и сильная нация. Она позволяет себе сейчас, когда чеченцев выставляют извергами, показывать черкесов такими, какие они есть. Я не знаю аналога произведению «Беглец» в учебниках русской литературы в Чечне.

Чечня. Грозный. Родина... Для меня это не просто слова... Более того, я даже не могу точно описать, что испытываю, когда их слышу здесь, среди российских снегов. Это такая боль, которую трудно описать словами. Это ответственность, от которой нельзя уйти и которую нельзя скинуть с плеч. Мое осознание Родины заставило меня чувствовать себя мужчиной раньше, чем мне это было положено по возрасту. Я рос среди людей, которые, благодаря средствам массовой информации, просто не могли не воспринимать чеченцев как врагов. Я рос в семье, где родители каждый день и каждую минуту не на словах, а на деле должны были доказывать, что это не так, что среди чеченцев, как и среди русских, очень много умных, порядочных, благородных и честнейших людей, которые в любую минуту готовы отдать жизнь за свою Родину.

Это очень не просто: каждый день, каждую минуту представлять свою нацию. Но я привык. Привык и тоже взял на себя ответственность за свой народ, свою страну, свою веру. Даже когда мне очень плохо и одиноко, я чувствую эту ответственность. Чувствую и стараюсь, что называется, «сохранить лицо». А свою боль отдаю страницам

бумаги, которые, уверен, вразумят того, кто хочет в этой жизни быть вразумленным. Так родился рассказ-исповедь.

Рассказ читали все: взрослые и дети, читали на переменах и на улице. И по глазам читающих я видел, что воспринимали его правильно: мы должны учиться жить в мире. Мы должны не позволять звериному в нас вырываться наружу. За это потом бывает очень стыдно. И если бы только стыдно. За это неприятие чужого образа жизни, чужой речи, чужого цвета кожи нам всем так или иначе придется отвечать.

Спасибо тебе, Андрей!

Я очень часто слышу слово «конфликт», но только сегодня понял, что оно означает на самом деле.

Я – чеченец. Живу в России. Здесь нет войны. Нет для тех, кто не хочет ее слышать и видеть. Я же, к сожалению, очень часто ощущаю ее присутствие: в косом взгляде, «брошенном», как камень в спину, обидном слове...

Однажды в школе на уроке географии, одноклассник сидящий сзади меня, писал про меня грязные вещи. Дело обычное. Ведь он делал это не со зла, а так, от скуки. Взрослые говорят: провоцировал конфликт.

Я долго терпел. Не боялся, нет... Чувствовал, что драться с ним нельзя. Он сытый, счастливый, горя не видел. Зачем драться? Но в результате, мы все равно подрались: глупо...

В какой-то момент я понял, что такое быть в ситуации, когда ты дерешься не с врагом, а с человеком, вместе с которым в этой жизни тебе, может быть, предстоит, делить и трудности, и радости. Из школы мы должны выйти командой. Иначе не выжить.

О конфликте узнали наши родители. Наши мамы переживали за нас, каждая защищала своего сына. А для меня эта драка стала уроком. Я понял, что мои родители, как бы они меня ни любили, мою жизнь за меня не проживут.

Этот мир создан, чтобы каждый человек прошел испытание, и не важно, каким оно может быть: потеря имущества, драка или наркотики. Это все испытания, которые заставляют человека задуматься, тем самым, проверяя человека, на что он способен. Это все урок для людей. Я этот урок запомню на всю жизнь, и буду вспоминать это перед тем, как что-то сделать.

А еще есть такое правило: первая молитва за врага, а надо бы, мне кажется, за то, чтобы было дано вразумление: врагов нет – мы их сами придумываем.

А сейчас я просто попытаюсь рассказать о своей собственной жизни в стране, которая стала мне родной, в которой я получаю прекрасное образование, истинные традиции которой чтю и уважаю. И собственное мое мировоззрение по отношению к войне вообще и к Чеченской войне, в частности, сформировано именно в России.

Если верить данным паспорта и считать свое существование на этой Земле законченной формой бытия, я родился 7 июля 1992 году в Российском городе Енисейске. Но это только факт моей биографии, момент отсчета моей физической, биологической, не знаю точно как сказать, жизни. Но... если относиться к своему бытию с философской или духовной точки зрения, мои корни очень далеки отсюда. И иногда я чувствую это очень отчетливо. Иногда я мысленно могу переноситься туда, где действительно чувствую себя дома.

Чечня... Как много значит для меня это слово. Мои родители родом из Северного Кавказа. А если точнее, они из Чечни.

Отец – Баштаров Хасан-Бай Саидович родился и учился в городе Грозном. До конца 1993 г. это была столица Чечено-Ингушской автономной республики. По окончании школы поступил в Грозненский ордена трудового красного знамени нефтяной институт имени М.Д.Миллионщикова, основанный в 1924 году, и закончил его в 1981 году. Это один из самых сильных вузов советского времени с обязательными распределениями по территории всего Советского Союза

Грозненский нефтяной институт – одна из самых мощных кузниц специалистов по горнодобывающим, геологическим, нефтегазороведовательным, нефтехимическим, экономическим, строительным, геодезическим профессиям в бывшем Советском союзе. Это институт, в котором основной упор уделялся не только теоретическим знаниям, но и практической подготовке студентов: полгода производственной практики в ходе обучения, три года производственной практики по окончании института.

Восьмидесятые годы – это время романтиков. Молодых, уверенных в своих силах людей не пугали, а привлекали трудности. Свою жизнь хотелось сделать самому, в Чечню, а именно в Грозный, предполагалось вернуться уже знающим дело специалистом, обеспеченным человеком. Высшее образование, диплом нужно было подтвердить делом, практическим опытом. Так было принято. Это не обсуждалось. Восточная Сибирь для реализации серьезных планов в то время – самая благоприятная почва.

Немало известных людей, бывших студентов Грозненского института, в нашей стране – России – трудится и по сей день, в частности, в Красноярском крае. А попали они сюда по окончании Грозненского института из самых отдаленных уголков бывшего Союза. В Грозненском нефтяном институте в свое время собрались и выучились, и именно Грозный дал им путевки в большую жизнь. Преимущество по выбору мест дальнейшего самоопределения предоставлялось студентам, защитившим диплом на «отлично». Именно таким студентом в 1981 г. оказался мой отец – Баштаров Хасан-Бай Саидович. Выпуск этого года в институте запомнился по четверке друзей, в шутку их называли «3 Б»: Х-Б.Баштаров, Д.Базоркин, Р.Берсанов. Все они прекрасно защитили свои дипломные работы и были распределены в Восточную Сибирь.

А еще в институте надолго запомнили тройку друзей, фамилии которых начинались на букву «Ч»: Ю.А.Чунихин, О.Н.Чертанов, А.Б.Чижиков. Время распорядилось так, что все эти люди, пусть в разное время, но все-таки оказались в одном и том же месте и под руководством выпускника того же Грозненского нефтяного института – Александра Анкудиновича Неустроева, генерального директора Производственно-геофизического Объединения «Енисейгеофизика».

Генеральный директор ПГО «Енисейгеофизика» Сибгатуллин Виктор Газизович пригласил Хасан-Бай Саидовича Баштарова в организацию ПГО «Енисейгеофизика» в г. Енисейске. Именно отсюда в 1981 г. в качестве молодого специалиста, в должности инженера-геодезиста, был направлен в одно из подразделений Объединения – Таймырскую геофизическую экспедицию в г. Дудинка вместе с Д.Безоркиным, где в течение трех лет прохождения производственной практики зарекомендовал себя знающим и перспективным специалистом. После чего был замечен руководством и приглашен главным геодезистом ПГО «Енисейгеофизика». За свою трудовую жизнь отец, наряду с другими специалистами, внес большой вклад в экономику края, региона, в конечном итоге, страны. Сюда же в свое время он привез молодую жену. Здесь у него родился сын. Здесь учится и воспитывается его дочь. Здесь отец испытал свои силы в новой для него, предпринимательской сфере деятельности, и преуспел в этой сфере.

Прежде чем писать о своей маме, я еще раз хочу повторить, что любая война – это кошунство над человеческой природой. Эти слова сказал когда-то, в XIX веке, великий А.С.Пушкин. я повторяю их мысленно в конце XX, когда приезжаю в Чечню и вижу войну глазами моей мамы.

Мама родилась, провела свое детство и училась в Грозном, там же закончила школу. В школе она была примерной ученицей. Потом поступила в Северо-Осетинский техникум Советской торговли. По профессии – техник-технолог. По окончании техникума закончила Красноярский филиал Ленинградского института Советской торговли имени Ф.Энгельса. Работала в ОРСЕ поселка Геофизиков технологом. Сейчас работает заведующей столовой школы №2 г. Енисейске.

Все мое детство: детский сад, начальная, а потом средняя школа – все это проходило среди россиян Я хорошо знаю, принимаю и уважаю культуру, традиции и обычаи всех народов. Но и обычаи своих предков чту свято, потому что они направлены на проявление добра и мира. Мира, о котором чеченцы пока только могут мечтать. И мы об этом мечтаем вместе с ними. Мечтаем о Мире, но жить приходится порой в условиях войны, пусть и не всегда объявленной. Сегодня мне уже пятнадцать, а чеченская война длилась более тринадцати... Получается, все мое детство связано с этой войной. И без нее, к сожалению, я просто не мыслю себя, своей Родины. Три года назад я написал об этом в своей затеси «Война».

Когда его напечатали, я был очень рад, что хоть как-то могу сказать миру: чеченцы, как и русские, не хотят этой войны, а матери – везде матери, и все они любят и ждут своих сыновей. Наверное, я не меньше, чем мои чеченские сверстники рад, что сегодня в Грозном этой войны нет. Сегодня этот город отстраивается, но еще вчера это были руины. Каждый год я видел руины. Руины, которые оставила после себя война. Война, о которой в моей семье никто не хочет говорить. А я хочу знать правду, хочу знать истинную историю этой войны, потому что мне, а не Им, моим родителям, за меня предстоит жить в этом мире. И это не просто праздное любопытство, я должен знать правду. Именно с этой целью я обратился не к людям, а к книгам.

Итак, я решил серьезно разобраться в чеченском вопросе и определил для себя круг произведений для изучения. Акцентирую внимание читателей: я не хочу найти виновных и, тем более, призвать их к ответу. Я хочу восстановить мир и, как говорит мой отец, сделать все, чтобы даже на слуху слов «русский» и «чеченец» не было. Это и есть уже война.

1. «История России и ее ближайших соседей: Энциклопедия для детей Т.5»

2. Б.В.Соколова «Сто великих войн» 2004 г.

3. А. Кольев «Чеченский капкан», Москва 1997 г.

4. Д.В.Краснопеев «Гражданская война в России 1993-?» ООО Издательство «Красноярский писатель».

5. А.Приставкин «Ночевала тучка золотая», Москва, Издательство «Правда» 1990 г.

6. А.Кольев «Чеченский капкан», Москва, 1997 г.

Первая книга, материал которой я изучил, это «История России и ее ближайших соседей: Энциклопедия для детей Т.5»:

История русско-чеченских отношений уходит своими корнями в XIX век. В 1859 г. Чечня стала частью Российской империи. В первые послереволюционные годы чеченцы, как и большинство горских народов, выступили против советской власти и развернули настоящее партизанское движение, которое было подавлено с невероятной жестокостью. Еще более обострились отношения в годы Второй мировой войны. В феврале 1944 г. население республики было выслано в Казахстан. В 1957 г., после возвращения чеченцев в родные места, криминальная ситуация в крупнейшем городе Чечни – Грозном – обострилась. Участились убийства, грабежи и хулиганство на улицах. Осенью в Грозном началось восстание проживавшего там русского населения с требованием выслать чеченцев обратно в Казахстан. В город ввели войска – восстание было подавлено, а бежавшие из Грозного чеченцы снова вернулись в свои дома в Грозном.

Национальные отношения в Чечне обострял также и ингушский вопрос. Ингуши в 1944 г. были выселены вместе с чеченцами, а когда вернулись в родные места в 1957 г., обнаружили, что их дома и села

в предгорных районах заняты осетинами. В 1971 г. в Грозном на площади Ленина в течение четырех дней продолжался митинг ингуш, просивших союзное правительство помочь им переселиться на старые места проживания. Митинг был разогнан войсками.

Отголоском этих конфликтов и в то же время их логическим продолжением стали события августа 1991 г., когда СССР распался на несколько отдельных государств. Власть в Грозном взял в свои руки Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН) во главе с бывшим генералом советских Военно-Воздушных сил Джохаром Дудаевым. В октябре он был избран президентом республики, и Чечня провозгласила себя независимым государством.

Российское правительство отказалось признать законность этого шага. У вопроса о независимости Чечни существовал и экономический аспект: Через территорию этой республики российское правительство собиралось строить нефтепровод. Вести его по землям, входящим в состав Российской Федерации, казалось несоразмерно дешевле, чем по территории независимого государства. В случае отделения Чечни России пришлось бы выплачивать ей огромные суммы за аренду территории для нефтепровода.

В ноябре российское правительство направило в Грозный десант войск специального назначения МВД. Однако они не смогли выполнить свою задачу. В начале июля 1992 г. территорию Чечни покинули части бывшей Советской Армии, а их имущество, в том числе оружие и боеприпасы, захватили власти Грозного. «Богатое наследство Москвы» позволило Дудаеву в короткий срок сформировать боеспособную армию.

В общественном устройстве большинства горских народов, в том числе и чеченском, до 90-х гг. XX в. сохраняются яркие черты родовой организации. Некоторые крупные роды (тейпы) не поддерживали Дудаева. Этим и решили воспользоваться российские спецслужбы. Для внутренней оппозиции из России стали поступать деньги, оружие, боеприпасы, боевая техника. Боевиков оппозиции готовили на российских военных полигонах. В рядах оппозиционеров появились офицеры российских секретных служб. Отдельные стычки между боевиками Дудаева и отрядами оппозиции происходили в августе-октябре 1994 г. В ночь с 14 на 15 октября колонна оппозиционеров на полученных от российских властей танках ворвались в Грозный. Но жители отдаленных районов Чечни плохо знали город, они быстро заблудились и вместо свержения Дудаева принялись грабить население окраин. При появлении отрядов Дудаева оппозиционеры разбежались, бросив технику.

Разочаровавшись в боевой выучке оппозиционеров, сотрудники российской контрразведки стали вербовать военнослужащих российской армии. Около 300 офицеров и солдат из частей Московского военного округа согласились принять участие в тайной операции за обещанное большое денежное вознаграждение. Найти желающих среди российских офицеров, семьи которых после распада СССР оказались практически

без средств к существованию, было нетрудно. Первоначально военным сказали, что они должны лишь перегнать бронетехнику в один из районов Чечни. А уже в Чечне приказали выступить в сторону Грозного.

26 ноября колонна танков и бронетранспортеров, ведомая российскими военными, в сопровождении пехоты чеченской оппозиции вошла в Грозный. Поддержку с воздуха обеспечивали вертолеты. Но и на этот раз штурм сорвался: оппозиционеры вновь занялись грабежом, бросив танкистов. Громоздкие танки стали прекрасной мишенью для боевиков Дудаева, которые встретили их огнем гранатометов и бутылками с бензином. К вечеру на улицах Грозного застыли десятки подбитых и вышедших из строя танков. Почти 80 российских солдат и офицеров попали в плен, число погибших танкистов известно лишь приблизительно – около 20 человек.

Источник говорит о том, что российский министр обороны Павел Грачев отказался признать пленных военнослужащими российской армии, назвав их наемниками. Российская контрразведка тоже поспешила откреститься от них. Тогда же начались массированные воздушные налеты российских ВВС на Грозный. Тайная спецоперация постепенно стала превращаться в большую войну.

Штурм Грозного начался 31 декабря 1994 г. в течение трех недель шли тяжелейшие бои на улицах города.

Лишь 19 января было объявлено о взятии президентского дворца. Но столкновение в Грозном продолжалось до начала марта. Всего при штурме города, по официальным данным, погибло около 7 тыс. боевиков и 1100 российских военнослужащих, около 500 боевиков взято в плен. По чеченским данным, боевики потеряли около 3 тыс. человек, а российские войска – около 8 тыс. человек убитыми, десятки тысяч ранеными, около 300 солдат и офицеров попали в плен. Как свидетельствуют очевидцы, российские войска пленных не брали: взятых с оружием расстреливали на месте. Весной 1995 г. российская армия вела тяжелые бои за города Аргун, Шали и Гудермес.

26 апреля 1995 г. Президент России Б.Н.Ельцин подписал указ об объявлении моратория на применение вооруженной силы в Чечне до 12 мая в связи с празднованиями по всей стране Дня Победы в Великой Отечественной войне. В действительности же это оказалось чисто рекламным мероприятием. Мораторий не соблюдала ни одна из сторон. После его завершения, 14 мая, партизанские формирования подошли к Грозному, заставив федеральные войска перейти к глухой обороне. Во второй половине мая 1995 г. российские войска впервые попытались прорваться в горную Чечню – ожесточенные сражения завязались на подступах к селениям Шатой и Ведено. Горная Чечня так и осталась недосягаемой для федеральных войск.

В марте 1996 г. армия Д.Дудаева предприняла штурм Грозного и на несколько дней заняла столицу. Полевой командир Шамиль

Басаев, «террорист номер один», как называли его в международной прессе, на этот раз посадил своих бойцов на легковые автомашины. На большой скорости они передвигались по улицам, атаковали федеральные блокпосты и комендатуры. И все же боевикам пришлось покинуть город, потеряв в ходе столкновений около 170 человек.

21 апреля 1996 г. Дудаев был убит ракетой, наведенной на сигнал его сотового телефона. Пост президента Чечни занял вице-президент Зелимхан Яндарбиев, лидер Вайнахской демократической партии.

Уже в конце мая в Москве Ельцин и Яндарбиев подписали соглашение о прекращении огня. Накануне президентских выборов российское руководство казалось заинтересованным в достижении хотя бы временного мира в Чечне.

В это же время ОКЧН потребовал от Организации Объединенных Наций «признать Чеченскую Республику субъектом международного права», т.е. независимым государством.

В 5 часов 50 минут утра 6 августа 1996 г. в Грозном начались тяжелые бои – около 4 тыс. чеченских бойцов атаковали 12-тысячную группировку федеральных войск. Чеченским отрядам удалось блокировать войска на их основных базах – аэродромах Северном и Ханкале – и уже к вечеру овладеть основными стратегическими объектами города.

Штурм Грозного совпал по времени с торжественной церемонией вступления Ельцина на пост Президента России – в Кремлевском дворце шел веселый праздник, а в Грозном умирали мирные жители, солдаты и боевики. По далеко не полным данным, в те дни погибло более 500 российских военнослужащих, около 1,5 тыс. – ранено, около 200 – пропали без вести, было подбито около 90 бронемашин и танков.

Несмотря на то, что российские войска взяли Грозный и продолжали продвигаться в глубь горной Чечни, они не могли контролировать всю территорию республики, на которой с каждым днем возрастало сопротивление населения.

Материал говорит о том, что многие воинские части просто отказались выступать в бой. В то же время в самой России общественное мнение все громче высказывалось в пользу скорейшего заключения мира, газеты и журналы открыто порицали федеральное правительство за продолжение военных действий. Международное общественное мнение так же осуждало агрессию в Чечне. В этих условиях дальнейшее затягивание конфликта с Грозным стало практически невозможным.

В ночь на 12 августа в селе Новые Атаги состоялись переговоры секретаря Совета безопасности Александра Лебеда и командующего чеченской армии Аслана Масхадова, в ходе которых стороны приняли решение о прекращении огня.

31 августа 1996 г. в дагестанском городе Хасавюрт Лебедь и Масхадов подписали официальное соглашение о выводе федеральных войск из Чечни. Война закончилась.

Я сделал для себя несколько выводов:

— В 1859 году Чечня стала частью Российской империи, но никогда чеченский народ не был согласен с таким положением дел и периодически восставал против своей зависимости от Российской империи.

— В конце XX века эта борьба за независимость обострилась в связи со строительством нефтепровода. Несогласованные действия в начале 90-х годов боевиков Дудаева, оппозиционеров, десанта войск специального назначения привели к развязыванию военных действий на территории Чечни. Тайная спецоперация постепенно стала превращаться в большую войну.

— В мае 1996 года Ельцин и Яндарбиев подписали соглашение о прекращении огня. В это же время ОКЧН потребовал от ООН «признать Чеченскую Республику субъектом международного права»

— 6 августа 1996 г. В Москве, в Кремле – праздник, а в Чечне – штурм Грозного. Российские войска продолжали продвигаться в глубь горной Чечни.

— 31 августа 1996 г. в Хасавюрте Лебедь и Масхадов подписали официальное соглашение о выводе федеральных войск из Чечни.

ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ!

— И еще об одном выводе я не могу умолчать и читаю его сквозь строки энциклопедии российских газет, которые попадали мне в руки: «Через независимую Чечню нельзя было бесплатно протянуть нефтепровод...» Наверное, это так.

Но договориться, наверное, было можно, ведь настоящие люди, если они настоящие люди и чувствуют за своей спиной женщин и детей, должны договориться. Должны сделать все возможное, чтобы эти женщины и дети не страдали. Иначе это просто политические мужские игры, за которыми деньги, власть и еще какие-либо ценности, у каждой национальности и у каждого времени они свои – и их не перечеть.

Так закончилась I чеченская война. Но, к сожалению, не закончилась война вообще. И об этом опять же свидетельствуют не только средства массовой информации, которых я стараюсь избегать из-за их противоречивости, а обращаюсь к серьезным, энциклопедическим книгам.

Но это не помогло мне найти все ответы на мои вопросы. Тогда я обратился к энциклопедии Б.В.Соколова «Сто великих войн» 2004 г.

Информация этой книги, гласит о следующем:

Вторая Чеченская война началась после вторжения в августе 1999 года, так называемых, чеченских отрядов Шамиля Басаева и Хаттаба в Дагестан в расчете на содействие местных ваххабитов, взрывов жилых домов в Москве и Буйнакске и вторжением федеральных войск в сентябре. План этого вторжения, по некоторым данным, был разработан еще весной 1999 года. К началу февраля 2000 г. российская армия овладела Грозным, который был практически стерт с лица земли. В феврале-марте федеральные войска проникли в

южные горные районы Чечни, но установить эффективный контроль над ними не смогли. На всей территории Чечни в настоящее время продолжается широкомасштабная партизанская война. К концу 2000 года российские потери, по официальным, вероятно, значительно приуменьшенным данным, составили около 3 тыс. погибших и пропавших без вести. Достоверных данных о потерях чеченских вооруженных формирований и мирного населения нет. Можно предположить только, что гражданских лиц погибло в несколько раз больше, чем вооруженных. Как в дельнейшем будут развиваться события в Чечне не покажет время.

И время показало, как в действительности развивались события в Чечне. Об этом писали все средства массовой информации, и все, кого так или иначе интересовал этот вопрос, получал свою информацию.

Мне же хотелось узнать информацию из уст того, кто был на этой войне и кто по долгу службы не должен разжигать межнациональную рознь. Я обратился к книге учителя.

Ее написал учитель истории школы №45 города Красноярска Д.В.Краснопеев. Книга, действительно, пользуется большой популярностью среди моего поколения.

В ее основу легло дипломное исследование, защищенное по окончании Красноярского Государственного Педагогического Университета в 1998 году. Основной материал для работы был напечатан в период с весны 1990 по февраль 1995 года и взят из открытых источников. «Российская газета» является официальным печатным органом правительства России. Также в книгу вошел материал из некоторых документальных телепередач и бесед с участниками событий. Было бы неверным считать, что издание ограничено определением условных дат и перепечаткой всего материала по данной теме.

Д.В.Краснопеев даже дает советы, как прекратить эту войну.

Цитирую:

Пятое. Есть исторический пример разрешения Северо-Кавказского конфликта, загляните в 1859 год. Урок вам преподаст Александр II.

Шестое. Зачинщики войны на свободе. Хотелось бы верить, что попади они под суд, из леса вышли бы полевые командиры во главе с А.Масхадовым (уже не во главе), и попросили бы подвинуться ответственных товарищей на скамеечке.

Итог. Несомненно, данные предположения не являются панацеей от всех бед. Это всего лишь некоторые из шагов к стабильности и благополучию России. Очевидным является то, что будущее нашей страны не за резервациями, где живут те или иные «непокорные» народы, а за такой моделью государственного устройства, которая вновь начнет привлекать другие народы, которая когда-то была заложена Петром I и Катериной II.

Вторая часть материала дала мне больше вопросов, чем ответов.

1) Что же это за война, в которой, цитирую: «гражданских лиц погибло в несколько раз больше, чем военных»?

2) Против кого же были направлены военные действия?

Книга «Гражданская война в России 1993-?» натолкнула меня на мысль, которая, пожалуй, вообще увела от поиска виновных и помогла понять то, что на эту тему уже думал отец: не надо говорить о том, что не хочешь, чтобы произошло.

Как прав оказался мой отец, когда возмутился, до гнева возмутился, прочитанным в моей работе предложением «я рос и расту среди русских детей».

Кто имел право делить детей?! – кричал он, и я искренне обижался. Ведь я не хотел сказать этим ничего плохого. И только время прошло, пока все мы успокоились и я понял: отец прав.

Что же касается урока, который дает Александр II в 1859 году по поводу решения Чеченского вопроса, то я нашел этот материал в книге А.Кольева «Чеченский капкан». Он предлагает оставить без средств всех, кто наживается на Чеченской войне. Это, конечно, выход. Но время войны, слава Всевышнему, уже прошло. А урок Александра II действительно следует помнить.

Наконец, я нашел еще один источник информации и, как сейчас принято среди моих сверстников, обратился в Интернет.

Информация, которую пришлось изучить, меня шокировала. Сразу нашлись ответы на мои вопросы. Энциклопедия – это то, что остается в веках, это свято. А Интернет – это информация, которая меняется каждый день. В ней раскрыто то, что творится в мире. И, что творится в Чечне, тоже не скрывается, а выливается на всеобщий обзор то, что многие называют правдой. Но мы знаем, что у каждого эта правда своя. И такая правда способна разжечь новую войну. Интернет сообщает, что страшная, подлая война стирает с земли маленький мирный кавказский народ, дерзновенно заявивший о своем праве на независимость. В то время, как те люди, благодаря которым может все измениться, играют со своими детьми, общаются со своими женами. И, конечно же, чувствуют себя настоящими мужчинами... Можно ли считать их мужчинами?

Наверное, нет. Ведь те люди, которые сейчас пытаются всеми силами спасти свой народ, погибают, а у них тоже есть семьи, причем большие семьи, любящие жены и дети.

Я внимательно прочитал много иллюстрированных листов из Интернета, посвященных Чеченской войне, и действительно согласен с мнением ее авторов: это страшно.

То, что видели очевидцы, страшно себе представить. Эти трупы, они были везде. Эта война, в которой победителя не может быть.

Собровцы, омовцы, простые солдаты – все лазают по карманам у мертвых. Очень часто людей сжигали – это очень страшно. Их облили бензином и просто сожгли. Солдаты грабили дома. Вывозили все, что попадалось им на глаза. Вороват в основном призывники. Их

заставляют. Очень часто по Чечне била артиллерия. В общем, материал который я извлек из Интернета, очень противоречив и неоднозначен. Война шла только на территории Чечни. И, естественно, страдали в ней, в основном, чеченцы и те, кто, туда попадал.

Эта война очень жестокая и подлая, потому что не жалели, а просто убивали, убивали, потому что ты – чеченец. Воюешь против нас, значит умрешь. Но причем здесь дети, пожилые люди, женщины? Зачем их убивать? От скуки? Нет, это, наверное, месть всем чеченцам, которых хотят стереть с лица земли. Но сделать этого не возможно, потому что народ победить невозможно.

Я с болью, бросая и начиная, целую неделю читал этот материал – интервью и русских, и чеченцев. Читал и отказывался понять то, что там описано. Не хотелось верить своим глазам.

Это полный беспредел. Полная безнаказанность и бездеятельность – анархия. Смерть детей – и русских, и чеченцев на глазах у взрослых. Как это пережить и не сойти с ума.

А сколько преступного, бесчеловечного я узнал о зачистках, о расстреле местного мирного населения... Чеченцев называли и называют «бандитами», русских – террористами.

Эта война уже приняла другой, дикий статус, она уже стала называться «вялой» и может продолжаться до бесконечности. Но какой бы статус не приняла эта война, многое зависит от каждого произнесенного по ее поводу Слова. Слово действительно значит очень много. И когда я пишу на тему «Война и повседневность», я обращаю внимание именно на Слово, любое слово, произнесенное по отношению к войне.

Работу «Момент истины или омонимия и полисемия в современном русском языке» я посвятил объяснению и осмыслению слова «джихад» в средствах массовой информации. И, на мой взгляд, мне удалось убедить всех своих сверстников в том, что слово это великое. И воспринимать его так, как трактуют порой российские газеты, преступно. «Джихад – это священная война человека со своими страстями». Именно об этом надо помнить тем, кто и среди людей любой национальности не может совладеть со своими страстями, а вот о терроризме говорит очень красноречиво.

Ислам, как и все Божественные религии, запрещает любые формы насилия и давления и повелевает творить добро и мир между людьми и народами. Все крупнейшие западные специалисты – исламоведы, глубоко знающие истинные принципы Ислама и повеления Всевышнего, ниспосланные в Коране, говорят о том, что слова «Ислам» и «террор» не могут употребляться вместе, ибо ни одна Божественная религия никаким образом не оправдывает и не может поощрять какого-либо проявления насилия.

Чтобы уйти от насилия в войне и попытаться оправдать чеченцев, которые защищали и защищают свою территории от нашествия русских, я обратился к сказкам учителя Д.В.Краснопеева. Казалось бы, сказки

должны внести мир в мою душу, но и этого не произошло. Стало еще страшней. Прочитайте эти сказки, и все поймете сами!

Сказка на ночь

В одной маленькой деревушке, на самом информационном отшибе, жил юный историк и его мачеха — «любопытность». И вроде все в достатке у них было, а только не унималась сварливая баба, что не подумает пасынок — все не так, как ни повернется, все не в ту сторону. И захотела она его извести в конец. И отправила как-то, под новый год, в библиотечный лес:

— Иди, сынок, и узнай, кто складывал чеченский костер, кто разжигал, грел руки и жар загребал. Посмотрел парнишка на мачеху: шутит она или вправду посылает в библиотечный бурелом.

— Что вы, мама, времена-то нынче какие, история-то все перевернута, вымарана да переписана. Страшно мне, увязну во лжи, пропаду.

— Если и пропадешь, невелика беда, плакать о тебе никто не станет! Ступай, да без истины не возвращайся.

И побрел наш бедолага по газетным дебрям, по трескучим переплетам, по старым желтым подшивкам. Долго ли, коротко шел наш горемыка. Смеркаться стало. Закрутило, завертело его поземкой колесо истории. И стали видеться ему картинки разные.

Картина первая

Мужичонка, какой-то, вроде из интеллигентов. Роста невысокого, лысенький с бороденкой. Советуясь с ходоками, перекраивает красным карандашиком границы губерний в Российской империи и говорит картавым языком.

— Ничего, ничего товарищи, 90% наших людишек вымрут как мухи. Зато 10% доживут до мировой революции. Вот тогда и начнется всенародное счастье. А те и рты раскрыли. Что с них взять — крестьяне темные, из глухих деревень. Они же за правдой пришли, сердешные. И узнали ее из первых уст.

А интеллигент, тем временем, не унимался:

— Я, товарищи только, что закончил письмо Баварским рабочим, поделился с ними, так сказать передовыми методами политической борьбы с буржуазией и прочей политической проституцией. Думаю, мои предложения и методы, будут использованы не только в XX и в XXI столетии.

— Вот «добрый» человек, — только и успело промелькнуть в голове у юного историка, как унеслась картинка «военного коммунизма».

Забрел наш любитель истории глубже в газетный бурелом. Все темнее становится. Небо черное. А земля чуть посветлее. Это от февральского снега, наверное.

Картина вторая

Выехали на лесную просеку, что недалеко от железнодорожной ветки. Грузовики, а в них — то ли дровосеки, то ли сотрудники НКВД. Зачитали они в лесу слова извинения, мол, так лучше будет. Для вас же стараемся, на новой земле жить хорошо, привольно.

И начали национальную политику проводить. Корни подрубать, лес корчевать, молодые побеги выкапывать, а старые деревья тут же в дрова рубить. Перегрузили дровосеки человеко-материал из грузовиков в вагоны и отправили по пути указанному с кремлевской стены, самым справедливым вождем всех времен и народов. В Казахстан.

Не успел юный историк вторую картину осмыслить, как растаяли февральские сугробы, под ногами мягкая весенняя земля, кругом каплет, течет, журчит. Никак оттепель настала.

Картина третья

А вот и еще один любитель кройки и шитья по карте страны и субъектам федерации. По совместительству агроном, обгрызенной кукурузный початок из кармана торчит.

— Извиняетесь, мол, за все. Перегибы на местах, видите ли. Всех вернем. Еще и землицы подкинем. Вот вам для проживания левый берег Терека. Ничего, казачки подвинутся, им не впервые.

— Да где же истина? В конце то концов? Сколько же вам, самозванцам, можно карту перекраивать и казенные земли разбазаривать?

Подумал наш юный историк, как вдруг меж газетных строк сверкнул огонек, будто звездочка в ветвях запуталась. На этот маячок и пошел наш сирота. Через время, через фальсификацию перелезает.

— Только бы, думает, огонек не погас! А он не гаснет, все ярче горит, уж и пороховым дымком запахло и слышно, как потрескивает в огне паркет дубовый. Прибавил он шагу и вышел на поляну. Посреди ее большой костер горит, а вокруг люди сидят. Кто поближе, кто подальше от огня. И увидел наш искатель знакомые лица возле самого жара:

Дудаев — (Не сумел вывести Чеченскую республику из экономического кризиса. Предугадал трагическое развитие событий. Но не смог перешагнуть через личные амбиции.) смотрит огонь невидящими глазами.

Грачев — (Министр обороны России в первой половине 90 годов — втянул своих подопечных в бездарную военную кампанию, в которой погибли сотни тысяч людей.) Щепки да бересту в пламя подбрасывает.

Дубинин — (Министр финансов России в первой половине 90 годов — служащие его ведомства списывали триллионы рублей на фальшивые «чеченские» авизо). Во все щеки поддувает в угли.

Шафранник — (Министр топлива и энергетики России в первой половине 90 годов — служащие его министерства перекачивали через

Грозный Российские нефтепродукты). Палочкой печеную картошку из золы достает.

Шохин — (Министр внешних экономических связей России в первой половине 90 годов — служащие его министерства уводили Грозненские нефтепродукты за границу, а за одно и денежные средства из бюджета России). Ручки озябшие выставил на огонь.

Еще возле костра люди сидели, но в сумраке размыты и не четки были их лица.

— Здравствуйте, люди хорошие, — начал наш школяр и поклонился в пояс, — я за истиной пришел. Хочу знать, кто сложил исторические дрова? Кто разжег чеченский костер? Кто погрелся на пламени, кто жар загребал, чьими руками? Ответьте, пожалуйста?

А костер в это время вроде затухать стал да искрить. Вот в Буденовск и на Каширское шоссе отлетели угольки, в Дагестан стрельнуло, на Дубровку, в Моздок, в Тушино отскочили искры. И увидел наш искатель силуэт среди теней, по одежке самый богатый из присутствующих. Шапка соболем оторочена, накидка из горносталя. Усмехнулся дедушка нетрезвой улыбкой на вопрос и ответил:

— Ну, чего ты ходишь? Чего шумишь? Понимаешь ли? Нет ее истины. Поначалу вроде была она, да первая в этом костре и сгорела. Так что ступай себе с богом.

И опять зашумели газетные страницы, зашелестели желтые подшивки. Очнулся наш искатель на печи в тепле, понять ничего не может, то ли вправду все было, то ли привиделось во сне. А здесь и мачеха за свое:

— Иди, говорит, и узнай, кто складывал чеченский костер, кто разжигал, грел руки и жар загребал. А если и пропадешь — не велика беда. плакать о тебе никто не станет.

Вот такие сказки преподносит сегодня учитель истории, решая тем самым защитить чеченцев, обвинить русских, прекратить войну, найти ее истоки. Свои задачи он определил четко и в самом начале своей работы. Книга, безусловно, полезная, но прекратит ли она войну? Или, наоборот, будет способна разжечь уже затухнувший пожар.

Как не прав, на мой взгляд, автор этой сказки. Он уже не любит человека, который говорит последние слова, последней сказки. Без любви нельзя найти истины.

Да и истина ли была то, что я искал до сих пор и пытался обнаружить в кипах противоречивых газетных материалов и сомнительных брошюр.

Истину, как мне кажется, я нашел в художественной литературе. Из всего, что мне удалось прочитать за последние два года о Чечне, самое обнадеживающее впечатление оставила повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая». Повесть вышла еще в 1990 году, вышла в свет, наверное, как предупреждение тем, кто будет размышлять на эту тему и искать врага. Автор к этому произведению дает недвусмысленный эпиграф: «Посвящаю эту повесть всем ее друзьям, кто принял как

свое личное это беспризорное дитя литературы и не дал ее автору впасть в отчаяние».

Начало этой книги для меня очень знаменательно, если это не осмыслить, то нельзя понять, зачем написана книга.

Я не буду в этой работе пересказывать историю двух братьев Кузьмешней. Замена одного брата другим и невозможность на этой Земле вообще прожить без брата очевидна. Об этом Приставкин пишет в последних главах повести, а заключительные ее строки я расцениваю как завет всем нам, вступающим в жизнь с желанием отомстить и найти правду:

- Зачым плакыт! Нэ надо... Мы будыт ехыт, ехыт, и мы приедыт, да? Мы будыт вместе, да? Всу жыст вмэсты, да?

Колька не мог остановиться, он плакал все сильней, и только поезд стучал колесами, что-то подтверждая:

«Да-да-да-да-да-да...»

Наиболее важным, поучительнейшим, что ли моментом этой повести мне кажется другой эпизод: это встреча в степи двух поездов. Понимаете: это было. И было не случайно. «Мы были связаны одной судьбой». Один состав с русскими детьми остановили, чтобы хоть как-то откормить голодных, больных оборванных детей. Сашка уже не мог бегать и наслаждаться дарами природы, а вот Колька-проныра — тот все увидел и обо всем хотел рассказать:

Но об одном, что видел тут, на станции, он промолчал. О странных вагонах на дальнем тупике за водокачкой. На те вагоны он набрел случайно, собирая вдоль насыпи терн, и услышал, как из теплушки, из зарешеченного окошечка наверху, кто-то его позвал. Он поднял голову и увидел глаза, одни сперва глаза: то ли мальчик, то ли девочка. Черные блестящие глаза, а потом рот, язык и губы. Этот рот тянулся наружу и произносил лишь один странный звук: «Хи». Колька удивился и показал ладонь с сизоватыми твердыми ягодами: «Это?». Ведь ясно же было, что его просили. А о чем просить, если, кроме ягод, ничего и не было.

— Хи! Хи! — закричал голос, и вдруг ожило деревянное нутро вагона. В решетку впились детские руки, другие глаза, другие рты, они менялись, будто отталкивали друг друга, и вместе с тем нарастал странный гул голосов, словно забурчало в утробе у слона.

Колька отпрянул, чуть не упал. И тут неведомо откуда объявился вооруженный солдат. Он стукнул кулаком по деревянному борту вагона, не сильно, но голоса сразу пропали, и наступила мертвая тишина. И руки пропали. Остались лишь глаза, наполненные страхом. И все они теперь были устремлены на солдата.

А он, задрав голову, показал кулак и привычно произнес:

— Не шуметь! Чечмеки! Кому говорят! Чтобы ти-хо!

Он шагнул к еще не опомнившемуся Кольке, ловко развернул лицо к станции, будто знал, откуда он взялся, и подтолкнул в спину:

— Топай, топай отсюда! Тут не цирк, и смотреть тут нечего!

В эти сутки Колька еще раз пробрался к странному товарняку. Не поленился проделать кругая по колючим кустам, а все из-за одной лишь подлой привычки, свойственной любому шакалу: кружить, как кружат осы именно там, где гонят! Известно, там всегда что-нибудь да ухватишь. Пусть не ртом, а глазами... у нас и за погляд деньги берут! А у шакалов детдомовских острый глазок за вторую пайку почитается.

Но сколь ни вглядывался Колька, сидя в кустах рядом с насыпью, сколь ни вслушивался, ничего не мог обнаружить. Видел солдата, но не того, что турнул Кольку а другого, повыше и покрупней, он вышагивал вдоль эшелона, стараясь спрятаться от пекла в узкой вагонной тени.

За свою немалую жизнь, его и Сашкину, много повидали они всяких поездов, проходящих через Томилино: санитарных с красными крестами на боках, военных с танками под брезентами, с беженцами, с трудармейцами, даже с зеками... Однажды они видели, как везли пленных фашистов, тоже в теплушках, а ихних генералов так в отдельном шикарном вагоне... их потом по Москве колонной водили. Но этот эшелон, Колька мог поклясться, не был ни фашистским, ни беженскими. Он скорей был похож на их беспризорный поезд: тоже, видать, не кормили. Так ведь шакалы и сами могли добыть себе пропитание – привычное с детства дело! А взаперти-то как добудешь?

Пока Колька соображал, поезд то прогудел и поехал. Солдат последний раз вдоль состава глазом стрельнул, на ступеньку вскочил, и тут снова раздалось голоса. Уже не один вагон – все вагоны. Завопили, закричали, заплакали...

Поезд покатил в ту сторону, откуда братья только что приехали, но вот какая странность – звуки и голоса из теплушек еще долго реяли в воздухе за станицей, пока не растаяли в теплых сумерках.

Но это, конечно, все Колькино воображение, потому что никто, кроме него, как оказалось, этих криков и плача не слышал. И машинист седенький с их паровоза мирно прохаживался, постукивал молоточком по колесам, и шакалы суетливо у поезда, и люди на станции двигались спокойно по делам, а радио доносило бравурный марш духовного оркестра: «Широка страна моя родная...»

Страна наша действительно широка. И настоящую истину я нашел гораздо ближе, чем искал. Конечно, и энциклопедический материал и книга учителя Д.В.Краснопеева и фильм режиссера Н.Михалкова «12», и, главное, книга А.Приставкина «Ночевала тучка золотая» вели меня к истине. Но найти ее можно только в повседневности, в том что рядом с тобой, чем ты живешь.

То, что описал Приставкин, отобразилось и в городе, ставшем мне родным – Енисейске. Отразилось, но только в несколько в другом варианте. Старожилы, которые в 41-ом были мальчишками, помнят, как холодной зимой, когда и птицы на лету замерзали, выгрузили у городской бани, необычную группу людей, не говорящих по-русски, в необычной, незимней, оборванной одежде. Дичившихся всего окружа-

ющего, озлобленных, голодных, несчастных. Это были женщины, дети, старики. К утру – в живых остались только дети – на них было все тряпье, что принадлежало всем привезенным. Потом привозили в Енисейск еще группы людей, нерусских национальностей, совсем не говоривших по-русски. Относились к ним как к «врагам народа». Но в детдом поселили и дали возможность учиться.

Вспоминает Верхотурова Лидия Ивановна (старожил г. Енисейска): кормили спецпереселенцев плохо, по каким-то особым талонам они получали по 150 граммов ржаного хлеба. Но и этот хлеб взрослые вынуждены были продавать на базаре, чтобы приобрести детям хоть какие-то тряпье, чтобы обмотать ноги. Но ноги у большинства были обморожены. Людей этих называли калмыки. За что их пригнали в Енисейск, никто вслух не говорил, но все только догадывались: немцы наступали и на территории, рядом с Польшей, и калмыки могли стать потенциальными предателями. Умиряли калмыки, как мухи. Чтобы этого не произошло их переселяли на Север, благо работы здесь хватает всем.

Вспоминает старейший работник Енисейского Краеведческого музея Мощалкова Мария Григорьевна: «Однажды зимой, будучи еще девчонкой, я как и все подростки попыталась прицепиться руками к проезжавшей повозке. А когда прицепилась и приоткрыла рукой полог, увидела, как дрова, наваленные друг на друга трупы калмыков. Хоронили их на Севастьяновском кладбище, в общей яме.

Учились калмыки в школе, которая сейчас называется вечерняя. Это угол ул. Ленина и ул. Лыткина, напротив здания Иверского женского монастыря. Старожилы, которые просят и сейчас не называть свои фамилии, и сейчас удивляются, как в такой бедности и безысходности они умудрялись выживать. Среди учащихся калмыков в основном были переростки, которые и в школу до снега ходили босиком.

Из воспоминаний старейшего учителя школы №1 г. Енисейска Бориса Иваныча Болотова: учиться они не хотели. Да и не могли в силу незнания языка. Особого смирения по поводу переселения в Сибирь не проявляли, в школу ходить не хотели, да и не в чем было им туда ходить. Вообще, они и жить не хотели. А забыть полураздетых людей на снегу я не смогу до конца своих дней. И трупы стариков, на которые мы ходили смотреть утром, я тоже никогда не забуду. Не забуду, как боролись со вшами и выдавали всем прожаренную, но сырую еще одежду. Старики, чтобы хоть как-то просушить ее, натягивали сначала на себя, а потом отдавали детям.

Из воспоминаний Колосовой Клавдии Павловны и Черепановой Надежды Григорьевны: зря вы пытаетесь сейчас узнать судьбу этих переселенцев. Карточки, свидетельствующие о их пребывании в Енисейске, уничтожены по особому приказу, о причинах переселения этих людей в Енисейск тоже никто и ничего точно вам не скажет. Но о том, что жили и трудились они в Енисейске, знает каждый старожил нашего города.

Вывезли их в срочном порядке в 1953 году. Куда и зачем – тоже никто никому не объяснял.

Колосова Клавдия Павловна добавляет:

Сейчас, в силу возраста, я по-другому оцениваю ту страшную ситуацию, которую мне и моим сверстникам пришлось пережить. Ведь и калмыков сюда привозили, потому что действительно хотели от немцев, как от врагов, спасти. Просто оказались они здесь в гораздо худшем состоянии, чем все остальные. Привезенные сюда немцы и вещи с собой имели, и на продажу у них кое-что с собой было. А у калмыков не было ничего: ни продуктов, ни вещей. Многие национальности в годы войны побывали в нашем городе: и литовцы, и немцы, и татары, и поляки, и финны, и монголы, но таких нищих и обездоленных, как калмыки не было.

Что же касается вошебойки, о которой упоминает Борис Иванович Болотов, то через нее не только спецпереселенцы проходили, но и все мы, местные. Голод был страшный, отсюда и вошь повальная. Спасались, как могли.

Сразу же, в районе Судоверфи, около детского сада №3 для них были выстроены бараки. Ребятишками мы по любопытству заглядывали туда и видели лишь сено да солому и зарывшихся во все это полураздетых людей. Умирала они очень часто. По вечерам трупы вывозили в деревянных ящиках. Все это, конечно было страшно, но делалось это не от какого-то злого умысла. Само время диктовало людям такие условия жизни. Ведь увозили их от врагов.

Это сейчас задним умом все мы критикуем то время и ищем врагов. Войну нельзя допустить. Не будет войны – не будет и врагов – это еще моя мама мне говорила: «Все нужно пережить».

А я от себя лично хотел бы добавить к воспоминаниям этой пожилой женщине: «И урок вынести из всего пережитого, и детям своим этот урок передать: нужно всеми силами беречь мир, а не искать врагов».

Единственным свидетельством пребывания в Енисейске на спецпоселении людей разных национальностей свидетельствуют карточки, предоставленные нам в архиве г. Енисейска да небольшой список лиц, работающих здесь по найму в годы войны. (Карточки спецпереселенцев разных национальностей прилагаются).

Известно, что каждому, кто попытается хоть немножко разобраться в истории, откроется материал, который он, быть может, и не хотел знать. Калмыки, чеченцы, литовцы, армяне – сколько их, по воле судьбы или правителей наших, были вынуждены покинуть родные места и навсегда поселиться там, где на тот момент было удобно поселить их властимушум...

Знакомясь с этим материалом, и свой, предназначенный для работы, перестает быть таким вопиющим.

Повторяю: свою работу «Мы связаны одной судьбой» я собирался писать очень долго и целенаправленно подбирал к ней материал,

опрашивал одноклассников, проводил анкетирование среди учащихся Верхнепашинской средней школы №2 и еще раз убеждался, что средства массовой информации зря «смакуют» мысль об этой якобы бесконечной войне. Я отправляю вам без изменений высказывание моих сверстников об этой войне. Наши мысли созвучны: «... в этой войне уже не может быть правых и виноватых»; «... мы продаем им оружие, а они нас из него убивают»; «... эта война идет не тринадцать лет, она тянется со времен А.С.Пушкина — значит она кому-то выгодна»; «... эту войну нам оставляют взрослые — это не честно...».

В общем, мысли по поводу Чеченской войны среди моих сверстников самые разные. Очевидно одно: о ней нужно забыть как о самой страшной сказке, как о самой большой ошибке взрослых. А для этого в своей ошибке они должны покаяться — иначе мы, поколение девяностых — им просто не поверим. Мы и так уже мало чему верим.

В доказательство этим словам я хочу рассказать вам о реакции моего поколения на великого режиссера современности Н.Михалкова «12». Этот фильм потряс не только меня. Это действительно интеллектуальный триллер. Заслуга режиссера уже в том, что он на всю страну заявил об ответственности каждого за все происходящее. Действие фильма происходит в наши дни, и судят чеченского парня, обвиненного в убийстве приемного отца — русского офицера. Постепенно в ходе заседания суда к присяжным приходит ощущение человеческого достоинства, и присяжные обретают человеческую сущность.

Финал фильма, мне кажется, поучительный, но уж очень сказочный. Вряд ли могло произойти то, что произошло. Наше общее болотное равнодушие не позволило бы даже председателю суда присяжных взять на себя такую ответственность — ответственность за судьбу чеченского парня. Я, по крайней мере, сегодня, в сегодняшней нашей стране, в это не верю. Но суть в другом.

Суть фильма — вернуть людей к нормальному ощущению человеческого общежития, где все равны перед Всевышним. И это режиссеру удалось. Мы выходили после просмотра фильма из актового зала и в глазах своих сверстников я видел столько тепла, столько умиротворения, как будто и правда все кончилось.

Мы проснулись утром и никто и нигде не говорит больше о чеченской войне, не показывает страшных фильмов про зачистки и русских рабов в чеченских кишлаках. Мы проснулись — а войны больше нет.

А возможно это только при одном условии: правительство Русское и Чеченское берет на себя ответственность за пресечение любых действий по разжиганию этого костра и пресекает попытки поисков того, кто и как «подкладывал поленья» в костер этой войны. Главное, чтоб с сегодняшнего дня они больше не подкладывались — и костер, уже затухший костер, не разгорался больше.

Чеченская война, которую вынуждена была вести Россия на исходе XX века, представляет собой новый тип конфликта, который общество

проклинает, но не находит в себе сил и здорового смысла предпринять усилия к его прекращению. Оказывается одних проклятий мало.

История преподносит нам урок, показывающий, что митинги и воззвания против войны и во имя человечности могут порой только усугубить и продлить ее мучения. Быть может, именно Чеченская война дает нам наиболее подробную картину всех форм предательства, прикрываемых лжегуманизмом.

И еще одно я понял: воевать «по джентельменски» нельзя – подписывать мирные соглашения, вести переговоры с убийцами и разбойниками, закрывать глаза на геноцид русского народа.

Чеченская война – всем нам урок. Пока мы не освоим этот урок – мы будем искать виновных.

Свою же задачу я вижу в другом: я выношу на ваш суд сказку, похожую на быль, в которой нет и не может быть призыва подкладывать поленья в затухший костер

Еще одна сказка – и она для всех.

Существует древняя легенда:

В городе произошло землетрясение – и вот утром на его руинах, на руинах разрушенного города, чтобы хоть как-то успокоить его жителей, выступают два поэта.

Один в слезах и заламывая руки, читает душераздирающие стихи о погибших детях, обезумевших стариках, развалинах и рвущих на себе волосы матерях... Его слов даже и не слышно порой из-за рыданий слушающих.

Второй поэт, без слез и отчаяния читает прекрасные стихи о прекрасных розах.

Я не помню дословно этой притчи, но то, что первого поэта забросали камнями, я запомнил навсегда и, видно, запомнил не зря.

Когда сегодня и приезжаю в Грозный, я счастлив. Я не хочу и не вижу развалин, руин, слез, рвущих волосы матерей. Я приезжаю в настоящую сказку, полную цветов, улыбок, радости. И часть этой сказки – это строящийся дом моего дяди Яхяева Ильяса Шиваниевича (когда-то именно в этом доме моя мама закрывала глаза и делала вид, что спит...). И не один этот дом. Это какое-то строящееся королевство, где в каждый положенный час возносят хвалу Всевышнему и благодарят государство, которое выделило им компенсацию за разрушенные войной строения. Счастливые люди приобретают стройматериалы, нанимают рабочих, но, в основном, сами строят свои дома.

Как-то раз я спросил у дяди: «Кто тебя учил строить дом?». Но он ответил, что не учился и ему никто не помогал. Он сказал мне такую фразу, которую я запомню на всю жизнь: «Жизнь научит...». Я надеюсь, что эта несправедливая война исправит свою несправедливость: она научила всех – и малых, и взрослых – стрелять. Пусть теперь учит строить и жить в мире, а это – жить в мире – посложнее, чем строить

дом, тем более, чем его рушить. Мы должны держаться друг за друга, помогать друг другу, и только тогда мы сможем, сохраним то, что дано нам природой, и сохраним саму природу, благодаря которой мы живем на этой благодатной, умной и поэтому не всегда, как нам кажется, справедливой к нам Земле

Кто-то из строителей моего Города Мастеров считает, что дом должен быть точь-в-точь таким, как до войны, у кого-то на этот счет свои планы. Дело не в этом. Дело в том, что сегодня я приезжаю в настоящий Город Мастеров и эти Мастера счастливы. И среди них опять же люди разных национальностей, и теперь уже не горе, а радость объединяет их и делает счастливыми. Даже традиции у них становятся общими. А еще люди, которые отстраивают новую Чечню, пытаются украсить ее садами, чтобы даже намек о прошедшей войне не оставалось. Наверное, это и есть настоящая современная сказка, когда, никто не прячется от взрывов, не ищет врага и по утрам, выходя из собственного дома, улыбается людям и солнцу. И эти новые люди, построившие себе новые дома, никогда не будут рассказывать своим детям сказок про поленья, про то, что их нужно искать и искать тех, кто их подкладывал в общий костер Чеченской войны. Еще великий Лев Николаевич Толстой, служивший на Кавказе и предвидевший его будущее, сказал: «Война – не то что глупость, не то что подлость...».

И чем больше я думаю, как закончить свою сказку и свою тему, тем больше осознаю, что об этой войне нужно замолчать и замолчать как можно скорее! И помогли мне в этом решении все жители города Енисейска, к которым я обращался по данной теме, и одноклассники, и, главное, те старожилы, которые не понаслышке знают, что такое ВОЙНА.

Хватит разжигать войну в сердцах друг у друга, хватит разжигать месть и злобу. Пришло время молча пережить в своем сердце обиду и молча объявить протест этой войне:

Не кляните войну...

Не гоните войну...

Не зовите ее по имени...

Она любит слова...

И до тех пор жива,

Пока, люди, вы о ней помните.

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/9/Bashtarov/0.htm

Путешествие в историю

Алиса Ридель, Елена Старостина, Александра Шорохова, Константин Шилимаев, Анна Якимова, Тамара Иванцова, Светлана Каунченко

Красноярский край, г.Игарка, средняя школа №1

Руководитель Т.Г. Забрыгина

Поисковая группа несколько месяцев готовилась к этой экспедиции. Необходимо было теоретически ознакомиться с объектом «503 стройка».

Что способствовало выбору данной темы?

Наша группа «Поиск» участвует уже в IV этапе конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», организованном Международным обществом «Мемориал», в поле зрения которого находятся и судьбы репрессированных. В 100 км от Игарки, в посёлке Ермаково, в 1948-53 гг. было расположено несколько лагерей, в которых содержались заключенные, в том числе и «политические» (статья 58), строившие железную дорогу Салехард-Игарка. Мы решили: пока ещё сохранились строения, съездить туда, чтобы увидеть своими глазами, где расположены лагерные пункты, в каких условиях жили заключенные, расспросить игарских и ермаковских очевидцев, выяснить условия быта, лагерного режима, организацию питания и досуга.

Экспедиция началась 13 сентября в 18 час. 30 мин., когда наша группа в составе: руководителей — Забрыгиной Т. Г., Тимофеевой О. Б.; учащихся — Ридель Алисы, Старостиной Елены, Шороховой Александры, Шилимаева Константина, Якимовой Анны, Иванцовой Тамары, Каунченко Светланы; научного сотрудника музея - Немченко Н. Е., фотографа — Резникова Л. Т. и его сына — Резникова Николая, расположилась в двух каютах катера «Кварц»...

Пятница, 13-е. День рождения. Авария

ЯКИМОВА Аня:

Наша группа «Поиск» из 8-Б занимается сбором материала по «503 стройке». Чтобы заняться этой сложной темой, нам нужно было съездить в лагерь, где жили заключённые. Деньги на поездку (15 тысяч рублей) удалось получить быстро, благодаря содействию депутата ЗС Красноярского края В.В.Семёнова, которому большое спасибо. Деньги были перечислены в морской порт, но катер пришлось долго ждать, пока решатся все вопросы по организации поездки.

РИДЕЛЬ Алиса:

В начале сентября г. Норильск выделил средства нам на поездку в Ермаково. И вот 13 сентября (пятница, 13) на катере «Кварц» в 6 вечера мы отплыли в Ермаково. На нас выделили 5 спальных мест на 12 человек (4 взрослых и 8 детей), было катастрофически неудобно.

ИВАНЦОВА Тамара:

Вечер. Мы решили встретиться у школы. Вскоре наша группа в 12 человек была в машине. Когда я ехала в ней, то очень боялась, потому что этот день — 13-е, пятница. А с другой стороны, я была счастлива от предстоящего путешествия. Подъехав к берегу, мы вышли. Я взглянула вдоль Енисея: небо было мрачное, будто сейчас пойдёт сильный дождь. Обернувшись, увидела катер, причаливающий к берегу. Группа стала постепенно взбираться по трапу. На катере имелись две каюты, в одной из которых было 3 кровати, куда нас, 8 человек, и поместили (а взрослых — в другую каюту). Когда мы вошли в каюту, то от радости очень сильно смеялись и кричали: «Наконец-то мы поплывём!» Внутри у меня всё дрожало от беспокойства, но скорее я всё позабыла в связи с приходившим весельем. На катере мы справили день рождения Старостиной Лены.

ЯКИМОВА Аня:

Как только мы взобрались на катер и спустились в каюты, все сразу начали «забывать» койки. Нам, детям, была выделена отдельная каюта с 3-мя койками. Нас было 8 человек, поэтому спать надо было по двое, по трое. Учителей с нами было два человека: Татьяна Григорьевна Забрыгина и Ольга Борисовна Тимофеева, а также сотрудник музея Наталья Евгеньевна Немченко. У них была соседняя каюта, а фотограф Леонид Тимофеевич Резников и его сын Коля были на «капитанском мостике».

КАУНЧЕНКО Света:

Лена С. решила справить в пути свой день рождения, с собой она взяла кучу разной еды, которую впоследствии съели. Ещё Лене подарили много всяких штучек и даже 100 рублей, приклеенные скотчем к открытке.

РИДЕЛЬ Алиса:

Но тут и начинаются наши самые прикольные моменты. Кто-то вдруг сказал о том, что можно выйти на палубу — только хорошо одеться. Мы все, конечно, поверили, разоделись, как чукчи, вышли из каюты и сразу наткнулись на удивлённые глаза руководителей. После этого случая мы долго смеялись. Но потом нам было уже не до смеха...

ЯКИМОВА Аня:

Когда мы разделись, уютно разместились, наша одноклассница Лена Старостина по случаю своих именин накрыла нам стол и стала угощать вкусным тортом, фруктами и соком. Мы плыли на катере в кругу своих одноклассников и учителей, было очень увлекательно интересно. Мы поздравили именинницу и желали всего хорошего.

СТАРОСТИНА Лена:

На катере мы отметили мой день рождения. После того, как все взрослые вышли из нашей каюты, мы убрали посуду, подмели пол, распределили полки (на восемь человек три полки плюс пол), разложили вещи, умылись и затаились в каюте. И вдруг на половине пути отключили свет. Включили аварийное освещение, но оказалось, что оторвались трубки от генератора, по которым шла электроэнергия. И мы отправились в Игарку.

КАУНЧЕНКО Света:

Через три (может через четыре) часа в катере сломалась какая-то штука и отключили свет, пришлось возвращаться обратно в Игарку. По дороге все думали, что катер потонет (было в пятницу 13-го) и некоторые бегали в туалет молиться.

ЯКИМОВА Аня:

Начало темнеть. И вдруг неожиданно погас свет. Все подумали, что перегорели лампочки или что-то отключилось наверху. Оказывается, сломалось устройство, которое даёт на катере свет и тепло. В каюту пришёл Коля и доложил о неисправности. Мы, конечно, все испугались и пребывали в небольшой панике. На минуту включили аварийный свет, и все быстро стали убирать ненужные вещи со стола. Всего половина пути осталась до Ермаково, но пришлось вернуться обратно. Так мы поехали на «аварийке» в Игарку.

ИВАНЦОВА Тамара:

Свет погас. Вот тогда-то мы так перепугались, что типа сейчас что-то произойдёт! А к нам спустились и сказали, что «у нас сломалась какая-то там трубка, и что поплывём обратно в Игарку». Нам посоветовали наши преподаватели ложиться спать. Но у нас у всех будто появилась бессонница. Мы не могли уснуть. Девчонки всё хохотали, рассказывали смешные истории, кто-то что-то ел (ночью). Хохот было слышно нашим взрослым, из-за этого они прибежали к нам, говорили, мол, ложитесь спать! У нас минут на двадцать воцарялась тишина, чтобы уснули взрослые. Потом опять были слышны голоса: оказывается, никто из нас ещё не уснул. Кто-то из нашей каюты пошёл наверх, в капитанскую рубку. Скоро наверху оказались все наши ребята.

ЯКИМОВА Аня:

Учителя, беспокоясь за нас, пришли нас укладывать, но спать не хотелось. Учителя удалились к себе, а к нам пришёл Коля, и мы с ним стали разговаривать.

СТАРОСТИНА Лена:

Наши учителя уже уснули, а мы начинали веселиться, но поначалу веселье было вялое, мы немного переживали, затем веселье стало разгораться, и всё было ОК. Потом мы с Сашей поднялись в капитанскую рубку, там было намного прохладнее. Постепенно рубка наполнилась детьми.

РИДЕЛЬ Алиса: Естественно, никто уже не уснул. Пока учителя спали, команда разрешила нам подняться в рубку, посмотреть на огни Игарки. Перед нами открылся прекрасный вид.

ЯКИМОВА Аня:

Некоторые ребята поднялись в рулевую рубку. Вокруг было очень красиво. Вдалеке мерцали огоньки Игарки. Посмотрев, мы спустились вниз и начали рассказывать смешные истории, над которыми мы смеялись. Уже хотелось спать, но расположившиеся на верхней полке Саша и Лена долго смеялись.

ИВАНЦОВА Тамара:

Мы подплывали к ночной Игарке. Игарка очень красива ночью. А капитаны шутили, что мы подплываем к Норильску. Стояли там 10 минут. И только после этого мы уgomонились и побежали спать. Правда, в темноте у меня появились ушибы, так как я ударялась о что попало (то о чью-то руку, то о стенку), еле дошла до двери, которую нащупала руками. Вскоре мы уснули.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

... Проснулись в 2 часа ночи от сильного смеха детей. Взглянув в иллюминатор, увидели сияющую огнями Игарку. Удивлённые и возмущённые, пошли выяснять, в чём дело. Оказывается, в результате поломки катер вынужден был вернуться в Игарку, а отплыли мы опять в направлении Ермаково в 2 часа ночи, убедив команду не ждать утра, так как идти до лагеря от Енисея часа четыре.

СТАРОСТИНА Лена:

Учителя проснулись от нашего смеха. Ольга Борисовна и Татьяна Григорьевна махом свернули наше веселье, но тишина была непродолжительной. Света, Алиса, Тамара уснули, Костя находился в состоянии дрёмы, а я, Саша, Аня не могли уснуть, мы смеялись долго. Около четырёх часов утра мы уснули...

РИДЕЛЬ Алиса:

Из-за того, что нам было очень неудобно, учителя достали откуда-то матрас, постелили его на пол, и Тамара легла спать на него, так мы оказались по двое. Позже, наконец, уснули.

ШИЛИМАЕВ Костя:

Расстояние до посёлка Ермаково, столь знаменитого своим прошлым, более 100 км по реке Енисей. Наше путешествие проходило на катере «Кварц». В каюте места было мало, не вся наша группа удачно поместилась. Добирались мы почти 12 часов, так как произошла поломка, и мы были вынуждены вернуться для замены детали в двигателе.

ИВАНЦОВА Тамара:

Утром я проснулась раньше всех от спуска и грохота якоря. Взглянула в окно: мы прибыли в какое-то место. Все от моего пробуждения проснулись. Умылись, поели, и катер пошёл дальше.

ЯКИМОВА Аня:

Проснувшись все вместе в 8 часов утра, мы стали приводить себя в порядок. Вскоре проснулись и учителя. Они нас немного поругали за то, что мы мешали им спать, и пошли готовить завтрак.

РИДЕЛЬ Алиса:

Утром все разом проснулись от того, что вдруг что-то брякнуло (очень громко). Было 8 часов утра. В половине девятого нам принесли (точнее, мы принесли) завтрак. Где-то в 8.45 девочки сказали: «Скоро звонок!» На что мы ответили: «Прыгаем за борт, поплыли домой — в школу, на урок русского!» Вскоре нам сообщили о том, что мы, наконец, подплываем, и мы начали потихоньку собираться.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Еще большее удивление преподнесла нам природа! Когда мы подошли к бывшему станку Полой, чтобы забрать проводников, то увидели, что выпал снег — около 15-20 см. Зрелище необычайно красивое, но для экспедиции... Полой. Крутой берег. Наверху выделяются два довольно приличных дома с антеннами. Рыбаки из совхоза— братья Усольцевы — подолгу живут здесь, именно они должны были нас сопровождать в походе. Еще в Игарке, собираясь в экспедицию, договорились о том, что наши мужчины-проводжатые обязательно возьмут с собой ружья, так как неоднократно охотники и рыбаки предупреждали нас о бродящих в окрестностях медведях. Леонид Тимофеевич, поднявшись к домам, никого там не застал. И мы, надеясь, что нас ждут в Ермаково, поплыли дальше. Минут через 30 были на месте.

ОТСТУПЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ, 1-е.

ЕРМАКОВО

Старый казачий «станок» на берегу Енисея с началом строительства железной дороги Салехард-Игарка превратился в крупный поселок. К 1953 году здесь проживало около 15 тысяч «вольных» и 10 тысяч «зеков», размещённых в 3-х крупных лагерных зонах. В Ермаково располагалось руководство Северного управления ГУЛЖДС во главе с В.А. Барабановым. Тут собирались построить паромную железнодорожную переправу через Енисей, а в более отдалённом будущем — пятикилометровый мост. Начиная с 1949 года, поселок успел обзавестись Домом культуры, больницей, несколькими школами, детскими садами, даже собственной тюрьмой. Но процветание этого приполярного «новосёла» длилось недолго. В 1953-54 годах, после решения правительства о консервации, а позже и полной ликвидации строительства железной дороги, отсюда спешно были вывезены все заключённые, а затем выехали те, кто работал по вольному найму.

ИВАНЦОВА Тамара:

Мы слушали музыку, рисовали. Примерно в 11 часов прибыли в Ермаково. Группа собрала вещи и была наготове спуска. Спустившись, я увидела снег. Удивительно, природа там очень сходная с игарской. Нам предстояло пройти 7 км пешком.

РИДЕЛЬ Алиса:

Катер причалил, и мы наконец вышли на палубу. Преодолев свой страх высоты, я опустилась по трапу на берег. Когда, наконец, мы все спустились, то учителя сообщили о том, что придётся то-пать до лагеря 7 км, довольно много.

ЯКИМОВА Аня:

Часам к 11 дня мы подплыли к Ермакову. Одевшись потеплее, так как на земле лежал первый сентябрьский снег, вышли на берег. Леонид Тимофеевич повёл нас к месту. Первое, что мы увидели, это были рыбацкие домики. Потом мы пошли по дороге через болота.

Нестыковки продолжают. В путь!

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

На берегу двое рыбаков стали помогать экипажу искать место швартовки катера. И все равно спускались по очень круто поставленному трапу, над водой, под постоянно идущим снегом. Но всё обошлось, - и мы на берегу. Братьев Усольцевых и здесь не оказалось. Начало малообещающее. Экспедиция под угрозой срыва. Решили идти в сопровождении Л.Т. Резникова (фотографа), который бывал здесь неоднократно и, как мы потом убедились, знал эти места действительно хорошо. Поднялись на

взгорок от Енисея, где стояли несколько домов, еще довольно крепких. Заглянули в первый дом, никого нет, кругом лежали рыбацкие снасти, стояли стол, несколько стульев, кровать. На столе лежали продукты. В сенях второго дома лежала убитая утка. Рядом с домом небольшой сарайчик с уложенными дровами (рыбаки ведь приезжают сюда и зимой). По пути к дороге зашли в брошенный сохранившийся дом. Он имел три входа, рассчитан, видимо, был на трех хозяев. Каждая квартира состояла из трех небольших комнат. В первой комнате стояла печь, по оставшимся трубам, можно предположить, что в квартирах было водяное отопление. Спустя ещё какое-то время спросили у Леонида Тимофеевича: «Когда же дорога?» И были удивлены: оказывается, мы по ней уже идём! В нашем представлении это должны быть насыпь, шпалы, рельсы. А это была обычная проселочная дорога, заросшая кустарником, которую бесконечно прерывают болота. Свой путь сверяли по картам. И удивлялись очень медленному продвижению, хотя дети шли довольно быстро, и взрослые от них прилично отставали.

РИДЕЛЬ Алиса:

И пошли мы по нехоженой, наполовину затопленной дороге...

КАУНЧЕНКО Света:

Мы поднялись в сам посёлок и зашли в чей-то дом посмотреть. Потом мы пошли дальше. По дороге был ручей, и фотограф туда свалился вместе со своими камерами и фотоаппаратами.

ИВАНЦОВА Тамара:

Сначала мы поднимались на холм. Проходили мимо рыбацких изб и охотничьих. Было безлюдно. Когда мы заглядывали в избы, видели пойманную дичь, рыбу. Шли по тропе, и вдруг услышала журчание ручья. В ручье было много воды, а у меня сапоги короткие, и пришлось единственному мужчине среди женщин — фотографу Леониду Резникову — переносить через ручей девочку, в том числе и меня. Когда он перенёс меня на другую сторону, то неожиданно упал в воду вместе со своим фотоаппаратом и камерой. Хорошо, что они водонепроницаемы...

СТАРОСТИНА Лена:

Наша экспедиция растянулась на несколько метров. Набрали грибов, зашли на болото, где росла брусника и голубика. И вот впереди первый призрак 503-й Стройки — паровоз. Мы засняли его на камеру, фотографировались на нём, а затем отправились дальше.

ЯКИМОВА Аня:

Второе, что мы увидели, это был паровоз. Мы быстро пустили в дело фотоаппараты. Облепив паровоз, попросили Резникова Л.Т. нас сфотографировать.

РИДЕЛЬ Алиса:

После долгого пути нам представилось громоздкое очертание паровоза. Оказалось, он был больше, чем я думала.

ИВАНЦОВА Тамара:

Когда группа шла вдоль тропы, она собирала грибы. В Ермаково очень много грибов-солянок. Также мы видели озеро. По пути у нас было много препятствий: лужи, болота. Шли мы и шли. И наконец пришли к паровозу. Все были рады. Я думала про себя: неужели я его вижу своими глазами, а не на фотографии? Мы стали фотографироваться. Ребята залезли на паровоз. Ольга Борисовна пыталась открыть его топку. Она всё же открыла, а там всё заросло. Долго наша группа любовалась паровозом.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

И вот, наконец, первая достопримечательность — ПАРОВОЗ! Восторгу не было предела! С раннего детства они видели его только на открытках и календариках. Было исследовано всё — от колес до топки, в которую кто-то положил дрова. Если их затопить и из трубы пойдёт дым, то создаётся впечатление идущего паровоза. Паровоз, действительно, простояв почти 50 лет, выглядел вполне рабочим.

Ядерный взрыв

КАУНЧЕНКО Света:

Скоро начались болота, и все старались их обходить. Когда мы увидели небольшую полянку, то остановились. Там и стали собирать ягоды. Когда все отдохнули, Ольга Борисовна призвала нас идти дальше.

ИВАНЦОВА Тамара:

Потом пошли мы дальше. Погода разыгралась, стало солнечно. Мы хотели есть, но места не находили. А нашли поляну, где были ягоды — чуть перекусили.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Идём всё дальше и дальше. Огибая болота, успевали собирать грибы, которые были засыпаны снегом и которых было несметное количество. Шли уже 2,5 часа, и вот перед нами что-то вроде свалки железа. Пока оставляли везде, где можно, автограф, подобрались к знаку, на котором прочитали: «Опасная зона в радиусе 250 метров». Узнав об этом, решили побыстрее уйти.

СТАРОСТИНА Лена:

Затем мы увидели второй призрак — место ядерного взрыва и табличку, предупреждающую о радиации (угрожающий знак мы заметили не сразу).

КАУНЧЕНКО Света:

Через некоторое время мы увидели место взрыва. Все всё начали шупать и разглядывать, но когда прочитали, что там на табличке написано (в радиусе 250 метров не ходить, радиация!), быстренько оттуда убежали.

РИДЕЛЬ Алиса:

Побывали на месте катастрофы, взрыва. Мы даже не догадывались о том, что это место радиации. Сначала мы оставили там кучу автографов, а уж потом прочитали на чёрном кружке об опасности (радиус — 250 м). Прочитав это, мы быстро убежали оттуда.

**ОТСТУПЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ, 2-е.
ЕРМАКОВО. ЯДЕРНЫЙ ВЗРЫВ 1978 года.**

В народе бытует такая версия, что в 1978 г. экспедиция, работавшая в этом районе, решила провести плановое исследование недр Земли. Необходимо было провести взрывные работы, а для этого требовалось 500 тонн взрывчатки. Доставлять её из Красноярска до нужной точки было очень сложно, поэтому решили просить разрешения для проведения ядерного взрыва, так как завезти бомбу было гораздо проще. Видимо, всё-таки главное — это ядерное испытание, а не проблемы геофизиков, тем более взрыву предшествовала эвакуация жителей Ермаково. Для поселка, который насчитывал несколько тысяч жителей, это была трагедия. Человеческий, бытовой фактор играл немаловажную роль: обжитое место, богатая природа, Енисей с рыбой. Уезжали с принудительным выселением не все, а часть уехавших позже вернулась.

ЯКИМОВА Аня:

По прибытии в Игарку мы сходили к представителю МЧС Ка-верзину С.И., и он ознакомил нас с материалами по ермаковскому взрыву. В районе Ермаково ядерный взрыв производился в 1978 г. в интересах народного хозяйства. Операция называлась «Кратон-2». Место проведения — левый берег р. Енисей, в 1,5 км от села Ермаково. Координаты: 66 гр. 36,5 мин. С.Ш., 86 гр. 11 мин. вост. долготы. Мощность заряда 20 килотонн. Когда мы смотрели регистр скважин ядерных взрывов на территории Красноярского края, то увидели, что на территории края в период 1975–82 гг. было проведено 9 ядерных взрывов мощностью от 8 до 20 килотонн. Самые мощные (по 20 килотонн) были в Игарском районе и в Ямало-Ненецком округе. Когда мы во время ермаковской экспедиции подошли к месту взрыва и увидели надпись, то очень испугались, что здесь сильная радиация и поспешили уйти. А грибы, которые мы собирали в этих местах, до сих пор боимся есть. Но нам пояснили, что уровень радиации в районе Ермаково соответствует санитарным нормам.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ: (СПРАВКА ДЛЯ ОТЧЁТА ОБ ЭКСПЕДИЦИИ):

Существует определенная система измерения радиационного фона в мире, и каждая страна устанавливает свои нормы. Есть страны, где допустимый уровень — 200 микрорентген. В России — 60 мкр. В Игарке радиационный фон колеблется от 8 до 20 мкр. (данные исследования за 1992 г.). В 1993 г. был снят гриф секретности с проведенных ядерных подземных взрывов на территории Красноярского края. Но всё же ещё в течение несколько лет этими данными нельзя было пользоваться. Анализируя Регистр скважин подземных ядерных взрывов, мы видим, что взрыв на территории, подведомственной Игарке — в пос. Ермаково — был самым мощным в Красноярском крае. А в 1999 г. СЭС был проведен замер радиационного фона города и района взрыва в посёлке Ермаково. Результаты не вызывают опасений, всё в пределах санитарных норм. Безопасность района ядерного взрыва объясняется его глубиной (880 м) и особым строением земной коры, где пласты (а это в основном глина, которая не дает утечки радиационных отходов) расположены не горизонтально, а вертикально, что тоже не дает распространения радионуклидов.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Правее от знака, пройдя метров 200, мы вошли в бывшее здание депо, вернее, в деревянный каркас, который от него остался. Внутри, на земле, лежали кучи различных болтов и гаек; в левом углу висело железное приспособление для заливки воды в паровозы. Стены сохранились только в подсобном помещении для обслуживающего персонала и слесарных и токарных мастерских.

ИВАНЦОВА Тамара:

Группа приближалась к депо. По пути я видела рельсы, колёса, какие-то ещё «железяки». Вскоре мы увидели старое здание, выглядевшее сверху в виде решётки. Группа вошла в депо, там валялись гайки, ещё всякие мелкие детали.

СТАРОСТИНА Лена:

Дальше находилось депо. «Поиск» направился напрямик туда.

На территории сохранились металлические детали, эстакады для составов. Депо производит тяжёлое впечатление. Кажется, что вот-вот всё оживёт и застучат молотки рабочих, колёса составов. Недалеко от депо стоит деревянный вагончик, лежат рельсы, колёса.

КАУНЧЕНКО Света:

После этого мы пошли дальше. По дороге обнаружили канал для воды, я туда залезла (зачем??). К.Ш. помог вылезти. Когда мы

догнали остальных, нашли кучу всяких колёс и рельсов, древних и заржавевших.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Из депо шла настоящая железная дорога (насыпь, рельсы, шпалы), которая вывела нас опять к той же дороге, по которой мы уже шли. Здесь же мы увидели стоящий в стороне вагон и груды паровозных колёс. Пройдя несколько метров, ребята обнаружили, как нам показалось, какую-то землянку, стены которой были выложены бревнами. Но, спустившись вниз, выяснили, что это обыкновенный насыпной мост, обследовать который мы, конечно, не забыли.

Следующий переход предстоял быть долгим, по карте выяснили, что до лагеря идти 1,5 км, а времени уже 3 часа...

РИДЕЛЬ Алиса:

Я, Лена, Костя и Фотограф притормозили, чтобы сменить плёнку в фотоаппаратах, и, естественно, отстали от группы. Пройдя ещё немного, мы наткнулись на чудесное место, которое группа обошла стороной.

Там мы обнаружили учителей, собирающих грибы (поразительно, как их было много — я имею ввиду грибы). Вскоре я обогнала Аню и Сашу. Нам втроём было страшновато от рассказанной байки о медведице с медвежатами. Чтоб их отогнать, мы всю дорогу пели песни во весь голос.

ИВАНЦОВА Тамара:

Леонид Резников чуть призабыл, где были бараки, и он залез на верхушку депо и разглядел. Группа пошла к баракам. Вскоре мы находили деревянные маленькие «дома».

РИДЕЛЬ Алиса:

Мы дошли до собачьего питомника. Там всё осталось, как и было. Будки, чашки, цепи, солома в будках. Рядом с ними стояла какая-то деревянная постройка. Мы отправились дальше.

ЗАМЕТКИ УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Встретились расположенные вдоль дороги первые строения. Длинные здания были оштукатурены и побелены как внутри, так и снаружи, как и все, увиденные нами позже в лагере. Прошли последние метры, и уже должен был быть лагерь, но мы долго блуждали, не могли найти бараки самого лагеря.

Кругом были такие заросли, что, пробираясь, неоднократно запутывались в кустах и проволоке. Наконец-то мы достигли цели — ЛАГЕРЬ!

Лагерная зона. Нас нашли проводники

ШИЛИМАЕВ Костя:

Путешествие наше продолжалось. По дороге то и дело встречались поляны с ягодами и грибами. Вот показались первые бараки. Здесь жили заключённые. Эти строения сохранили до наших дней быт этих людей. Посредине барака находится печь, вдоль стен в два яруса расположены нары, выкрашенные в синий цвет. На них были прибиты таблички с порядковым номером. На штукатурке сохранились искусные рисунки.

СТАРОСТИНА Лена:

Далее наша группа во главе с Резниковым Л.Т. отправилась к баракам. И вот, наконец, мы пришли. Тут начался наш обход лагеря. Отдельные бараки очень хорошо сохранились, особенно нары и рисунки на стенах. В одном из бараков сотрудник музея Немченко Н.Е. нашла коробочку из-под папирос, а я нашла кусочек газеты.

РИДЕЛЬ Алиса:

Вскоре мы достигли лагеря. Он-то и оставил наибольший след в моей душе. Доска почёта, бараки, лазарет. Бараки очень хорошо сохранились, и, так сказать, они ещё пригодны для жилья. Это и неудивительно, ведь строили их заключённые. В окнах бараков почти везде остались стёкла. Здание столовой было одновременно ещё и клубом. Тому свидетельством сцена. Мы увидели котлы, в которых варили пищу. В лазарете мы нашли лекарства от тифа и много бумаг.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

(по видеозаписи, сделанной после экспедиции)

ОПЕНЧЕНКО Любовь Кирилловна

(секретарь лагерного суда во времена «Стройки № 503»):

Заключенных Любовь Кирилловна видела постоянно. И о лагерной жизни она знала не понаслышке. Лагерный суд рассматривал преступления, совершенные людьми уже в момент нахождения за колючей проволокой. Таких дел набиралось за месяц около десяти. Самой распространенной статьей, с которой люди попадали на стройку № 503, была знаменитая 58-я со всеми её приложениями. Самый распространенный срок — 10 лет. Жизнь в лагерях, как бы далеко они не находились от Ермаково, спокойной не казалась. Правда, побегі были редкостью, примерно один раз в году. Бежать было некуда: зимой - мороз, летом беглецов караулил не менее страшный охранник, чем человек с ружьем — гнус. Но люди всё равно бежали, хотя никто из них далеко не ушел. За побег к сроку, определенному статьей, добавляли 10 лет, столько же добавляли

за убийство — в лагерях случалось и такое. А самые распространенные преступления, за которые карал лагерный суд, были драки и воровство. Для вынесения приговора суду приходилось входить внутрь зоны. «Я была бойкая, — говорит Любовь Кирилловна, — но все равно неприятно и страшно попадать в лагерь. Даже под охраной. Неприятно видеть людей, лишенных свободы. Неприятно и тяжело чувствовать на себе их взгляды и ощущать себя виновницей их положения. В мужской лагерь не так страшно было идти, как в женский. Мужчины вели себя благородно, а женщины — агрессивнее, и там можно было послушаться всякого...»

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Но общего зрительного представления лагеря у нас не сложилось, так как всё очень заросло кустарником, и каждый барак буквально пришлось выискивать. Решили пообедать и расположились на главной аллее у Доски Почета дорожного строительства (хорошо видно только слово «доска»). Отдыхали 30 минут: развели костер, разогрели обеды, подсушили вещи. Затем решили осмотреть оставшиеся бараки.

ЯКИМОВА Аня:

Пройдя ещё немного, мы вышли на главную аллею, на которой стояла Доска почёта, вокруг бараки, столовая и медпункт. К этому времени все уже проголодались, и мужчины развели костёр. Кто промок, тот грелся у костра. Во время еды Лена повернулась спиной к костру и ...сожгла куртку. Посочувствовав ей, я, Саша, Лена, Коля, Тома остались у костра, а все остальные пошли в бывшую столовую и в медпункт.

СТАРОСТИНА Лена:

Недалеко от Доски почёта мы разожгли костёр. После обеда я решила посушиться и встала спиной к костру. Так я прожгла куртку. Видно, отмечать день рождения в пятницу, 13-го — не самая лучшая идея. Почти вся группа пошла на исследование больницы и столовой, а я, Аня, Саша, Тамара и Коля остались греться у костра. Затем к нашему костру подошли игарские рыбаки.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Вот здесь перед нами из леса неожиданно возникла фигура человека. Это оказался наш проводник Усольцев Г.И. Узнав в Ермаково, что мы ушли, он поплыл на лодке по Енисею вдоль трассы и, хорошо зная окрестности, нашел наше местонахождение. Поднявшись от Енисея (1,5 км), легко вышел на нас. Конечно, его появление нас успокоило и вселило надежду на то, что мы всё успеем засветло...

ШИЛИМАЕВ Костя:

...Теперь мы вошли в столовую, в конце которой была видна сцена. Вечером столовая превращалась в театр, где роли исполняли сами заключённые. Деревянные колонны украшены резьбой по дереву. Сохранились и котлы, в которых заключённым варили пищу. Здесь была и своя больница, где заключённые получали медицинскую помощь. Но здесь был и карцер, с огромными железными дверями. Вокруг карцера натянута колючая проволока. Рядом с карцером стоит полуразрушенная вышка, с которой велось наблюдение. По рассказу проводника, заключённые пытались бежать, но зимой они замерзали, а летом возвращались полуживые, искусанные комарами и мошкой.

ИВАНЦОВА Тамара:

Мы заходили внутрь бараков, пол там аж проваливался. Там были нары. Когда я была в этих комнатах, то я представила, как люди там жили... Потом мы грелись у костра, так как сильно замёрзли. Вскоре одна часть группы пошла смотреть лагерь дальше, а вторая (в том числе и я) осталась у костра. Когда ребята вернулись, сказали, что были в медпункте, нашли столовую. После этого все были в сборе. Я и ребята хотели идти обратно, но нас уговорили сходить в карцер. В нём увидела я один длинный коридор и комнаты с железными дверями, с решёткой. Также на дверях были железные мощные защёлки.

ЯКИМОВА Аня:

К этому времени к нам подошёл Усольцев Григорий Иванович с товарищем, Сергеем. Они должны были нас встретить, но не знали, что мы возвращались в Игарку. Когда вернулись наши учителя и одноклассники, мы потушили костёр и в сопровождении Усольцева Г.И. отправились в карцер. А вот и карцер. Вокруг него была колючая проволока, а рядом стояла вышка. Зашли в карцер, стало как-то не по себе. На окнах решётки, железные двери с окошком, в каждой комнате стояла параша.

РИДЕЛЬ Алиса:

Часть группы, в том числе и я, отправились на поиски карцера. Он особенно мне запомнился цветком, воткнутом в решётку окна. Ольга Борисовна даже хотела меня там оставить.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ: Почти все жилые бараки были одноэтажными. Войти в них по крыльцу было очень трудно, все они развалились. Но внутри все так, как будто прошло не несколько десятков лет, а несколько месяцев. Двухъярусные нары, расположенные по обе стороны стоящих посередине колонн. Ни номера, ни фамилии на нарах не сохранились. Стены побелены, а у потолка стены украшены орнаментом. По валяющимся на полу горшкам, сделанным из досок,

предположили, что все жилые комнаты старались озеленять. Перед входом в эту большую комнату (длиной около 15 м) справа и слева расположились по две небольшие комнаты: одни для охраны и персонала, в других, судя по оставшимся предметам, находились умывальники. Увиденное наводит на мысли, что люди, обреченные судьбой жить здесь по несколько лет, конечно, старались обустроить быт: и цветы разводили, и стены украшали, участвовали в культурно-массовых мероприятиях. С одной стороны, это насаждалось искусственно, «по плану» лагерного начальства. С другой стороны, чтобы выжить в нечеловеческих условиях, люди сами старались сохранять хоть какую-то видимость той, «прежней», жизни, оставшейся за колючей проволокой...

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

(по видеозаписи, сделанной после экспедиции)

БАСОВСКИЙ Василий Дмитриевич

Биографическая справка Родился в 1925 г. В начале войны был угнан в Германию, где работал у немца-хозяина. Вспоминая эти годы, Василий Дмитриевич отмечает, насколько уважительно относился к нему хозяин, и как после возвращения встретили его на Родине. Нашли причину, обвинив в воровстве. Так вот и попал в Игарский ГУЛАГ, а затем в Ермаково. «Я сам прибыл из Красноярска на пароходе «Мария Ульянова». Выгрузили нас в районе Графитки, весной, на льдину, босых, затем уже обувь дали. Никакого жилья не было, сами себе строили. А в Ермаково приехали — там уже было несколько бараков. Никогда не был с тех пор там. Вначале, когда не было жилья, жили и по 200 человек, а затем по 30-50 в каждом бараке. Подсобные комнатки при входе в барак — хозяйственные: одни для сушки валенок, в другие впоследствии были поставлены умывальники. Вначале, когда нас привезли, все удобства были на улице, умывались снегом. Кормили очень хорошо — 900 грамм хлеба на день, большая чашка каши, перловой в основном, или что-то другое. Разносолов особых не было, но кормили сытно. Если выполнишь норму на 150%, добавляли свинину, окорочка, колбасу. Работал я на строительстве мостов, и выполнение нормы у нас прослеживалось строго, никаких завышений не было. Да и заинтересованность была, ведь при постоянном перевыполнении шел год за три. Вместо семи я отбыл три года. Времени определенного не было. Работали столько, сколько хотели. Норму, конечно, нужно было выполнять, а свыше кто как хотел. Одеждой обеспечивали, изнашивалась — меняли. Платили за работу частями, то есть бухгалтерия больше 100 рублей на руки не давала. Я получал по 3-5 раз в месяц, и у меня была возможность, что-то купить в магазине-лавке, который был на территории лагеря, даже вещи

хорошие можно было заказать. За работу, а я считался хорошим работником, неоднократно награждали грамотой. Соберут на работе или в бараке и вручат. Баня была обязательно раз в неделю. За этим тщательно следили. Питание и баня — это было главное. В театре были профессиональные актеры. Целые бригады, высланные из Риги, Таллинна. Постановки или фильмы показывались каждый день. Никаких ограничений для нас не было — хоть каждый день ходи. В основном, ходили на рыбалку. У нас в бригаде было 32 человека, двоих всегда отправляли за рыбой. К вечеру принесут, а чистить никто не хочет. В карцер отправляли по разным причинам: потерял валенки (украли кто-нибудь) — сразу туда. Не разбирались, у кого украли, того и наказывали. Отказчиков от работы туда же отправляли. Были такие, и не мало. Ни произвола, ни жестокостей в отношении к заключенным не было, как принято считать. Расстреливали, был такой случай, но этот человек убил нескольких заключенных за ночь, что ж его благодарить за это? Были при мне случаи бегства, но сами и возвращались. Куда бежать — болота, гнус! За побег, было, жестоко наказывали: поймают, разденут и голого привяжут, пока гнус до смерти не заест. Выдерживали только часа 2-3. В зоне, кстати, мало кто находился, только хозяйственные работники. Из зоны всех до последнего надзиратели выгоняли, даже если врач говорил о постельном режиме. Эпидемий не было. Болели, в основном, простудой. Собаки из охраны специально готовились против человека. К людям их выпускать нельзя было — разорвут в лохмотья, страшные звери были. А потом, после закрытия лагеря, их расстреляли. Барабанова приходилось видеть. Отзывы только хорошие, плохого ничего. Еще, когда лагерь был в Игарке, из постельного белья нас почти ничем не обеспечивали. Хотя был такой случай, когда я, работая на машине, вывозил хлам на отвал, увидел матрасовку из новой ткани. Разрезал — а там новые верблюжьи одеяла! Обеспечение, видимо, было хорошее, но до лагерей не доходило — разворовывалось. В жизни никто мне никогда не вспоминал об этом. Хотя, когда хотели наградить орденом, в завкоме лесопильно-перевалочного комбината спросили меня: «Был ли в местах заключения?» и, узнав о 503-й стройке, сказали: «Отходи».

КАУНЧЕНКО Света:

Уходят из жизни герои наших работ. В прошлом году - Виктор Петрович Астафьев, на днях — В.Д. Басовский. В последние дни, просматривая подаренную нами видеокассету с записью нашей экспедиции в ГУЛАГ, где он был 50 лет назад, и запись своего рассказа, он всё сокрушался, что не всё нам рассказал... Он был последним живым очевидцем ГУЛАГа в Игарке.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА (из фондов «Музея вечной мерзлоты»)

САЛАНГИН Алексей Павлович:

«Первую зиму зеки провели в палатках, постепенно строили деревянные бараки. Стены в них были выбелены. Нары более комфортабельные. Потолок подпирало несколько деревянных колонн, разрисованных синей и зеленой краской и покрытых незатейливыми узорами. Решеток на окнах не было. В первую очередь в новые бараки заселяли тех, кто перевыполнял ежемесячную норму, из-за этого бараки прозвали «стахановскими». В Ермаково бригады заключенных построили поселок для гражданских, водонапорные башни, пожарку, больницу, ресторан, школу, железнодорожную станцию, перрон, депо. В лагере существовала даже своя доска почета, но без фотографий — с номерами и фамилиями отличившихся зеков. Зато не было кладбищ. Мертвых просто сбрасывали в болота и овраги. Умерших и застреленных в колоннах никто не трогал и не убирал. О трупах заботились дикие животные, которые каждый день, особенно зимой, сопровождали зеков на работу и обратно. Расстрелянных в списках по убитию записывали как умерших от истощения или инфаркта. На работу поднимали по «рельсе» в шесть утра. Отбой давали в 23 часа. Зимой не работали только тогда, когда мороз достигал 55 градусов ниже нуля. Прежде, чем уложить рельсы на дорогу, под насыпь бросали и утрамбовывали охапки хвороста и тальника. Считалось, что на такой подушке дорога выдержит капризы вечной мерзлоты. Рельсы прогибались и кривились. На месте железной дороги появлялись новые болота. Но ветку гнали и гнали вперед...»

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Во многом либеральный режим лагеря зависел от руководителя. Многие очевидцы так и считают, рассказывая о полковнике Барабанове.

От всех биографий останутся роли...

БАРАБАНОВ В.А. (Из воспоминаний Оболенского Леонида Леонидовича, бывшего зэка «Стройки 503»):

«Строили мы дорогу Котлас-Воркута. Начальником лагеря был полковник Барабанов. Какой человек! Совершенно фантастический по тем временам. Инженер по образованию, строитель. Не было на Урале ни одного каторжника, который плохо бы его помянул. До него был начальник строительства, который говорил: «Мне не нужно, чтобы вы работали, мне нужно, чтобы вы мучились!». А Барабанов делал дело: все подготовил для строительства и — рванул в течение короткого срока на Воркуту железную дорогу. Прямо по мерзлоте. Был такой роман Ажаева «Далеко от Москвы». Это о Барабанове. Барабановская стройка была

отлажена как часы: никаких гибелей. Помню: Заполярье, северное сияние и — Барабанов с паровозика: «Друзья мои! Все мы здесь вольно или невольно — строим подъездные пути к коммунизму! Вперед, друзья мои!»

Киноактер и режиссер **ОБОЛЕНСКИЙ** Леонид Леонидович
(Из воспоминаний Владимира Пентюхова, служащего внутренних войск в 40-50 гг.):

«Я знаю Леонида Леонидовича с июля 1947 года, а рядом был по июль 1951 года. Сначала по 501-ой стройке (поселок Абезь, Коми АССР), ведшей строительство Северо-Печерской железной дороги от Воркуты до Лабитнанги на Оби и которая должна была через Янов Стан, Ермаково выйти на Игарку... Будучи заключенным по 58-й статье (враг народа), Оболенский, несмотря на козни судьбы, самодурство лагерного начальства, некоторых офицеров из штаба управления стройки, особенно политотдельцев, оставался самим собой, таким, каким его воспитала родная довоенная среда, люди его круга»

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Конечно, и Барабанов был полон коммунистических грёз и идеалов, но это не мешало ему быть человеком терпимым и понимающим по отношению к людям, которых таковыми, т.е. людьми, не нужно было считать. Да и можно понять, что для него это было просто опасно. По прошествии многих лет на похороны Барабанова в Москву приехали очень многие бывшие заключенные Печорлага, «503-й Стройки», с Волго-Дона и Дальнего Востока. Не каждый начальник ГУЛАГа удостоивался такой чести. Одним из детищ Барабанова был театр, труппа которого была собрана из артистов, брошенных по разным причинам в сталинские лагеря. Под разными названиями фигурирует он в публикациях: «Театр заключённых», «Крепостной театр», «Театр на болоте»... Всё это вспомнилось, всё по-особому зазвучало здесь, среди ермаковских топей и заброшенных лагерных городков. ...После привала решили обследовать другие здания. Шли по главной аллее, заросшей травой и кустарником. По сторонам располагались бараки.

Первое здание слева, хорошо сохранившееся, выше всех бараков — водонапорная башня. Пройдя прямо несколько метров по оставшимся кое-где ступеням, спускаемся к очень длинному зданию, которое являлось и клубом, и столовой одновременно. Прямо напротив входа окно раздачи, далее огромное помещение с двумя рядами арочных колонн. За колоннами располагались столы, а во время театральных постановок, показа фильмов (на стене мы видели окошечки кинобудки) или торжественных мероприятий ставились скамейки. Длина зала около 20-25 метров, в конце виднеется сцена, за которой еще одна комната с выходом на сцену, видимо для артистов.

Владимир МИКУШЕВИЧ

«ТЕАТР НА БОЛОТЕ»

Юсуфу Аскарову (актёру стройки 503)

Над лесом всполохи
Лоскутьями флага.
На сцене эпохи -
Актеры Гулага.
Здесь разные стили.
Опошлена мода.
Святые прослыли
Врагами народа.
А хитрый виновник
И гений раздора,
Седой уголовник,
Играл прокурора.

На лесоповале,
Где смерть повсеместно,
Рабы забывали,
Что подло, что честно.
Но даже в бараке,
Под властью Прокруста,
Во льдах и во мраке
Царило искусство.

Сибирь не теплица,
Где копятя краски.
Разрушатся лица.
Останутся маски.
Среди эпитафий,
Нечётких от боли,
От всех биографий
Останутся роли.

Пусть лидер сменился
На дикой охоте,
Ещё сохранился
Театр на болоте.
Ещё одержима
Душонка статиста
Приманкой режима
И жестом артиста.

ЗЕЛЕНКОВ Дмитрий Владимирович
Биографическая справка

Зеленков Дмитрий Владимирович, 1909 г.р., уроженец Петербурга, потомок Лансере по мужской и Бенуа по женской линии. Театральный художник, попал в плен в начале блокады Ленинграда. Был в концлагере в Финляндии. В конце войны возвращен в СССР. От границы пересадили в теплушки и привезли в Московскую пересылку. 15.02.1945. Арестован. 17.04.1945 ВТ Московского ВО осужден на 10 + 5 п/п. Срок отбывал в Загорске. Весной 1948 попал в Абезь (стройка 501), вскоре попал в лагерьный музтеатр в Игарке. Покончил жизнь самоубийством в начале сентября 1950 года, в Ермаково. Похоронен под номером Г-20.

О Зеленкове

(Р. ШТИЛЬМАРК, роман «Горсть света»):

«...Когда публика, потрясенная красотой декораций в пьесе «Раскинулось море широко», устроила талантливому художнику Д.В. Зеленкову десятиминутную овацию, выкрикивая его имя, известное стране, тупица из политотдела запретил ему выйти и поклониться со сцены. Позднее, уже после разгона актерской труппы, во время спектакля в поселке Ермаково, когда до освобождения оставалось всего 11 месяцев, он повесился. Видимо, он невысоко расценивал перспективы своего раскрепощения из гулаговских уз, предвидя их смену узами новыми, может, чуть более тонкими, но зато не менее прочными! Говорили, что сыграла свою роль неизбежная в таких ситуациях «ля фамм» в лице некой вольной, т.е. «первой», молодой красавицы, дочери ответственного лица, попросту запретившего ей даже упоминать имя заключенного художника, бывшего, как утверждали, предметом её надежд и высоких чувств...»

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА (из фондов «Музея вечной мерзлоты»)

ЮХИН Леонид Иванович (актёр стройки 503):

«Теперь насчет Зеленкова Димы. Наш театр Абезьский был на гастролях в Котласе. В Котласе была пересылка, и на эту пересылку привезли заключенных из России, и в том числе Зеленкова. Это был примерно 1947-1948 гг. И мы его сразу взяли в театр. Это был очень хороший художник. Он тут же оформил «Последнюю жертву» и ряд спектаклей. Очень хорошо оформил! Потом мы переехали в Игарку. И взяли его с собой, конечно. У нас было два театра. Мы проработали месяц в Игарке, и оперетта уехала в Норильск на гастроли, а мы, драма, в Ермаково. Разделили нас. И Дима Зеленков поехал с нами, потому что директор был Алексеев в драме. Ну и, конечно, своя рука владыка, поэтому он лучших взял себе. Ванда Антоновна Савнор приехала к сосланному мужу (она актриса), и ей поручили в Ермаково держать

самодеятельность. Вот там Дима был вместе с Вандой Антоновой. Она следила за ним, потому что уже разговор пошёл и все знали, что он хочет покончить жизнь самоубийством. Его все время берегли и смотрели за ним. И просмотрели.... Как-то она вышла куда-то, а он пошёл в туалет и повесился... Вот то, что знаю я. Но Ванда Антоновна знает больше меня, потому что я-то был отправлен в спецлагерь в Тайшет, а она оставалась там как вольнонаемная».

ОКИНИНА Кристина:

В Библиографическом словаре «Художники народов СССР», том 4-й, книга 1-я, о Зеленкове Д.В. пишется, что он умер в 1952 г. в Ленинграде. Будучи в экспедиции, а затем, читая отзывы очевидцев, мы узнали, что Зеленков Д.В. покончил жизнь самоубийством за девять месяцев до освобождения из лагеря и похоронен в Ермаково. Общество «Мемориал» г. Красноярска подтвердило наше заключение. Совершая экспедицию, наша группа не смогла найти могилу Д.В. Зеленкова, и это остается задачей следующей экспедиции в ГУЛАГ. Работая с архивными документами в «Музее вечной мерзлоты», мы видели и справку о реабилитации Зеленкова Д.В. Среди заключённых находился, тогда ещё никому неизвестный будущий писатель, Штильмарк Роберт Александрович.

РИДЕЛЬ Алиса:

Штильмарк Роберт Александрович

Однажды, после очередной прочтенной мною книги, мне вдруг захотелось прочесть что-нибудь захватывающее, где было бы достаточно приключений. И тут мама предложила мне книгу «Наследник из Калькутты» Роберта Штильмарка. Прочитав её, я узнала как и где был написан роман. Роберт Александрович писал роман на «503 стройке», где отбывал срок «за болтовню». Он признал на допросах свою вину в том, что обозвал какое-то из новых изданий Москвы «спичечным коробком» — срок десять лет! Из которых фактически отбыл восемь и ещё три на поселении... Прибыл он в лагерь, встречающий сразу поинтересовался: «Не писатель ли?» Роберт Александрович испугался, на что встречающий ответил: «Вам здесь будет неплохо». Позже за ним прислали — главный хотел поговорить. Звали его Василевский Василий Павлович. Он попросил написать роман, ссылаясь на нехватку времени и недостатки своего мастерства. А потом добавил, что подпишет роман своим именем. Для чего он нужен, Василий Павлович не сообщил. Затем поставил условия, которым должен следовать Роберт Александрович: пусть это будет не Россия, и не ближе, чем 200 лет назад, и чтобы интересно было читать, чтоб трогательно... Чтоб ребеночка крали, для трогательности. И ещё должно быть страшное, чтоб за душу брало. Пусть обязательно будет охота на льва! Только тогда Роберт Александр-

рович узнал, что пишет роман для Сталина. Писатель согласился. Его поселили в бане. Работать начал 17 мая, писал по шесть часов в день, потом по двенадцать, потом доходило до двадцати. Надо сказать, что жизнь ему выдалась непростая, пол был мёрзлый, спать приходилось страшно мало, но это ничего по сравнению с жизнью работавших на трассе. Роман уже в процессе создания нашёл слушателей. Читал роман Роберт Александрович, главу за главой, обыкновенным заключённым. В конечном счёте, 15 июля 1951 года, т.е. через год и два месяца, роман был готов и получил название «Наследник из Калькутты», ставший бестселлером 60-х. Весной 1953 г. автор освобожден из заключения.

Снова кружим по зоне

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Далее (из зала направо) мы прошли на кухню, определили это по трем огромным котлам, стоящим на длинной печке. Котлы заполнены водой, либо набежавшей дождевой, либо от растаявшего снега, но поражает крепость котлов, как они не лопнули в морозы, которые здесь доходят до — 60?. Рядом со столовой наткнулись на мусорные баки, сделанные из досок. Блуждали долго в зарослях, пока нашли на возвышенности небольшое здание. Костя Шилимаев попытался войти в него по разваленному крыльцу и провалился. Решили обойти здание и осмотреть его через окна. Из пояснений Резникова Л.Т. поняли, что это здание больницы. Здесь нами были найдены ампулы с лекарством, в основном, от брюшного тифа, аннотации к различным лекарствам, «ядовитая бумага для мух» и множество пробирок. В комнате стояли только нары и печка. Рядом с баракom осталась натянутой колючая проволока и стоит полуразваленная вышка. Перед крыльцом здания спилено несколько деревьев. Леонид Тимофеевич рассказал, что их спилили иностранцы, которые здесь снимали фильм «Поезд смерти» (чтобы лучше было снимать здание издалека). Он, как фотограф, сопровождал съёмочную группу и рассказал много интересного. Наша поисковая группа смотрела этот английский фильм по местному игарскому телевидению — несколько лет назад продюсер присылал видеокассету для показа.

КАУНЧЕНКО Света, СТАРОСТИНА Лена:

В 1999 году съёмочная группа английских кинематографистов «Октябрь филмс» работала на трассе стройки № 503, снимая фильм «Поезд смерти». По всем странам прошла мировая премьера этого фильма, кроме России. Почему? Фильм сопровождается воспоминаниями очевидцев и строителей «Мертвой дороги», но не с 503-й стройки, а с 501-й. Они рассказывают о жизни в лагпунктах от Селехарда до реки Пур, говорят о страшном голоде, который сопровождал их от первого и до последнего дня пребывания в лагерях, о бесчеловечности

конвоиров, о ледящем душу холоде от нехватки тёплой одежды. Мы же, изучая материал, столкнулись с разными фактами. По воспоминаниям Салангина, заключённого 503 стройки, они были одеты в ватные телогрейки, брюки, маски, чтобы не обморозить лицо. Подъём был в 6 утра. Отбой в 22-23 часа. Спали на матраце, набитом сеном. Укрывались серым суконным одеялом, а под головой были ватные подушки с наволочкой. По мнению Салангина, заключённые на 503-й стройке жили лучше, чем сейчас пенсионеры. А Еремеева Мария Васильевна вспоминает: «Зачастую нам, вольнонаёмным доводилось покупать у осуждённых излишки продуктов». Мария Васильевна не верит, что в Ермаково был голод и недоедание в 1952 году. Об этом говорят и другие бывшие заключённые, в том числе и Басовский Василий Дмитриевич. Он вспоминает: «Кормили нас хорошо, за перевыполненную норму давали дополнительный паёк. Заключённые получали заработную плату, сначала полностью, а потом по 50%, а другую половину откладывали на книжку. Некоторые выходили из лагеря с приличными деньгами на руках. Мне давали зарплату 3-4 раза в месяц (перевыполнял норму)». Строители с объекта № 501 говорят, что дорога построена на человеческих костях. «Раз это так, если это не выдумки, то покажите мне эти кости», — запальчиво говорил нам Басовский Василий Дмитриевич, сам бывший зэком на 503-й. Может, именно из-за какого-то несоответствия исторических фактов или какой-то предвзятости этот фильм и не демонстрировался в России? Нам пока здесь не всё понятно.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Спустившись ниже, зашли еще в одно здание, не барачного типа. Узенький коридор тянулся по всей длине здания, из него можно было попасть в отдельные комнатки-кабинеты. Напротив входа комната с множеством вешалок. Сразу определили, что это административное здание, а найдя в одной из комнат аннотации к медикаментам и ампулы с лекарствами, мы решили, что это была амбулатория или медпункт (т.е. небольшая поликлиника для вольно-наёмного состава). В одной из комнат обнаружили достаточно прилично оборудованный туалет и умывальник.

ГЛУШКОВА Виолетта:

В «Музее вечной мерзлоты» есть копии материалов из Ярославского областного государственного архива, где мы нашли много интересного и ещё нигде не публиковавшегося. Например, я попыталась проанализировать таблицы «Трудопотери» из отчёта по 503 стройке за 1951 г. На начало этого года на трассе работало 28 395 заключённых, в декабре их было 14 273 (потому что рабочую силу постоянно перебрасывали, некоторые заключённые освобождались или отправлялись в ссылку, на поселение). Смертность за год по официальным данным

составила 131 человек, т.е. в среднем 11 человек в месяц. Но смертность постоянно снижалась (от 18 человек в январе до 2 в декабре). Это можно объяснить по данным документа тем, что врачи старались выявить причины болезней, даже вызывали бригаду из Красноярского Института Эпидемиологии и микробиологии, что вероятнее всего и помогло определить болезни. По рассказам В.Д. Басовского и других бывших заключённых Стройки 503 их каждый день в обязательном порядке заставляли пить отвар хвои перед едой.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Следующее осмотренное нами здание — баня. В окна мы увидели огромные деревянные бочки, сделанные, как и обычные бочки, и стянутые огромными металлическими обручами. Последнее, что мы увидели в лагере — отдельное небольшое здание — карцер. Небольшие комнатки с металлическими решетками и деревянным ведром в углу вызвали у нас очень неприятные чувства.

ИВАНЦОВА Тамара:

Группа пошла по тропе, где нас ждали сопровождающие. Леонид Резников с несколькими людьми хотел найти кладбище, где мог быть похоронен Д. Зеленков, но не нашёл...

КАУНЧЕНКО Света:

Когда мы вернулись обратно к костру, все стали собираться. Все упаковались, и мы двинулись к речке Барабанихе (к катеру мы должны были ехать на лодке) с одним провожатым, другой с несколькими из нашей группы пошёл искать кладбище заключённых. Мы долго продирались через кусты и, наконец, подошли к дереву, где договорились встретиться с «искателями кладбища». Мы немного постояли, ещё немного и ещё, потом решили сфотографироваться возле большого дерева, что мы с радостью и сделали.

Снегопад. Возвращение

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Вернулись к оставшимся у костра, и пошли к реке Барабаниха, так как возвращаться с нашим проводником мы должны были по трём рекам. Вначале по Барабанихе, которая впадает в Ермачиху, а та в Енисей. Уже было около семи вечера, когда мы спустились к реке. Валил сильный снег. Решили вначале отправить детей.

РИДЕЛЬ Алиса:

Время шло к вечеру, и мы решили пойти обратно. Так как идти было далеко, то нам пришлось сплавляться по реке на лодке. Но до реки нужно было ещё дойти. Рыбак-проводник повёл нас через деревья к реке, на

которой уже нас ждала лодка. Нас (7 человек) посадили в неё, и рыбак на лодке повёз (на вёслах) по реке Барабанихе. Она была не без опасностей. Свисающие ветки мешали нам плыть. Наконец, мы достигли плавучего дома, который располагался на двух баржах. Рыбак затопил печку и угостил нас рыбой, котлетами и холодцом и поплыл за остальными. Позже уже другой рыбак увёз нас на своей лодке «казанка» (вместительностью четыре человека, а вошло девять) к катеру. Потом подплыли учителя.

КАУНЧЕНКО Света:

В лодку загрузились семь человек детей, взрослые остались ждать второго рейса. Нас повёз наш провожатый. Ехать пришлось без мотора опять-таки через кусты, и в конце концов моя куртка из жёлтой стала жёлто-коричневой.

ИВАНЦОВА Тамара:

Лодка зацеплялась за ветки, они были сильно опущены. Когда мы проплыли Ермачиху, лодка вышла на Енисей. Мне стало жутко. Пошёл снег. Берега были намного отдалены друг от друга. От снега стоял будто туман. Мужчина грёб вручную.

ЯКИМОВА Аня:

Сергей повёл нас в свою лодку «Щука». В лодку помещалось 6 человек, поэтому пришлось сделать 2 захода. Речка была узкая, но глубокая. Барабаниха имела много изгибов и впадала в р. Ермачиху. Плыть было страшновато. Но вскоре мы увидели дом на плаву, в котором нас высадили. Растопив печку, мы погрелись. Угостив нас рыбой, Сергей отправился за учителями. Через 20 минут приплыли наши учителя. Они очень замёрзли.

ИВАНЦОВА Тамара:

Детей посадили на лодку и отправили, а взрослые остались ждать на берегу. Ах, они, бедные!

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

Началось долгое ожидание. Смеркалось. Развели костер, но и огонь не согревал. Снег продолжал валить. Полтора часа ожидания, конечно, дались нам нелегко, так как мы не знали, дошла ли лодка с детьми. Но все обошлось. Пришла лодка и мы, укрываясь от свисавших над водой веток и вздрагивая на крутых поворотах (Барабаниха — река, действительно, очень коварная), вздохнули с облегчением, оказавшись на широкой, но более спокойной Ермачихе. На барже, где жил один из проводников и хозяин одной из лодок, нам радостно махали руками дети. Их уже обогрели и обсушили, накормили котлетами, и они были готовы к следующему переезду.

ИВАНЦОВА Тамара:

Вскоре привезли взрослых. Потом мы опять оделись и поплыли к катеру, примерно 5 км. Все снова со смехом и криком вошли в каюту.

ЯКИМОВА Аня:

Посадив нас в другую лодку, Г.И. Усольцев повёз нас на катер. По пути мы видели плавающих уток. А вот и катер. Работники помогли нам подняться на палубу. Мы были очень рады своему возвращению. Несмотря на то, что мы устали, нам было интересно посмотреть записи на видеокамеру. После прихода учителей организовали ужин. Обсудив нашу поездку, легли спать.

ШИЛИМАЕВ Костя:

Каюта, которая раньше нам казалась маленькой и неудобной, после долгого путешествия показалась нам самым уютным местом.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

На двух лодках, под сильным снегопадом, мы добрались до катера «Кварц». Покормив детей, успокаивать нам их уже не пришлось. Все сразу уснули. Отплыли из Ермаково утром, в 7 часов. В 1 час дня были в Игарке. Поблагодарив экипаж, довольные поездкой, радостные и веселые дети расходились домой.

ЯКИМОВА Аня:

Проснувшись на следующий день, группа «Поиск» не хотела возвращаться домой. Всем нам очень понравилась эта поездка. Спасибо всем огромное.

РИДЕЛЬ Алиса:

Нам сообщили о том, что ночь мы проведём в Ермаково. Утром в 10 часов мы проснулись и отправились в рубку, смотреть на Игарку. Команда угостила нас рябиной и разрешила посмотреть в бинокль. На берег мы высадились в первом часу. Полчаса ждали машину, но она так и не появилась. В конце концов мы решили идти пешком. Полные впечатлений, мы разошлись по домам. Я ещё долго буду вспоминать поездку в Ермаково.

Послесловие

«В 1953 году стройка была приостановлена, а в 1954 году официально ликвидирована. Большая часть техники и материалов была брошена в заполярной глухомани. Лаггородки опустели. По свидетельствам очевидцев, эмгэбэшники, считая политическую оттепель недоразумением, тщательно консервировали лагеря и запечатывали ворота

зон особыми пломбами: авось еще пригодится...» «В конце 1955 года с трассы уже «мертвой» дороги ушли последние колонны бывших ее строителей. Около 700 км железной дороги, работавшей в режиме рабочего движения, почти 600 км земляного полотна остались один на один с безмолвием полярной тундры. Опустели многочисленные барачные поселки. На их высоких, забитых навсегда воротах, на паровозах и вагонах, сгрудившихся на берегу реки Таз и Енисея, на складах, с оставленным без использования материалом, была сделана короткая, как предупреждающий окрик, но уже никого не пугавшая надпись «Стой! Собственность МВД СССР».

В наступившем, 2003-м, году отмечается двойная дата — 55-летие начала строительства № 501-503 и 50-летие консервации стройки. Проблему сохранения исторического памятника уже давно обдумывают работники краеведческого комплекса «Музей Вечной мерзлоты». Мы побеседовали с руководителем проекта, директором музея Марией Вячеславовной Мишечкиной. Вот конспективное изложение этого интервью.

Цель проекта заключается в увековечении памяти о строительстве железной дороги «Салехард-Игарка» (объект № 503 ГУЛАГа), о человеческом труде и человеческих жертвах, о создании музейного комплекса, имеющего исторические памятники и объективные документальные свидетельства о строительстве дороги, законсервированной, а позже заброшенной вовсе. Программа включает несколько этапов: — исследовательские работы, обработка архивных данных, встречи с очевидцами. Но материала было подготовлено намного больше, чем для предполагавшегося каталога экспозиции, поэтому в издательстве «Гротеск» вышла книга «Стройка № 503. Документы. Материалы. Исследования» (тиражом 3000 экземпляров); — экспедиционные работы с целью изучения расположения лагерей, поиска захоронений; — проведение аэрофотосъёмки лагпунктов на трассе, доставку в Игарку паровоза, изготовление памятных исторических знаков. Конечно, гранта Президента РФ, полученного музеем в 1998 г. на конкурсной основе и практического уничтоженного августовским дефолтом, недостаточно было для реализации этих задач, а городской бюджет, как всегда для таких мероприятий, оказался пуст. Поэтому реализована была только часть проекта, то, что смогли сделать своими силами и при помощи организаций-партнёров в разных городах России и даже за рубежом. Кстати, все туристические пароходы останавливаются в Ермаково — для прогулки, но лишь одинокий деревянный крест напоминает о людях, умерших в этих местах. Умерших во имя чьей-то идеи, погибших по чьему-то произволу. Необходимо создание какого-либо знака, поясняющего людям, что это за места, чем они памятны. Мы стоим у пропасти беспамятства, но ещё страшнее другая проблема — история «мертвой дороге», обрастает легендами. Взять, к примеру, фильм английских авторов

«Поезд смерти» (1999 год). Участники группы «Поиск» тоже ведь не сразу увидели именно легенду в этом фильме. Причём, легенду больше политическую или политизированную, чем документальную. Или, например, экспедиции газеты «Московский комсомолец», корреспонденты которого просто вывезли из ГУЛАГа очень многие предметы, а к фактам и событиям отнеслись очень поверхностно. Все исторические события должны иметь конкретное историческое лицо, а забытые и заброшенные или оставленные без присмотра, как показывает практика тысячелетий, имеют обыкновение оживать в самый неподходящий момент, и возвращаться...

ЯКИМОВА Аня:

Экспедиция, в которой я участвовала, оставила незабываемые впечатления. Это был и поход на природу, и встреча с историческим памятником «503 стройки», о котором так много слышала, и который так и хочется назвать «мёртвый город». Лагерь оставил в душе страх и интерес. Страх от стоящих как бы в готовности бараков принять новых жильцов. Интерес — возможность увидеть все своими глазами: пачки папирос, лекарства, надписи на стенах, нары. После пятидесяти лет существования лагеря мы нашли, конечно, немного, но в беседах с очевидцами «мертвый город» как будто оживал, наполнялся событиями и людьми. Мои родители, родившиеся и живущие здесь, не имели такой возможности посещения «503 стройки» и постоянно расспрашивают меня об увиденном.

РИДЕЛЬ Алиса:

Мне запомнилось, как в светлой комнате на диване сидел старый больной человек — Басовский Василий Дмитриевич. Может, на вид он и обыкновенный пожилой человек, но в своем сердце переживал ту боль, те страдания, которые переживал, наверное, каждый заключённый Сталинской стройки. Мы очень долго не могли пробиться к нему, но после долгих усилий, нам всё же удалось взять у него интервью. Надо было видеть, с каким трудом давались Басовскому воспоминания о жизни на стройке. Порой он начинал морщиться и плакать. В его ясных глазах отчетливо читалась боль прожитых лет на каторжных работах. Порой, невольно начинаешь задавать себе вопрос: «А действительно ли было всё так плохо?» Да, но в некоторых лагерях объекта 503 были хоть какие-то условия (по рассказам Басовского, воспоминаниям Салангина и др.). Во время нашего визита был задан вопрос: «А хотелось бы вам снова — для экскурсии, побывать там?» Ответ не заставил себя долго ждать, Василий Дмитриевич произнес: «Да...» Спрашивая о дальнейшей его жизни, мы узнали о несостоявшемся трудовом ордене. Его не дали только потому, что Басовский был ранее судим и отбывал наказание на Стройке. Об этом Василий Дмитриевич говорить

дальше отказался, он просто махнул рукой и снова заплакал. После этого визита мы снова приходили к нему, но его дочь сказала, что он сильно болен и только что уснул. А через неделю мы узнали о его смерти. Обидно, что он так и не смог вновь пройтись по территории лагеря, вновь увидеть бараки, «те самые злосчастные бараки», что держали его в своих «когтях». Ведь это часть его памяти, часть его жизни, пусть не самая лучшая. Но со своей стороны мы сделали всё, что смогли, показав ему съёмку бараков и самого лагеря. Мы тоже будем это помнить.

КАУНЧЕНКО Света:

Сначала железная дорога, именуемая сейчас «Мёртвой дорогой», строилась для перевозки различных грузов в разные районы нашей страны, также предполагалось перевозить людей. В планах правительства, если верить прессе, было ещё строительство «перехода» через Берингов пролив из СССР в Америку. Дорогу поделили на два участка, 501-й и 503-й. Вблизи Игарки находился 503-й участок. Сейчас из всей «грандиозной» железной дороги функционирует лишь 501-й участок, и то частично. 501-й участок достроила какая-то организация, после того, как дорогу забросили. На строительство 501-го и 503-го участков бросили много «рабочей силы», т. е. людей (заключённых, ссыльных, наёмных реже наёмных), потратили очень много денег. Но после смерти И.В. Сталина проект закрыли. Я думаю, что после всех усилий, затраченных на «мёртвую» дорогу, нельзя её (дорогу) забрасывать просто так. Она могла бы служить для различных перевозок людей, грузов и т. д. по ВСЕЙ России.

СТАРОСТИНА Лена:

Стройка № 503 произвела на меня очень жуткое впечатление: рельсы, бараки, нары, собачий питомник. Было очень тяжело смотреть на это. Я представила себе жизнь заключённых в ГУЛАГЕ. Особое впечатление на меня произвёл карцер. Серые стены, решётки на дверях (наверно, это сделано специально для надзирателей, чтобы они могли наблюдать за происходящим в камере) и на окнах, параша, стоящая в правом углу возле двери, — это говорило о жизни, если её можно было бы так назвать, о ничтожном существовании. А когда мы сидели возле костра (взрослые и несколько ребят ушли обследовать территорию), и из-за спины слышали мужские голоса, мне показалось, что это идут надзиратели, но это были всего лишь рыбаки. У меня было ощущение, что вот-вот всё оживёт: пройдёт строй заключённых, идущих на работу, зазвучат голоса... Я считаю, что прожить там хотя бы несколько месяцев или несколько лет — это своеобразный «подвиг», который в те времена мог совершить каждый. Мы не должны допустить, чтобы это всё вернулось и повторилось.

ОКИНИНА Кристина:

После закрытия «503 стройки» в Ермаково участились экспедиции, которые собирали материалы об участниках этих событий, об их жизни, быте в те страшные годы. И эти «исследователи» увозили с собой очень ценные экспонаты. Теперь очень трудно найти, в каких городах они находятся. В этом разрозненном виде экспонаты не представляют особой ценности ни для музеев, ни для конкретных лиц. А для нашего «Музея Вечной мерзлоты» (отдела «503 стройки») они были бы хорошим дополнением к той картине, которую создали работники музея. Встречая в газетах сведения о «503 стройке», мы выяснили, что не все факты соответствуют действительности, что эту тему надо ещё глубоко изучать. Например: о численности задействованных в строительстве заключённых пишут — не менее 100 тысяч человек (а по архивным данным нашего музея — 40 тысяч). Справедливо пишут о жестокости режима ГУЛАГа, но получается, что «503 стройка» всё-таки отличалась в какой-то мере от других лагерей более человечными отношениями и т.д. Всё это ещё нужно тщательно изучать.

ЗАМЕТКА УЧИТЕЛЯ НА ПОЛЯХ:

До сих пор ребята с восторгом вспоминают нашу поездку и мечтают изучить дорогу дальше. Все найденные нами обрывки газет, пачки папирос, ампулы с лекарствами, аннотационные записки мы отдали в музей, в отдел «503 стройка», как и записи видеоматериала, сделанные детьми. Редко кому из игарчан удалось побывать в лагерях посёлка Ермаково, хотя многим, наверное, хотелось бы. И мы благодарны всем, кто помог нам осуществить эту поездку. Конечно, уже рушатся бараки в лагере, зарастают непроходимым кустарником. И нужно что-то делать, чтобы сохранить для потомков этот памятник истории как жестокий урок и назидание будущим поколениям. Уже нет пантеона Сталину в Курейке, спорного памятника, но неопенимого для истории. И, конечно, не хотелось бы терять и эту достопримечательность «503 стройки», которую имеют возможность видеть многие иностранные туристы, а из игарчан видели далеко немногие.

Полный текст с приложениями находится по адресу
memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/4/Putes/4/00.htm

Конкурс «Человек в истории. Россия – XX век»

От составителя. Мы сознательно убрали из условий номер конкурса год, оставив только месяц и число: конкурс проводится ЕЖЕГОДНО и, надеемся, будет проводиться еще очень долго. Чтобы получить сведения об очередном конкурсе, обращайтесь к региональному координатору.

**Международное историко-просветительское
и правозащитное общество «Мемориал»,**

Международный благотворительный

фонд имени Д. С. Лихачева,

Союз краеведов России,

Кафедра региональной истории и краеведения Российского государс-

твенного гуманитарного университета,

агентство образования

администрации Красноярского края

объявляют

ЕЖЕГОДНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС

ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ

РАБОТ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. РОССИЯ – XX ВЕК»

Общая тема конкурса – Судьба человека в российской истории XX века. Она может быть конкретизирована в одной из более частных тем:

— **Человек в пути: миграции, переселения, депортации**

— **Личность и общество**

— **Человек и власть**

— **Человек и малая родина**

— **Свои – чужие: другая национальность, другая религия, другие убеждения**

— **Человек, общество, армия**

Работа может быть посвящена и любой другой теме, отвечающей общей идее конкурса.

Цель конкурса – побудить молодых людей заняться самостоятельными исследованиями, посвященными российской истории минувшего века.

Взаимоотношения личности, общества и государства – огромная и разнообразная тема, которая заставляет задуматься над тем, что значит в нашей сегодняшней жизни свобода, право, человеческое достоинство. Молодые исследователи, которые столкнутся с этой проблематикой, не должны ограничиваться простым описанием механизмов, посредством которых государство осуществляло свою власть над отдельным человеком

и над страной в целом. Не менее ценно найти свидетельства того, как люди отстаивали свою гражданскую и духовную свободу.

Важно, чтобы будущие участники конкурса обратили внимание на тему Свои – чужие, на тех, кто живет или жил рядом с вами и принадлежит к другой национальности, к другой религии, придерживается других взглядов. Какова степень понимания и терпимости по отношению к этим людям? Работая над этой темой, постарайтесь изучить исторические корни проблемы: кто и при каких обстоятельствах оказывался «чужим» в вашем городе или деревне – в ту или иную эпоху.

Удачной и интересной может также стать работа, в которой прослеживается история какого-либо здания, памятника, улицы, или, например, экспоната краеведческого музея. Предметом исследования также может стать и какое-либо значимое событие из прошлого вашего города, поселка или деревни, представленное в рассказах очевидцев, дополненных архивными документами и публикациями. Однако и в подобных работах должно быть выполнено главное условие конкурса – улицы, здания, памятники должны быть связаны с конкретными человеческими судьбами.

В рамках основных направлений конкурса предлагается также тема – Гражданин и армия, объявленная при поддержке Европейской Комиссии в РФ. Эта тема призвана привлечь внимание конкурсантов к изучению прошлого и настоящего российской армии, содействуя воспитанию в сегодняшних молодых людях сознательного отношения к одной из непростых тем в жизни российского общества.

Три конкурсные работы, посвященных судьбе человека в XX столетии (вне зависимости от выбранного направления исследования) будут награждены специальной премией им. Василия Гроссмана, учрежденной Исследовательским Центром «Жизнь и судьба» (Италия, Турин). Василий Гроссман – один из крупнейших российских прозаиков XX века. Главная тема его произведений – жизнь и судьба российских людей – наиболее близка задачам нашего конкурса.

Максимальный объем исследовательских работ, присылаемых на конкурс, не ограничен. Жюри не оценивает работы объемом в 3–4 страницы, а также работы, не отвечающие теме конкурса. Работа может быть оформлена как научная статья или записанный и прокомментированный участником конкурса рассказ свидетеля исторического события. Это может быть история чьей-либо жизни или история семьи, основанная на воспоминаниях, семейных документах, фотографиях.

Исторические источники, на которых строится конкурсная работа, могут быть самыми разными: устные свидетельства, материалы (в том числе и кинофотодокументы) домашних и государственных архивов, дневники, воспоминания, статьи, подшивки старых газет и т.д. Однако, если вы хотите добиться успеха, необходимо, чтобы все документы были тщательно прокомментированы и подвергнуты критическому анализу. Это, собственно, и есть главный критерий оценки работы, хотя

жюри, без сомнения, отметит найденный новый ценный исторический материал и умение участника конкурса излагать свои мысли.

Мы будем приветствовать удачные поиски новых форм, например, в видео- или электронных вариантах. Работы, присланные в электронном виде, должны обязательно сопровождаться полным текстом на бумажном носителе. К фильму должен прилагаться сценарий. Лучший видеофильм будет отмечен специальным призом жюри.

Работы на конкурс обязательно должны быть снабжены **титulyным листом**, где следует указать:

фамилию, имя и отчество автора (полностью),
адрес автора и школы с почтовым индексом,
класс и номер школы, телефон (автора и школы).

Если работа выполнена под чьим-либо руководством, просим вас указать фамилию, имя, отчество и должность руководителя (полностью). Не забудьте о библиографии: все источники, которыми вы пользовались и на которые ссылаетесь, следует в ней отразить.

Желательно присылать два экземпляра работы, набранные на компьютере (просим не присылать ксерокопии рукописных работ).

Документы, фотографии, аудио- и видеозаписи (если только основной работой не является сделанный вами видеофильм) служат лишь приложением к тексту.

Участники конкурса: приглашаются учащиеся общеобразовательных учреждений и учреждений среднего профессионального образования России в возрасте от 14 до 18 лет. Работа может быть выполнена как индивидуально, так и коллективно. Если в качестве наставников начинающих исследователей выступают учителя, родители и даже профессиональные историки, это будет только приветствоваться. Единственное условие: роль руководителя и степень его участия должны быть обязательно отражены в соответствующей записи в работе. Работы, выполненные коллективно, должны быть снабжены кратким описанием истории их создания, чтобы жюри могло оценить вклад каждого участника.

Срок отправки работ на конкурс – до 10 января (по почтовому штемпелю).

Подведение итогов. Результаты конкурса будут опубликованы в мае года. Авторы 40 лучших работ пригласят в Москву для подведения итогов конкурса. Лучшие учителя, отмеченные жюри, также будут приглашены в Москву на церемонию награждения победителей в мае года. По решению жюри и оргкомитета конкурса 5 победителей получают возможность поехать в международные школы лауреатов исторических конкурсов.

Наставники, активно участвовавшие в конкурсе, осенью года будут приглашены в Москву для работы в научно-практическом семинаре.

Авторы работ, вышедшие в финал, будут награждены книжными подарками, которые будут высланы по почте.

Присланные на конкурс работы после подведения итогов не возвращаются и будут храниться в специальном архивном фонде, открытом для всех желающих (оставляйте себе копии!). Лучшие работы могут быть опубликованы полностью или фрагментарно в ежегодном сборнике «Человек в истории», в периодической печати и Интернете на безгонорарной основе.

Конкурс проходит при поддержке Правительства Москвы, фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Фонда Кёрбера и сети европейских исторических конкурсов Eustory (ФРГ), Исследовательского Центра «Жизнь и судьба» (Италия, Турин), Фонда Фридриха Науманна (ФРГ), радиостанции «Серебряный дождь», журналов «Отечественные записки», «Знание — сила» и «Преподавание истории в школе».

Запрос на получение методических и информационных материалов в помощь участникам конкурса можно присылать до 15 ноября (материалы высылаются бесплатно).

Запросы на методические материалы (до 15 ноября) и работы (до 10 января) присылайте по адресу:

Россия, 127051, Москва, Малый Каретный переулок, 12, Международный Мемориал, «На школьный конкурс»

Тел.: (495) 699-65-04 (с 12.00 до 18.00)

Факс: (495) 609-06-94

E-mail: konkurs@memo.ru

<http://www.konkurs.memo.ru>

Информация о региональном координаторе

В Красноярском крае и Республике Хакасия организацией конкурса занимается Красноярское общество «Мемориал». Региональный координатор конкурса по Красноярскому краю — Алексей Андреевич Бабий:

e-mail: memorial@maxsoft.ru, тел./факс (391) 265-13-85), ул. Урицкого, 61 (Дом науки и техники), к. 4-27.

Вы сможете получить методические материалы, консультации, ознакомиться с работами победителей, поработать с архивом Красноярского общества «Мемориал», получить компакт-диск для учителей истории.

Важно: если вы не успели отправить работу до 10 января, не отчаивайтесь — ее можно до конца января передать непосредственно региональному координатору. Он отвезет работы в Москву в начале февраля.

Важно: Просим обязательно выслать региональному координатору электронную копию работы для опубликования на сайте www.memorial.krsk.ru. Это можно сделать по электронной почте memorial@maxsoft.ru (тема письма должна быть: МЕМОРИАЛ — ШКОЛЬНЫЙ КОНКУРС), или прислать дискету или компакт-диск обычной почтой на адрес 660049, Красноярск, а/я 25491, Бабий Алексей Андреевич. Бумажную копию координатору можно не посылать.

Содержание		
Не академик, не герой, а просто плотник... 3		
Розалия Лёвина, Оксана Козлова. «И всё на свете...» 5		
Людмила Котиева. Спецпоселенцы в Туруханском районе Красно- ярского края 22		
Ирина Губанова. Войною не был сломлен дух		48
Дмитрий Калюга. Колокол памяти стучит в мое сердце		67
Жанна Богдашина. С чего начинается Родина 78		
Дмитрий Кардаш. Взгляд из прошлого в будущее		89
Евгения Косолапова. Солдат неведомого фронта: герой или жертва? 107		
Владислав Моисеев. Не подвластно времени		117
Екатерина Николаева. История моей семьи в истории моей страны 122		
Артем Сметанин. Сибирское село – годы коллективизации		129
Вера Риттер, Надежда Чуешова . Никто не забыт ?!		140
Екатерина Подоличенко. Война и люди		163
Мargarита Рудник. Судьбы моих родственников в российской истории XX века 176		
Екатерина Сергиенко. В далекой сибирской глубинке		206
Нодар Узарашвили. История клана Узарашвили в зеркале истории грузинского и русского народов		220
Ирина Филиппова. Условия жизни польских детей-сирот на территории Минусинского района в военное время 231		
Александр Фиськов. Это был цвет села		244
Екатерина Герасимова. Восторг и фальшь человеческой души 265		
Анастасия Перевалова, Светлана Тихонова. Средства деморализации военнопленных в нацистских стационарных лагерях во время Второй Мировой войны 279		
Аюб Баштаров. Мы связаны одной судьбой 294		
Группа «Поиск». Путешествие в историю		317
Конкурс «Человек в истории. Россия – XX век»		347

